

Суть времени

Сергей Кургинян

Суть времени

ТОМ 3

*Философское обоснование
мессианских претензий России в XXI веке*

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

УДК 327.56

ББК 66.4(0)

К93

Кургинян С.Е.

К93 Суть времени. В 4-х томах – М.:МОФ ЭТЦ, 2012.

ISBN 978-5-7018-0523-9

Том 3. – 2012. – 364 с.

ISBN 978-5-7018-0526-0

«Суть времени» – это цикл видеолекций Сергея Кургиняна, политического и общественного деятеля, режиссёра, философа и политолога, президента Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр». Лекции транслировались в интернете с февраля по ноябрь 2011 г. на сайтах www.kurginyan.ru, www.eot.su.

Необычный, интеллектуально глубокий и острый, эмоционально окрашенный и несущий яркий отпечаток личности автора, этот цикл лекций вызвал огромный интерес аудитории и стал «стартовым толчком» и одновременно концептуальной основой для формирования виртуального клуба сторонников С.Кургиняна «Суть времени».

В книге «Суть времени» собраны стенограммы всех 41 лекций цикла. В каждой из них – размышления Сергея Кургиняна о сути нынешнего времени, о его метафизике, диалектике и их отражении в ключевых аспектах актуальной российской и глобальной политики. Центральная тема цикла – поиск путей и механизмов выхода из системного глобального общечеловеческого тупика во всех его измерениях: от метафизического до гносеологического, этического, антропологического. И, как результат, тупика социально-политического, технологического и хозяйственно-экономического.

Автор, показывая контуры этого тупика и подчеркивая необходимость понимания всей глубины, сложности и трагичности нарастающих проблем, доказывает, что именно Россия, в силу особенностей своей исторической судьбы, сохраняет шанс на то, чтобы найти и предложить миру выход из тупика. Но реализовать шанс возможно лишь в том случае, если для «критической массы» активных людей с общим глубоким пониманием проблем это станет высшим смыслом жизни и деятельности.

Идеи С.Кургиняна нашли отклик, виртуальный клуб «Суть времени» разрастается в широкое общественное движение «Суть времени». И на наших глазах становится реальной политической силой.

УДК 327.56

ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-7018-0526-0 (т.3)

ISBN 978-5-7018-0523-9

© Сергей Кургинян, 2012

© ЭТЦ, 2012

21 июня 2011 года

Выпуск №21

На этом этапе нашего интеллектуального и политического марафона хотелось бы очень доверительного разговора. Даже не знаю, возможен ли сейчас такой доверительный разговор. Но, поскольку он очень нужен, я все-таки попробую его начать – с глубокой надеждой на то, что это получится.

Некоторые из тех, кто очень внимательно смотрит передачу «Суть времени», реагируют на это понятным, но уж слишком простым и прямолинейным способом. Они говорят: «Вот Вы говорите о каких-то там повреждениях. Считаете, что те, с кем Вы разговариваете, повреждены. А это значит, что Вы стоите в позе высокомерия, смотрите на нас, как на какой-то поврежденный материал, и назидаете по поводу того, как именно этот материал должен исправляться».

По-моему, это не честно. По-моему, все, кто обладает хоть какой-то психологической чувствительностью, понимают, что я разговариваю не с позиций невероятного высокомерия и не с позиций обладания некой абсолютной истиной, которая глядит в долину, видит, как там что-то копошится, и пытается как-то этим манипулировать.

Я разговариваю с позиций настоящей человеческой боли за то, что происходит, за то, что сделано с людьми. Ведь с ними действительно что-то сделано в ходе так называемой перестройки, когда с невероятной силой было разгромлено их Идеальное.

Когда, в ответ на этот разгром, люди действительно поддались. Когда потом произошли криминализация страны и создание преступного класса-монстра, который теперь беспощадно пожирал страну и обязательно дождет ее до конца, если что-то не сделать. Я не назидая, я делюсь с другими своей болью и своим пониманием ситуации – и не более того.

Когда я заговорил о «кривой козе», на которой русские «ехали» столетиями, в ответ вдруг начался возбужденный разговор: «Что за кривая коза? Почему такой неопрятный и некрасивый образ? Лучше Конек-Горбунук или какой-нибудь огнедышащий конь...»

Ну что на это можно ответить? Мы с вами находимся в катастрофически тяжелой ситуации. Мы очень сильно залетели, страшно залетели. И если мы не поймем, насколько мы залетели и в какой катастрофической ситуации мы находимся, то мы из этой ситуации не выйдем, понимаете? Мы никогда из нее не выйдем.

Первое условие – это адекватное понимание состояния дел, как бы плохи они ни были. Чем бы вы лично или ваши близкие ни были больны, вы хотите, прежде всего, одного – правильного диагноза. Как бы тяжел, ужасен ни был этот диагноз – он лучше лжи. Из любого, самого страшного заболевания есть шанс выйти выздоровевшим. Это может быть одна тысячная, одна миллионная, одна миллиардная процента. Но шанс есть всегда. И чем меньше этот шанс, тем больше должна быть воля и разум того, кто пытается выйти из тяжелейшей ситуации. Я видел людей, которые выходили из невероятно сложных, тяжелейших, безвыходных ситуаций, потому что у них хватало для этого ума и воли. Им удавалось стянуть волю в такой лазерный жгут, который может резать бронированные толстые листы, пробивать любые препятствия, уничтожать все, что стоит на пути к желанной цели.

Наверное, каждый понимает, что такие ситуации существуют. И что в этих ситуациях одни люди выходят победителями, а другие оказываются побежденными.

Всем памятен Маресьев, который без ног летал на военных самолетах. Об этом герое написана «Повесть о настоя-

щем человеке» Полевого. Но ведь, наверное, все понимают, что Маресьев летал, а другие героически воевавшие люди – сильные, смелые люди, – оказавшись в ситуации Маресьева, с ампутированными конечностями, кончали жизнь в артели инвалидов. Чем отличается Маресьев от этих людей? Ситуация-то одна и та же: ноги ампутированы, страшное несчастье произошло. Но Маресьев преодолевает этот страшный вызов, а другие пасуют. И ведь тоже не слабые, сильные мужики, герои, а пасуют.

Как сделать так, чтобы наш народ, мы все в этой ситуации оказались коллективным Маресьевым, способным нечто преодолеть, а не спасовать перед огромным, чудовищным вызовом? Согласитесь: нельзя понять, как реагировать на вызов, нельзя даже волю-то по-настоящему мобилизовать, если не понять, каков масштаб вызова.

Представьте себе, что вы почему-то вообразили, что стоите на высокой горе. Но вы это вообразили. А на самом деле вы находитесь внизу. У вас совсем другая позиция, реальность состоит в том, что вы находитесь не на вершине горы, а у подножия, но вообразили себе, что вы находитесь наверху.

Что происходит с каждым, кто приходит к вам и говорит: «Слушайте, вот это ваше воображение, а реальность такова»? Этот человек вас оскорбляет, потому что вы уже твердо уверовали, что вы высоко-высоко, о-го-го где находитесь – в плане интеллектуальном, волевым, любом. А вам вдруг говорят, что вы находитесь ниже. Но если вы станете сопротивляться, отбрасывать реальность и отстаивать это воображаемое, то, во-первых, вы большую часть энергии затратите на то, чтобы эту реальность вытеснить. А во-вторых, вы никогда в реальности на эту высоту не попадете. Вы просто в мечтах будете видеть себя кем-то другим.

Герой «Записок из подполья» Достоевского рассказывает, как в мечтах он видел себя то на балу «на вилле Боргезе, что на берегу озера Комо», то «чуть ли не на белом коне и не в лавровом венке». Когда-то моя мать мне говорила, что Достоевский очень точно отразил определенные черты национального характера – к сожалению, не лучшие.

Для того чтобы вы могли что-то делать, вы должны эту свою воображаемую конструкцию демонтировать (ученые говорят «элиминировать»), испарить... И сказать: «Да, я нахожусь здесь вот. Реальность состоит в том, что я нахожусь вот здесь». В ловушке. Прошу прощения за резкое выражение, в полной заднице. Признав это, вы можете планировать подъем. Вы скажете: «Сейчас я нахожусь вот на этой ступени, а потом я поднимусь на ступень выше. И еще выше. И вот я уже дошел до того самого уровня, на котором я себя ранее воображал. Но я не в снах своих «на озере Комо» и «в лавровом венке» себя здесь обнаруживаю, а в реальности. А это огромное счастье, потому что я преодолел эти ступени. Я оказался здесь. А передо мной еще одна ступень, и я могу оказаться еще выше. Если я захочу двигаться дальше, то, может, я напрягу силы и прыгну на новую ступень. Но я же прыгну на нее из точки реальности – оттуда, где нахожусь».

Зачем же подменять все это фантазиями, игнорируя реальность и лишая себя возможности действительно из низкого и пагубного состояния перейти в состояние высокое или даже высочайшее, вложив в это соответствующие усилия? Зачем нужна эта фикция, если она препятствует тому, чтобы вы двинулись хоть куда-то? Вы никуда не двинетесь, если есть эта фикция! Потому что вам уже хорошо. Вы там, в своем воображении, как бы всего достигли.

Возвращаясь к козе, на которой русские ехали несколько веков. Которая кривая, косая, упрямая, неловкая и все прочее. Чем такая коза отличается от Конька-Горбунка или от огнедышащего коня? Тем, что Конек-Горбунок – это изобретение достаточно позднее, гламурное. Это как шкатулки Палеха. Это красивая-красивая живопись. А кривые, вонючие, дикие козы – это глубины настоящего народного фольклора.

Есть известная притча, в которой могущественная сила говорит герою или героине: «Ты приезжай ко мне не одетым и не голым, не верхом и не пешком». И, мучительно обдумывая, как это сделать, герой или героиня (кажется, героиня) в итоге надевает рыболовную сеть на голое тело, садится на козу и

едет. И вдруг оказывается, что действительно: и не одетая, и не голая, и не верхом, и не пешком, а едет на этой самой козе.

В фольклоре вообще и в русском в особенности есть понятие «самоумаление», после которого начинается восхождение. Так вели себя русские юродивые, так ведет себя вообще наша культура. Когда из определенного типа самоумаления начинается неумолимый подъем, неумолимое восхождение. И когда в осознании, видении собственной ситуации концентрируется одновременно и очень мощное чувство того, что ты к чему-то призван, и чувство собственной недостаточности, недоделанности, уродливости. Так вот, если нет и того, и другого одновременно, то нет фольклора, а есть гламур.

Я рассмотрел сейчас эстетический аспект того, что касается кривой козы, на которой ехали столетиями. Но есть другой аспект, который мне представляется еще более важным. Если ехали не на кривой козе, упирающейся, мекающей, иногда убегающей куда-то в сторону, а на таком замечательном коне скакали, то куда ж прискакали-то, а?

Прискакали в чудовищную ситуацию невероятного сокращения собственной территории, невероятного падения собственной промышленности, невероятного обнищания собственного населения, наркомании, беспризорности, падения нравов. И бог знает еще чего.

Но разве вы эту ситуацию не чувствуете? Разве она не страшна, не чудовищна? Разве у вас это все не болит? Но если это все не болит, какая политика? Какая борьба, если не увидеть то, что ты в реальности находишься вот здесь, в этом ужасе?

Блок по этому поводу говорил:

*На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза...*

– и дальше добавлял:

*Но только – лживой жизни этой
Румяна жирные сотри.*

Зачем нужен этот Палех сегодня, эти Коньки-Горбунки, эти огнедышащие кони, этот гламур а-ля рус, эта патриотическая сентиментальность? Зачем они нужны в столь беспощадной ситуации, в таком уже состоявшемся ужасе и перед лицом таких страшных угроз?

В моем спектакле «Изнь» по этому поводу звучат строчки:

*Ах, что за героизм, зараза!
Я колебал твои проказы,
Твой блуд, романтику пустую!
Кого сие интересует
В момент, когда грядет она?..*

Героиня спрашивает: «Кто, Отче?»

Он отвечает: «Черная Весна».

Так кому нужен «Палех», сентиментальность, патетика, сусальные романтические образы «в момент, когда грядет она»? Или «она» не грядет? Или мы здесь занимаемся выдумками по поводу каких-то страшных сценариев, которые будут разворачиваться? Так давайте еще и еще раз подумаем: мы нечто выдумываем, мы создаем некую театрализацию в виде каких-то искусственных страхов? Или ситуация на самом деле страшна донельзя? Мы в аду или не в аду?

Одна за другой выходят газетные правдивые статьи и телевизионные передачи по поводу того, как именно телевидение растлевает детей, маленьких детей. О девчонках 12-летних, которые грабят в городах, раньше считавшихся оазисами научной и культурной жизни, о каких-то детсадовцах, которые фотографируют друг друга в порнографических позах... Детей не жалко? Мы же понимаем, что речь идет не об отдельных случаях, а о том, что все это ад, в который брошены люди. Мы же понимаем, что они в ад брошены, а не куда-то еще! Значит, мы страшно залетели.

О каком тогда Коньке-Горбунке, о каком тогда огнедышащем коне нужно говорить? Разве непонятно, что если так сильно залетели и при этом пускаем розовые сладкие пузыри, то просто смешны донельзя?

Скажите же сами себе настоящую правду. Может быть, она пробудит что-то, может быть, она включит какие-то дополнительные, резервные человеческие возможности? Может быть, тогда эта коллективная личность, это соборное целое, оказавшееся в ситуации Маресьева, не в артель инвалидов пойдет, а сумеет взлетать в воздух и сбивать чужие поганые «мессеры»? Ведь такая возможность есть. Но она есть только тогда, когда реальность признается, когда на нее смотрят открытыми глазами. Когда на весь этот бесконечный ужас, в котором мы оказались, действительно открываются глаза. И когда понятно, что после этого гламур, сусальность, патетика, романтическая живопись неуместны. А уместно что-то другое – то, что дышит этой последней силой одновременно самоуничтожающего и самоподнимающего фольклора.

Вот такие мы. Да, залетели. Да, тащились черт знает как. Но это наша историческая судьба. Это наша историческая личность. И еще посмотрим, кто быстрее доскачет до конечной цели – вы на ваших лошадках или мы на этой кривой козе.

Неужели непонятно, что внутренне, морально, человечески это единственный шанс на то, чтобы выйти из нынешнего ничтожества в какое-то настоящее самопреодоление? И что никакого другого шанса просто не существует? Так зачем дурачить себя и других, зачем цацкаться с собой? В предельных ситуациях надо быть с собой беспощадными!

Может, Маресьев еще и потому начал летать, что внутренне чувствовал: «Сдохнуть, умереть, но только не в артель!», потому что он без полета не мог. Потому что в нем не было какого-то повреждения, какой-то слабину, из-за которой ты вдруг и оказываешься в артели для инвалидов. Или пьяненьким милостыню просишь, вспоминая о том, каким ты был вчера... Ведь это же реальная возможность. Вот-вот – и она наступит, вот-вот – и она станет необратимой. Неужели это непонятно? Почему это непонятно? Почему?

Я еду по стране. Приезжаю в один город – не буду говорить, куда, чтобы никто не обиделся (потому что, видит бог, я меньше всего хочу кого-то обидеть). В этом городе все не так уж хорошо с «Сутью времени». Растерянные люди, они не со-

брались пока, они не точно знают, что им делать... Некоторые из них настроены, мягко сказать, не вполне конструктивно. Они сидят, слушают по многу часов, спрашивают, мучаются по поводу того, как же выйти из этой ситуации и так далее. Иногда они проявляют какую-то беспомощность, иногда неполную адекватность. Ну, это жизнь. Это так построено. Это и есть реальность, в которой мы живем.

Не будучи восхищенным тем, как происходит эта встреча, с тяжелым чувством прихожу в гостиницу. А на следующее утро назначена большая конференция, на которой собирается бизнес-элита очень серьезного города – политическая элита, деловая, разная. Я не люблю элиту вообще. И особенно не люблю тех, кто называет себя элитой в той чудовищной ситуации, в которой мы оказались. Но тут как-то бросилось в глаза, что люди собрались серьезные, лишённые гедонистических пороков, самовлюбленности – то есть всего того, что на блатном языке называется «понты дороже денег».

Люди сухие, конкретные, крупные, цепкие, серьезные. Говорят: «Вот катастрофа, вот она, приходит». И ты понимаешь, что они говорят об этом искренне и серьезно. Они не пытаются на этом нажиться каким-то образом, не разыгрывают такую странную вампуку (это определенный театральный жанр, где себя пугают и испытывают при этом некое театрализованное наслаждение)... Это не театр ужаса. Не фильмы ужасов. Это реальность. Я вижу, что на меня смотрят честными глазами и говорят: «Все, катастрофа! – вот она, напоздает».

Потом с одним из самых ярких людей, произносивших эти слова, мы продолжаем разговор уже вдвоем. И он еще более доверительно говорит о том же... Я отвечаю ему тогда: «Слушайте, но ведь Вы такой сильный человек, Вы много знаете, много умеете. Ну, разъясните что-то местной группе «Сути времени», которая как-то подрастерялась, не все понимает. Придите к ней, поговорите, помогите. Давайте работать вместе». Человек – довольно молодой, гораздо моложе меня – на это отвечает: «Ой, знаете, с какой бы радостью я всем этим занялся лет десять назад! А сейчас уже столько жизненных обязательств...»

И вдруг все, что я увидел перед этим, все эти умные, сильные лица бизнес-элиты, политической элиты, весь этот сухой рационализм, вся эта недюжинная воля, разум, все то хорошее, чем я успел восхититься, – вдруг оно все предстало как рассыпающаяся глина... Только что казалось, что все это живое и очень цельное, настоящее, подлинное. А оно вдруг берет и сыпется. И на этом месте образуется какая-то груда песка.

И тогда ты вдруг понимаешь, что, может быть, полурастерянные люди, которые собрались и жмутся друг к другу в группе «Сути времени»... (это в данном городе, в других городах все происходит совсем не так, я подчеркиваю: в Москве, в Ленинграде, Красноярске – это все не так; но вот в том конкретном городе, где я оказался, они жмутся друг к другу чуть-чуть растерянно и неловко)... может, те люди и лучше...

Потому что, вдумайтесь... Если человек – крупный, сильный, волевой, настоящий – без всякой театрализации всерьез говорит о катастрофе, то он же должен заняться каким-то ее преодолением. Ну, не знаю... бункер на случай ядерной войны должен для себя вырыть... А если он мыслит категориями целого, то он должен страну спасти от катастрофы. Какие у него в этой ситуации могут быть жизненные обязательства, даже перед близкими? Может быть одно обязательство, а не обязательства. У него может быть обязательство эту катастрофу не допустить, спасти от нее, если он сильный, крупный, волевой, умный человек с возможностями. У него других обязательств нет.

Они у него были бы в другом случае в огромном количестве, если бы он смотрел на меня и говорил: «Сергей Ервандович!.. Да что Вы выдумываете! Да какая катастрофа! Всё в шоколаде, все очень здорово. Идем к возрождению России. У нас скоро все будет лучше, чем где бы то ни было на Земле. И, извините, у меня много конкретных жизненных обязательств на этом великом, счастливом пути. Я должен заниматься своими близкими, своими детьми, своими родителями. Я должен заниматься своим бизнесом, я должен заниматься еще чем-то. У меня много целей, они у меня

размечены в соответствии с определенными жизненными планами». Этот человек был бы прав в таком случае. Как только он говорит: «Да, всё в шоколаде, все хорошо. Мы идем не в пропасть, а по великому, счастливому пути на Фудзияму (или на Эльбрус, или на Джомолунгму). Все хорошо», – он дальше имеет право говорить об огромном количестве жизненных обязательств. И было бы странно даже, если бы он об этом не говорил.

Но если он «в первых строках сего письма» (в рассказе Бабеля было так сказано: «В первых строках сего письма спешу Вас уведомить») говорит, что надвигается чудовищная катастрофа, если он об этом говорит серьезно, целостно, подлинно, то как он может дальше говорить о том, что у него до фи́га каких-то там жизненных обязательств? Кто из нас двоих сошел с ума? Я или он?

Мне-то кажется, что это такое специальное состояние ума и души, в котором один очаг, одна часть мозга и сердца говорит об этой катастрофе и крутится в одном направлении, а другая часть тех же мозга и сердца говорит о том, что у нее много жизненных обязательств, и крутится в другом направлении. Но это знаете, как называется? Это раздвоение личности, потом расчленение и так далее. Шизофрения, прошу прощения, это называется. Постмодернисты об этом писали – шизокапитализм...

Я в данном случае говорю не о частной психиатрии, а о синдроме, который охватывает целое сообщество, группы. Обязательства у них, понимаете? С одной стороны – катастрофа, а с другой стороны – обязательства. И времени у них для того, чтобы протянуть руку как-то сжавшимся, прижавшимся друг к другу, чувствующим беду, растерянным, тоже ведь неслабым и хорошим людям, нет. А может быть, эти-то люди и есть последний шанс на преодоление катастрофы? Может, другого-то шанса и нет? Этот – крохотный, слабый, а другого нет вообще.

Проходит второй день. Я уезжаю из города. Очень много было разговоров, встреч... И в полубеспамятном состоянии падаю на полку вагона СВ, который едет в Москву, и хочу заснуть.

В этот момент за стенкой вдруг начинается невероятно грязный женский и мужской мат. Ну, я в геологических экспедициях поработал, в театрах провинциальных и иных тоже достаточно много чего поставил и, вообще, никак ханжой не являюсь. Но это был невероятно грязный и одержимо-животный, скотский мат. То барышни объясняют, как это будет происходить... то мужики... почти хрюкают, рычат... Включена еще очень громко американская музыка, но они орут еще громче...

12 часов ночи. Со мной вдруг что-то происходит, и я точно понимаю, что я этих мужиков, орущих за стенкой, просто уложу. А если они еще дернутся, то сделаю что-нибудь и похуже. И я начинаю вставать и одеваться. Жена моя это видит и бежит за проводницей, что-то ей объясняет (видимо, достаточно доходчиво), и проводница идет в этот зверинец. И начинает говорить: «Сынки, сынки...» (а проводница – простая русская женщина)... «Сынки, ну, что ж вы делаете? Тут же немолодые люди, они же отдыхать хотят, они же как ваши родители. А вы тут что?»

Рычание этого коллективного зверя вдруг чуть-чуть затихает. Потом еще больше, потом еще больше...

Эта простая женщина оказывается намного умнее меня. Она совершает некое волшебство... Вот здесь где-то находился человек. Он уже пошел в сторону зверя. А она его возвращает назад простыми-простыми словами. Потом выходит из соседнего купе и говорит, что это 12-й вагон, а 13-й полностью набит болевщиками, и они все пьяные. Это их руководство тут гудит, говорит проводница. А там (в 13-м вагоне) гудят сами болевщики. Уже весь вагон набит милицией, и, вообще, бог знает что творится...

Но главное не в этом. А главное, что она возвращает то, что уже от человека далеко ушло в сторону зверя, в человеческую точку. Но если она вернула ненадолго, оно опять начнет уходить. Даже если кто-то опять вернет... Когда именно оно, это человеческое, уйдет до конца?

Мы все говорим: «Катастрофа, не катастрофа... Римский клуб... то, се... геополитический ужас...» А катастрофа – вот

она. Она уже за стенкой в вагоне ревет. Она завтра выйдет на улицу, и ей на все наплевать: четвертый проект, пятый, седьмой, десятый... Она уже рычит, она лезет к тебе изо всех щелей. Ты можешь сколько угодно замазывать эти щели, она снова и снова их пробивает. И в каком-то смысле она, конечно, носит всемирно-исторический и даже более сложный, всемирно-контристорический характер. Что, разве не так?

Но если это так, то единственный способ что-нибудь сделать – это осознать, что это так, и сказать себе самому: «Дорогой друг, ты находишься вот здесь. И это полный абзац. Собери силы, встань. Тебе трудно. Ты на исходе, на пределе, но сделай еще шаг навверх. А потом снова набери силы и сделай еще шаг навверх. И еще».

Всегда хочется быть добрым. Всегда хочется быть мягким. А этот пример показывает, что иногда таким и нужно быть. Но только я бывал в разных ситуациях в жизни. Бывал в ситуациях, когда в экстремальных походах или геологических экспедициях у меня было две возможности: или проявить эту окончательную и неприятную жесткость, или погибнуть вместе с другими, а главное – погубить других, за которых ты отвечаешь. Отвечаешь – слышите это слово? От-ве-ча-ешь. Поэтому я буду говорить о неприятных вещах. Не потому, что мне кого-то хочется обидеть, а потому, что иначе нельзя. Иначе не получается.

То, о чем я говорю, это феномены. Есть такой феноменологический метод, он оперирует не понятиями. (Понятиями я тоже буду оперировать, но чуть позже.) Он оперирует идеальными типами, живыми ситуациями, которые одновременно являются и образами, и понятиями, и конкретикой, и абстракцией... Такая конкретика, которая, будучи безумно концентрированной, не превращается в абстракцию до конца, уже не является только конкретикой. Она является чем-то большим.

Такой метод существует.

Я не буду читать лекции о том, кто и когда этим занимался. Наиболее великое имя, наверное, – Гуссерль. Но занимались этим очень многие, противопоставляя этот метод понятий-

ному, научному. Так вот, для меня то, что я обсудил перед этим, и то, что я буду обсуждать сейчас, это феномены. Это не конкретные люди, не конкретные жизненные ситуации. Это некие конкретные квинтэссенции.

В числе тех людей, которые пришли в «Суть времени» – и не просто пришли, а активно работают, и работают хорошо, качественно, – есть одна очень милая, умная женщина из-за границы, которая много сделала полезного. И, как мне говорят, и теперь делает. Честь ей и хвала за это.

В какой-то момент она разочаровалась и... даже не прекратила работу, а просто выразила в некотором бурном монологе всю степень своей разочарованности. Она написала очень острый, нервный текст, в котором сказала: «Как же так? Ну как же это все так?! Нас же все обманывали! Мы пришли на площадь к Ельцину. Мы его поддерживали, и он нас обманул. Потом поддерживали Лебеда, и он нас обманул... Поддерживали Путина, и он нас обманул... Мы поддерживаем Кургиняна, а вот, оказывается, у него что-то там не так с КПРФ. И это тоже все обман. И все это тоже нехорошо. Как же так? Нас все время обманывают!»

В этом, казалось бы, нормальном, остром, больном тексте есть одна закавыка, требующая беспощадного обсуждения. Эта женщина не считает себя виновной в том, что она все время обманывалась, она в этом не виновата. Согласно ее позиции, она ни в чем не может быть виновата. Но это же ненормально. Если она все время обманывается, значит, у нее где-то внутри сидит такая вот «увлекалка», «обманка». И пока она не обращает свой взгляд на себя, а не на Ельцина и прочих и пока она эту вот «увлекалку-обманку» не вырвала из себя клещами, пинцетом, ногтями, зубами, она же и превращается в гибель своей страны.

Подумайте! Увлекались, увлекались... Решили, что нужно создать капитализм. Сокрушили все, что делали отцы и деды. Организовали жуткую катастрофу. Растоптали, наплевали на колоссальные жертвы и мечты. На все! Теперь разочаровались в капитализме. Опять начнут что-то строить... Потом опять разочаруются... Но это же чистая гибель страны.

А что вы прикажете делать тем, кто использует эту «увлечалку»? «А, увлеклись? Тогда тащите меня наверх, во власть... Притащили, да? А теперь вы разочаровались? А потом вы разочаруетесь в чем-нибудь еще? И так все время будете шараться из стороны в сторону? Уж извините, мои дорогие, притащили меня туда, а я по вам пальну».

Именно так рассуждал Ельцин. Именно так. То, что это мерзко, отвратительно, цинично, – согласен. Но это вина Ельцина. А вины этой «шарахалки», этой «увлечалки» нет? Вообще нет? Все время виноват кто-то другой? Но это же путь к иллюзорному существованию в каком-то пространстве фантазий «на озере Комо и чуть ли не в лавровом венке». Это же не путь в реальность.

Что вообще можно сделать с этой энергией шарашаний? Использовать ее, чтобы она тебя куда-нибудь приволокла, а потом растоптать эту энергию? Что с ней можно сделать еще?

Другой милый молодой человек говорит: «Мы сели играть за стол с мошенниками... Мы хотели сыграть в карты, а сели за стол с мошенниками. И если эти мошенники с помощью мошеннической игры нас обыграли, то мы-то в чем виноваты? В чем мы виноваты?» Как в чем? Как в чем? Ему же так очевидно, этому молодому человеку, что ни в чем.

Извините, пожалуйста. Допустим, вы принесли свои деньги в «МММ» – была такая пирамида. Пирамида – это что такое? Деньги собираются с определенного количества людей и раздаются как дивиденды. Прибегает большее количество людей. Их деньги снова собираются и раздаются как дивиденды. Прибегает еще большее количество людей. Так пирамида раздувается и надувается до тех пор, пока количество прибегающих людей не становится критическим и, достигнув максимума, не начинает уменьшаться. Тогда пирамиду закрывают, оставшиеся деньги делят и разбегаются. Но если человеку говорят: «Дорогой друг, это „МММ“. Это мошенническая акция, это пирамида. Она устроена вот так», – а человек несет в нее деньги, то в чем-нибудь он, наверное, виноват?

Нет, то, что мошенники, которые играют в эту игру, негодяи, это понятно. В чем их вина, понятно. Но и обманутый в чем-то виноват. Или нет? Он виноват или в том, что недостаточно сообразителен (ему объясняли, объясняли, а он так и не понял), и тогда его вина в неразвитости ума. Или в том, что считал, что успеет наварить и соскочить раньше, чем эту «МММ» закроют, и тогда у него не ущербность ума, а ущербность морали. Одно из двух. А как иначе?

Я обсуждаю все это не потому, что конкретные частные случаи ранили мне душу, а потому что это невероятно важные феномены, не осознав значения которых мы не сдвинемся с мертвой точки.

Ведь все же понимают, что 20 лет оппозиция топчется на месте. Надо же объяснить, почему она топчется на месте. Почему меньшинство, ее оседлавшее, так бойко едет к своим грязным, корыстным целям, несовместимым с жизнью страны? Почему? На этот-то вопрос какой-нибудь ответ у кого-нибудь есть?

И вот здесь давайте от феноменов перейдем к понятиям. Что такое политика?

Мы договорились, что в этой серии передач, да и в целом в нашей деятельности, мы будем заниматься политикой, а не академической научной деятельностью и не моральными сентенциями. Так что такое политика?

Политика – это управление общественной энергией (или общественными энергиями, это уж как сказать). Никакого другого определения реальной политики не существует. Невероятно трудно запихнуть это определение в мозг нашей элиты, потому что элита наша на нынешнем этапе чурается энергии. Она почему-то считает, что можно обойтись без нее, что можно энергию обнулить, и именно поэтому нет места политике. Возвращение политики воспринимается как ужас. Застой – как идеал. Отсутствие энергии, то бишь этот самый застой, – как «мечта поэта». Но застоя не бывает.

Есть закон сохранения энергии. Энергии не становится ни больше ни меньше. Она просто уходит на какую-нибудь глубину. Вы отсекаете ее с поверхности, а она уходит на

глубину и там меняет свое качество к худшему. А когда она выйдет снова на поверхность в этом – худшем – качестве, то вы как политик окажетесь заложником того качества энергии, которое соорудили ваши предшественники. Вы окажетесь заложником этого зверя, рычащего у вас за стенкой. Вы можете либо вести его к деструктивным целям, потому что он мечтает только о них, либо оказаться им раздавленным. И ничего больше вы не можете.

Реальный политик не занимается ни добычей новой энергии, ни изменением качества этой энергии. Реальный политик получает энергию в виде данности. Такая-то энергия в таком-то количестве... Шараханье? Пусть шараханье, наплевать. Он эту энергию собирает и на ней въезжает во власть. А дальше он с ней что-то делает...

Этот тип политической деятельности в той ситуации, которую мы переживаем, в той катастрофе, которая разворачивается у нас на глазах, обречен. Причем обречен дважды. Во-первых, когда пытаются избегать энергии вообще. Во-вторых, когда используют энергию имеющегося качества и количества.

А нам нужны другое качество и другое количество. Какой выход?

Выход состоит в следующем. Эта общественная энергия может менять качество.

Таким образом, на повестке дня стоит одна стратегическая задача – изменение качества и количества общественной энергии. Это, строго говоря, не политическая задача. Это задача стратегическая и, в каком-то смысле (возьмите это слово, если хотите, в кавычки), даже метафизическая. Но это одновременно единственная задача, с помощью которой можно спасти ситуацию. И работать надо только на это. Только в этом окончательная цель и спасение. Не будет этого – не будет ничего.

В последнее время вновь ожили прогнозы разрушения России. Некоторые из них носят спекулятивно-непонятный характер. Но есть совсем другие разговоры...

Недавно в Россию по приглашению Консервативного клуба «Единой России» приехал с серией лекций некий Эд-

вард Люттвак. Это очень крупная величина. Крупная реальная величина, обеспечивающая в интеллектуальном плане интересы Республиканской партии Соединенных Штатов Америки. Приехал он не абы куда. Не в какое-нибудь кафе попить кофейку, а в Консервативный клуб (консервативный, обратите внимание) правящей партии «Единая Россия».

К чему сводится теория Люттвача?

Чтобы помешать России снабжать Китай ресурсами, США готовы (добавлю, теперь готовы) отделить от России Дальний Восток и Восточную Сибирь, передав их в ведение Японии. По мнению Люттвача, геополитическими полюсами современного мира являются находящиеся в конфликте США и Китай, а России уготовано место союзника одного из полюсов. Американо-китайский конфликт в будущем неизбежен, считает Люттвач, так как китайская экономика продолжает расти быстрыми темпами, а США не готовы расстаться со своими лидерскими позициями.

Здесь все правильно. Как уже говорилось, англосаксы власть не отдадут под давлением объективных обстоятельств. «Китай слишком быстро растет, поэтому отдавай-ка ты ему власть!» Нет, англосаксы уничтожают объективные обстоятельства, имея для этого соответствующие возможности, как военные, так и иные, которые мы тоже обсудим.

Люттвач не ставит под сомнение, что в итоге Россия примкнет к США. Не целиком, говорит он, так по частям. В какую-нибудь еще страну, кроме России, иностранный политолог может приехать с такими прогнозами? Я могу приехать в Китай и рассказывать, как именно Китай к кому-то примкнет «не целиком, так по частям»? Или в африканскую страну? Но в России это все выслушивают.

*«Видимо, – пишет автор статьи в газете „Наша Версия“, которая обсуждает этот приезд Люттвача, – аргументы американского политолога кажутся вескими представителям российской власти, раз его принимали на столь высоком уровне».*¹

1 Егоров И. Союз разрушимый // Наша Версия. 13.06.2011.

Люттвак не дает какие-то паленые прогнозы «в стиле Нострадамуса». Он политолог, выступает с сухой лекцией в клубе главной политической партии страны и там говорит: «Ничего, по частям войдете, ребята. А что нам делать?»

В самом деле, а что делать? Одна из возможностей для США заключается в том, чтобы разыграть какой-нибудь крупный конфликт, взвинтить цену на нефть еще в 10–12–15 раз, постараться удержаться за счет своих внутренних ресурсов, которых хватит на несколько лет, и окончательно «опустить» Китай, Индию и другие страны. Но Китай-то в этом случае стремительно будет захватывать Сибирь, а американцы будут противодействовать этому. Вот вам уже война. Вот вам уже коллапс. Вот вам уже конец. Вот вам уже эта катастрофа.

Георгий Малинецкий, заместитель директора Института прикладной математики им. Мстислава Келдыша РАН (специалисты знают, что это очень серьезный институт, всегда сильно работавший на нашу армию, военно-промышленный комплекс и так далее), считает, что при существующих тенденциях более 10, максимум, 15 лет на существование у единой России (не партии, а страны) уже не остается. Что дальше начнут отпадать отдельные части. Что Дальний Восток разделят Китай и Япония. К Америке отойдут Камчатка, Чукотка и Сибирь. В европейской части, в Поволжье, появится мусульманский анклав. Северо-Запад станет отдельным. На Кавказе будет вообще бог знает что... И так далее. Он говорит, что это произойдет в силу хотя бы одних только внутренних причин².

Теперь сложите вместе прогнозы Люттвака и Малинецкого. Оба люди более чем серьезные.

Есть еще масса таких же прогнозов, аналитических бумаг и пр.

Есть невероятно тревожные сведения, говорящие о том, как именно надо готовиться к большой крупномасштабной войне в Европе. Как именно проходят учения в Балтии и в других регионах.

2 Егоров И. Союз разрушимый // Наша Версия. 13.06.2011.

Что, этих сведений мало? Они кричат, воют, ломаются в дверь, в окна, лезут во все щели. И что делает сознание, воспринимающее эти сведения? Оно все это отпихивает. Почему оно это отпихивает? Потому что оно считает, что если оно поймет, что ситуация настолько плохая, то ему будет дискомфортно жить?

Значит, идет страшная, огромная машина зла, неумолимо идет, приближается к вашему дому, а вы там сидите и чай распиваете? И это правильное, адекватное, мужское поведение?

Вам нужно 24 часа в сутки думать о том, как эту машину отразить – не одному, так вместе с другими. И если это нельзя сделать, коль скоро общественная энергия находится в нынешнем качестве (во всех этих шараханьях, растеряностях, в неготовностях к самоочищению, к самопреобразованию), значит, эту энергию надо заставить быть готовой к этому или умереть, но с честью.

Вот уже «Коммерсантъ» пишет о том, как «демократию скачают из интернета»³, как создаются глобальные сети для борцов с авторитарными режимами, как создается чемоданчик с интернетом, как будут создаваться новые сотовые сети. На этот вызов есть ответ? А ведь это все один единый огромный вызов...

Могут спросить: «А как вообще на это можно ответить?» А я вам отвечаю, как можно. Так, как Каддафи ответил. Ведь он ответил!

Сейчас говорят о том, что «президенту США поставили условие военного времени»⁴. Что Конгресс потребовал «завершить американское участие в операции в Ливии» до конца недели. Вывернется еще раз Обама или не вывернется – он получил очень серьезный ультиматум: «Знаешь ли, ты Конгресс не предупреждал о том, что будешь начинать эти военные действия. Или, точнее, только предупредил, а не со-

3 Белянинов К. Демократию скачают из интернета // Газета «Коммерсантъ». 14.06.2011.

4 Белянинов К. Президенту США поставили условия военного времени // Газета «Коммерсантъ». 16.06.2011.

гласовал с ним свои действия. Теперь прошло время, и, будь добр, убирайся, на днях убирайся из Ливии».

Представим два варианта: Обама уберется или не уберется. Если он уберется, Каддафи победил? Но даже если Каддафи не победил, он последний рыцарь. Он посмотрел в лицо этой гигантской, несоизмеримой с его страной, военной машине и сказал: «Да идите вы... Если мой народ со мной, то я сокрошу вашу машину. А если мой народ покинул меня, то лучше умереть, чем жить, будучи покинутым своим народом».

Он поступил как рыцарь, как мужчина, как воин.

Я всегда был восхищен Сербией. Я на всю жизнь запомню замечательные поездки по Югославии. Сербь, черногорцы – это мои братья, я искренне, всей душой их люблю. Но уже тогда, во время этих поездок, была заметна там эта поврежденность современным потребительским обществом: кава, джюс, ресторанчики, отдых, разговоры... Такое полупотребительское расслабленное состояние.

Сербь говорили: «Да ладно, если будет какая-нибудь угроза, мы мигом соберемся». Сербские генералы говорили: «Пусть хоть один немецкий танк заползет снова на нашу территорию – мы ракетами ударим по Бонну!»

Потом наступил момент истины. Начались бомбардировки. Сербь вели себя благородно. Те мерзавцы, гангстеры, которые их бомбили, – это зло, а сербь вели себя благородно. Но в решающий момент, когда была возможность всей своей военной силой ударить по сухопутным частям, ответить по-настоящему, на всю катушку, нанести урон, избыточный для этого очень изнеженного, «надутого», резинового противника... Нанести этому противнику предельный урон и после этого продемонстрировать, что Сербия и сербские руководители не слабее Каддафи... В этот момент Милошевич сплеховал.

Это не значит, что его судили справедливо. Это не значит, что можно поставить знак тождества между ним и теми мерзавцами, которые посадили его в тюрьму. Милошевич – это жертва, а те, кто его посадил в тюрьму, – негодья. Но Милошевич дал слабину. И все это вместе было слабиной этого,

уже вкусившего от комфорта, от потребления, от этих всех соблазнов «глобального», «цивилизованного» общества.

Когда все эти соблазны входят внутрь, в душу – теряется последнее волевое усилие. И тогда страну раздавливают.

Хусейн – жертва, а те, кто вторгся на его территорию с ложными обвинениями, палачи. Но Хусейн дал слабину, а Каддафи нет. Мубарак дал слабину, тунисский лидер дал слабину, а Каддафи нет.

Маленькая страна... Бедуины собрались и смотрят на то, как над их шатрами летают тяжелые американские самолеты, и грозят им кулаком, говоря: «Смотрите, американцы, если вы на нас посягнете, то великий ливийский народ закончит войну в Нью-Йорке». Откуда эта сила духа, этот «коллективный Маресьев»? Откуда этот настоящий дух войны, чести? И как вернуть его на нашу землю в этот момент беды?

Скажут: «Это невозможно». Не верю. Это реальная проблема. И нам всем вместе предстоит ее разрешать.

Каждый должен заглянуть в себя и помочь другим сделать то же самое. Это повреждение можно исправить и нужно исправить.

По народу был нанесен удар чудовищной силы. По Идеальному народу был нанесен удар чудовищной силы, избыточной. При десяти процентах этой мощности любой другой народ был бы уничтожен. Русский народ выстоял. Он только поврежден. Это повреждение можно исправить и нужно исправить. Но для этого надо признать реальность. Признать во всем ее безобразии, а не прятаться за гламур. Прятались 20 лет. 20 лет утешали себя красивыми сказками. Хватит! Слишком серьезна ситуация.

Давайте я чуть-чуть вам покажу, насколько она серьезна.

Директор ИНИОН РАН, академик Юрий Пивоваров, а также сотрудница ИНИОН РАН приезжают вместе в Венгрию и заявляют о том, что Великая Отечественная война – это «так называемая» Великая Отечественная война, а победа – это «миф» и так далее⁵. Венгры прямо ликуют.

5 <http://www.regnum.ru/news/polit/1415885.html>

Мы говорили о том, что вся эта «десталинизация» означает только одно – выведение России из числа жертв и победительниц во Второй мировой войне? Мы говорили об этом? Вот вам подтверждение. Этого подтверждения мало? Спросите – кто такой Пивоваров?

Далее... Глава Литвы обвинила СССР в спланированном геноциде. *«Президент Литвы Даля Грибаускайте во вторник (14 июня) на церемонии памяти жертв репрессий, оккупаций и геноцида назвала массовые ссылки граждан своей страны, происходившие 70 лет назад при советской власти, „спланированным геноцидом“»*⁶.

Это не по русскую душу все? Это Пивоваров? Это глава одного из государств, входящих в НАТО.

Президент Эстонии Тоомас Хендрик сказал, что Россия должна извиниться за преступления СССР. Что Россия, как правопреемница Союза, должна попросить прощения за преступления тоталитарного режима. *«Европейские государства, в которых в XX веке захватили власть тоталитарные или авторитарные режимы, попросили за эти преступления прощения и выразили сожаление по поводу прошлого. Одно государство до сих пор этого не сделало и вместо этого обвиняет других в том, что называет пересмотром итогов Второй мировой войны. Их Вторая мировая война началась после депортации, после оккупации Эстонии, Латвии и Литвы, после нападения на Польшу <...> У них же действительно не было войны. Было двое союзников – Сталин и Гитлер, Советский Союз и Германия»*⁷.

Есть протест МИД РФ по этому поводу или нет?

Но какой же может быть протест, если вдруг руководитель центрального исполкома «Единой России» Андрей Воробьев называет слова депутата-единоросса Владимира Мединского, который предложил принять постановление Госдумы о геноциде русского населения большевиками, его личной инициативой. И подчеркивает, что партия без тщательного изучения и обсуждения вопроса не может говорить на столь серьезные темы!

6 http://news.siteua.org/system_category/266809

7 <http://www.vz.ru/news/2011/6/14/499355.print.html>

Господин Воробьев, мы что же, не знаем, какая дисциплина существует в партии «Единая Россия»? Мы что, не знаем, что господин Мединский подобную затею организовать не может? *«Я обязательно постараюсь инициировать принятие постановления Госдумы, в котором сам факт подавления Тамбовского восстания с применением химического оружия – а это оружие массового поражения – было бы приравнено к безусловному акту геноцида русского крестьянства, проведенного большевиками»*, – подчеркивает Мединский⁸.

Значит, с одной стороны, прибалты говорят о геноциде. А с другой стороны, об этом говорит господин Мединский. И все это сходится на одном единственном историческом горле. Зачем? Чтобы массажик сделать? Или чтобы придушить, наконец, «гадину» – ненавидимую страну под названием Россия?

По-моему, это достаточно ясно.

Все, о чем мы говорили раньше по поводу «Братьев-мусульман», которых Соединенные Штаты постараются использовать как радикальный ислам в мировом процессе (причем использовать несовместимым с нашей жизнью образом), сейчас уже подтверждено. «Братья-мусульмане» готовятся стать главной партией в парламенте и думают о том, избираться ли их представителю в президенты. Это уже факт. А Соединенные Штаты по этому поводу причмокивают, сюсюкают, восхищаются. Они все это устроили. Они сделали это затем, чтобы мы жили?

Германское посредничество между представителями главы талибов муллы Омара и американским правительством – это факт. Американцы изобразили какой-то паскудный спектакль по поводу смерти бен Ладена и сразу стали обниматься с муллой Омаром, который пострашнее любого бен Ладена. Это зачем делается? Неужели это не наша беда лезет во все мировые щели? Неужели есть какие-то вопросы по этому поводу? Мне кажется, что никаких вопросов нет.

И вот на фоне всего этого в игру вступают наши псевдонационалисты. Много раз говорил и снова повторяю:

8 <http://old.er.ru/print.shtml?20/7756>

ПСЕВДОНационалисты. У нас нет на сегодняшний день противоречий ни с какими нормальными националистами, стремящимися к сохранению территориальной целостности или к воссозданию великой державы. Противоречия могут касаться типа государственного устройства, отношения к конкретным эпизодам нашей истории. Но если только речь идет о сохранении территориальной целостности или восстановлении великой державы, то никаких фундаментальных противоречий на текущем этапе политической жизни нет.

Недаром мы разбирали статью господина Карпеца, который стоит совсем не на тех позициях, на которых стою я. Я солидаризировался с мнением господина Карпеца и других националистов, которые не занимаются подрывом нашей государственной целостности.

Есть ли люди, которые занимаются чем-то другим? Конечно, они есть. Вот вам текст Белковского: *«Что касается Северного Кавказа, то я считаю, что, действительно, в недалеком будущем вполне реальна ситуация, когда России будет гораздо выгоднее, причем не только и не столько в экономическом смысле, а и в политическом смысле, и в смысле безопасности, и в цивилизационно-культурном плане, действительно согласиться с отделением Северного Кавказа»*⁹.

Это позиция. Мы называем это ликвидационный, уменьшительный национализм, псевдонационализм, либероидный национализм, либероидный псевдонационализм, национал-оранжизм. Ничего общего с настоящим национализмом это не имеет.

Эта позиция С.Белковского аутентична? Да или нет?

А вот еще один текст господина Белковского. Текст, в котором он смыкается полностью с Пивоваровым и прочей проамериканской нечистью, грезящей о разрушении нашей страны: *«Националистическая парадигма несет с собой определенные издержки, к которым элитное сознание сегодня, может*

⁹ «Эхо Москвы», передача «Власть», 03.07.2009, <http://www.echo.msk.ru/programs/politic/602919-echo/>

быть, и не готово. Прежде всего, это пересмотр результатов Второй мировой войны»¹⁰.

Опа! Здесь – литовцы, латыши говорят о пересмотре. Здесь – Пивоваров в Венгрии подвывает о пересмотре. А здесь – Белковский говорит о пересмотре результатов.

«...Потому что с развенчиванием Сталина, – говорит Белковский, который подчеркивает, что этого надо добиваться, – выяснится, что победа была не нужна и война была не нужна. И, может быть, лучше было помириться с Гитлером. Кроме того, победа националистической парадигмы так или иначе должна оправдать генерала Власова, потому что если Сталин плох, то Власов – по умолчанию хорош. С другой стороны, придется признать (и такие попытки уже предпринимаются – возьмите фильм „Поп“ и другие вещи, которые проявляются сейчас в культурной сфере), что на оккупированных территориях русские жили лучше, чем под властью большевиков. Это значит, что победа вообще не отвечала интересам русской нации, а отвечало им свержение большевизма, которое могло быть достигнуто в союзе с Гитлером»¹¹.

Об оккупации Белковский говорит как о благе. А вот новый текст, уже по поводу Буданова. *«Выход, похоже, остается один, – говорит Белковский. – Надо официально дать Чечне то, к чему она так давно стремилась и уже фактически обрела, – независимость. Пора прекратить двухсотлетнюю войну за Северный Кавказ, которая в конечном счете не дала нам ничего, кроме крови и слез»¹².* Это прямая цитата.

Господа Широпаев, Крылов и другие эту позицию поддерживают или не поддерживают? Да или нет?

Далее. «Русские националисты подготовили свое решение кавказского вопроса», 18 апреля 2011 года: «Презентация доклада „Кавказ-2011: русский взгляд“ состоится 19-го апреля

¹⁰ <http://www.specletter.com/politika/2011-04-20/print/kreml-stoit-na-razvilke-libo-stalin-libo-natsionalizm-.html>

¹¹ <http://www.specletter.com/politika/2011-04-20/print/kreml-stoit-na-razvilke-libo-stalin-libo-natsionalizm-.html>

¹² Белковский С. Чечня обрела независимость // Московский комсомолец. 15.06.2011.

в кафе „Огород“». Александр Севостьянов, Валерий Соловей и другие авторы доклада в пресс-релизе заявляют о том, что *«кавказский вопрос назрел настолько, что многие граждане готовы поддержать немедленное отделение Северного Кавказа от России на любых условиях, видя в нем лишь дотационную „черную дыру“, рассадник преступности и терроризма»*¹³.

Так, значит, план по отделению Кавказа уже созрел? Он созрел у всех сразу – у господина Люттвака, у прибалтийских лидеров, у проамериканских либероидов и у националистов?

Меня спрашивают: «А где это Белковский говорит об оккупации? Отделим – будет все нормально...». Вот что он говорит об оккупации: надо установить в России конституционную монархию (после отделения Северного Кавказа), сделать монархом Майкла Кентского. И все это должно быть осуществлено *«при участии и под давлением со стороны внешних сил»*¹⁴.

Формула «при участии и под давлением со стороны внешних сил» – это не оккупационная формула? Вы не чувствуете, как эта машина зла приближается?

Тут все готовят вместе: и расчленение, и оккупацию. Когда почувствуете в полную меру? Тогда, когда это будет уже осуществлено? И сетовать тогда будете на других? И говорить: «Что же мы могли сделать, раз нам ноги отрезали?»

Но Маресьев смог сделать одно, а люди, которые пошли в инвалидную артель, – другое.

Теперь несколько слов по поводу того, что касается стратегического диалога с националистами и их разделением на национал-либероидов, оранжистов, уменьшительных националистов, националистов-ликвидаторов и нормальных националистов.

Это настолько важный вопрос, что я все перечислю по пунктам.

13 <http://evrazia.org/n.php?id=17622>

14 Белковский С. Жизнь после России // Завтра, №30, 22.07.2009; №32 (820) 05.08.2009.

Пункт первый. Об отношении к истории.

Если эти господа заявляют (а они заявляют) «долой имперскость», «долой навязанную нам русскую историческую судьбу», «долой нашу историю как проклятие», «долой историческое предназначение» (то есть то, что собирает народ), то что такие господа говорят по сути?

Что народ этот надо рассыпать. Да или нет? А чем иначе может кончиться проклятие исторической судьбы, кроме как рассыпанием народа, капитуляцией и оккупацией? Ничем другим.

Вот господин Широпаев обиделся на господина Карпеца, что тот его плохо процитировал. И сказал о том, что выступал за федерализм... С этого места нельзя ли поподробнее? Какой это федерализм? Что, нужно семь русских республик, для того чтобы русские по-настоящему себя выразили? А почему семь, а не двадцать? Или, может быть, чем их будет больше, тем лучше русские себя выразят? А если каждый уезд будет республикой, так они и совсем хорошо себя выразят?

Но ведь господин Широпаев объясняет, что он имеет в виду. Он сетует на то, что господин Карпец процитировал его не полностью. А он должен был бы руки Карпецу целовать и в ножки кланяться за то, что он его процитировал не полностью. Потому что, когда он цитирует сам себя полностью, вот тогда-то по-настоящему все и проясняется.

«Русский народ весьма велик и весьма многообразен в регионально-субэтническом плане»¹⁵, – говорит он. Поэтому по всем субэтносам надо строить республики. Все это субэтносы: Дальний Восток, Сибирь, Урал, Поволжье, Центральная Россия, Южная Россия, русский Север... Это все субэтносы, которые должны обрести территориальную государственность!

А дальше-то что?

Когда-то мое сердце потрясли слова одного из националистов, который очень давно процитировал с трибуны Съезда

¹⁵ Широпаев А. Как решить русский вопрос // Выступление на круглом столе «Русский вопрос накануне выборов», состоявшемся в Государственной думе РФ 23.05.2011. См. <http://shiropaev.livejournal.com/66673.html>

народных депутатов СССР: *«Не упрекай сибиряка, что у него в кармане нож, ведь он на русского похож, как барс похож на барсука»* (стихи Л.Мартынова). На вопрос, арестуют ли этого гражданина, выведут ли его в наручниках со съезда, мне сказали, что у него иммунитет. Я сказал, что этот иммунитет надо снять, иначе русскому народу конец.

Дальше эти субэтноты начнут враждовать. У Сибири ресурсы, в Центральной России их нет. Мы же знаем, что дальше происходит. Происходит развал.

Пункт второй. Этот федерализм в каких условиях будет реализовываться? Он будет реализовываться в условиях краха власти. В других условиях он не может быть реализован. Так вот, в этот момент займутся не новой властью, а новой государственностью. А иначе говоря – расчленением страны. Потому что как только этот крах произойдет... А при существующих процессах он обязательно произойдет. Снова и снова подчеркиваю: существующие тенденции несовместимы с жизнью России. Существующие тенденции преступны. Класс, который обезумел в своей алчности и эти тенденции расширенно воспроизводит, преступен. И не надо говорить, что мы что-то там защищаем из наличествующего... Мы защищаем страну, вне которой русский народ будет уничтожен незамедлительно.

Так что это за федерализм, нельзя ли поподробнее?

Пункт третий. Идет дискредитация самого принципа империи в XXI веке. Между тем единственный способ выживания в XXI веке – это создание полюсов силы с численностью населения не менее 500 миллионов. Это рассчитано математически. Кто не знает – может по этому поводу познакомиться с данными.

Соединенные Штаты Америки хотят объединиться с Канадой и Мексикой. Европейцы создали свой полюс силы. Китай – это вполне полюс силы. Индия – полюс силы. Исламский мир стремится к халифату, потому что стремится создать полюс силы.

И если мы не создаем свой имперский (а иного не может быть) полюс силы, то в какой именно полюс мы интегрируемся? Назовите, пожалуйста. В ком мы растворяемся? Говорите, а не нойте про то, что империя чему-то там мешает. Мы знаем, что мешает плохому танцору...

Пункт четвертый. Полный хаос в том, что касается национализма вообще. Когда национальную идею, идею нации (например, индийской полиэтнической нации и других) заменяют субэтнической, то возникает даже не этническая, а субэтническая каша. Понятно, чем это чревато? Это уже не расчленение, это рассыпание в пыль.

Пункт пятый. Идет прямой призыв к сепаратизму. Зачитал я этот призыв, да или нет? Что вы отвечаете по этому поводу – конкретно, сухо, на политическом языке, без всякой там хулиганской акробатики?

Якобы мы говорим, что русские должны терпеть любые унижения ради сохранения единства, что должны служить нерусским. Это что за фокусы в духе грязного пиара? Вы отвечайте на политические вопросы. Потому что эти вопросы вам задает не кто-то конкретно, их вам задает жизнь – и надвигающаяся катастрофа. И очень скоро вам нужно будет определить, где вы. В рядах сражающихся или в американском обозе?

Пункт шестой. Идет восхваление оккупации. Вы слышали это: «...при участии и под давлением внешних сил».

Пункт седьмой. Идет собирание дурной энергии. Люди справедливо раздражены по поводу того, как ведут себя кавказские (северокавказские и другие) элитные бандитские группы. Им говорят: «Вы видите, вы видите, как они себя ведут? Вы же недовольны. Идите к нам. А теперь мы вас приведем к разрушению страны». Вот так собирают дурную энергию. (Потому так важно очищение энергии, потому так важно менять ее качество)... И бросают на разрушительные цели.

Точно так же бросали недовольство номенклатурой на уничтожение Советского Союза и на ту катастрофу, плоды которой мы сейчас пожинаем.

Пункт восьмой. Всегда и во всех случаях люди хотят разрушать страну, используя две разрушительные энергии: сепаратизм окраин и некий уменьшительный национализм ядра. Так же разрушался Советский Союз, когда Распутин предложил, чтобы РСФСР вышла из состава СССР, а потом Ельцин это и осуществил. Теперь надвигается новый этап того же самого – нужно разрушить русское ядро. Нужно подорвать силы народа-держателя. Нужно его протестную энергию обрушить на его же ликвидацию – вот в чем суть этой подлой затеи.

И, наконец, последний: **пункт девятый.** При чем тут национал-демократия? Когда и в какой стране мира национал-демократия грезилась всякими там федерализмами, которые у нас немедленно превращаются в конфедерализм? Конфедераты, рабовладельцы юга, были демократами? Демократом был Авраам Линкольн, который «мочил в сортире» этих конфедератов на свой американский манер.

Якобинцы были конфедератами? Часть жирондистов, маленькая группа, во время Великой Французской революции пыталась дернуться в эту федералистскую сторону... Потом оказалось, что нужно либо снюхиваться с роялистами и ехать в немецко-английском оккупационном обозе, либо гибнуть. И они гибли с честью.

Якобинцы никогда не посягали на целостность страны. Подлинная демократия, если бы она была в России, всегда бы служила целостности страны.

Так вот, вместо демократии – ложная либероидная гниль. А теперь гниль ищет гнили. Ложная псевдонационалистическая гниль ищет другой гнили.

Вот перед лицом какой катастрофы мы все находимся.

Это только малые симптомы. Поэтому наша главная задача, которую мы будем обсуждать в следующем, третьем цикле наших передач, заключается в том, как найти спасение

от этой катастрофы, как изменить качество энергии, как реально объединить все то, что хочет, чтобы страна жила, как найти другую энергию.

Как сделать так, чтобы люди, поняв весь ужас сегодняшней ситуации, не сломались, а мобилизовались и, преодолев этот ужас, вышли на те самые высоты в реальности, о которых они сейчас грезят во снах?

И тогда окажется, что эти высоты в реальности гораздо более святые, великие и настоящие, чем то, что грезится в подпольных снах за 10 минут до конца страны.

«... Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Мы куем булат этой победы.

Победа куется в умах и сердцах. Там же куется и поражение.

Мы куем победу в умах и сердцах людей. И мы свою задачу решим.

28 июня 2011 года

Выпуск №22

В конце 1980-х годов я приехал в Баку в составе антикризисной группы, которую сам же и создал, чтобы противопоставить что-то версии событий, которую тогда раскручивали демократы. А также официальной тупой версии, в которой уже не было ничего живого и про которую было ясно, что она создается только для того, чтобы оттенить собою всю «блистательность», всю «тонкость» и «правдивость» лживой демократической версии, или либероидной, как сейчас мы это называем.

Для примера – тогдашний официоз выдавал такие перлы: «Ну, что же вы, два братских христианских народа – армяне и азербайджанцы, – режете друг друга?» На фоне этого официоза все, что говорили представители демократического лагеря, казалось верхом ума, тонкости, четкости, правдивости и так далее. А это была абсолютная ложь.

Мы тогда приехали для того, чтобы все-таки этой умной, коварной лжи противопоставить что-то конкретное и не столь элементарное, как то, что делал официоз. В этом смысле мы давно уже работаем на ниве противостояния существующим демократическим мифам. Тогда эти мифы были невероятно привлекательны. Заглатывались они на раз, приводили людей в состояние безумия... Люди бегали с вытаращенными глазами и требовали немедленного сброса номенклатуры ради

того, чтобы замечательные демократы и творцы вот этих вот лживых мифов побыстрее пришли к власти и создали светлое будущее.

Итак, я приехал в Баку, где разворачивались события, совершенно не имеющие никакого отношения ни к официозу, ни к тому, что пропагандировала наша демократическая оппозиция.

Что именно сотворялось?

К примеру, могу вам со всей ответственностью сказать, что когда зверски убивали армян в Сумгаите и, издеваясь над ними, осуществляли некие ритуальные действия, то делали это не азербайджанцы, а делали это вообще люди со стороны – нанятые представители частных международных структур. Мы этих представителей просто знаем по именам. Мы знаем, к каким структурам они принадлежали тогда и к каким структурам они принадлежат теперь. Эти люди убивали армян, подключая к этому делу азербайджанцев. Потом убивали азербайджанцев, подключая к этому делу армян. Потом сталкивали азербайджанцев и армян – и начиналась вот эта управляемая напряженность, при которой с двумя довольно образованными народами, учитывая их непростую совместную историю, играли так, как с племенами, не знаю, зулусов, – как с африканскими племенами.

Мы это все увидели с ходу. Увидели все, что за этим стоит. Картина ужасающая. Но самое ужасающее было другое – то, что не имеющие к этому всему никакого отношения демократоидные, либероидные мифы уже воспринимались как истина в последней инстанции, как нечто самоочевидное, как нечто абсолютно правильное. Они уже управляли сознанием. Все эти вирусы уже вгрызлись в сознание, и толпы бежали в нужном направлении – по направлению к собственному концу, к собственной беде, к собственному предельному неблагополучию, в котором они и оказались впоследствии.

В этот момент мы уже понимали, какова настоящая ситуация, видя ее, что называется, *face to face*, вплоть до конкретных лиц и структур. Тогда была полная возможность это делать и

действительно понимать все, вплоть до деталей. И находились люди (они найдутся и сейчас, уверяю вас), которые детали этой ситуации излагали с жесткой и сухой конкретностью. Я видел, что происходящее настолько мало имеет отношение и к официозу, и к демократоидной версии, настолько это происходящее безжалостно, настолько преисполнено презрением к любимому мною обществу, что состояние психологически было тяжелейшее.

И вот в этом тяжелейшем состоянии я встретился с одним из блестящих азербайджанских аналитиков, с которым у меня была длинная беседа. Сам он собирался уехать в Израиль, куда уехал уже его брат. Оба они боготворили Сталина. В кабинете у него на стене висел портрет Сталина. Он так никуда и не уехал, умер в Азербайджане. Он очень известный человек с блестящей биографией, военно-морской офицер и один из лучших аналитиков Советского Союза.

И этот человек, вдруг поверив в мою искренность и в мое желание действительно попытаться что-то изменить, отложил в сторону дежурный скептицизм, который тогда уже овладел сердцами всех, кто пытался защитить Советский Союз и понимал, что в Кремле сидят одни предатели, и начал подробно со мной разговаривать – днем, ночью.

Когда я уезжал в Москву – а у него уже было несколько инфарктов, он находился в очень тяжелом физическом состоянии, и не было ясно, увидимся ли мы еще раз, – ему хотелось что-то передать в Москву, в которую он верил, которую любил, которой он служил, ради которой он воевал и которая так безумно, с его точки зрения, как и моей, вела себя в момент этой самой пресловутой перестройки...

И он мне сказал: «Ну, вот я не знаю, почему я верю чему-то, но вот вроде ты настоящий, вроде бы ты не кукла засланная, не засланный казачок; вроде бы ты что-то хотя бы понимаешь... У тебя как-то мозги двигаются. И вроде бы есть искреннее желание что-то изменить. Ну, кто-то же тебя послал?! Ну, вот так ты передай тем, кто тебя послал...» Дальше он остановился, и видно было, что он хочет в одной фразе выразить все то, что сжигает его сердце и мозг. Он сам

не знал твердо, что скажет. Потом произнес фразу, оставшуюся в моей памяти навсегда: «Это общество „ням-ням“, которое может зарезать один волк». Он посмотрел на меня и сказал еще раз: «Ты понял? Один волк».

С тех пор эта фраза меня преследует, потому что суть ее заключается в том, что до тех пор, пока общество является обществом «ням-ням», волк найдется.

Волка я видел много раз. И далеко не всегда в овечьей шкуре. Иногда и с оскаленными зубами.

Практически те же люди, которые устроили резню в Сумгаите и разыгрывали этот двухсторонний армяно-азербайджанский конфликт, потом упражнялись на крышах Вильнюса, стреляя по двум сторонам тогдашнего политического конфликта: по прорусской, промосковской оппозиции и антимосковским силам. Они упражнялись в этом.

Это были те же холодные люди. Они не имели отношения ни к русским в Прибалтике, ни к прибалтам, которые хотели изгнания русских. Они находились над этим конфликтом. Их конкретно привез с собой господин Шарп – руководитель института Альберта Эйнштейна, который и был тогда консультантом Ландсбергиса, то есть всей этой литовской оппозиции. Он потом хвастался тем, что является консультантом Ландсбергиса. Он еще только не рассказал пока (может, в конце жизни расскажет), как именно в его движении морального неповиновения, в его таком мягком, теперь бы сказали – оранжевом – мятеже действовали снайперы, привезенные им и его друзьями. Причем отчасти буквально те же снайперы, которые «работали» в других регионах, в том числе и в Закавказье. Это были те же спецгруппы, действовавшие практически теми же методами. Это называется «управляемый конфликт».

Это конкретная, расписанная до инструкций технология.

Теперь я вижу эту же технологию здесь, в Москве. Описать вкратце, как это выглядит?

ВЫЗОВЫ, КОТОРЫЕ МОГУТ ДОБИТЬ СТРАНУ В «РЕКОРДНО КОРОТКИЙ СРОК»

Давайте я объясню вкратце, что такое управляемый конфликт.

Есть две враждующие силы – «Монтекки и Капулетти» это называется в инструкциях. Считается, что Шекспир впервые описал, как это делается, хотя на самом деле Шекспир описал чуть-чуть другое, но идет это всегда под кодовым названием «Монтекки и Капулетти».

Итак, есть две враждующие силы – совершенно неважно, какие. Две банды, например, которые надо сравить. Например, полицейские хотят их сравить по тем или иным причинам. Банды находятся в состоянии вражды. И тогда третья сила – каковой могут быть, повторяю, полицейские или какая-нибудь нефтяная компания, или иностранная разведка, или частные специалисты, нанятые иностранной разведкой (чаще всего бывает именно так; и в Сумгаите, и в других местах было именно так), – убивает члена одной из банд. Причем таким способом, что создается впечатление, что это убили члены другой банды. Банда, член которой убит, взбудораживается, и тогда этой банде (неважно даже, банде или племени какому-нибудь африканскому, или азиатскому племени, или крупному народу) объясняют, что ее героя или ее знаковую фигуру убила другая банда, другой народ, представители другого племени, другая враждующая сторона. И что за этим последуют другие убийства.

Банда мобилизуется, оплакивает убитого и начинает готовиться к сражению.

Вновь подчеркиваю, что это может быть банда, племя, народ – неважно, кто. Идет подготовка, идут заклятья в адрес врага, врагу угрожают, мобилизуют силы на то, чтобы дать отпор. В этот момент третья сила спокойно убивает представителя соседней банды (племени, народа – неважно). И делает это так, что очень похоже на то, что это сделали представители взбудораженной банды, чей знаковый лидер только что пострадал.

Понятно, что происходит дальше?

Другая сторона тоже переходит в состояние возбуждения и мобилизации.

Еще одно убийство со стороны X, потом убийство со стороны Y. Потом, наконец, начинается конфликт.

В этом конфликте силы уничтожают друг друга. Это очень часто делают полицейские, и тогда это действительно – банда на банду. Два племени могут завязать на территории нефтепровода долговременный конфликт. Два народа могут, столкнувшись друг с другом, создать горячую точку. И эта горячая точка может начать процесс отторжения целого региона от страны, которая не может этому противостоять.

Это бывает по-разному. Но это всегда одна и та же схема – «Монтекки и Капулетти». Она известна специалистам. Она подробно описана. Она многократно применялась тогда, когда распадался Советский Союз. Она применяется во всех странах мира. По этому поводу написаны тома как открытых мемуаров (в основном различного рода деятелей спецслужб), так и закрытых инструкций. Все специалисты прекрасно знают, как это происходит.

Теперь я предлагаю, вооружившись пониманием технологии «Монтекки и Капулетти» (это ее кодовое название, повторю еще раз), рассмотреть историю Буданова. Буданов – это одна из знаковых фигур русской античеченской партии, которая является раздражителем для чеченской партии. Почему он знаковая фигура для русской партии? Потому что он уже пострадал от чеченцев и чеченцы обещали его добить. Они ему угрожали неоднократно, они его проклинали. Он для них действительно является реальным раздражителем! На пустом месте управляемые конфликты не создаются. Ищется реальный раздражитель. Дальше этого человека убивают, причем таким образом, чтобы выглядело, что это сделали чеченцы.

А теперь давайте разберемся, что дальше произошло. Ведь не просто убили Буданова, взбудоражив этим русскую партию, которая хоронила своего героя и так далее и проклинала чеченцев. А немедленно после этого определенные средства мас-

совой информации (очень знаковые, очень понятные по своей гнилой сути) начали раскручивать «залепуху» по поводу того, что чеченские следователи рассылают некие бумаги и ищут всех участников контртеррористической операции в Чечне. А этих участников, как вы понимаете, достаточно много, и они достаточно консолидированы как в плане противодействия чеченцам, так и просто между собой по факту участия в этой операции. Как есть афганское братство, так есть и братство русских военных, проводивших контроперацию в Чечне... И всех их якобы разыскивают сейчас чеченцы, для того чтобы, разыскав, опознав место их нахождения, начать их убивать.

Представляете, как сила, которая уже взбудоражена тем, что убили Буданова, начинает мобилизовываться в ответ на подобный мессидж, создаваемый средствами массовой информации?

Но и это не все. После того как создан этот мессидж и участники контртеррористической операции в Чечне начинают мобилизовываться для того, чтобы дать ответ тем, кто хочет их находить и убивать, выясняется, что какой-то один военный уже случайно (как вам нравится это слово – «случайно»?) получил некий документ. Из документа следует, что этого военного разыскивает чеченский следователь, чтобы его в дальнейшем покарать.

Никто не интересуется, а достоверно ли это? А действительно ли существует тот, кто получил подобного рода мессидж от чеченцев? Есть ли этот военный, проживает ли он в том городе, о котором говорят, на указанной улице? Никто это не исследует.

Это свойство подобного рода слухов. Но поскольку данные слухи никто не опровергает, никто не исследует даже сложившуюся информационную коллизию, то слухи начинают приобретать статус правды. «В самом деле, вот Буданова убили, теперь нас, каждого по отдельности, будут убивать. Давайте объединимся и дадим отпор всему этому».

Дальше все это растет, как снежный ком, или разгорается, как пожар в лесу (это точнее), непрерывно подогрева-

ется, обрастает деталями. В огонь непрерывно льют масло соответствующее.

Теперь представим себе следующую фазу.

Ситуация уже разогрета, а тут убивают еще одного военного. Причем опять якобы чеченцы. Понятно, что тогда температура возрастет просто скачкообразно. Дальше эта же третья сила имитирует убийство чеченца со стороны русской партии. Во-первых, не так трудно найти отдельного представителя, который на это согласится. Во-вторых, это можно имитировать, как и в случае с Будановым. Это ведь не так важно: подбил кого-то на это или сымитировал это. Чаще всего это имитируют.

Если нужно сделать это профессионально, то это имитируют. В случае с Будановым – его убили так профессионально, что понятно, о чем идет речь. И по многим другим признакам понятно, о чем идет речь. И, честно говоря, я просто знаю, что речь идет именно о действиях этой третьей силы. Знаю вплоть до деталей.

Представим, что дальше процесс будет развиваться в этом же направлении. Вы понимаете, как сильно можно столкнуть в уже достаточно нагретом обществе полярные силы этих «Монтекки» и «Капулетти», и какой огонь займется, и что именно будут варганить те, кто зажег этот огонь. А они будут варганить свое любимое блюдо – шашлык из человечины. Он же отчленение от страны, от России, еще одной части – теперь Северного Кавказа. Это будет вписано вообще во всю агитацию вокруг кавказского вопроса, это прекрасно в нее впишется.

Действия официоза в этом случае будут вялыми, как они были вялыми в Сумгаите и везде, по многим причинам. Бюрократия, включая силовую, находится в достаточно размагниченном состоянии. Если она чем-то занимается, то отнюдь не национальными интересами, а своими клановыми распрями. Ну и, так сказать, разного рода экономическими лакомствами, а также размышлениями на тему о том, «что день грядущий нам готовит» в политическом смысле, а это очень серьезные размышления.

Значит, она этим делом не занята. Даже если она им займется, она может заниматься им только вяло и официозно. С какого-то момента она будет так скомпрометирована, что даже если она этим и займется, то лучше бы она этого не делала... Так уже было, когда Москва пыталась вмешаться в армяно-азербайджанский конфликт и становилась предметом всеобщей ненависти. Честно говоря, бюрократия уже скомпрометирована именно в этой степени. И тогда огонь этот начнет возгораться, и никто не станет его тушить, если этим не займется граждане.

Как они должны этим заняться? Как этим могут заниматься гражданские силы? Они должны тщательнейшим образом исследовать каждую ситуацию, так же, как мы исследовали другого рода ситуации в Кузбассе, ознакомив потом общество с деталями и предоставив обществу наш фильм «Комната». Вот так же сейчас надо исследовать ситуацию с Будановым. Исследовать все ее аспекты, почерк убийства, информационную кампанию, которая последовала за этим убийством, этапы развития конфликтности. То, кто и как этой конфликтностью управлял. Нужно внимательнейшим образом всмотреться в детали произошедшего, с тем, чтобы видеть, где мы имеем дело с очевидной дезинформацией. И нужно ответственно, спокойно и доказательно знакомить с этим общество, обезвреживая то, что уже сделано этой третьей силой, и то, что она попытается сделать в ближайшие месяцы. Нужно гасить этот пожар, вырывая спички губительного конфликта из рук поджигателей.

Хватит ли у гражданских сил мужества, компетентности, стойкости, тактичности, чтобы все это правильным образом сделать?

Я прошу задуматься над этим тех, кто обеспокоен защитой территориальной целостности и вошел в этот первый узел нашего проекта, а также всех остальных, кто может помочь нам как с информацией, так и с ее освещением, потому что, согласитесь, дело это очень серьезное. И это только один элемент в некой системе, которая создается для того, чтобы страны больше не было. Для того, чтобы осуществить перестройку-2.

Антикавказские настроения плюс будановская эпопея, плюс масса других эпопей, плюс все то, что происходит сейчас на Северном Кавказе и никого не интересует, а там происходит нечто чудовищное, плюс «десталинизация» и так далее, и так далее. Это все слишком напоминает перестройку.

Убийство Буданова в Москве напоминает то, как работали в Сумгаите и потом в армяно-азербайджанском конфликте. Это очень похожий почерк. И дело не только в том, что почерк похож. Если бы речь шла только о похожести, то, поверьте, я бы не стал гадать на кофейной гуще в столь ответственный момент. У меня есть гораздо более серьезные основания для того, чтобы это утверждать. И все эти основания будут предъявлены обществу. В этом суть гражданской альтернативы.

Но если вызовы именно таковы, а я, разбирая ситуацию с Будановым, просто показал еще на одном элементе происходящего, еще на одном компоненте выстраиваемой системы, каков именно масштаб вызова, то вопрос и в том, каков должен быть масштаб ответа. Не только в том, как именно люди в их нынешнем состоянии должны на это отвечать, но и в том, как именно люди должны выходить из своего нынешнего состояния, переходить в другое состояние и в этом состоянии адекватно отвечать на происходящее. Обсудив на примере убийства Буданова вызовы, я перехожу к обсуждению ответов.

ОТВЕТЫ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ МЫ МОЖЕМ ИЗБЕЖАТЬ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ

По этому поводу есть известный юмористический сюжет... не знаю – анекдот, притча. Я ее когда-то рассказывал в 2008 году, когда Владимир Путин решил стать национальным лидером партии «Единая Россия».

Зайчикам в лесу стало совсем плохо... Волки их заедают, болезни какие-то, вирусы специальные – вообще жить невозможно. И они решили, что надо что-то делать, и самый мудрый старый заяц сказал: «Пусть посланцы заячьего пле-

мени пойдут к филину. Филин мудр, он обязательно скажет, что нам надо делать».

Посланцы – выбранные самые умные и тактичные зайцы – пришли к филину и говорят: «Филин, только ты можешь нас спасти. Скажи, пожалуйста, заячьему племени, что же надо делать, ведь беда-то так велика...»

Филин сказал: «Я знаю твердо, что надо делать. Надо переделаться в ежеиков, тогда волки вас не тронут, вирусы перестанут действовать, в лесу тогда найдется пища для ежеиков, и, вообще, будет все идеально».

Зайцы восхитились и побежали к своим собратьям рассказывать, что именно надо сделать. Прибегают... Сидят старики, собралось вообще все заячье племя. И рассказывают: «Знаете, филин сказал гениальную вещь – нам надо переделаться в ежеиков». Все аплодируют: «Гениально! Фантастически! Правильно! Да, да, нам надо переделаться в ежеиков, в ежеиков!»

Наконец, самый старший из зайцев говорит: «Скажите, пожалуйста, а филин сказал, как это сделать? Я понимаю, сколь умна и глубока эта мысль. Но он сказал, как это сделать?»

«Да как-то не сказал. Мы его не спросили. Мы так увлеклись...»

«Ну, хорошо. Идите к нему снова. Извинитесь перед ним, побеспокойте еще на 10 минут. Он наверняка расскажет, как переделаться в ежеиков».

Те же посланцы приходят к филину, говорят: «Филин, извини, еще раз побеспокой. Все, что ты сказал, принято на ура. Мы восхищены твоей мудростью, но просто добавь еще вот малость – скажи, как нам в этих ежеиков-то из зайчиков переделаться?»

Филин отвечает: «Ну, знаете, я стратег, а это вопросы сугубо тактические, я ими не занимаюсь».

Может показаться, что призывы перестать быть «ням-ням», изменить качество и пр. – это такие вещания пророка-филина по поводу того, что надо переделаться из зайчиков в ежеиков, а неизвестно, как. Но на самом-то деле мне кажется, что я достаточно точно понимаю, как. Что я, в отличие от этого филина, готов отвечать на тактические вопросы вплоть до деталей.

И определенные рекомендации по этому поводу дают не только историки, свидетельствующие о том, как человек в критических ситуациях перестраивается фундаментальным образом, меняет все программы своего поведения, как он действительно становится другим, как в нем просыпаются эти возможности, как он начинает вести себя иначе. Есть много книг, которые описывают технологии, направленные на процесс просыпания, как религиозные (скажем, суфийские или иные), так и вполне светские, психологические.

Но есть также художественная литература, есть искусство, которое иногда говорит больше, чем любые инструкции. Есть такой известный американский фильм «Три дня на побег». Суть этого фильма заключается в том, что жену одного американского школьного учителя арестовывают по ложному обвинению и заключают в тюрьму на очень долгий срок. Ясно, что она не выдержит этого срока. Чувствуя, что она или сойдет с ума, или сломается, или умрет, учитель вдруг осознает, как именно он любит свою жену, что он не может без нее жить. У учителя есть маленький сын...

Учитель понимает, что его шансы доказать невиновность жены равны нулю. И начинает готовить побег жены из тюрьмы, из которой никогда никто не сбежал. Это считалось невозможным. Он находит человека, который ему за деньги рассказывает, что нужно делать, как именно себя вести. Он впитывает рекомендации этого человека и начинает их исполнять. Он прорабатывает до деталей некий план, но он понимает при этом, что у него практически нет шансов. И еще он понимает, что он простой школьный учитель, что против него будут работать блестящие специалисты-полицейские, которые начнут загонять его, как зверя, в ловушки. И он не сможет им противостоять.

Но каждый раз, встречаясь с женой, он понимает, как ее любит и что он не сможет жить без нее. Он просто все более и более точно и конкретно понимает, насколько он ее любит. И с каждой новой встречей, с каждым новым приливом остроты и ясности понимания, что без этого жить невозможно, что это нельзя потерять, он становится чуть-чуть другим.

Он до деталей, безжалостно, точно прорабатывает план. И вдруг понимает, что времени осталось совсем немного, что потом жену куда-то переведут, а у него все только наполовину подготовлено. И он осуществляет побег вопреки воле жены, которая вначале боится, кричит, что он сошел с ума, и так далее. Он тянет ее за собой и проходит через все ловушки, которые выставлены очень опытными полицейскими. Он находит в себе силы для того, чтобы обмануть всех этих полицейских. Он невероятно точен, как Джеймс Бонд. Школьный учитель, он ничего этого не знает, но вдруг становится Джеймсом Бондом. И, как Джеймс Бонд, проводит всех полицейских, которые гоняются за ним. Когда же, наконец, шеф полицейских понимает, кто именно их провел и как именно, у него происходит глубокая ломка. Ему хочется, чтобы за спиной у этого школьного учителя кто-нибудь стоял – какие-нибудь могущественные силы или сам Господь Бог. Хоть кто-нибудь... Ему невыносима мысль, что его может обыграть простой школьный учитель, не владеющий никакими профессиональными навыками.

Это происходит очень часто в жизни. Есть матери, которые, осознав, в какой степени болен ребенок и как они его любят, совершают чудеса. И, помимо прочего, становятся блестящими специалистами. Я видел таких матерей не раз. Тут все определяет преобразующая сила любви и способность человека открытыми глазами смотреть на бесконечный ужас происходящего. Открыть глаза вовремя, увидеть весь этот ужас, всю его непристойность, предельность, бесконечность. Это называется «встать на краю бездны». Если в этот момент есть любовь, то найдется и все остальное. Поэтому, как переделываться из зайчиков в ежиков, в общем-то, известно.

По этому поводу есть еще разного рода рекомендации, которые можно почерпнуть из открытой литературы, в том числе из песенного фольклора. Я не очень люблю «Наутилус Помпилиус» и никоим образом не являюсь поклонником этой группы, но я все время вспоминаю один из текстов:

*С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде.
И Андрей доставал из воды пескарей,
А Спаситель – погибших людей.
И Андрей закричал: «Я покину причал,
Если ты мне откроешь секрет!» (Того, как пере-
дельваться из зайчиков в ежиков. – С.К.)
И Спаситель ответил: «Спокойно, Андрей!
Никакого секрета здесь нет.
Видишь там, на горе, возвышается крест:
Под ним десяток солдат. Повиси-ка на нем.
А когда надоест, возвращайся назад,
Гулять по воде, гулять по воде, гулять по воде
со мной...»*

Есть масса людей, которые за всем хотят видеть секреты. Вот как это – нет секрета? Секрет обязательно есть... пока не будет этого секрета, мы с места не сдвинемся!

Но никогда не понятно, действительно ли люди верят в то, что за каждым сюжетом подобного типа, в том числе и за тем, который не без умной иронии описан в песне группы «Наутилус Помпилиус», стоят какие-то секреты. Есть книги, в которых секреты данной ситуации тоже описываются, как «Священная загадка», и пр. Есть такая конспирологическая туфта на данную тему.

Верят ли люди, которые ищут секретов, в то, что за каждым сюжетом мировой истории стоит секрет, то есть что на все исторические свершения всегда назначают: Ленина – немцы или англичане, Наполеона – масоны? Всех – назначают. Что такая жизнь. Верят ли они в это действительно или ищут в этом себе оправдание за бездействие? Потому что все время возникает такое ощущение, что если я маленький человек, что если за мной не стоят силы, то и «чѐ ловить-то, ловить нечего». А все, кто пытается со мной разговаривать и убеждать, что я что-то могу, это тоже ставленники каких-нибудь сил. Ловцы, которые ручками машут, машут, а потом в нужный момент все это упакуют и куда-нибудь переведут или сольют.

Пагубность данного очень популярного мировоззрения (а это очень популярное мировоззрение: конспирология сейчас – одна из самых популярных теорий; теория заговора, как говорят в таких случаях, цветет и пахнет) состоит в том, что оно почти правильное. И, опять же, как в тех ситуациях, которые я вам описывал, была тупая версия официоза – и лживая версия, кажущаяся убедительной. Так вот, как в тех случаях, о которых я говорил перед этим, так и в данном случае беда-то заключается в том, что конспирологической версии противостоит официальная версия, согласно которой заговоров вообще нет, все, кто о них говорит, идиоты, параноики и все прочее.

В связи с этим тоже расскажу анекдот.

Стоит стадо коров. И одна из коров говорит другой: «Знаешь, у меня какие-то странные подозрения. Мне кажется, что люди нами питаются. Сначала они доят наше молоко, а потом, когда они все выдоют, они забивают нас на мясо». Товарка ей отвечает: «Слушай, молчи, не смей никому об этом рассказывать. Это же конспирологическая теория! Тебя засмеют».

Я вспоминаю еще тексты последнего времени, в которых справедливо говорится, что конспирологической теорией сейчас называют все, что не отвечает официальной версии американской пропаганды. Американская пропаганда, да и пропаганда вообще, настолько тупая, что люди тянутся к конспирологическим теориям. Тянутся потому, что там больше правды. Там действительно больше правды. И в мире есть огромное количество заговоров и огромное количество сил, которые манипулируют очень, и очень, и очень многим. Все это вместе называется «игра элит». Игры элит.

Так вот, в мире этого очень много. И когда люди понимают, что этого очень много, они и начинают верить в конспирологию. А разница между конспирологией и правдой состоит в том, что этого очень много, но к этому все не сводится, а конспирология говорит, что к этому сводится все.

Как только вы попадаете в ловушку, согласно которой к этому сводится все, вы уже никогда не превратитесь из зайчи-

ка в ежика. Вы уже никогда не станете альтернативой тому «ням-ням», которое уже погубило однажды страну и которое готовится погубить страну в очередной раз. Вы никогда не станете альтернативой тому, о чем писал Бертольд Брехт:

*Шагают бараны в ряд,
Бьют в барабаны, –
Кожу для них дают
Сами бараны.*

А вы должны стать этой альтернативой. Почему этому мешает конспирологическая теория, которая, подчеркиваю, чуть-чуть преувеличивает наличествующее, чуть-чуть искажает наличествующее, но в любом случае является гораздо более правдоподобной, чем тупой официоз: американский, общемировой, наш отечественный – понимаете? В конспирологии больше правды, но тем ядовитее ложь. И это вопрос, который надо обсудить с теоретической точки зрения, – о чем здесь идет речь?

Здесь речь идет о двух категориях: история и игра. Вот та самая игра элит, упрощенным, профанным вариантом исследования которой является конспирология. Конспирология не лжет напрямую – она утрирует, извращает, упрощает и затягивает в свою ловушку. Добро бы только в ловушку интеллектуальную – вы теряете след, реальный след происходящего. Вместо него появляются совсем не те следы, и вас уводят в сторону. Но это еще и ловушка моральная, экзистенциальная и так далее. Вот это – игра.

Существует ли игра элит, искаженным, лубочным описанием которой является конспирология? Да, она существует. Она есть, и она имеет огромное значение. Но, кроме нее, есть история. А героем истории является маленький человек, человек из народа, который вдруг перестает быть «ням-ням». Который сам себя в отчаянных ситуациях переделывает из зайчика в ежика. Который открывает глаза, встает на край бездны, чувствует бесконечную любовь к тому, что у него хотят отнять, и побеждает вместе с другими.

Вот это и есть история. История – это когда новой великой мечтой, новым великим идеалом воспламеняется большое количество людей, которое начинает это воплощать и движет человечество вперед. Как только это движение начинается, к этому движению примазывается все что угодно и, прежде всего, та же самая элитная игра. Но, пока горит великий огонь истории, игра не может господствовать. Она может подстраиваться, греться у огня, жарить на нем свои вонючие шашлычки, ухмыляться, сжигать в огне великих людей. Но она не может оседлать окончательно человечество, превратив его в послушный скот, в это «ням-ням» навсегда. В этом суть истории.

Порой огонь этот остывает. В последний раз он, конечно, всерьез зажегся в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, когда русский народ, все народы империи, действительно воспламенившись, двинули человечество вперед.

Иногда, чтобы погасить этот огонь, используют его альтернативу. «Весна-красна», – поется в песнях, но есть еще «черная весна» («black spring»). Вот такой черной весной был фашизм, с помощью которого хотели погасить огонь навсегда. Но оказалось, что с помощью фашизма огонь, по крайней мере на нашей территории, погасить не удастся. И тогда изобрели другое: вот это самое «онямявание», «озайчикование», этот консьюмериат общества потребления, дешевых соблазнов, мещанства, атомизацию, войну всех против всех – все эти блюда предложили в виде великого счастья. На них польстились, и сейчас мы пожинаем плоды.

Значит ли это, что история закончилась совсем? Известный американский политолог и философ Фрэнсис Фукуяма написал давным-давно, лет двадцать назад, статью «Конец истории», в которой никакого особенного содержания не было, но она очень увлекла всех, потому что всем хотелось этого конца истории. Потому что конец истории – это и есть начало игры.

У Гессе есть такой роман «Игра в бисер». Когда кончается история, начинается игра, игра элит. И нет ничего, кроме этой игры. Не так давно еще казалось, что игра и будет нашим всем,

ибо народ уснул или оказался онямнямлен окончательно. Но это была иллюзия.

Страшный удар, нанесенный по Идеальному народу, по его внутренней истории, тому, что Мигель де Унамуну называл интраисторией, по его ядру культуры, которое так хотелось раздробить господину Ракитову, одному из советников Ельцина, и всем, кто стоял за господином Ракитовым, – этот страшный удар не смог уничтожить наш народ до конца.

Совершены определенные преступные действия, налицо определенные повреждения, иногда очень глубокие, но окончательного уничтожения не произошло. Это вызывает страшную ярость. Поэтому, в частности, поднимается новая волна ненависти и новое желание уничтожить все окончательно.

Конспирология есть страшная ловушка, согласно которой ничего, кроме игры, нет вообще, есть только игра. Значит, нет маленького человека как героя истории. Нет у него никакого шанса стать чем-либо, кроме «ням-ням». Его просто нет. И достаточно внушить ему, что его нет, вообще нет...

В моем театре шел когда-то спектакль «Воспитание по доктору Споку» (сценарий был написан по одноименному произведению Василия Белова). Герою этого спектакля все время говорили: «Побольше юмора, старик, будь спок», – то есть будь зайчиком. Постепенно он спивается и по любому поводу хочет юморить. Так вот, там в какой-то момент вспоминается ранняя история этого человека. Эта история состоит в том, что он мальчиком-детдомовцем пытался получить на себя какие-то документы в каком-то ведомстве... Перед ним – страшная тетка, он плачет, просит документы, а тетка ищет все по каким-то ящикам, потом поворачивается, как Баба-Яга, и говорит ему: «Нигде тебя нет».

И он как-то запоминает, что его просто нет. Ему раз и навсегда внушают: «Ты маленький, и ты никогда не будешь другим. Ты зайчик, и ты никогда не станешь ежиком, ты „ням-ням“, и это навсегда, это forever. Ничего другого быть не может».

К сожалению, приходится констатировать, что вызовы, стоящие перед нашей страной, столь велики на сегодня, а

желание ее добить столь неистово и носит столь изощренный характер, что нет другого выхода, кроме как технологизировать все, что касается превращения из зайчиков в ежиков, из «ням-ням» в нечто противоположное. Это надо технологизировать. Нельзя быть филином и не говорить, как именно это делается: «Это тактика, а я стратег, и меня это не касается». Нет, нет и нет! Только тактика здесь и важна. То, как это делается, намного важнее констатации того, что это надо делать. Но ведь и констатация необходима.

Технология-то и заключается в том, что ты вдруг понимаешь, что нет альтернатив этому. Что так надо. Что это твой жизненный путь, это твоя судьба и что это хорошо.

В связи с тем, что мы начали уже конкретную политическую борьбу с противниками, весьма опасными и ставящими перед собой весьма масштабные политические цели, мы удостоились захаживания на наш сайт и вполне грязнотехнологических структур с очень ясными адресатами. Уже очень ясно, кто это.

В частности, все время говорится: «Кто стоит за спиной Кургиняна, чей он проект?» И так далее, и тому подобное. Конспирация... А что это за конспирация? Какие силы, какие могущественные структуры? «Ну, ведь вы же все понимаете, что иначе не бывает». Это, например, обсуждается в связи с программой «Суд времени».

Так вот, программа «Суд времени», замысленная определенными тележурналистами, достаточно крупными, была мне предложена в таком формате, что, если бы этот формат был принят, никто бы ничего не обсуждал. Была бы очередная потеха, и ничего больше. Я воспротивился, у журналистов хватило ума вступить в диалог. Они сами были высокопрофессиональны и могли предлагать что-то новое. В результате, в ходе этого диалога, родилась качественно другая передача. Возникли структуры, серии, был скорректирован состав участников. Поэтому смешно и противно слушать о том, что это было «придуманно, запущено». Уж моим ли коллегам, которые в этом во всем участвовали и преобразовывали эту передачу из одного формата в другой, этого не знать.

Далее, это нужно было все выдержать. Нужно было, чтобы люди, находящиеся рядом с тобой, освоили для себя фактически новую профессию – полемику по ключевым конкретным вопросам истории. Нужно было выдержать это самому и так далее. Нужно было что-то сделать.

Начните что-то делать. Конкретно. Шаг за шагом. И постепенно заячья природа превратится в природу ежика. Если, конечно, эти действия будут носить характер тотальной жертвы на алтарь великого дела. Будут, будут эти преобразования. А когда они будут – вам начнет что-то удаваться, то пошляки и идиоты будут рассуждать о том, какие за вами стоят силы и как эти силы к чему-нибудь пристраиваются.

Что является первым шагом на этом пути? – отказ от тех форм жизни, которые неизбежно делают тебя «ням-ням», которые засасывают тебя, как болото, которые заворачивают тебя в какие-то определенные нисходящие воронки. Вот ты чувствуешь уже, что если поживешь так еще пару-тройку лет, то потом тебе и не будет никуда хотеться. Потом ты будешь всем говорить: «Ну и что, что я зайчик? Зайчик – это самое лучшее существо на свете. Ну, съедят и съедят, в конце концов. Не надо меня пугать. Это все торговля страхом. Бизнес на катастрофе. Все мы рано или поздно умрем. Уж побегаю как следует, повиляю хвостиком».

У каждого человека есть период, когда его еще не засосало. Когда он понимает, что еще может из зайчика стать ежиком, когда он понимает, что может выйти из «ням-ням», что может начать этот свой, как говорят в исламе, джихад (там говорят, что джихад внешний, джихад меча, малый джихад – это только часть большого джихада – джихада духа). Вот человек еще готов к этому. Он еще понимает, что в нем что-то есть такое, что требует реализации и отказ от чего есть капитуляция. Что после капитуляции жизни не будет. Счастья не будет. Будет удовольствие. А это разные вещи.

Счастье – это одно. Радость великая, которая существует, когда ты движешься к тому, что является твоим же идеальным, – это одно. А удовольствие – это другое. Когда потеряна эта радость, это счастье, то потом начнут срывать

цветы удовольствий, запутываться, особенно если люди к чему-то большему предназначены судьбой. И окончательно скурвятся, будут смотреть на других и говорить, что они все чей-нибудь проект, у них за спиной кто-то стоит. Злопахать, поплевывать, похихикивать. Достоевский это очень хорошо описал в «Записках из подполья», в «Бобке», в других произведениях. Почитайте, что происходит с теми, кто сначала сам себя предает, а потом смотрит на других и фыркает. Очень жалкая, стыдная роль.

У меня у самого была в жизни развилка, когда я был режиссером самодеятельного театра и уже заканчивал МГРИ. Мне было понятно, как дальше будет разворачиваться моя жизнь: как я защищаюсь, что дальше со мной происходит... Было понятно, что находящиеся рядом со мной люди тоже пойдут каждый по своей дороге, которая задана им выбранными константами профессии... Как-то после одного из спектаклей мы пошли в парк. Друзья мои завалились на травку, а я сел сбоку на скамейку. И вдруг с ослепительной ясностью увидел, во что именно превратятся эти друзья через 10 лет и во что превращусь я сам.

Мне это «ням-ням» стало ясно вдруг, сразу. Я испытал глубокое отвращение, а затем довольно быстро явлено мне было и нечто другое: как в этом самодеятельном театре пренебрегают всем, что касается работы, творчества, как это приносится в угоду вечеринкам, жизненным удовольствиям. Когда мне это было явлено, я разогнал свой самодеятельный театр. И предложил тем, кто готов идти за мной, создать нечто другое, невозможное тогда в Москве, немыслимое – паратеатр, профессиональный, да еще который будет влиять на идеологию. Шансов на это было ровно 0,0% и даже 0,00 и даже, наверное, 0,000.

Но нашлось несколько людей, которые в это поверили, пошли до конца. Они и сейчас рядом со мной. Их четверо. Это было в конце 70-х годов. Если я являюсь чьим-то проектом, то я являюсь проектом этих людей, а также моих учителей, моих родителей и той публики, которая пришла в мой театр в поисках смыслов, в поисках истины, в поисках желания не

быть «ням-ням». Не было бы всего этого – не было бы ничего. Это и есть микроистория.

Каждый, наверное, из вас попадал когда-нибудь в такие ситуации и знает их по себе. Просто сейчас их очень важно осмыслить. Каждому свои. Свои ключевые события, свою ключевую драму этого типа. Самим.

Кто только не пристраивался, не хотел погреть себе руки на волнах этого успеха, сыграть в свою игру... Где эти люди? Как сказал герой Киплинга: «В чем могли, они подражали, но им мыслей моих не украсть – Я их всех позади оставил потеть и списывать всласть».

Любая история складывается из микроисторий. Нельзя, чтобы потух великий огонь – тот самый, про который так гениально сказал Фет:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

Этот огонь не должен плакать, уходя. Это и есть главная задача человечества – не превратиться окончательно в «ням-ням», не позволить игрокам расчленить род человеческий на некие разновидности. И не позволить этим элитным негодьям установить на земле порядок, по отношению к которому и проект «Великий инквизитор», описанный Достоевским в романе «Братья Карамазовы» (где Иван Карамазов рассказывает об этом брату Алексею), и гитлеровский проект окажутся просто небольшими гуманистическими эскизами, потому что все это померкнет перед тем, что будет создано.

Вот этого позволить нельзя.

У нас здесь огромная роль. А главное, что первыми, кого уничтожат, сотрут в порошок, превратят в рабов, в слизь, в обитателей ада, будут русские. Это начнется здесь. Это главный плацдарм. Здесь попробуют совершить это окончательное уничтожение человека. С этой точки процесс начнет разворачиваться по земному шару. Я мог бы много рассказать

о том, что эта точка действительно является таковой, и не только в геополитическом, но и в ином, метафизическом, историософском плане. Но об этом хотелось бы чуть позже. В следующей серии передач.

Здесь же важны две вещи: вызовы и ответы. Вызовы носят абсолютно конкретный характер. А люди не хотят этого понимать и, когда им на это указывают, обижаются. Вот обижаются националисты: как можно так разговаривать с нашими авторитетами... А как сейчас разговаривать-то, ребята? Чего вы обижаетесь? Не надо обижаться. Ситуация слишком серьезная.

Давайте с вами порассуждаем, как именно разваливают любые большие государства.

Вот есть государство, называется империя. Тут надо уточнять, какая империя. Потому что империя Британская построена по принципу острова и колоний. А империи типа Австро-Венгерской, или Османской, или Российской, или Советского Союза, или Китайской, да и Индийской (что бы ни говорила нам о себе Индия, она ведь тоже империя) – такие империи строятся по другому принципу. Там всегда общежитие (общая жизнь): есть компромисс очень многих племен, народов, этносов. Не будем сейчас даже углубляться в то, как именно называются эти монады, из которых собирается большое целое.

Вот Австро-Венгерская империя. Она собиралась определенным образом. Или Османская, или Российская. Каковы основные черты подобного устройства государств? У них всегда есть некое ядро – народ-держатель. И периферия – это народы, интегрированные, как планеты, в его орбиту.

Это напоминает всегда планетарную систему с неким солнцем. Османская империя – это империя с турецким ядром. Между прочим, это очень оспаривалось арабами и многими другими. Российская империя – это империя с русским ядром. Или Австро-Венгерская империя – империя, по большому счету, с немецким ядром, австрийским. Ее же назвали Австро-Венгерской: она постепенно была построена на компромиссе Австрии и Венгрии.

Между ядром и перифериями (или периферией) строятся сложные отношения, более или менее гармоничные, более или менее равноправные. Да, речь идет о единстве и о каких-то правах, которыми наделяются слагаемые. И всегда есть некое солнце, которое согревает этот мир, и есть планеты... Идет жизнь.

Что нужно, чтобы убить подобного рода государство? И что постоянно разбирается в теориях, связанных с подобным убийством?

Надо, во-первых, зажечь сепаратизм окраин. Неважно – кавказских, азиатских, украинских (У-край-на), прибалтийских... Но если только поджечь окраины, начинать по краям эту империю поджигать, бунтовать малые народы (можно разбудить чувство, что они находятся под игом большого народа), то этого недостаточно, потому что большой народ – вот это ядро – подавит подобный сепаратизм окраин и не даст развалиться. Обязательно нужно заслать вирус в ядро.

Что такое вирус? Вирус – это такое тело, которое обманывает иммунитет. Оно сторожу, стоящему на воротах этого иммунитета, говорит: «Да ты что, я же не враг, я же свой, я настоящий». И сторож пропускает вирус в ядро. После чего вирус расправляется с ядром, как повар с картошкой.

Нужно обязательно одновременно с поджиганием окраин (возьмем для примера чеченскую) поджечь и ядро: запустить в ядро вирус, заставить это ядро выполнять ту программу, которая содействует распаду. Вот такой вирус уменьшительного национализма, псевдонационализма, управляемого национализма бесценен для противника. И противник столетиями тренировался в том, как создавать такие вирусы.

Когда ты говоришь вирусам, что они вирусы, они очень обижаются. Но ведь все так просто: нужно пройти тест на невирусный характер, и все.

Можно негодовать сегодня по поводу неравноправного положения русских в микроимперии, которой является Российская Федерация. Можно и должно негодовать по этому поводу. Да, по очень многим параметрам русские являются весьма и весьма фрустрированным народом и имеют все

основания для того, чтобы предъявлять по этому поводу счет. Говорим ли мы, что люди, которые предъявляют этот счет, – это негодяи, посягатели на национальное равновесие? Нет, мы этого не говорим.

Граница между справедливыми негодованиями (иногда носящими очень радикальный характер, а иногда сдержанный) и вирусом проходит в совершенно другом месте.

С того момента, как наши националисты начинают требовать распада России или отделения от нее окраин, они становятся вирусом. Причем вирусом, в нынешней ситуации очень модным. Ведь что они говорят-то, по существу, эти националисты, о чем они рассуждают? Они рассуждают о том, что ситуация очень пагубная. Так мы тоже говорим, что она пагубная. Мы регресс обсуждаем в каждой передаче... Архаизация рождает желание всех племен, всех элементов системы обособляться.

Система – это совокупность элементов, связанных между собой целью и внутренними связями. Наличие связей и целей делает систему чем-то большим, чем сумма ее элементов в отдельности. Развалить систему надо, разрушая связи и демонтируя цель. Именно так разрушали СССР. Цель – построение коммунизма, коммунистическая идеология и все прочее? Это все надо обгадить! Связи надо разрезать с помощью вот таких игр, которые я описывал: сумгаитских или сейчас – чечено-московских. После этого система разваливается. Враг торжествует.

Так вот, вирус – это псевдонационализм, который грезит расчленением России через отпадение от нее тех или иных окраин. Согласием на это отпадение, утверждением того, что это отпадение есть благо.

Либо (и это более сложный вирус, более мощный и вредный) речь идет еще и о внутреннем распаде самого русского народа как народа-держателя, о членении самого ядра на субэтнические части: дальневосточную, сибирскую, уральскую, поволжскую, южнорусскую и т.д. Тогда уже речь идет не о том только, чтобы еще раз обкромсать Россию, что уже невозможно, но и о том, чтобы превратить ее в пыль. Национально-

территориальное обособление по субэтническому принципу (а именно об этом говорят уменьшители) – это чудовищная провокация. Потому что это означает, что стравливаются уже даже не русский этнос с другими этносами, слагающими систему, а субэтноты.

Вы понимаете, что это – на убой? Все, к кому я обращаюсь, должны знать, что для того, чтобы превратиться из зайчиков в ежиков, нужно еще и шевелить мозгами, нужно понимать, что именно происходит, что именно предлагают.

Так как с пониманием-то? Кто-нибудь считает, что можно отделить Северный Кавказ, как железно утверждает Белковский? Из раза в раз он кричит о том, что только это нужно сделать. А все остальное останется? Что, по Волге не полыхнет соответствующий пожар? Что, через этот шлюз, каковым всегда являлся Кавказ, не вывалится сюда все большое исламистское море? Что, этому не помогут дальше развиваться? Мы ведь это уже проходили: уже делали уступки в Хасавюрте и после этого столкнулись с соответствующими набегами и с соответствующей идеей отделения всего Северного Кавказа. А дальше уже в Астрахани и других местах поджидали необходимые подрывные силы, чтобы распространить этот пожар на Волгу. И все.

Мы в одном шаге от этого. Уже спецмероприятия конкретные, которые я описывал, проводятся, уже упаковываются в одну когорту одни разрушители, а в другую – другие. А мы среди этого всего будем смотреть на происходящее и поглаживать всех по головке, никого не обижать, со всеми общаться максимально деликатно? А зачем нам эта деликатность? Для того чтобы «ням-ням» элегантно зарезали?

Мы обращаемся к людям, говорим: «Откройте глаза. Ну, посмотрите, что происходит. Есть очень мощная тенденция, укорененная в неблагополучии нынешней ситуации, вот в этом самом регрессе, в бандитизации, во многом другом. Есть очень мощная тенденция на отделение Северного Кавказа. Но это суицидальная тенденция, которую одни оседлывают, потому что им хочется оседлать модные, так сказать, перспективные тенденции, энергии этой хочется мутной, чтобы

куда-нибудь она их приволокла. А другие это делают сознательно, холодно, с тем чтобы окончательно добить страну. И уже не скрывают это, говорят обо всем открыто, потому что всех считают «ням-ням».

В первый момент, когда люди хотя бы откроют глаза... «На непроглядный ужас жизни открой скорей, открой глаза...» В первый момент, когда глаза откроют по-настоящему, начнется выход из состояния «ням-ням». Как только начнется этот выход, «нениямное» начнет объединяться и притягивать к себе все больше другого, того, что еще из «ням-ням» не вышло (в ком человеческое содержание тоже сохранилось, ибо сохранилось оно в каждом). Чем больше при этом так называемый маленький человек ощутит себя творцом истории и поймет, что это тяжкий труд – ее творить, что это требует выхода из «ням-ням», но что это возможно, тем больше народ реально начнет подниматься на борьбу за свою страну.

Когда он по-настоящему поднимется на эту борьбу? Поднимется он, только выйдя из этого «нениямого» состояния, а этот выход надо начинать каждому с себя. Считаешь ты, что уже вышел, уже встал на путь борьбы, уже реально решил, что вот она, развилка, и по этой развилке ты пойдешь трудным путем, путем бесконечных жертв, путем бесконечных, невероятных трудовых усилий.

Да, мы создали театр тогда, когда его нельзя было создать в Москве, и мы превратили его в профессиональный тогда, когда это было практически невозможно. Но на это были положены жизни людей, невероятные трудовые усилия, люди отказывались, совершая эти усилия, от всего того, что сулит им молодая жизнь. Они ради этой радости, этого счастья отказывались от удовольствий.

Вот только тогда, когда этот поворот происходит, произойдет следующий шаг.

Только тогда, когда в душе будет восстановлена любовь к тому, что у тебя хотят отнять (а это требует погружения в свою историю, в смысл, в смысл своей исторической судьбы), – произойдет еще один шаг, потому что ты окажешься тогда над бездной утраты, но ты будешь в этот момент вооружен

любовью. И тогда начнется твоя трансформация. Только тогда, когда ты встанешь на путь конкретного дела, начнешь объединяться с другими, когда ты поверишь в то, что ты это дело сможешь довести до конца, ты окончательно превратишься из «ням-ням» во что-то другое, из зайчика в ежика.

Это возможно, это часто происходит. Это технология. Позиция филина отвратительна. Вопрос не в том, чтобы сказать всем: «Надо сделать вот это», но не сказать, как. Вопрос в том, чтобы обсуждать это «как» до деталей, понимать, что это «как» и есть ответ. И что это ответ на страшные вызовы.

Вообразите себе, что мы как общество, как народ не даем ответ на вызов, связанный с Будановым и всем, что за этим последовало. Вы подумайте, как разгорится пламя и во что превратится ситуация. А ведь этих вызовов будет очень много. Все уже подготовлено.

Все уже подготовлено.

Подготовлены и официальные беспомощности, и антиофициальные двусмысленности. И задача сейчас состоит не в том, чтобы чему-то противопоставить анти-. Этого только и ждут. Есть глобализм и антиглобализм. Антиглобализм для глобалистов очень желанен, потому что, практически, это игра в две руки. Эти антиглобалисты своими экстазами только подчеркивают безальтернативность глобализма.

А есть альтерглобализм. Мы не зря все время говорим обо всем альтернативном, вплоть до альтернативного государства. Есть альтерглобализм, и его-то боятся больше всего. Сейчас боятся не анти-«Селигера», а альтернативного «Селигера». Альтернатива не есть анти-. Альтернатива гораздо сильнее и гораздо глубже.

Мне ничего не стоило объединяться с либероидами в конце 80-х годов в проклятиях Коммунистической партии и идти от триумфа к триумфу, превращаясь в очередного пожинаящего плоды олигарха. Но я с отвращением это все отверг, потому что я понимал, что это и есть испытание. Что достаточно принять этот искус, и ты будешь еще одной разновидностью этого самого «ням-ням» – жирной, самодовольной, тупой, купающейся в удовольствиях, пустой. А

по ночам тоскующей по поводу того, что были ведь другие возможности, что ведь жизнь-то одна, а счастье-то упущено и разменено на эти вонючие удовольствия...

Отказ от подобных соблазнов – это и есть тот тест, который стоит сейчас перед так называемыми националистами. Это очень разные люди, многим из которых мы с радостью протягиваем руки. А по отношению ко многим из которых, коль скоро речь идет о защите целостности страны, мы снимаем даже самые глубокие противоречия.

Но есть вирусы, и что именно эти вирусы делают, понятно. И как они устроены, понятно. И какова их история, понятно. И это было всегда. Поймите! Ознакомьтесь внимательно не с вонючей конспирологией, а с историей! И вы это увидите. Вы увидите, как тюрки поднимали против Османской империи. Как именно вставала против нее Анатолия. Как тюркский фактор использовали для разрушения империи наряду с арабским или сирийским. Вы увидите, как одновременно с польскими мятежами или мятежами на Кавказе пытались что-то сгношить в России. Как поднимали тост «за нашу и вашу свободу». Вы увидите, как сеялись противоречия между ханьцами и маньчжурами в Китае. Вы увидите, что происходило в Австро-Венгерской империи.

И вы увидите, что происходило в СССР, когда ведь соблазнили народ-держатель на то, чтобы сказать: «А не выйти ли РСФСР из состава СССР?». Это сказал Валентин Распутин и подхватили многие другие. Они даже сейчас по этому поводу не сокрушаются, а любят своим тогдашним поведением, называя себя при этом националистами. 26,5 миллионов русских не досчитались! Породили этот самый демографический «русский крест», когда за счет слишком ранних смертей и обрушения рождаемости народ сократился чуть ли не на 15%. Вот это все сделали, науку свою разрушили, культуру разрушили и радуются, гордятся. Ведь это тоже есть. Это же не мы выдумываем. Оно же налицо.

Но это не конец. Если мы допустим еще один виток того же самого, если еще раз вирус окажется в ядре, то мы потеряем даже то прискорбное, тягостное, неправильное существование,

в котором сейчас находимся. И никто это существование не восхваляет.

В том, что страна распадается, виновата власть. Власть, которая не смогла переломить регресс. Власть, которая купается в гедонизме в тот момент, когда требуется аскетизм и решимость действительно выводить страну из чудовищного состояния. Власть, которая не видит ни внутренних, ни внешних угроз. Она виновата в том, что возникли эти тенденции.

И что? Мы еще больше будем усугублять тенденции или преодолевать их? Мы подумаем над тем, что происходит с нами и с другими народами, как эти народы ввергают в катастрофу за счет примерно одной и той же технологии, и постараемся катастрофу преодолеть? Или мы будем плыть в потоке событий, двигаясь в сторону этой катастрофы? Конечно, так удобнее, проще. Но ведь это стыдно, это отвратительно! И это абсолютно пагубно.

Мы постоянно в этом цикле передач будем обсуждать вызовы, осмысливать эти вызовы. И обсуждать ответы. Потому что мы убеждены, что с помощью тех или иных конкретных шагов, которые мы намерены делать и уже делаем, надо выводить общество из состояния «ням-ням». Те, кто из него вышел, должны объединяться и выводить других. Это нужно делать шаг за шагом. Это самая тяжелая и самая нужная политическая работа.

В романе Сенкевича «Потоп» описана ситуация, когда весь польский народ впал вот в это состояние «ням-ням» и шведы делали с ним, что хотели. И вдруг однажды прозвучал колокол в Ченстохове. Ясногорский монастырь в Ченстохове стал сопротивляться. И к Ченстохове начали подтягиваться поляки, скидывая с себя этот морок «ням-ням». Одни, другие, третьи. Возникло огромное народное движение, которое ту ситуацию переломило.

Так вот, грядет час нашего колокола. И мы должны этот час всячески приближать.

5 июля 2011 года

Выпуск №23

У великого немецкого драматурга XX века Бертольда Брехта есть такая пьеса «Кавказский меловой круг». В ней в современном стиле изложена древняя китайская легенда. Суть легенды в том, что есть ребенок. Есть женщина, ставшая ему матерью, которая его воспитала и ужасно любит – Груше Вахнадзе, если мне не изменяет память (все происходит в каком-то грузинском селе). И есть княгиня, которая когда-то этого ребенка кинула, а теперь хочет завладеть ребенком и кричит, что она его подлинная мать.

Короче, есть мать – женщина, которая действительно любит ребенка и готова ради него на все, которая этого ребенка воспитала, вырастила, вынянчила. И есть некая псевдомать, которая появляется вдруг на сцене и требует, чтобы ребенка отдали, что она в своем праве. А судья должен вынести решение, какая же из этих двух матерей настоящая.

Этот судья, не желая копаться в казуистике и понимая, что в ней-то он как раз истину скорее погубит, чем найдет, предлагает простое физическое действие, в чем-то сходное с божьим судом. Он приказывает начертить мелом круг на земле (пьеса называется «Кавказский меловой круг») и поставить в центр круга ребенка. И говорит женщинам: «Возьмите ребенка за руки, одна за левую, другая за правую. У настоящей матери хватит сил перетащить его к себе».

Мамаши берут ребенка за руки. Но эта Груше Вахнадзе отпускает руку и отдает ребенка ненавистной ей псевдоматери. Она говорит: «Я его вскормила! Что же, мне его разорвать, что ли? Не могу!» И тогда судья при полном негодовании победительницы отдает проигравшей Груше Вахнадзе ребенка: «Итак, суд установил, кто настоящая мать. Бери ребенка и уходи с ним».

В чем смысл этой притчи по отношению к нашей актуальной политике, к тому, в чем мы все живем, что разлито в нашем воздухе, что с каждым днем все более и более ощущаемо всеми рецепторами, как аналитическими, так и иными? В том, что любая борьба имеет смысл до тех пор, пока страна не будет разорвана на части. Потому что если она еще раз будет разорвана на части или даже от нее будет оторван кусок, то любая борьба бессмысленна: это борьба, у которой нет предмета. Бороться можно за то, куда пойдет страна, как изменить ситуацию в стране. Но если страны нет, то нет предмета, не за что бороться.

Поэтому все, что делается, делается с оглядкой на угрозы, как внешние, в череде которых явно прослеживаются те, что связаны с посягательством на нашу территориальную целостность, так и внутренние. Потому что очень часто силы, которые эту целостность хотят нарушить, либо находятся под внешним патронажем, но выдают себя за вполне автономные, либо действительно являются автономными, но, прошу прощения, дурными – это же по-разному бывает.

Итак, с одной стороны, мы понимаем, что действительность чудовищна, что процессы носят деградационный характер, что мы каждый день, каждый час ощущаем, как действительность еще, еще и еще проседает. Мы наблюдаем отвратительные, ничем не объяснимые действия: приватизация огромного количества предприятий... ну, зачем даже перечислять все, что происходит сейчас в сфере образования, обороны и так далее. Все это несовместимо с жизнью страны. Мы это все наблюдаем.

С другой стороны, мы в каком-то смысле должны защищать некие рамочные условия. И в этом – трагическая

антиномия нашей политики, как сказал бы Кант. А наши философы так называемого Серебряного века говорили, что Россия разрываемая такими антиномиями, как никакая другая страна в мире. Однако надо сознавать, что противоречие – это некий двигатель. И, быть может, где-то внутри этого чудовищного, неразрешимого противоречия, которое наполняет нашу политическую жизнь, и есть механизм, который позволяет куда-то двигаться.

Можно задуматься о том, а зачем длить состояние страны, которая фактически разлагается, которая приобретает все более и более монструозный характер? Почему это надо длить, в чем такое удовольствие, если эта страна становится гробницей для населения, концлагерем и так далее?

Ответ такой: может быть, какая-то женщина наделена всеми самыми гнусными свойствами, она больна, она разлагается, но она беременна. И главная задача заключается в том, чтобы она родила ребенка. Если она сейчас, в этом своем отвратительном и ужасном качестве, погибнет, то ребенка не будет. А вот если она родит его, то, наверно, потом она погибнет, но родится этот самый ребенок. И дитя может быть совсем не ужасно, а великолепно. В этом суть истории.

Великая роженица – это и есть символ исторического процесса как такового. Вся наша надежда – на историю, как всегда. Как всегда в истории России... Что-то доходит до маразма. Но внутри этого маразма уже зреет что-то совсем другое. И это «что-то совсем другое» рождается раньше, чем маразм добивает все до конца. Или в момент, когда маразм добил все до конца. Но тем не менее вырывается наружу в жизнеспособном виде, и наша история движется куда-то дальше... Поэтому, может быть, в этом символе есть преодоление антиномии... С одной стороны, все так мерзко, а с другой стороны, это надо не просто длить или наблюдать за тем, как оно длится, это иногда надо и защищать.

Мысли эти в очередной раз посетили меня в тот момент, когда я наблюдал, как американцы готовят против нас новые репрессивные законы, связанные с тем, что они будут определять, кто у нас тут коррупционер, кто тут нехороший

человек, как его им надо наказать¹⁶... А с другой стороны, как наши пытаются защититься от этого какими-то своими регулятивными мерами, какими-то своими законами, согласно которым мы будем наказывать американцев и всех прочих, так что им неважно будет лезть в наши дела¹⁷.

Я знаю, что есть люди, которые скажут: «Да и пусть американцы накажут эту вороватую сволочь! Пусть ее накажет кто угодно! Нам неважно, кто. Американцы – значит, американцы». Но, во-первых, американцы всегда исповедовали известный принцип: «Сукин сын, но наш сукин сын». Наказывать они будут не тех, кто больше воровал или кто является большей сволочью. Наказывать они будут совершенно по другому принципу – тех, кто им оказывает сопротивление. А поскольку их окончательная задача сейчас, безусловно, состоит в том, чтобы страну разрушить, то этот закон для них есть средство разрушения страны. Только это и ничто другое.

Если американцам будет надо, то в разряд «ужасных коррупционеров» попадут вполне приличные люди. И, наоборот, если им будет надо, то самые омерзительные воры окажутся «проводниками демократических идей», свобод и чего угодно еще, как уже оказались ими «Аль-Каида» в Ливии или «Братья-мусульмане» в Египте. А ведь еще не вечер... Мулла Омар тоже скоро станет светочем свободы...

Поэтому никаких иллюзий здесь питать не надо. И, конечно, отвечать американцам надо, потому что аппетит приходит во время еды: сегодня будет один закон против элиты, завтра будет какой-нибудь еще закон, который коснется более широкого круга людей. А в сумме все это, конечно, есть способ побудить нашу элиту к окончательному предательству.

¹⁶ Речь идет об инициативах ряда европейских и американских политиков о введении санкций в отношении ряда российских должностных лиц, якобы причастных к преследованию юриста Сергея Магнитского.

¹⁷ Депутат ГД РФ от «Единой России» Максим Мищенко предложил законопроект, предусматривающий санкции в отношении иностранных должностных лиц, которые нарушают права россиян. Например, в отношении лиц, занимающихся привлечением россиян к уголовной ответственности по не обоснованным обстоятельствам.

А окончательное предательство в условиях слабости всех остальных политических сил будет необратимо.

Поэтому какая-то борьба на этом фронте необходима. Пусть лучше наши элитарии огрызнутся (хотя бы когда это их заденет), чем они согнутся и выполняют приказы американцев. Потому что приказы американцев будут состоять не в том, чтобы они, как плохие мальчики, ушли и оставили страну хорошим мальчиком. А просто надо, чтобы страны не было.

Почему американцам на данном этапе это так надо? На моей памяти, в 1991 году (я знаю, что говорю, клянусь) американцы страшно боялись распада России вслед за Советским Союзом. Большинство боялось... Скажем так: Бжезинский и Чейни не боялись, а Эрмарт, Райс, Бейкер, Мроз и многие другие лица, которых я хорошо помню по тогдашней политической жизни, боялись. Бейкер больше всех, видимо. И он ездил по союзным республикам, прежде всего на Украину, с выражением лица, знакомым мне по выражению лиц секретарей ЦК. То есть с таким испуганным недоумением. И говорил разным лидерам, прежде всего Кравчуку: «Леня, Леня, отдай ракеты русским, иначе ты мне не друг!» И Леня отдавал ракеты. Ситуация была такая, потому что американцы не хотели, чтобы возникло несколько крупных стран с ядерным оружием. Но одновременно они не хотели, чтобы Россию «случайно хапнул» Китай, которого они боялись уже тогда. Хотя тогда, в сущности, бояться было, казалось бы, и нечего.

Прошли годы. И я просто вижу, что американцы сейчас работают на развал России. Конечно, можно принять классическую патриотическую логику и сказать: «Они всегда работают на зло. И тогда работали на зло, и сейчас работают на зло. Поэтому они и хотят распада. И тогда хотели». Но это не вполне так. Произошло что-то новое. И, в общем-то, понятно, что.

Американцы не считают нашу страну жизнеспособной. Они понимают, что все катится вниз. По чуть более пологой кривой, но вниз. И они понимают, что именно пологость этой кривой, постепенность, гладкость этого процесса угасания дают китайцам фору. Дают Китаю возможность медленно, но

верно перехватить власть в Евразии, продвинуть свои позиции, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, и после этого стать фактически непобедимым, никоим образом не устранимым со сцены игроком, способным взять главный мировой приз XXI века и рвущимся к тому, чтобы этот приз взять.

Американцы страшно боятся этого и считают, что если «гладкий» процесс просто оборвать, привести в обвальное состояние, то, может быть, это даст им некоторые возможности что-то тут хапнуть раньше, чем это сделают китайцы. Мне кажется, что такая модель, с практической точки зрения, наиболее правдоподобна.

В любом случае, если наша элита огрызнется – как с геополитической точки зрения, так и с персональной (когда ей говорят: «А вот мы тебя к нам, за границу, не пустим...»), она начинает огрызаться: «Ах ты, козел! Кого ты непустишь? Ты с кем дело имеешь? С великой державой...»), – то это лучше, чем если она пригнется. Поэтому как бы несовершенны ни были законы, касающиеся того, что если наших каких-нибудь граждан (читай – VIP-персон или супер-VIP) вдруг сделают «неприкасаемыми», то мы в ответ такое сотворим на законном уровне, что мало не покажется, – их надо поддерживать, и это действительно так. С одной оговоркой, очень существенной: это как мертвому припарка.

Возможно, часть нашей элиты понимает, что американцы натурально хотят отправить их в кутузку и ограбить по списку, который сейчас заменит поправку Джексона-Веника, – списку «плохих мальчиков», в который будут вносить всех, кто не откупился или кто не работает на развал России. Что, если это так (а это так), надо учитывать очень многие процессы, очень многие мелкие и, возможно, не заслуживающие здесь обсуждения симптомы... Вот, например, если новым послом США в России станет Майкл Макфол, то либеральная эскалация усилится: силы подсоберутся, обретут второе дыхание и начнут работать на развал еще серьезнее. Тем более, что тема Макфола и есть организация подобного рода революций... Если Макфол будет сюда десантирован, да список «плохих мальчиков» заработает,

да элита не огрызнется – тогда просто быстрее все рухнет. Не успеют собраться никакие здоровые силы, не успеет, так сказать, больная мать родить здорового дитя. А обрушение может похоронить под своими обломками все. В том числе и все то, что мы делаем.

Но если американцы хотят сделать этот список, то вопрос не в том, какие ответные меры против них предпримет российская власть. Вопрос не в том, как именно эта власть кого-то вышлет из России или на чьи-нибудь состояния покусится. Если американцы это увидят – они еще больше закусят губу, а потом еще больше.

И поэтому выводы таковы.

Первый. Ребята, которые меня слышат и которые понимают, что американцы натурально посадят и ограбят... Ребята, деньги – в страну – быстро, любыми способами! Сюда, в Россию. Не в том дело, как именно вы прижмете американские деньги в России. А в том дело, чтобы вас не за что было прихватить там, чтобы деньги или, как вы любите говорить, «бабки» пришли сюда в количестве не менее четверти триллиона долларов. И быстро.

Дальше надо разбираться, что с ними делать. Но сначала их – сюда, а американские, если надо, – отсюда. И это будет первая фаза.

Далее, поскольку это только разбудит агрессию (а под деньгами я, разумеется, имею в виду и стабфонд, и частные капиталы), надо быть готовым к тому, чтобы спокойно и не доводя дело до крайностей, произвести ряд других шагов. Не в Сбербанке арестовывать чьи-то там вложения, которых почти нет, а выходить из ПРО, перегруппировывать войска, прекращать душить с армией, восстанавливать то, что можно еще восстановить, и строить заново то, что было разрушено. Менять военную доктрину, менять политическую систему, прекращать воровство.

Государство, ребята, это штука довольно простая. Это как суп из топора. Знаете? Солдат обещал бабке сварить суп из топора, положил туда топор и сказал: «Теперь добавь немножко перловки, немножко мясца». И был хороший суп.

Государство – это то же самое. Сначала возвращаются «бабки», и их нужно спрятать здесь. Потом оказывается, что тогда здесь надо построить государство. А государству, как минимум, нужна сильная армия. А сильная армия – здоровый солдат. Это не дистрофик, это парень, который и техникой может владеть как-то, и здоровье у него о-го-го. Значит, для этого уже надо много изменить: парень должен быть образован, то есть должны быть учителя, всем надо платить, техника нужна, военно-промышленный комплекс нужен и прочее. А дальше нужно все остальное. Нужно восстановить нормальную социальную логику жизни.

И вдруг получается, что так, понемножечку... Как говорила одна великая русская поэтесса: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»... Так вот, из этого сора привезенных сюда «бабок» может сварганиться какая-то очень несовершенная и, с моей точки зрения, ничего по-крупному не решающая, но все же реальность. Потому что то, что сейчас есть, это антиреальность, это маразм. А так, понемножку, какая-то реальность образуется.

Как только выяснится, что платить-то людям надо по-другому и надо менять уровни зарплат и социальных иерархий и приоритетов, окажется, что опыт-то у нас один – советский. И что его надо суметь правильным образом использовать. Для этого не надо восстанавливать все константы СССР эпохи 1933-го, 1935-го или 1948 года. Не в этом дело. Всегда есть специальности, по отношению к которым действует коммунистическая модель: врачи, учителя и кое-кто еще всегда живут при коммунизме. Вопрос в том, кому еще мы можем разрешить в нынешних условиях жить при коммунизме.

А кто-то обязательно должен... Если учитель или врач работает на рынок, то это уже не учитель и не врач, а что-то совсем другое. Да и с ученым, как вы понимаете, то же... Значит, должны сложиться национализированное ядро суперкрупной промышленности с достаточно жесткими методами управления и полным вытряхиванием коррупции (как именно, я здесь подробно описывать не буду, все примерно понимают, как это делается) и периферия. Рыночная периферия, которую

надо освободить от налогов. В противном случае огромное количество обиженных и вкисивших нынешней сладкой жизни людей просто раздавят систему раньше, чем она сумеет мобилизоваться. Значит, их надо освободить от большей части налогов, переложив все налоговое бремя на ядро.

А если нужны какие-то крупные концессии, в том числе и ввезенным в страну деньгам, то милости просим: есть новое и неосвоенное, есть Восточная Сибирь, мало ли еще что. Вперед, с песней! Нужно дать гарантии, что все это будет защищено. Родится такая «китайская модель», а куда она разовьется – это вопрос другой. Я не могу сказать, что я об этой модели мечтаю. Я знаю, что это лучше, чем то, что есть сейчас. То, что есть сейчас, несовместимо с жизнью, а это как-то совместимо. Хотя это не ахти, не высший класс. Мечтать-то можно только о чем-то другом. А это приемлемая реальность. Мать продлит свое существование, и ее болезни удастся стабилизировать, а отчасти и излечить.

Возникнет вопрос, какая нужна идеология, но это все возникнет потом, когда у части правящего класса, которую забугорные друзья, натурально, хотят посадить за решетку и ограбить, а то и убить, родится здоровый инстинкт самосохранения. Это очень важно. В этом смысле могу сказать словами Пушкина: «Пора, мой друг, пора». Надо понять, что происходит, а не думать, что можно отделаться паллиативами.

Паллиативы лучше, чем ничего. Если не хватает духу на то, чтобы огрызнуться как-нибудь иначе, чем сказать: «В ответ на „черные списки“, которые будут делать американцы, мы свой список составим», – то это, конечно, уже что-то... Но если при этом деньги-то свои не вывезти назад, на родину, то что кулаком-то стучать?

Разве я не прав? Я же по-дружески говорю, с позиций добра и желания, чтобы страна сохранилась, желания продлить срок всех нынешних паллиативов с тем, чтобы что-то новое успело сформироваться. Подстегивание катастрофы отвратительно всегда, а в нашей ситуации – в особенности. Надо сделать все, чтобы ее преодолеть. Но ничего другого сделать нельзя.

Это к вопросу об омерзительных действиях американцев по составлению тут у нас «черных списков» на манер Мубарак-ка, Каддафи и прочих. А они к этим действиям приступили и, поверьте мне, не отвернут, будут продолжать их дальше.

Теперь буквально несколько слов о других вызовах. Я имею в виду дело Буданова, которое я начал обсуждать в прошлой передаче и которое в дальнейшем предлагаю обсуждать очень осторожно. В таких вопросах только осторожность, тактичность, спокойствие являются правильным способом даже обсуждения наличествующего. Тем более исправления наличествующего. Вопрос заключается не в том, чтобы вещать по этому поводу. Вопрос в том, чтобы думать вместе с другими и предлагать другим для осмысления некий фактор.

Я заранее исхожу из императива позитивности. Я хочу верить (и даже не так, как Лермонтов, который писал: «Я верю, обещаю верить, хоть сам того не испытал», а действительно хочу верить), что люди, которые стали беспокоиться по поводу возможных «зачисток» военных чеченцами – сначала чеченскими следователями, а потом чеченскими военизированными отрядами, напоминающими «эскадроны смерти», – действительно беспокоятся о военных.

Я знаю, что Евгений Кириченко, начавший эту кампанию – очень авторитетный в НТВ Гусинского журналист, – тем не менее в какой-то момент отказался поносить русские войска с той оголтелостью, которая была свойственна другим журналистам НТВ, и встал на их защиту. В том числе на защиту Буданова. Я все это знаю. И я призываю всех быть очень осторожными в оценках и всегда исходить из императива добра. Из того, что если журналист что-то пишет, то он хочет просто сказать правду о событиях. Что если кто-то бьет тревогу, так он бьет тревогу.

Давайте посмотрим на конкретный список изданий, которые вдруг встали на защиту Буданова и русских военных, воевавших в Чечне. Посмотрим спокойно, открытыми глазами на этот список изданий...

«Свободная пресса» – вполне либеральное издание – сделала это два раза как основной вброс. Это перехватила

«Газета». Затем «Эхо Москвы». Дальше – Newsru.com. Читаю о сайте Newsru.com: «На сегодняшний день сайт Newsru.com и его спутники остаются частью медиацентра Владимира Гусинского, которые также включают международную теле-вещательную компанию RTVi»... Я даже не хочу сказать, что господин Кириченко когда-то был в империи Гусинского, а Newsru.com – это часть империи Гусинского. Мало ли кто когда был в чьих империях. Не в этом вопрос. Я просто перечисляю: дважды «Свободная пресса», «Газета», «Эхо Москвы» и Newsru.com... «Московский комсомолец», снова «Свободная пресса», которая задает уже новые обертона всему происходящему (это такой запускающий генератор)... Дальше «Комсомольская правда» и «Красная звезда» пытаются отбиться, вяло или нет... Дальше снова Newsru.com переходит в наступление... Дальше огрызается «Грозненский рабочий»... Дальше снова Newsru.com. И «Рен ТВ».

Когда я говорю, что хочу исходить из императива позитивных намерений тех, кто это делает, то я не издеваюсь. Это не фигура речи. Я действительно из этого хочу исходить. Я только хочу подчеркнуть, что героизацией Буданова и защитой русских военных, проводивших контртеррористическую операцию в Чечне, занимаются в точности те издания и силы, которые ранее называли Буданова «упырем», «убийцей», «негодяем», «мерзавцем» и требовали его распять, четвертовать (говорю, конечно, фигурально), требовали для него высшей возможной меры наказания. Я не прав? Не этого требовали наши либералы по отношению к Буданову? Я заблуждаюсь? Это не истина, очевидная каждому? Это первое.

И второе. Это те силы, для которых русские войска, проводившие контртеррористическую операцию в Чечне, были карателями, злодеями, мерзавцами, упырями. Может быть, я чуть-чуть сгущаю краски по необходимости (я не могу описывать все это в деталях и рассматривать все нюансы). Но в целом (in general, как говорят наши друзья-англичане) это именно так. Это факт. Вот у меня дайджест – я не поленился, взял и подряд все это расписал: кто, за кем, когда, что говорил. И после этого я вам говорю: «Это вот такой

список. Вместе с пикантной подробностью, что, как только это начинает делать „Свободная пресса“, это сразу перекидывается в ДПНИ». Вот так силы перебрасывают мяч между собой.

Это мое замечание. Я не собираюсь подменять в этом вопросе гражданское общество. Я просто хочу думать вместе с другими. И надеюсь, что другие помогут мне думать – информацией и много еще чем, потому что проблема-то действительно сложная. Она очень сложная, понимаете? Это факт.

Далее – следующий факт. «Свободная пресса» сообщает, что полковник Буданов после досрочного освобождения из заключения тщательно скрывал, где он живет. Однако киллер сумел его вычислить¹⁸.

Опять же хочу оставаться при факте. Никаких окончательных выводов делать не хочу. Никаких окончательных картин рисовать не буду. Это эскизы, которые называются «точки безусловности». Это не я что-то выдумал. Это не я «шью кому-то дело». Я только перечисляю факты, которые каждый из вас может проверить. А факты – вещь упрямая. Перечислив эти факты и обозначив одну точку безусловности, я обозначаю следующую.

Итак, утверждается, что после досрочного освобождения из заключения Буданов тщательно скрывал, где живет. Как именно киллер его выследил? Значит, его сдали... И кто его сдал?

Я просто хотел узнать апропо, где же живет Буданов. Я сам захотел это узнать, я не сыщиков послал это выяснять. Я не побежал ни в какие органы для того, чтобы они мне дали совсекретную информацию... Я начал читать прессу. Я всегда считал, что базовые аналитические суждения можно сделать на основе открытой информации, если только сидеть над ней и голову ломать по-настоящему, без дураков, себя не жалея.

Так вот я вам читаю. Наверное, вам будет всем это интересно...

18 <http://svpressa.ru/society/article/44596>

«Собеседник.ру» от 16 июня 2011 года¹⁹. Статья называется «За что Буданову дали квартиру?». Пишет ее Тыхвин Захар. То, как пишет Тыхвин Захар, пусть будет на совести у Захара, но мне кажется, что он не ошибается и что мы только должны проверять то, что он говорит. Потому что то, что он говорит, достаточно интересно. В любом случае, это говорит Тыхвин Захар, а не Сергей Кургинян. Я читаю «Собеседник.ру». Я не выводы делаю, я из секретных источников ничего не выволакиваю, я только факты сообщаю людям, которые умеют и хотят думать. И я надеюсь, что таких людей большинство, потому что дело-то действительно серьезное.

Так вот что пишет Тыхвин Захар:

«Собеседнику.ру удалось установить последнее место жительства убитого полковника. Оказалось, что сразу после освобождения (Понятно? Сразу после освобождения из тюрьмы, а не в последнюю неделю в виде конспиративной квартиры, то есть на все время жизни, когда Буданов вышел из тюрьмы. – С. К.) Буданову дали квартиру в элитном доме в Москве, где его соседями, помимо всех прочих, стали президент Медведев и руководитель МВД Рашид Нургалиев.

Адрес этого „непростого“ дома – Тихвинская улица №4. Красивый красный кирпич, кондиционеры и спутниковые тарелки. Территория вокруг здания огорожена. У ворот – будка охраны – внутрь только „с ведома жильцов“.

Жильцы сплошь непростые. Квартира №35 числится за Дмитрием Медведевым – президентом Российской Федерации. №29 за министром внутренних дел РФ Рашидом Нургалиевым. Еще в этом доме живут: бывший министр информационных технологий и связи Леонид Рейман, бывший заместитель главы президентской администрации Игорь Шабдурасулов и другие, не менее интересные личности, включая целую когорту судей Верховного и Конституционного судов РФ и штатного президентского психоаналитика Аллу Радченко.

Сразу возникают вопросы: за какие заслуги разжалованному военному, задушившему чеченскую девушку (оценки оставляю

19 <http://sobesednik.ru/print/65075>

на совести Тыквина Захара. – С. К.), дали квартиру и кто за нее заплатил? Самая скромная жилплощадь в этом доме стоит около миллиона евро. Неужели он был единственным российским офицером, нуждающимся в собственной квартире?

Или, быть может, это была некая компенсация за неудобства, пережитые за время отсидки?

Так или иначе, днем 10 июня Юрия Буданова застрелили.

Дальше он описывает, где шло отпевание.

Что из этого следует? Что сообщение «Свободной прессы» не вполне точно, если Тыквин Захар прав. Потому что Буданов не менял конспиративные квартиры, скрываясь так, чтобы его надо было выслеживать. Буданов жил в VIP-доме, все жильцы которого, как минимум, знали, что он там живет. И все прекрасно понимают, что возможность поселиться в этом доме зависит не только от миллиона евро, по поводу которого так переживает Тыквин Захар и по поводу которого лично я никак не переживаю. (Мне неважно, откуда взялись деньги. Взялись? – Слава богу!) Обозначенная возможность зависит от того, что человеку дали возможность там жить. Он прошел все необходимые процедуры, интегрирующие его в данное жилищное VIP. И если человек хочет скрываться, то он не в этом VIP будет жить, а в какой-нибудь арендованной хатке на окраине. И менять он эти хатки будет соответствующим образом.

Значит, никто не скрывался. Подчеркиваю, никто не скрывался. Ничего из этого высасывать не собираюсь, хочу просто ознакомить вас с этим фактом и попросить – пусть каждый, кто хочет, прочитает «Собеседник.ру». Может, окажется, что все это обстоит не так. Но почему-то мне кажется, что изложено верно. И написано это было 16 июня.

Можно также подробно просмотреть, кто именно и в какой последовательности раскрутил информационную кампанию – возможно, с очень хорошими целями (в этом вопросе хочу быть крайне осторожен – так осторожен, как это можно).

Можно также поинтересоваться, что такое «Newsru.com» et cetera, почему «Эхо Москвы» так взволновалось Будановым. И почему вообще, говорю еще раз, все наши либералы, ко-

торым он был отвратителен, а русские военные были отвратительны еще больше, вдруг так обеспокоились их судьбой и ужасностью чеченцев. Парадоксально, правда?

Там, где парадоксы, там и начинается аналитика.

Теперь еще один факт. Я внимательно ознакомился с теми документами, которые были недавно обнародованы в СМИ, – документами, посылаемыми Следственным комитетом Российской Федерации, Главным Военным следственным управлением, Военно-следственным управлением по Южному военному округу и так далее в Архив Министерства обороны с тем, чтобы он выдал совсекретные данные²⁰.

Каким же образом данные документы стали достоянием гласности? В частности, сообщается, что в почтовый ящик жителя Подольска, проживающего по адресу: ул. Калинина, 74, неоднократно по ошибке попадали запросы, направляемые Следственным управлением СК по Чеченской Республике в Архив Министерства обороны, который расположен в Подольске по адресу: ул. Кирова, 74... В качестве доказательства приводятся отсканированные документы... На сайте интернет-издания «Свободная пресса» выложены документы, направленные как на ул. Калинина, так и на ул. Кирова... Я смотрю на них и вспоминаю, что вообще-то, по норме, все запросы, содержащие сведения, составляющие гостайну, пишутся на номерном бланке и имеют гриф. Здесь грифа нет. Возможно, современность так опрощена, что можно на бумаге, где нет грифа секретности, писать запрос о предоставлении секретных сведений. Я осторожен в суждениях и не хочу забегать вперед. Может быть, это и так. Но вопрос есть.

Так же, как есть вопрос о том, почему сведения, составляющие гостайну, должны передаваться по факсу. «Прошу вас направить факсимильной связью на телефоны»... И даются

²⁰ Вскоре после убийства Буданова в СМИ была распространена информация о том, что следственные органы Чеченской Республики рассылают в различные российские инстанции запросы о российских военнослужащих, участвовавших в боевых действиях в Чечне. Тогда же распространялась информация, что эти запросы были нужны не для следственных действий, а для мести российским военнослужащим со стороны чеченцев. Впоследствии появились сообщения, что эта информация могла быть вброшена с провокативными целями.

телефоны. Это тоже, знаете ли, упрощение такое, что дальше некуда. Я не кричу: «А, попались!» Я этот след, может быть, и неверно беру, но на всякий случай его все-таки отмечаю. Отмечаю, как и все остальное. И образуется некий пунктир, не правда ли?

Евгений Кириченко рассказывает некую историю о том, как договорился с только что вышедшим из тюрьмы Будановым о встрече 18 января 2009 года. Но Буданов на встречу не пришел, а 19 января был убит адвокат Маркелов, представлявший на процессе Буданова интересы семьи Эльзы Кунгаевой. Убийство произошло в двух шагах от места встречи, на которую Буданов не пришел. Значит, говорит Кириченко, его «кто-то предупредил»²¹. Моя бабушка в таких случаях говорила: «А нельзя ли дальше поподробнее?»

Что именно, утверждая это, говорит господин Кириченко? Я просто ставлю вопрос. Мне кажется, что в таких вопросах надо быть достаточно детальными...

Я лично, например, совершенно не понимаю, почему, в силу каких таких таинственных обстоятельств, если бы Буданов встретился с Кириченко, все было бы совсем по-другому? И не понимаю, почему, приди Буданов на эту встречу, ему было бы так плохо. Ну не понимаю, и все. Если Кириченко понимает, то пусть он объяснит. И заодно скажет, кто же предупредил Буданова. Не кто лично, а кто? Ведь он говорит достаточно страшную вещь: люди знали об убийстве Маркелова, предупредили Буданова, чтобы он не ходил на встречу, но не предотвратили убийство. Он это говорит. А что он имеет в виду?

Очень неприятная история. Но, помимо этого ее аналитического слоя, есть ведь еще и другой слой.

Антикавказские настроения растут в силу объективных причин, в том числе и связанных с поведением северокавказской элиты и общей ситуацией в стране. Антикавказские настроения растут. Кавказское противодействие этим настроениям тоже растет. Напряженность между этими двумя

21 <http://svpressa.ru/society/article/44427/>

полюсами нарастает. Разрядится ли она сама... Подтолкнут ли ее к этому третьи силы... Не выдержат ли нервы у какой-то из сторон... Какая разница? Напряженность нарастает! Долбанет это через три месяца или через полгода? На фоне бездействия власти (а здесь я полностью согласен со всеми, кто говорит, что власть в этой ситуации преступно бездействует, она теряет инициативу) это обязательно долбанет, и нам всем мало не покажется! – опять к вопросу о ребенке, двух женщинах: подлинной матери и псевдоматери – и «Кавказском меловом круге». Между прочим, кавказском... В нашем случае – северокавказском...

Мало никому не покажется... Что же делать? Надо разряжать это напряжение. Его нельзя не разряжать.

Власть должна понимать следующее. Если она бездействует (а «Рен ТВ» и пр. говорят, что ее бездействие – это предательство русских военных), то власть (если кто читал книги господина Шарпа, руководителя Института Альберта Эйнштейна) теряет базу поддержки. А когда, как говорит Шарп, власть теряет часть базы поддержки, а потом другую часть базы поддержки, а потом третью, то скovyрнуть ее становится легче.

Когда в конфликте (например, армяно-азербайджанском) и та, и другая сила обращались к Москве, а Москва бездействовала или действовала тупо, то рано или поздно эти силы начинали действовать помимо Москвы. И тогда ситуация становилась безысходной. Если бы события на Манежной обернулись ответом другой стороны (что, слава богу, удалось предотвратить) и в дело было бы пущено какое-нибудь оружие, то мы бы уже жили в ситуации полной потери стабильности. Той иллюзорной, декоративной стабильности, в которой мы живем. Значит, власть должна проявлять инициативу. Какую?

О чем речь идет, без всякой конспирологии? Речь идет о том, что в Чечне есть без вести пропавшие люди. И их семьи хотят знать, что случилось с людьми. Хотят их увидеть, если они живы, или хотя бы оплакать, если они где-то похоронены. И они обращаются к своей власти и к власти вообще с тем, чтобы им ответили на эти вопросы.

Для власти это крайне неудобные вопросы, потому что нужно ведь назвать тех, кто допустил эти исчезновения людей. Если таких запросов много, то не отвечать нельзя. Кроме того, нынешняя ситуация такова, что, если не будешь отвечать, все эти запросы пойдут в Европейский суд, в Страсбургский суд по правам человека. И там ими начнут заниматься. А власти это совсем не с руки.

Значит, Следственный комитет, в который обращаются граждане, начинает писать запросы. А что, надо сказать гражданам: «Заткнитесь!»? На каком основании?

Тут имеются предложенные основания. Ряд парламентариев говорит примерно следующее: если мы амнистировали чеченских боевиков, то почему мы не можем, не должны амнистировать участников контртеррористической операции? Сразу всех, разом, чтобы такой возможности как-то обратиться больше не было. И чтобы не началась эта вся заваруха с печальным концом²². В принципе, это разумно, с одной оговоркой: армия не может не наказывать своих насильников и мародеров. Иначе это уже не армия. Армия, которая полностью отказывается от подобных наказаний, перестает быть армией. Это касается любой войны. Это невозможно. И все военные это знают... Если только отпускаешь поводья полностью, то происходит чёрт-те что.

Да, прошло сколько-то лет. Да, ситуация совершенно особая. Но ведь эту ситуацию проходили многие страны мира. С Вьетнамом было нечто подобное. Правда, Вьетнам находился не вплотную к Соединенным Штатам и не был частью Америки, не был одним из ее штатов. С Алжиром сходные вещи случались, и тоже приходилось заниматься чем-то, выходящим за некие рамки. Ничем не заниматься нельзя. Поэтому взять и просто амнистировать всех подряд невозможно. И все понимают, что это невозможно.

Задача состоит не в том, чтобы амнистировать всех подряд. А в том, чтобы немедленно при высшей власти создать специальный орган, состоящий из людей, которые устроят

²² Нужна ли амнистия вернувшимся из Чечни солдатам? // Regions.ru. 30.06.2011.

и русскую, и чеченскую сторону, который будет безусловно авторитетен для русской армии. И одновременно безусловно авторитетен в Чечне, что крайне трудно, но, видимо, еще можно. Создать этот высший орган, а не какой-то там Следственный комитет. Да еще его местное отделение, которое хотя формально и находится под федеральной властью, но все понимают, что это в значительной степени формально.

Создать этот высший орган – Суд чести. И быстро, в короткие сроки амнистировать решающую часть людей, по которым идут запросы. А тех, кто действительно выходит за все рамки – мародеров и преступников, настоящих и стопроцентных, а не проблематичных, – тем не менее наказать. Не откладывая это в долгий ящик и закрыв дело окончательно. И подведя черту. Сказав, что «разбирать это все будем 3–4 месяца, и после этого дело будет закрыто – всё, забыли, никаких дел дальше не будет». И ответить каждому родственнику, каждой чеченской семье. Потому что это не Вьетнам, это часть нашего государства, хотя и проблематичная. И, с другой стороны, дать абсолютную, надежнейшую гарантию русским военным, героически воевавшим в Чечне. И прекратить эту панику – немедленно!

Задача состоит в том, чтобы этот орган создать. А не в том, чтобы бездействовать и смотреть, как против тебя играют все кому не лень. Но в том-то и беда, что процессы катятся в таком направлении, при котором это разумное очевидное действие, скорее всего, осуществлено не будет, хотя лично я сделаю все, чтобы помочь его осуществлению. Потому что ситуация чудовищная.

Если же это не будет сделано, то остается только одно: по-настоящему, не декларативно, не риторически воззвать к разуму и чувству обеих сторон, предъявить окончательные данные по этому сюжету, привлечь к нему такое внимание, после которого все следующие хулиганства (еще одного военного тяжело ранили²³, и это сразу начинают приплетать к

23 21 июня 2011 года в Москве на Комсомольской площади («Площади трех вокзалов») неизвестные злоумышленники, ехавшие на автомобиле, выпустили в 33-летнего капитана внутренних войск МВД несколько пуль и скрылись. Пострадавший был госпитализирован в тяжелом состоянии.

делу, хотя понятно, что это к делу отношения, скорее всего, не имеет, – опять буду осторожен) окажутся невозможны.

Чтобы после этого и русское военное братство воевавших в Чечне, и чеченская сторона задумались над тем, кто и зачем играет в эту игру. Почему вдруг те, кто когда-то играл на чеченском поле с соответствующими пагубными результатами для чеченцев, теперь играют на русском поле, видимо, желая получить те же самые результаты?

Так вот, суть заключается, с моей точки зрения, в том, что либо все-таки удастся пробудить какие-то здоровые рефлексы у части правящего класса... И тогда можно будет разрешать как крупные ситуации, связанные с внешними вызовами, так и мелкие ситуации, связанные с эксцессами вроде вышеописанного. При том, что это мелочи из разряда тех, чеховских, «убивающих». Страна может погибнуть из-за этих мелочей.

Итак, либо надо пробудить какое-то чувство в части правящего класса, потому что другая часть безнадежна, а возможно, и злокозненна... Либо нужно рассчитывать действительно на гражданское общество. И, скорее всего, рассчитывать надо на него.

Тогда – комиссии по компромиссам. Тогда – прямой диалог сторон. Тогда – независимые гражданские расследования. Тогда – постоянная способность держать все это в поле общественного внимания (и именно общественного внимания) и гасить тупую истерику. Потому что за всеми этими арабесками маячит не «чеченский враг», а совсем другой. И гораздо более серьезный.

Так вот, теперь к вопросу об этом маячащем за спиной другом, его игре, общей ситуации. Потому что вызовы и ответы, которые я рассмотрел в этой части данного выпуска, конечно, меркнут перед общей проблематикой, требующей от нас еще более серьезных ответов. Как говорил когда-то, по-моему, Анри Барбюс, история сейчас выкликает каждого из нас по имени.

Так вот, каждого из нас она выкликает. До тех пор, пока будут продолжаться все те тенденции, которые продолжают, мы не удержим Кавказ. Тенденции надо менять.

Терпеть, не дать всему этому разорваться до конца, не дать погибнуть матери, не дать разорвать на части ребенка и одновременно понимать, что эти тенденции с жизнью несовместимы.

Кавказ и Россия, а точнее Кавказ и Москва, на долгое время никакого позитивного консенсуса не сохранят. Ибо Москва идет в одну сторону, и достаточно чудовищно, а Кавказ в другую, причем не менее чудовищно. Значит, вопрос о том, чтобы они шли на сближение, а не на расхождение, – это вопрос полного изменения движения страны.

И опять-таки это либо дело части правящего класса, если он образумится, либо дело гражданского общества. Того самого катакомбного общества, которое сможет как бы отстраниться от этой скверны. Но для того чтобы гражданское общество и сформировалось, и мобилизовалось... Точнее, наверное, надо было бы назвать это общество «катакомбным», потому что «гражданское» в строгом смысле слова замещено у нас криминалитетом, и это можно доказать... Так вот, для того чтобы это вот катакомбное общество, этот контррегрессивный субъект, как мы говорим, сформировался и отмобилизовался, нужно, чтобы человек увидел ситуацию.

Если бы сегодня все люди поняли, что они находятся на войне, всё сформировалось бы очень быстро. Как это всегда очень быстро формируется в русском обществе, если речь идет действительно о войне. Все быстро стряхивают с себя эту расслабуху и начинают воевать. Но в том-то и беда, что в 1941 году враг пришел зримо и потом очень явными и грубыми способами стал доказывать, что он враг абсолютный, несовместимый с жизнью. И тогда русский воинский дух, советский воинский дух мобилизовались. Полностью. Не сразу. У нас не умеют мобилизовываться сразу. Но неплохо мобилизовались даже на начальном этапе, а потом мы мобилизовались так, что мама не горюй. И ситуация была разрешена. Страна была спасена, и мир тоже.

Сейчас никто не видит наступающего врага. Враг движется в тишине и под такими дымовыми завесами, что глаза его не различают. Говорят, что есть просто фронт, а есть невидимый

фронт. Так вот это совсем невидимый фронт. Вся трудность нынешней ситуации заключается в том, что это совсем невидимый фронт. И для того чтобы этот фронт увидели, чтобы он стал видимым и чтобы врага увидели по-настоящему, нужна аналитическая, мировоззренческая оптика.

Нужно сформировать достаточно большое – я бы сказал, очень большое, колоссальное – число политически образованных, патриотичных людей. Так, чтобы это образование было достаточно когерентно. И это тоже задача гражданского общества (или катакомбного), никто не будет решать за нас эту задачу.

Мне это напоминает радиационное излучение. Стоит человек, у которого нет ни радиометра, ни чего-то другого. Ему говорят: «Ты же в смертельной опасности!» Он отвечает: «В какой опасности? Солнце светит, взрывов нет, деревья не ломаются. Какая опасность, в чем дело?» Через какое-то время человек заболевает и умирает. И если врачи ему не расскажут, что с ним происходит, он так и не поймет.

Сейчас происходит что-то в этом же духе. Очень трудно мобилизовать людей на противодействие тому, чего они действительно не могут понять, потому что этого не видят. Наше общество колеблется между паникой и героизмом. Вообще, в критических ситуациях очень легко шархануться из одного в другое. Я видел бывших спецназовцев, которые сначала кричали: «Это омерзительная страна, „Рашка“! Мы никому не нужны! Как мы здесь будем жить? Скорее! – куда-нибудь в Испанию, во Францию, в маленькие домики, Монтенегро, только бы отсюда, только бы не видеть этой пакости!» – и так далее.

Потом была передача по Ливии, я там что-то сказал про Каддафи и про то, что отсутствие его поддержки нашей страной есть грубая политическая ошибка. И те же спецназовцы уже на следующий день говорят: «Так! Значит, едем туда: бабки собираем, оружие транспортируем (не помню) через Тунис, начинаем хотя бы там воевать!»

Такое шарханье от паники к героизму – это, вообще, свойство неустойчивых систем. На самом деле, между паникой

и героизмом один шаг. Паника очень легко превращается в героизм в случае, если люди вдруг видят врага и понимают, что задачи такие-то и такие-то. Страшно то, что непонятно.

«А я, – говорит герой в каком-то советском фильме, – вдруг потом подумал: немец, он же тоже и в школу ходил, и мамкину сиську сосал, значит, бить его можно. А раз можно, то и нужно...» То есть у него вдруг возникло ощущение, что с этим надо бороться, потому что с этим можно бороться, с этим понятно, как бороться, и это абсолютное зло. Если это состояние возникнет, тогда все проблемы будут решены. Но для того, чтобы оно возникло, никаких средств, кроме интеллектуальных, нет. Интеллектуальная эмоциональная оптика – вот что такое сейчас главное оружие борьбы.

В связи с этим совсем не лишне обсудить, что такое фашизм, с которым воевали, физическая война, которая была выиграна... А вот иная война – нет. Это очень серьезный вопрос.

Я с большим вниманием прочитал серию статей Игоря Шафаревича «Гадания о будущем», посвященные развитию. И я понял, что ситуация в невероятной степени усложняется следующим: все, что давало в теоретическом смысле марксистское знание, и все, что находилось рядом с марксизмом (а там рядом-то находилась большая часть философии XX века), – все это было отвергнуто с порога людьми, которые презирали Советский Союз и советское. Они справедливо презирали советско-коммунистическое начетничество (начетничество всегда отвратительно), банальщину и все прочее. А заодно они откинули все остальное. Остались некие либеральные возможности и – иные... Иные кажутся иногда безумно соблазнительными, но они, конечно, не панацея, мягко говоря.

«Существует несколько точек зрения на историю, – пишет Шафаревич. – Все они носят религиозно-мифологический характер. То есть не могут быть рационально аргументированы или проверены сопоставлением с какими-то историческими фактами»²⁴.

24 Шафаревич И. Гадания о будущем // Завтра. 11.05.2011.

Но тогда чего они стоят?

Шафаревич: *«Древнегреческий поэт Гесиод, живший в VII или VIII вв. до н.э., в произведении „Работы и дни“ излагает концепцию, которая доминировала практически всю античность».*

Не всю. Я с глубочайшим уважением отношусь к тому, что наша естественнонаучная интеллигенция двинулась в гуманитарную область, но двигаться туда все-таки надо осторожно. Если бы эта концепция абсолютно доминировала, то не было бы античности как таковой.

«История, согласно его (Гесиода) точке зрения, является историей упадка человечества, друг друга сменяет Золотой век, Серебряный, Медный, Железный и т.д. Но по названиям их видно уже, что люди деградируют». А также, продолжает Шафаревич, Мирча Элиаде в книге «Миф о вечном возрождении» говорит о том, что вообще все деградирует. Об этом же говорит буддизм, джайнизм и пр.

То есть история, по Шафаревичу, это не прогресс, а регресс.

Что такое фашизм? Это не «зиг хайль», не лагерь смерти, не военно-агрессивная машина, это нечто другое.

Когда французская буржуазная революция состоялась и началась эпоха того, что Игорь Шафаревич сводит к прогрессу, к линейной теории прогресса (и что на самом деле является чем-то совсем другим, гораздо более сложным)... Так вот, когда этот исторический рывок состоялся, то разворачивающаяся буржуазная действительность сразу очень многих разочаровала. Она оказалась очень пошла, очень груба. Несмотря даже на то, что все очень быстро развивалось в смысле техническом. Сразу обнаружили ее колоссальные недостатки. И сразу возникло два типа критики этой действительности – у нас это все называлось «революционный романтизм» и «реакционный, консервативный романтизм».

Один из этих романтизмов сразу сказал: «Назад, в средневековье, насколько лучше было при феодализме! Мы хотим туда, назад!» Другой – из песни слов не выкинешь, марксистский – стал критиковать буржуазную действитель-

ность совершенно на других основаниях и взывать к новому историческому рывку.

Так вот, тот романтизм, который все время хотел вернуться назад, в «блаженное средневековье» (стоит почитать хоть романы Вальтера Скотта, а если уж «озерных» романтиков прочесть, то у них упоение этой стариной и всем прочим еще виднее), политически очень плотно сошелся с политическими движениями, желающими реставрировать монархию.

Никто не понимал, как феодализм можно реставрировать... Во-первых, потому что вернуть назад сословное общество уже невозможно. Народ будет сопротивляться, он вкусил это, он это не отдаст. Во-вторых, даже если вернешь, то затормозится развитие, и тогда тебя завоюет соседняя страна.

Поэтому, каким именно образом восстановить этот самый монархический феодализм, было непонятно. И потому все движения, направленные на монархическую реставрацию: реставрацию Бурбонов, а то и еще чего-нибудь поглубже – всегда были слабыми. И тем не менее они всегда были, потому что буржуазная действительность была отвратительно пошлой, так что этот взгляд назад был очень естественным, и огромные силы тянули назад.

Но эти силы не могли сформулировать свою политическую программу, потому что прямая программа реставрации монархии и феодализма была слишком грубой и малоосуществимой. И для того, чтобы возникла другая концепция, нужен был фашизм. Без фашизма ничего сделать было нельзя. Это не проблема еврейского вопроса, это не проблема ритуалов. Это проблема сути – как вернуть средневековье, изменив его настолько, чтобы оно заработало. Это и называлось не «реставрация», а «консервативная революция». И вот это-то и сработало по-настоящему. Но для этого пришлось делать очень глубокие преобразования: тут нельзя останавливаться на середине, тут надо доходить до конца. И дошли до конца: отбросив христианство, вернув язычество, вернув оккультизм, восславив все эти «примордиальные традиции» и объявив войну истории и развитию как категориям – войну абсолютную.

Вот тут-то и понадобятся Гесиоды и все прочие. Гесиоды и пр. – это естественное явление своего времени, потому что никакой линейной теории прогресса вообще не существует как работающей парадигмы, описывающей действительность сколь-нибудь адекватно. Потому что все уже понимают (и это исторически доказуемо), что была, скажем, крито-минойская культура – цивилизация, которая потом рухнула; что были очень большие возвышения в древности, которые потом сменились дикостью; что существуют некие циклы; что человечество движется по принципу американских горок: вверх-вниз, вверх-вниз... Но оно же движется куда-то!

Хорошо, допустим, оно не движется.

А живое? Разве мир не двигался от одноклеточных к более сложным существам, потом к позвоночным, потом к разуму? Он не двигался? Этого не было? Надо отменить все это? И геологию тоже? И теорию Канта, касающуюся Солнечной системы и всего прочего, тоже надо отменить? И Большой взрыв надо отменить? И историчность вещества надо отменить? То, что атомы возникли не сразу, даже элементарные частицы возникли не сразу, – это все тоже надо отменить? Но это можно отменить, апеллируя к мифу. Отказавшись полностью от научного сознания. Не преобразуя науку в нечто новое, а просто ломая ее к чертям и ставя на ее место миф, который будет действовать по принципу «верую, ибо нелепо».

Но ведь нельзя сделать только это. Для того чтобы разорвать с развитием и назвать историю мерзостью, надо разорвать с христианством и со всеми мировыми религиями. Не зря же говорят о буддизме и джайнизме... Так мы переходим в буддизм, в джайнизм? Во что мы переходим? Нет христианства без стрелы времени...

Есть несколько впавших в странное состояние, так сказать, наших ученых, которые хотят так скрестить христианство с античностью, чтобы исчезла стрела времени. Это, знаете ли, очевидным образом пахнет Василидом, Валентином и кем-то еще. Так недалеко и до других вещей.

Значит, от христианства тоже тогда надо отказаться, и еще от очень, очень многого надо отказаться. Ради чего?

Ради того, чтобы окончательно победила модель, в которой развитие – это враг, абсолютный враг. И тогда...

Смотрите, как интересно все это происходит: с одной стороны – либералы, которые говорят, что Модерн тождествен развитию, а значит, да здравствует развитие, да здравствует Модерн! Но Модерн этот, как конь, лежит, откинув копыта, и никак не совместим с нашей традицией.

А с другой стороны – их кажущиеся оппоненты, которые тоже говорят, что развитие тождественно Модерну, а Модерн тождествен линейной теории прогресса. Но это же не так! Это не так даже просто на уровне Маркса, который говорил о какой-то спирали. Конечно же, формы движения гораздо более сложные, но это не значит, что движения нет. Что нет движения от клетки к разуму. Конечно, есть!

Есть великая тайна усложнения форм, тайна во многом иррациональная. Потому что даже на уровне классической физики не всегда можно объяснить, почему сколько-то протонов и нейтронов, собравшись вместе с каким-то количеством электронов, более экономичны, чем эти частицы в отдельности. А для многих более сложных форм можно, напротив, доказать, что это неэкономично.

Можно либо восславить развитие – либо проклясть его. Никакого третьего пути не существует.

И тогда развитие начинают приравнять к Модерну, Модерн – к линейной теории прогресса, линейную теорию прогресса – к вырожденной модели, а вырожденную модель – к гедонистически потребительскому обществу, главная черта которого заключается в том, что оно не развивается. С помощью этих ложных приравнений пытаются отменить развитие вообще. И... чем его заменить? Далее – что делать с мировыми религиями при отказе от идеи развития? Семи дней творенья – нет. Лестницы восхождения человека к Идеальному – нет. Седьмого неба (как неба, лежащего выше рая) – нет. Священного времени – нет.

Либо развитие есть то, чему мы поклоняемся, чем мы восторгаемся и к чему мы рвемся. Но только вся разница заключается в том, что русское развитие не есть Модерн, это

именно альтернативное развитие (и к этому есть глубочайшие основания). И мы поклоняемся этому развитию и идем к нему, постигаем его тайну и движемся в эту сторону.

Либо надо проклясть развитие, приравнять его к Модерну, а потом отменить по причине русской непригодности к Модерну.

И тут получается, что в политической проекции все удивительно ясно, до обидного ясно. Против коммунизма и Советского Союза всегда воевали очень разные силы, как либеральные, так и консервативно белые. Эти силы всегда ненавидели друг друга – как по этническим, так и по другим основаниям, – но они всегда работали вместе. Это был антикоммунистический консенсус и построен он был так, начиная с эпохи белой гвардии и через все перипетии и действия Центрального разведуправления, – объединение разных групп антисоветчиков в единое целое. Они должны были соседствовать на радиостанциях, работать вместе, ненавидеть друг друга, но больше всего ненавидеть коммунизм и развитие. Они разрабатывали разные теории с тем, чтобы это уничтожить.

Что уничтожить? Альтернативную концепцию развития, историческую, явленную вплоть до настоящего времени, извините, пожалуйста, только в одном – в советском коммунизме и ни в чем больше. Кого это не устраивает, я не виноват. Явлено исторически – не в теоретических доктринах, а как исторический факт – это только в советском коммунизме.

В этой практике – невероятно ценный опыт. Она не потому только драгоценна для русской души, что, если ее нет, значит, русские были идиотами, когда все это делали. Но, если они были идиотами тогда, значит, они были идиотами и перед этим, когда создавали Империю. Потому что от Империи родилась эта практика. И если они были идиотами в Империи, то они были идиотами всегда. Надо проклясть судьбу и умереть.

Значит, этот опыт безумно ценен не только для России. Он и для мира существует как ценный.

Человек потерял деньги, хлопает по двум карманам, кричит: «Нету, нету!» Ему говорят: «В третьем посмотри!» А он: «Боюсь. А вдруг и там нет?»

Так сейчас все человечество боится притронуться к этому «советскому карману» и понять, что там-то, может быть, – единственный шанс на решение не решаемых никак иначе проблем XXI века, шанс на альтернативное развитие. И этот шанс, эту логику борьбы развития с неразвитием мы обязаны обсудить ничуть не менее детально, чем то, какие именно угрозы территориальной целостности и нашему государству вырастают у нас на глазах. Потому что если мы это все фундаментально упустим, то, может, мы конкретные локальные угрозы как-то и преодолеем, но страну мы все равно не спасем.

Выпуск №24

Существуют крупные вызовы – жесткие, однозначные, очевидные, – по отношению к которым сознание мобилизуется быстро.

И существуют вызовы другого типа – рассеянные. Бывают такие болезни... например, рассеянный склероз. Это такие вызовы, при которых на некоторой доске расставлены точки: в одной клеточке – одна фигурка, в другой клеточке – другая.

И клеточки неоднозначные, и фигурки неоднозначные... и нужно просто, чтобы сложилась некая композиция. В тот момент, когда композиция складывается окончательно, наступает смерть. А до того как она сложится, ничего не наступает. В этом и заключается вся опасность.

Пока хотя бы в одной из всех этих клеточек не размещена должным образом фигурка (ее еще не поставили), организм ничего не ощущает. Он, может быть, чувствует некоторую усталость, какой-то неявный дискомфорт. Но это не то же самое, как если бы подошел к вам какой-нибудь громила и стукнул вас железной палкой по плечу. Если он не сломал вам при этом руку, то вы ему сразу же ответите кулаком в физиономию. Вам в этой ситуации все будет понятно. А если даже он руку сломал, вы постараетесь другой схватить какой-нибудь предмет и закатать ему в голову. Потому что вы понимаете, что он сейчас с вами тоже будет драться.

Это ситуации очевидные – ситуации жестких лобовых столкновений, классических, если можно так выразиться. К такой классической войне русское сознание прекрасно готово. Оно великолепно держит удар, оно просто терпит, оно при росте количества наносимых ударов не ломается, оно выдерживает болевой шок, оно каким-то образом способно защитить себя, оно копит энергию, скажем так, борьбы (или злобы – в данном случае слова не так важны). Наконец, оно переходит в контратаку и доделывает все до конца.

Мои друзья, занимающиеся историей войн, говорят, что немцы всегда что-то не доделывали до конца: останавливались где-нибудь в трех километрах от победной точки, иногда 200 метров не доползали, иногда не могли никак Волгу форсировать и так далее.

А русские доделывают все до конца. Они приходят в Берлин, ставят Красное знамя над Рейхстагом и вешают преступников, осуждая их на Нюрнбергском процессе. В этом случае все в порядке. И высшей классикой подобного типа поведения является Великая Отечественная война, она же Вторая мировая. При этом, если верить корреспонденту *The New York Times*, русские должны быть лишены статуса (там это названо еще более отвратительно – «амплуа») жертвы победителя в этой войне²⁵. Но это отдельный вопрос.

Здесь я хотел бы разобрать другое – понятие классической войны. Это классика: вот он, враг; вот он, друг; вот он, фронт; вот они, страшные повреждения, которые враг тебе наносит; вот твое осознание того, что враг абсолютный; вот твоя консолидация с другими для борьбы с этим врагом («наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»). Все. Это та идеальная война, к которой русские подготовлены столетиями, в которой они всегда показывали невероятно высокие качества, особенно когда были вдохновлены великой идеей.

Наступило время совершенно других войн – диффузных, рассеянных, в которых никогда не понятно, что значит та или иная фигурка (точка) в клеточке на доске, и почему ее туда

25 <http://www.inopressa.ru/article/24May2011/nytimes/kompromiss.html>

поставили, и почему рядом с ней находится другая фигурка (в огороде бузина, в Киеве дядька), и какая связь между одним элементом этой композиции и другим (рис. 1).

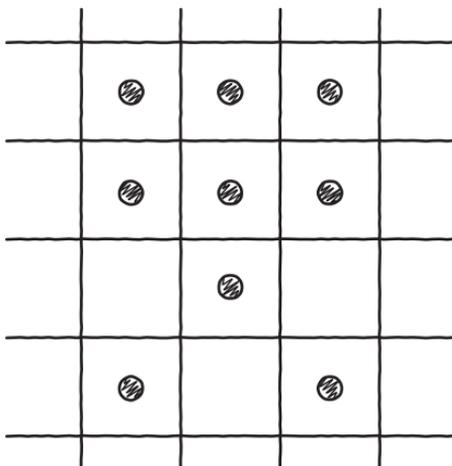

Рис. 1

Так вот, наступило время таких – композиционных, диффузных, интеллектуальных, изоощренных – войн. Как мне лично кажется (я не готов отстаивать это утверждение и предлагаю рассмотреть его в качестве гипотезы), специально изобретенных во многом для того, чтобы победить именно русских. После того как во Второй мировой войне выяснилось, что в обычной классической войне их победить нельзя.

Фактически, это было учтено и сделано в ходе так называемой перестройки: к 1991 году Советский Союз распался – и ни один самолет не взлетел, ни один танк не двинулся, чтобы атаковать противника. Противник победил. Никсон называл это «победой без войны». Победа без войны – это победа в чем-то другом.

Что значит «без войны»? Если даже «холодной войны» нет, а есть что-то другое... Что же?

Это игра. Игра, когда фигуры расставляются по довольно сложной системе ячеек сложным образом. И когда они, в конечном итоге, будут расставлены так, что все фигурки ока-

жуются на нужных местах, наступает смерть. А до этого ничего не наступает: нет противника – нет реакции. Как говорили мои друзья из спецназа: «Враг нас предал».

Мы сейчас имеем дело именно с этим видом почти нераспознаваемых интеллектуальных изоэшелонных войн, к которым сознание народа не подготовлено. Могу сказать больше: сознание ни одного народа в мире не подготовлено к подобного рода войнам, но элита обычно ведет их (не зря такие термины, как «игра», очень тесно связаны с элитой – «большая игра», «великая игра», «великая шахматная доска» и т. д.) и защищает народ. В сущности, в этом – ее служение народу.

Наша элита в значительной степени или предала народ и играет на стороне противника, или капитулировала и не хочет играть вообще. Или – в той степени, в какой она есть, – это уже ультрапсевдоэлита (то есть сообщество вчерашних ларечников, воров, не способных ни к чему, кроме как воровать, и не имеющих в мозгу даже сотой доли извилин, необходимых для того, чтобы видеть «великую шахматную доску»), и такая псевдоэлита просто находится вне всего этого.

Соответственно, народу, его представителям – тем, кто в подобных супертрагических обстоятельствах называется контрэлитой, – придется участвовать в войнах, в которых народы еще никогда не участвовали. Потому что в данной ситуации альтернатива подобному участию – гибель.

Отсюда – колоссальная важность задачи политического образования. Отсюда такая же важность всего того, что мы называем сложностью. Это же не сложность ради сложности («Тебе как?» – «Чем сложнее, тем лучше!») – это вопрос о том, что именно так будут до определенного момента с нами воевать, добываясь подавляющего позиционного преимущества в сложной игре. И после этого – «кладите вашего ферзя на бок». Как только ферзь будет положен на бок, начнутся процессы, по отношению к которым весь сегодняшний ужас меркнет.

Итак, надо играть, рассматривая одновременно малые и большие поля, большие и малые фигуры, полуанекдотические эпизоды и крупнейшие концептуальные коллизии – все это

вместе именно потому, что так устроена та самая диффузная война, игра в многомерном пространстве с множеством недоопределенных переменных. То есть та специальная война, которая обрушилась на голову нашего народа и первый тур в которой, первую фазу в которой мы уже проиграли.

Надо отдавать себе отчет, что мы ее проиграли. Бессмысленно по этому поводу надувать щеки, надо просто делать из этого выводы. Тогда следом за проигрышем «под Нарвой» будет «Полтавская битва». «И за учителей своих/ Заздравный кубок подымает»... Тогда мы выиграем решающую схватку в этой войне и всю войну в целом. Потому что пока мы проиграли первую страшную схватку. И оказались страшно наказаны за этот проигрыш.

Дойти до Бискайского залива Советская армия могла ровно за то время, которое нужно было, чтобы танки могли доползти до этого места. Шутили по этому поводу, что если офицеры очень огорчатся от отсутствия нужного женского белья, то они могут съездить за ним в Париж, на прогулку. Все понимали, что западному миру противостоит колоссальная мощь. Почему эта мощь оказалась обесточена? Потому что игра велась по другим, очень сложным правилам, в которых все инструменты классической войны уже не означали ничего. Или, как говорят математики в таких случаях, они были необходимы, но недостаточны.

Если бы у нас сейчас не было ядерного оружия, то с нами бы никто и играть не стал. Нас бы просто долбанули ядерной дубиной по голове, и все бы кончилось. Но у нас есть ядерное оружие. И вести с нами классическую войну все еще представляется неэффективным. Вот поэтому и начинается другого типа война, и она идет полным ходом на всех полях, на всех клетках, на всех уровнях, в единстве большого и малого.

Сейчас я начну с некоторого фактически трогательного эпизода и от него перейду к серьезным вещам. Делая такое утверждение, я вовсе не говорю, что данный эпизод несерьезен. Он та микроскопическая клеточка, на которую тоже нужно правильно поставить фигуру.

Речь идет о конфликте сначала некоего персонажа Сергея Карнаухова с Алексеем Навальным, а потом о подключении к этому конфликту Марии Гайдар и других персонажей. Конфликт начался с интервью Карнаухова на сайте «Русский репортер», затем появились реакции на него. Затем отреагировала Мария Гайдар. И, наконец, с господином Карнауховым произошли неприятности.

Вся эта катавасия была бы совсем не важна, если бы не некое утверждение Марии Гайдар, которая опровергает высказывание Сергея Карнаухова в интервью «Русскому репортеру». В этом интервью Карнаухов утверждает, что «один из ближайших друзей Алексея» (Мария Гайдар подтвердила, что это она) сказал ему (Карнаухову): *«Вы с кровавой гэбней сломаете зубы о Навального»*²⁶.

Мария Гайдар пишет в «Живом журнале»: *«Поскольку это моя цитата, то хочу сказать, что Сергей приводит ее неточно. А звучала она примерно (подчеркиваю, «примерно». – С.К.) таким образом: „Сергей, отстань от Навального, у него большое будущее. Ты не сможешь ему помешать, займись лучше делом“...»*²⁷.

До этого на «Радио Свобода» Мария Гайдар отвечала на вопросы радио²⁸ и говорила о том, как она видит свое будущее. Я цитирую:

«Уезжаю учиться в Гарвард, в школу Кеннеди. Это программа, рассчитанная на один год, и здесь учатся люди из разных стран, которые занимаются благотворительностью, правозащитой, работают чиновниками, бизнесменами. Это люди, заинтересованные в демократических переменах в своих странах».

На вопрос корреспондента «Радио Свобода», будут ли востребованы в странах с авторитарным режимом знания, полученные в школе Кеннеди, Мария Гайдар ответила:

26 Дятликович В., Романовский Р. Мне говорили: «Вы с кровавой гэбней сломаете зубы о Навального» // Русский репортер. 27.06.2011. См. <http://www.rusrep.ru/article/2011/06/27/fsb>

27 Запись в «Живом журнале» М.Гайдар от 28.06.2011. См. <http://m-gaidar.livejournal.com/187004.html>

28 <http://www.svobodanews.ru/articleprintview/24228412.html>

«Там не учат на демократического лидера. В программе обучение микро- и макроэкономике, эконометрике, предусмотрен обмен опытом людей из разных уголков мира, в том числе абсолютно недемократических стран Африки и Азии».

«Радио Свобода» явным образом спрашивает: если речь идет о людях, которые заинтересованы в демократических переменах, то как именно они должны эти перемены осуществлять? На что Мария Гайдар говорит: «Там не учат на демократических лидеров». Там учат, как «недемократические» ситуации менять на «демократические».

Но не в этом дело. И не в том, что именно произошло между господином Карнауховым и Марией Гайдар. И не в том, сказала ли Мария Гайдар про «кровавую гэбню» или она сказала так, как она сама желает себя интерпретировать. Но она же не говорит, что она точно сказала именно это. Она говорит: «Примерно таким образом я сказала: „Сергей, отстань от Навального, у него большое будущее. Ты не сможешь ему помешать, займись лучше делом“...»

И, наконец, дело совершенно не в том, правильно ли повел себя по отношению к Алексею Навальному Сергей Карнаухов, если трактовать его поведение как желание посадить господина Навального за решетку за экономические преступления. Карнаухов повел себя, видимо, сам того не желая, в точности по рецептам господина Шарпа, ибо ничто не нужно господину Навальному в такой степени, как посадка в тюрьму по каким-то выдуманым экономическим обвинениям. И даже не очень выдуманным. Вот именно это и есть для господина Навального идеальный вариант развития ситуации. Или, точнее, почти идеальный. Потому что идеальный звучит так: господин Навальный должен заняться некоторыми проектами, столь мягкими, что авторитарный или квазиавторитарный российский режим не сможет его за них наказать, не оказавшись в глупейшем положении.

Господин Джин Шарп как раз и учит тому, как выбирать – в зависимости степени авторитарности и жесткости режима – такие ситуации, по которым можно вступать с режимом в антагонизм, не оказавшись за решеткой. Или если тебя по-

садят, то режим окажется в глупейшем положении, а ты – в статусе героя.

Поэтому господину Навальному Сергей Карнаухов просто, как говорят сейчас, абсолютно в жилу. Вот он и есть то, что ему нужно. Это почти самое лучшее. Самое же лучшее... Что же есть самое лучшее?

Вот если бы господина Навального посадили за решетку, то, согласно инструкциям господина Шарпа, это была бы, образно говоря, «очень вкусная котлета». Но это все же не «устрицы», не «ананасы в шампанском», не самые возделенные блюда в мире... не «баранина с трюфелями»... Это так – средней вкусоности блюдо. Что же является самым упоительным?

Упоительная ситуация такая: возникает ограниченный, беспомощный и достаточно «злобный негодяй». Это роль номер один (в каковой, к моему сожалению, я совершенно не знаю этого человека, в точности выступил Сергей Карнаухов) – «злобный негодяй», который терзает «демократического лидера». Этот «злобный негодяй» должен мобилизовывать силы авторитарного режима, после чего «добрый человек», находящийся рядом с терзаемой «жертвой», должен сказать: «Ты отвали от этой жертвы, отвали. Она тебе не по зубам». Неважно, какие будут использованы слова: «у этого человека большое будущее» или «он тебе не по зубам». Это неважно. «Ты в это не лезь!» А человек должен продолжать лезть и быть наказанным:

«Губернатор Калининградской области Николай Цуканов сообщил сегодня об отставке своего заместителя Сергея Карнаухова. <...> По информации „РР“, интервью Карнаухова было крайне негативно воспринято в Администрации президента. <...> Вчерашний день Сергей Карнаухов провел в Москве. Не исключено, что как раз в АП. Затем он вылетел в Калининград, где состоялась его встреча с губернатором Цукановым, на которой он и подал заявление об отставке»²⁹.

Вот это, согласно инструкциям господина Шарпа, и является наилучшим развитием ситуации. Если бы то, что госпожа

²⁹ Дятликович В. Критик Навального отправлен в отставку // Русский репортер. 01.07.2011. См. <http://www.rusrep.ru/article/2011/07/01/karnaukhov>

Гайдар называла (или не называла) «кровавой гэбней», могло раздавить Навального, то Навальный приобрел бы статус жертвы. Но все остальные стали бы чесать репу и думать: «Елки-моталки, а если и мы то же самое сделаем, то ведь и нас раздавят, потом еще и нас, и нас...». Внутреннее недовольство все равно нарастало бы и когда-нибудь выплеснулось бы наружу. Но в первый момент оно бы могло и поутихнуть.

Если господин Навальный просто делает свои дела и никто этого особенно не замечает, то господин Навальный не может собрать энергию под свои дела. Но если господина Навального хотят обидеть и не могут обидеть, то это и есть в точности то, что нужно господину Шарпу.

Я понимаю, что в России Шарпа подробно читали, может быть, десятки (мне хочется верить, что сотни) людей, и уж отнюдь не из Администрации. Но мне кажется, что Мария Гайдар и некоторые еще люди (такие, как Алексей Навальный), безусловно, Шарпа читали.

Считаю, что это надо читать с карандашом, внимательно. Вот такие книги, как «Освободительная борьба. Руководство по стратегическому планированию действий, направленных на свержение диктаторских режимов и борьбу с другими видами притеснений». Джин Шарп при содействии Джамилы Рахип. Институт Альберта Эйнштейна.

Вот такие книги – а их штук десять – надо не просто читать и учить наизусть. Их надо осмысливать по-настоящему, потому что они-то и учат игре на этой многомерной доске. Они-то и учат распознавать, когда очередную фигуру поставили на новую клеточку, как выглядит эта клеточка, как она вписана в нелинейную системную архитектуру планируемой композиции.

Поясняю по 1991 году. Горбачев после того, как дал согласие на действия Соединенных Штатов против Ирака Саддама Хусейна, решил, что он получил какой-то такой неявный карт-бланш по действиям в Прибалтике. Ему что-то там было сказано. Он двинул туда войска. И если бы он добавил до конца, то хотя ярость литовского народа возросла бы, и это не дало бы никаких радикальных позитивных ре-

зультатов, но временное затишье возникло бы. Потому что все бы сказали: «Это опять русский бронированный кулак, это русский медведь вылез из берлоги, и он заревел!» Это вызвало бы ненависть и страх, как пишет Шарп, а это плохо, с точки зрения Шарпа. Это не идеал. А вот если Горбачев туда вошел и тут же по приказу американцев вышел назад, то это идеальная композиция.

Если он туда не входит, идет политическая борьба между общественными силами в Литве, которые хотят выйти из состава СССР, и общественными силами в Литве, которые не хотят выходить из состава СССР. И в этой борьбе можно подыгрывать нужным силам, помогать им, учить эти силы действовать. В любом случае ни одна из сторон не может тотально проиграть при фактическом равенстве позиций. Особенно, скажем, в Латвии. Нужно играть в тонкую юридическую игру и так далее.

Если уже пришло время бронированного кулака, то этот кулак должен войти как нож в масло, как он входил во времена Сталина, и решить свое дело в считанные часы. И наплевать на все остальное. Или – не входить. Как пелось в известной песне Галича: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл. Начал делать, так уж делай, чтоб не встал». Но войти и тут же выйти, дернуться и тут же отойти – это и есть то идеальное, что нужно Шарпу. Это и есть классическая композиция на тему о ненасильственных действиях, о «планировании действий, направленных на свержение режимов». Это идеальная система действий: вы сначала напугайте людей, войдите, а потом своим бездействием рассмешите людей. И соединение сначала страха, а потом смеха создаст конструктивную ярость, которая вас сметет. А все остальные, кто надеялся на вашу поддержку, будут в этот момент сломлены и подавлены.

То же самое – ГКЧП. Либо вы входите, и тогда вместо демонстрации танца маленьких лебедей (и вообще «Лебединого озера») ведете соответствующую пропагандистскую, идеологическую и иную программу, доделываете свое дело до конца... И тогда наступает страх или подавленность, но возникает результат. Либо вы вообще не входите и даете

работать тем политическим силам, которые хотели работать, снимая Горбачева на очередном съезде Компартии, поднимая большинство на Съезде народных депутатов СССР, активизируя массы. Но если вы входите и создаете этот импульс страха, а потом отъезжаете и порождаете хохот, то все силы, которые могли бороться, оказываются полностью парализованными. А возможности противника достигают максимума, и он получает максимально возможную общественную поддержку.

Конечно, смешно сравнивать маленькую историю с Карнауховым и Навальным, о которой я говорю, с этими большими историями. Но и те, и другие истории объединяет инструкция Шарпа.

И я не говорю, что в данном случае все персонажи, включая неясных мне «лиц из Администрации», действовали по одной инструкции Шарпа. Я этого вовсе не говорю. Я как раз стремлюсь не создавать никакой теории заговора. Я говорю, что это произошло ТАК, КАК ЕСЛИ БЫ господин Шарп добивался оптимального результата своей стратегии. Вот за эти слова я отвечаю. Я хорошо знаю работы Шарпа и доказать это свое утверждение могу. Просто мне жалко на это времени, чтобы делать это развернуто. И так, по-моему, всем все понятно.

Либо господина Навального хотят посадить – тогда его сажают без интервью господина Карнаухова и без прочих этих помп: тихо, жестко, с ним что-то случается и так далее (упаси бог). Это все равно в стратегическом смысле помешает. Но это хотя бы создает временное приобретение при отсрочке всех негативов на очень отдаленное будущее.

Либо надо вести правильные политические действия. Если в игре расставляются фишки, то в контригре фишки расставляются тоже. И выставляются быстрее и лучше. Но так, чтобы сначала замыслить что-то против Навального, потом эту затею озвучить, потом получить плюху в виде того, что «тебе не по зубам», а потом решение АП, доказывающее, что действительно «не по зубам»... Это в точности то, что нужно Шарпу!

А я понимаю, как это строится. Это складывается из самых разных аспектов. Один из них состоит, например, в том, что Мария Гайдар убеждена, что если уж на стороне Навального всерьез стоит некая западная элита, то он никому не по зубам. Потому что она-то сама не верит ни в какую «кровавую гэбню», она прекрасно понимает суть нынешней политической власти. Эта суть складывается из нескольких компонентов, как стратегических, так и тактических, как политических, так и экономических.

Простейший заключается в том, что нынешняя власть продолжает осуществлять западный проект (проект глубочайшей интеграции России в западный мир), мечтает только об этом, подзаложились на это полностью, не может этого выполнить, находится в связи с невозможностью это выполнить в трагическом состоянии, но продолжает упорствовать. И это есть политическое, стратегическое слагаемое.

Тактическое или экономическое слагаемое заключается в том, что под этот проект подзаложились так, что назад ходу нет: деньги размещены на Западе, семьи перемещены на Запад, недвижимость куплена на Западе, отвести войска с западного направления назад, на нашу территорию, безумно трудно.

Я говорил в предыдущей передаче, что нужно, нужно это сделать, ребята. Ничего другого сделать нельзя. Но одно дело – сказать что-то и даже доказать это логическими и эмоциональными способами. А другое дело – переломить инерцию, которая движет и движет в этом пагубном направлении.

Это поток, который волочет туда. И выбраться из него никто поодиночке не может. И никогда не будет так, что все захотят из него выбраться. Из него может захотеть выбраться часть элиты, оказавшаяся на Западе в наиболее сложном положении. У нее может хватить ума и воли на то, чтобы отказаться от западного соблазна и вернуться домой. Если она это не сделает – значит, вся элита несовместима с жизнью страны. Это очень трагическая, горестная констатация, но другой быть не может, потому что процессы-то продолжают двигаться именно в этом направлении.

Навальным больше, Навальным меньше – это один вопрос. Мария Гайдар, Сергей Карнаухов... А Джина Шарпа-то никто не отменит, и людей, стоящих за его спиной, тоже.

Итак, невидимая война. Игра. Диффузная война. Размещение фишек на очень сложной доске с множеством ячеек, в каждой из которых каждая фишка должна стоять в нужном положении: вот эта маленькая фишка – это одно, вот эта разводка вокруг Буданова – это другое. И таких ячеек будет 150–200. А когда по ним будут расставлены фишки «как надо», страна будет кончена. А значит, нужно, чтобы фишки не были расставлены «как надо».

Поскольку всякие там «администрации» фактически могут только мешать (с благими или неблагими намерениями – неважно)... Ясно, что они уже испугались. Когда Карнаухов начал орать, как пастух на выпасе, про свои грозные планы и ссылаться на силовую элиту и всем стало ясно, что сейчас из этого Навального сделают героя, Администрация решила убрать Карнаухова... Но она этим, отреагировав на один вызов, мягко говоря, тут же загнала себя в другой угол. Ход вперед, ход назад – максимум проигрыша. Вот что свершилось. Правда же?

Так вот, пусть лучше играют общественные силы. Самое главное – сформировать такие общественные силы, которые могли бы играть, обладать интеллектуальной оптикой такой игры и волей, желанием ее выиграть, а также каким-то эмоциональным чувством необходимости реванша. Уж больно унижительно был проигран предыдущий раунд, уж больно тяжело было предыдущее поражение.

Не надо по этому поводу ломаться: под Нарвой тоже все было не лучшим образом. Но не понимать степень униженности произошедшего и утешать себя различными парадно-патриотическими песнями не надо. Надо новую игру выигрывать, руководствуясь строчками из хорошей песни Цоя: «Дальше действовать будем мы».

В связи с этой нелинейностью, в связи с тем, что в предыдущей передаче названо радиационным излучением, в связи с невидимостью угроз, которые надо сделать видимыми, и так

далее – я продолжу обсуждать крупный сюжет. Гораздо более крупный сюжет, чем сюжет с Навальным.

Это сюжет с Модерном. Или с тем, что излагается в серии статей Игоря Ростиславовича Шафаревича в газете «Завтра». Статьи интересные. В них сказано много концептуальных вещей. А сейчас, конечно, время этого концептуального разговора.

Не могу сказать, что для меня этот разговор может быть полностью лишен полемической ноты, но я хотел бы сочетать полемичность и уважительность. Мне кажется, что это всегда есть наилучшее из всего, что можно сделать.

Итак, как мне кажется (и мне бы хотелось, чтобы по этому вопросу рано или поздно в патриотическом движении был достигнут консенсус), говорить о том, что гуманизм или развитие – это морок чудовищного Запада, во-первых, стратегически бесперспективно, а во-вторых... Мягко говоря, это не вполне соответствует очевидной истине.

Можно проследить борьбу гуманистических и негуманистических сил в расширительном, разумеется, смысле этого слова. В любом эпосе – хоть шумерском, хоть в древних египетских сказаниях, хоть в греческих мифах, хоть в Африке – всегда есть боги, стоящие на стороне человека, и боги, которые против человека. Боги, которые считают, что человек заслуживает возвеличения, и боги, которые считают его ничтожным.

У Пелевина, если вы помните, в «Generation П» есть фразы про «бусины бога Энкиду». Неважно, насколько это соответствует реальности Шумера, Аккада или Ассирии, дело не в этом. Дело в том, что на самом деле это всегда так. Всегда есть силы, которые считают человека богоравным и адресуются к нему в своей борьбе с любыми противниками. Как Геракл, человекобог, помогает олимпийским богам в борьбе с титанами. И так это существует в любом эпосе.

Поэтому гуманизм не есть выдумка светского сознания. Гуманизм не есть выдумка Запада. Гуманизм не есть выдумка Просвещения. Гуманизм – это вечный инвариант всех культур и народов. В тот момент, когда мы приравниваем гуманизм

к Западу, а Запад – к негативу, мы уничтожаем свой гуманистический потенциал. Это первое.

Второе. Развитие есть мечта всех народов мира. О развитии говорят древнейшие легенды и сказания, о развитии говорят величайшие тексты мира. Нельзя по причине того, что линейная модель развития является ложной, отказаться от развития вообще.

Да, существовали величайшие взлеты и падения. Да, после этих падений людям казалось, что позади Золотой век. Но нельзя в целом отказаться от развития, не отказавшись от Бытия как высшего принципа. Отказавшись от Бытия как высшего принципа и присягнув Небытию, то есть смерти, мы оказываемся в ловушке гностицизма. В чистом виде. Поэтому всегда были и всегда будут великие противопоставления: развитие – деградация, гуманизм – антигуманизм.

Линейная теория прогресса – упрощенный и неверный вариант развития. Марксистский вариант никогда ни о какой линии речи не вел. Для этого (и об этом говорили все учителя марксизма, начиная с первого курса института, а то и ранее) был выдуман принцип диалектической спирали, по которой это все восходит. На самом деле все еще намного сложнее.

Существуют страшные срывы, страшные падения. Человечество может упасть куда угодно, но это не значит, что развития нет. И это не значит, что оно не является благом.

Жизнь есть один из триумфальных этапов на лестнице развития. За ними следуют следующие этапы – разум. За ними будут новые этапы... И все это восхождение и есть высшее благо, стремление к высочайшему идеалу.

В чем разница между Россией и другими странами мира? Разница заключается в том, что Запад действительно создал определенный вариант развития. ВАРИАНТ развития. Он не развитие изобрел вообще, а создал определенную модель развития. И назвал ее «Модерн». 500 лет он действительно реализовывал эту великую модель – Модерн.

Русские никогда не хотели реализовывать эту модель. Они всегда считали, что у них есть альтернативная модель развития. Модель, отличающаяся от западной и при этом являющаяся

развитием. Русские не проклинали развитие во имя некоей примордиальной традиции или чего-нибудь еще. Это делали восточные народы. Русские считали себя альтернативным Западом, и они объективно являются им и только им.

В той мере, в какой Россия православная страна, она является страной христианского, то есть западного, мира. Но она является страной альтернативного христианского мира, правопреемницей Византии, которая была альтернативой папскому Риму.

Эта альтернативность уходит в бездны истории, ибо, когда римляне мстили Греции в античную эпоху (притом, что у них было с Грецией глубочайшее переплетение, у них была и ненависть), они, разрушая греческие непокорные города, писали: «Мечь за Трою». Они считали себя троянцами, а греков – ахейцами, воевавшими с троянцами. Так говорили мифы и художественные произведения, которые в данном случае важнее, чем историческая правда.

«Энеида» Вергилия для западного, да и мирового, сознания важнее, чем историческая правда, ибо именно по этой «Энеиде» веками и веками училась западная элита, да и мировая в целом: «Да помнил, хоть не без греха, из Энеиды два стиха».

Так вот, повествование «Энеиды» об Энее и его отце Анхизе, отсылающее к Криту, есть следующая ступень схождения в то, что Томас Манн называл «колодцем истории». Есть еще более древние ступени. И когда начинается обратное движение, когда ты дошел до конца, оказался у бездны и поднимаешься назад, ты видишь всю эту лестницу. И понимаешь, что Запада всегда было два. Что Запад Александра Македонского и Запад классического Рима – это два разных Запада, но это два Запада.

Никогда нельзя лишить Россию статуса альтернативного Запада. И более того, именно потому, что Россия является альтернативным Западом, основной Запад не любит ее больше, чем всю Азию, вместе взятую. Даже если вся Азия будет воевать с Западом и пытаться его уничтожить, классический Запад, не только англосаксонский, но и мировой, никогда не

признает Россию. Потому что, признав ее, он соглашается на альтернативу. В условиях же действительного собственного истощения – а эти условия (и тут Игорь Ростиславович абсолютно прав) возникли еще в XIX веке и зафиксированы Шпенглером и многими другими – он должен передать России пальму первенства. А он не хочет.

Он этого не хочет сделать именно потому, что Россия – «альтер эго», «второе Я» Запада. Это нечто близкое и одновременно бесконечно далекое. Католицизму православие ненавистно больше, чем дзен-буддизм или индуизм. Потому что то – чужое. А это – конкурент на одном поле. И так на любых этапах истории.

Да, марксизм был западничеством. Но он был альтернативным классическому Западу западничеством. И именно его альтернативность и была принята Россией и трансформирована ею в соответствии со своей глубочайшей традицией или тем, что называется ключевыми социокультурными кодами. Так устроена Россия.

Теперь немножко о том, что не нравится больше всего нашим нелиберальным антикоммунистам.

Я-то считаю, что история России начнет поворачиваться в нужную сторону тогда, когда нелиберальные (я не знаю, как их назвать: консервативные, ультраконсервативные, любые другие) антикоммунисты перестанут быть антикоммунистами и антисоветчиками. И признают простейшую вещь: сначала возникает союз сил, демонирующих Сталина; потом возникает союз сил, демонирующих советское вообще; затем немедленно возникает союз сил, демонирующих имперское. Все события последней истории просто в очередной раз прояснили, в какой степени это все связано друг с другом. А потом все это приходит по русскую душу. Выясняется, что вообще русский дух есть мерзость.

Нельзя разорвать эту цепь в действиях противника. Никогда ни один противник, если он не притворяется, не кривляется, не надевает на себя маски, не оторвет одно от другого. Никому Сталин и этот советизм сами по себе не нужны. Все хотят окончательной разборки с русским духом.

Значит, каждый белый или любой другой патриот, который действительно верен России, на этом этапе должен отказаться от антисоветизма, антикоммунизма и всего, что их породило. Он должен переосмыслить для себя советизм и коммунизм в любом, сколь угодно близком ему, духе. Но он отрицать это уже не может, не оказавшись в совсем другом лагере, совсем не в том, в который зовет его дух патриотизма. Не оказавшись по другую сторону баррикад.

Что же касается самых глубоких вещей, связанных с развитием, то тут гипноз антизападничества (а именно антизападничество есть код наших почвенных сил, и, к сожалению, это не первое столетие длится) просто мутит голову, мутит разум. Как только принимается концепция альтернативности, концепция того, что Россия есть альтернативный Запад, а не анти-Запад, по отношению ко всему остальному – к гуманизму, прогрессу, развитию в целом – должна быть принята совершенно другая система критериев. Нельзя называть все это злом потому, что классический Запад называет это добром. Тем более что он сейчас – в своем постмодернистском виде – уже отказывается называть это добром.

И тут возникает парадоксальная связь между постмодернистским западничеством и нашими антизападниками (они же почвенники, они же контрмодернисты, или, как им кажется, премодернисты). Здесь наиболее тонкая коллизия, конечно, связана с Хантингтоном. Хантингтон – это серьезно. К сожалению, мне кажется, что это серьезно-то в основном в политическом, а не концептуальном смысле, но в связи с этим я что-то расскажу.

Как-то так произошло в моей жизни, что меня никогда не тянуло в одну из стран мира под названием Соединенные Штаты. Так сложилась жизнь. По многу раз бывал в некоторых странах, но дорога моя как-то никак не пролегала туда. Это не значит, что я никогда не вел с ними никакого диалога – всегда вел его и буду вести. Но как-то меня туда не манило. На что сами США справедливо отвечали сдержанным негативизмом в мой адрес, и это было совершенно правильно.

Но один раз произошло нечто другое. В самом-самом конце эпохи Ельцина одна из крупнейших впоследствии фигур западного истеблишмента, занимавшая официальное положение в Москве, а потом в руководстве Соединенных Штатов, стала заигрывать с людьми, которых трудно отнести к классическим западникам, в том числе и с вашим покорным слугой.

Так состоялся мой единственный за все это время визит в Спасо-Хаус, в резиденцию американского посла, где на меня с ужасом смотрели наши западники, приходящие туда... я не знаю... каждый день (шучу). Это не к вопросу о том, кто у каких посольств шакалит, нет. Это просто к вопросу о том, что, являясь ревнителями Запада вообще и Соединенных Штатов в первую очередь, они, естественно, оказались гораздо ближе к самим американцам, чем те, кто выражал и продолжает выражать глубокие сомнения по поводу искренности американских намерений дружить с Россией, а также искренности намерений США вести мир по ступеням прогресса и гуманизма.

Итак, я оказался в посольстве. Почему? Потому что там нужно было заслушать лекцию Хантингтона. Еще не было того, что американцы называют nine/eleven, то есть 11 сентября 2001 года. Еще Буш не заявил о крестовом походе, после чего сразу же «проглотил язык» – ему сказали: «Никогда больше об этом не говори». Еще ничего этого не было. Но уже был Хантингтон.

И высокое должностное лицо мне говорило, что за Хантингтоном будущее, что Хантингтон «наше все», что на базе Хантингтона можно установить новые связи... «Знаете, Вы подумайте, может быть, это все очень и очень нужно».

Я сильно встревожился, потому что мне показалось, что это может иметь еще более серьезные последствия, чем классическая «поступь демократии» в варианте Клинтона. И стал просто наблюдать за Хантингтоном.

Хантингтон вел себя как очень встревоженный профессор, совершенно не понимающий, почему из него делают крупную политическую, концептуальную фигуру. Он тоже чувствовал в этом, как и я, подвох. Он не понимал, почему его извлекли

из академических глубин, в которых он мирно проживал, и выдвинули на политическую авансцену.

Он вел себя безумно робко. И когда я начал спрашивать (не помню, на этой встрече или в какой-то другой беседе с Хантингтоном), откуда он вообще берет цивилизации, он очень изумился. Но вынужден был признать в ходе дискуссии, что цивилизаций-то нет. Что некому конфликтовать.

Основная концепция Хантингтона – конфликт цивилизаций – предполагает существование цивилизаций. А цивилизаций нет. Нет в XXI веке цивилизаций.

Почему их нет? Потому что цивилизация есть макросоциальная общность, имеющая в качестве стержня религию. Не религиозно обусловленную культуру, а религию. Цивилизация должна оформить себя в религиозных понятиях и поднять религиозное знамя.

Если ислам и готов это сделать... Но что такое ислам? Где эта макросоциальная общность? Есть умма, но нет халифата. Для того чтобы исламская цивилизация появилась, должен возникнуть халифат. Тогда, возможно, он и пойдет под зеленым знаменем Пророка. И одна цивилизация сформируется. Но нет других цивилизаций.

Соединенные Штаты Америки не поднимают христианское знамя. Никто не адресует к словам Н.Гумилева:

*Завтра мы встретимся и узнаем,
Кому быть властителем этих мест;
Им помогает черный камень,
Нам – золотой нательный крест.*

Другая эпоха. Очень много светских людей. Для них религия не является флагом.

В каком же мире живут эти люди, если не в мире цивилизаций (по Хантингтону)? В нем они, очевидно, не живут. Индийцы больше всего боятся, когда их называют индусами, потому что Индия – это страна, а индусы – это религия. Так в каком мире живут все эти люди? Чем они занимаются? Китайцы – это какая цивилизация? Даосская, конфуцианская, буддийская? Какая?

Это все части проекта «Модерн». Это и есть национальные государства. И пока существуют национальные государства, осуществляющие проект «Модерн» (а нация есть и субъект, и продукт модернизации – та классическая светская нация, которую создала Великая Французская революция), нет цивилизаций. И нет их конфликта. Конфликт цивилизаций возникнет только тогда, когда наций не будет, а это еще надо суметь сделать.

Вот когда мир погрузится в Контрмодерн, возникнут цивилизации. И они начнут воевать друг с другом. Но пока мир в это не погрузился. Весь Восток от этого яростно отказывается, Запад к этому не готов абсолютно. Готовности к этому одного исламизма недостаточно. Потому что есть национальные государства в исламском мире, которые не отказываются от того, что они являются национальными – с умеренной исламской спецификой. Нет этого мира, о котором говорит Хантингтон.

Но после nine/eleven, после 11 сентября 2001 года все перешли на позицию Хантингтона. Все присягнули Хантингтону. Мой собеседник, который говорил, что за Хантингтоном будущее, понимал, что за Хантингтоном, действительно, будущее. Что как только Республиканская партия в США придет к власти и все эти клинтоновские заморочки кончатся, начнется другая эпоха. Это будет эпоха Хантингтона. Хантингтон нужен был как флаг.

Теперь возникают вопросы.

Первый. Если мира цивилизаций нет, то о чем мы говорим? О каких цивилизациях?

Второй. Какой цивилизацией, даже если она есть, является Россия?

Третий. Какое место Россия занимает в мире? Она Восток, а не Запад? Но ведь сказано было: «Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?» Так вот, Восток Христа и есть альтернативный Запад. Значит, надо стать Востоком Ксеркса? А там все места заняты. Там надо тоже сменить религию и религиозно обусловленную культуру, что намного больше. Ибо Модерн предполагает религиозную обусловленность культуры.

Да, мы живем в христианском мире в культурном смысле. Часть наших сограждан исповедует религию под названием православие, а также другие виды христианства. А также другие виды религий. Как мы это совместим?

Кто мы – мост между Востоком и Западом? Но Востоку не нужен сейчас мост с Западом. Восток без всякого моста напрямую прекрасно с ним ведет диалог. Мы же все видим. Эта роль моста исчезла. И мы можем оказаться между Западом и Востоком только как между молотом и наковальней. Мы должны быть поглощены Востоком по принципу, что раз Запад – это ужас, то Восток – это хорошо? Но вряд ли кто-нибудь будет считать себя счастливым, если его оккупируют не Соединенные Штаты Америки и НАТО, а Китай. Небольшое счастье тоже.

Это вовсе не значит, что я считаю оккупацию НАТО счастьем. Я считаю, что это омерзительная пакость. Но это не значит, что можно шарахаться из огня в полымя.

Так где же нам есть место? Где? Практически! И не видят ли наши патриоты, как этот практический вопрос намертво состыковывается с определенными образами, концептуальными представлениями, заимствованными из прошлого? И не понимают ли они, что вся концепция как Тойнби, так и Хантингтона – это, в конечном итоге, и есть классические построения Британской империи, которая с помощью этих монад под названием «цивилизации» хотела управлять миром? Но в то время, когда Британская империя строила такие концепции для управления колониями (колониями, подчеркиваю: каждый, кто принимает эту концепцию, становится колонией!), «монады» в виде этих, не дошедших до Модерна, цивилизаций, еще не имели «окон» (как говорит Лейбниц, у монад не должно быть окон). А теперь эти «монады» имеют «окна».

Так о чем идет речь?

Цивилизаций нет. Что есть? Модерн есть, Контрмодерн есть, Постмодерн есть. Есть ли Сверхмодерн – нам предстоит обсуждать. И в какой степени он связан с Россией?

Все остальное, о чем говорят, оно, конечно, есть. Пассионарность есть. Только китайцы – один из самых старых

народов мира. Он уже пять раз должен был пережить все эти надломы и все прочее. Почему этого не происходит? Потому что пассионарность есть, и геополитика есть, и национальные интересы есть. Все есть. Но над всем этим стоит история. Социокультурные проекты. Великий исторический дух. Дух исторической новизны. Он движет народами, их исторической судьбой. И если на пути своей исторической судьбы народы могут творить чудеса, то, уходя с пути, заданного им их исторической судьбой, они превращаются в слизь.

Я абсолютно разделяю идею, что мы будем наследниками рухнувшего классического Запада. И что Западу лучше бы нас в этой роли признать. Конечно, в том положении, в котором мы сейчас находимся, нам будет безумно трудно сыграть эту роль. Трудно, как никогда. Но, может быть, если мы ее не сыграем, мир погибнет. Весь мир.

Но только я хочу спросить об одном: наследниками чего мы являемся? Чего? Мы тоже будем, шарахаясь от Модерна, который несовместим с нашим духом и нашей душой, присягать Контрмодерну? И что из этого выйдет?

Ведь как именно на это все напоролась Британская империя? Она ведь и хотела бесконечно жить в мире, где она есть светоч прогресса, а все остальные есть эти самые цивилизации, то бишь колонии. Но возник капитализм. Неравномерность развития. Принцип издержек. И она оказалось перед необходимостью эти колонии развивать. Рядом с нею были конкуренты. И если бы она все время везла хлопок дальними путями к себе, перерабатывала его у себя, а потом вывозила ткань назад теми же судами в Индию, то она бы разорилась. А разорившись, стала бы жертвой западных конкурентов. Значит, она должна была развивать в Индии переработку хлопка, а также другие виды производства. И этим создавать своего могильщика – индийский рабочий класс, индийскую интеллигенцию. И этим выводить Индию из состояния индусской цивилизации, конфликтующей с исламской цивилизацией, и переводить ее в разряд хоть и несовершенного, но Модерна. И этим обрекать себя на национально-освободительную борьбу, национально-освободительную революцию. И за счет

этого терять самое драгоценное для классической британской души – колониальную империю.

Каждый, кто видел любую египетскую набережную, по которой должны гулять дамы в кринолинах, или жил в любой египетской гостинице, в которой в свое время жили настоящие джентльмены, понимает, что джентльмены и дамы в кринолинах хотят там гулять всегда. И чтобы туземцы находились на том месте, где им полагается. А туземцы уже не хотят находиться на этом месте, потому что британцы их развили. А развили они их не потому, что они добрые или «несли бремя белых», а потому, что рядом были Германия, Франция и другие. Если бы британцы не стали развивать колонии, привнося туда капитализм, то они бы проиграли конкуренцию другим странам.

Теперь нужно сделать так, чтобы Контрмодерн никому не проиграл? А вы понимаете, как это можно сделать? Давайте договаривать до конца. Это же не такая сложная мысль, тут же все понятно. Это можно сделать только одним способом. Одним-единственным. Остановив развитие в мировом масштабе. В мировом! Превратив весь мир в Британскую империю. Раз и навсегда. Forever. Остановив развитие вообще.

Тогда возникнет следующая картина: есть один очаг, в котором нечто продолжается. Во всем остальном мире это (то есть развитие) остановлено. Там возникли цивилизации («монады»). Там все вернулось назад – в феодализм, рабовладение и дальше. Колесо истории повернули вспять. Олигархия – она же «Железная пята» – в мировом масштабе правит этой мировой колонией. Глобальный город правит глобальной мировой деревней. И эта деревня уже никогда не станет ничем другим. Там всегда будут рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные.

И тогда я хочу спросить наших господ-почвенников.

1. Согласны ли они на любую, самую почетную, роль в мире, где Россия окажется на этой периферии?

2. Понимают ли они, что Россия менее любой другой страны в мире пригодна на эту роль периферии?

3. Кем они себя видят в пределах этой модели?

Они-то себя видят помещиками. И кого они предлагают в виде крепостных? Кто есть те мужики, которых будут пороть на конюшне, и чьих дочерей эти бары будут портить, как портили в предшествующие эпохи? Куда это все должно вернуться? Мозг домысливает эту картину до конца? Он выводит ее из интеллигентской кухни – такой антисоветско-антилиберальной кухни – в большую политику? И понятно ли, что никакими православными и прочими цивилизациями там дело не кончится? Там все будут добивать до конца. Там совсем другие архетипы начнут работать – в этом беспредельном, окончательном и бесповоротном рабстве.

И совершенно понятно, почему это все так происходит. Потому что буржуазия была прогрессивным классом три века назад. Тогда она подняла великий лозунг «Свобода, Равенство, Братство». Который уже тогда страшно не понравился антилиберальным силам с феодальной направленностью. Но буржуазия тогда боролась с феодализмом.

А в XXI веке она, эта буржуазия, с удовольствием феодализируется. Но только с одной оговоркой. Она изгонит гуманизм из феодализма. В феодализме – в эпоху Ренессанса, Преренессанса Джотто и классического Средневековья – был гуманизм, был все время. Там все время было восхождение. И там было место и гуманизму, и прогрессу в их непросветительском смысле.

А вот в том, что должно прийти на смену (как мы это ни назовем: Контрмодерн, интегрим или как-то еще), никакого места ничему такому уже не будет. Это будет страшная штука. И Христом тут даже и не пахнет, это должно быть изгнано. Вот тогда-то и возникнет фашизм. Я уже говорил в предыдущий раз, в чем разница между классическим контрмодернистским реставрационизмом и фашизмом. В том, что фашизм работает в подобных ситуациях, а реставрационизм отдыхает. Он может подпевать фашизму, но работать-то будут другие.

Так в чем смысл почвенничества сегодня? В XIX веке оно защищало феодализм в России. Что оно защищает сейчас? «Железную пяту»? Это же принципиальный вопрос. И мне кажется, что пора его задать – настолько тактично, насколько

ко это возможно. Пора хотя бы начать дискуссию по этому поводу. И не дискуссию людей, которые заведомо ненавидят друг друга так, что не могут разговаривать, а дискуссию людей, которые открыты, благожелательны. Готовы получать ответы на любые вопросы. Готовы спорить. Я приглашаю к этой дискуссии, ко всем ее формам.

Это не конфликт. Победить мы можем, повторяю, только тогда, когда все «белые» силы, не вставшие окончательно на путь национальной измены, признают советское. Признают единство русской истории. Признают развитие как маркер русской исторической судьбы. Признают величие развития и альтернативное развитие как русскую миссию. Признают гуманизм. Признают ту новую великую весть, которую сейчас только Россия может принести миру. Потому что, честно говоря, ее приносить больше некому. Желающих нет продолжать историю в том великом смысле, в котором это только может быть. Признают историю. И откажутся во имя жизни и блага страны от примордиально-гностических заморочек, несовместимых с Россией и ее историческим бытием. Ибо именно Россия всегда этим заморочкам и противостояла. Величайшее противостояние в ее истории – это Великая Отечественная война.

Я понимаю, как трудно все это признать. Потому что антисоветский яд копился десятилетиями. И, конечно, к этому были свои основания.

Я понимаю, как это трудно признать. Но наступают воистину последние времена. Когда от всего можно отказаться ради того, чтобы на мир не обрушилось нечто совсем уж страшное. На мир и на страну – в первую очередь. Чувство исторической ответственности, интуиция истории должны помочь освободиться от того интеллектуального груза, который вращивался десятилетиями и который теперь не работает. Он перестал работать.

Это нельзя сделать ни методом жесткой полемики, ни методом интеллектуального насилия. Это можно сделать только любовью и добром. Только на основе глубочайшего синтеза.

Время эклектики прошло. Великая заслуга патриотического движения на предыдущем этапе заключалась в том, что оно пыталось соединять несоединимое. И продолжает пытаться это делать. И это правильно. Ибо ничего нет хуже нашего раскола. Но время это в прошлом. Наступает время нового великого синтеза. Вопрос не в том, что кто-то хочет взять на него монополию. Упаси Бог! Вопрос в том, чтобы это происходило одновременно в колоссальном количестве ячеек той самой великой доски, на которой наш противник – историософский, окончательный противник – расставляет свои фишки.

Давайте протянем друг другу руку. Давайте поймем, что наступили эти самые последние времена. И говорить в эти времена надо по-другому. Я много раз цитировал Достоевского: «Оставьте ваш тон и возьмите человеческий». Я не говорю сейчас, что чей-то тон не является человеческим. Я только говорю про эти самые последние времена, в которых надо объединяться совершенно на другой основе. Это объединение каждый должен осуществлять в меру своих крайне скромных сил. У каждого из нас силы очень скромны. Вопрос заключается в том, чтобы возникла когерентность. Чтобы силы были объединены. И чтобы это было не объединение против какого-то абстрактного врага – Запада, либералов и пр.

Видит Бог, когда понимаешь, что они делают, то многие проблемы, связанные с несовместимостью твоей идеологии и идеологии кого-то, кто рядом с тобой, пропадают. Потому что возникает поистине экзистенциальный, моральный ужас перед лицом того, что содеяно и продолжает делаться. Перед лицом всего этого по каким-то отдельным позициям я готов внимательно присматриваться к тому, о чем говорил Солженицын. Но только по отдельным позициям. Я же большего не хочу. Я не хочу переделывать белого в красного. Я хочу, чтобы этот белый увидел, как это все устроено. Увидел!

Маленький круг – антисталинизм. Большой – антисоветизм. Еще больший – антиимперскость. Еще больший – война с исторической судьбой. С русским духом.

Эти круги не отделишь один от другого. Они уже существуют вместе. Они спаяны волей нашего врага. Они и есть оружие его беспощадной войны с нами. Если мы это понимаем, мы можем что-то этому противопоставить. Или заученно будем продолжать говорить все то, что говорили на диссидентских антилиберальных кухнях?

Я только к антилиберальной среде адресуюсь в данном случае. Адресуюсь, протягивая ей руку – антилиберально-почвенной среде. Эти песни ушли в прошлое. Там есть неточности. Там есть дефекты. Там есть уязвимости. Там есть то, что было возвращено в связи с необходимостью борьбы с СССР. И то, что было привнесено международными силами. Все это надо сдуть. Отодрать, как иногда корки отдирают с кожи. Во имя жизни. Во имя спасения народа. Потому что времени на это осталось очень немного.

На официальном сайте Всероссийского общественного движения «Народный собор» вывешено мое интервью «Почему нельзя допустить распада России». Обратите внимание на то, в какой степени это все вызывает ярость, неистовую ярость в определенном круге людей. Что же именно вызывает такую ярость?

Я думаю, что об этом мы должны поговорить в следующем выпуске данной программы.

19 июля 2011 года

Выпуск №25

Итак, на официальном сайте Всероссийского общественного движения «Народный собор» было размещено мое интервью «Почему нельзя допустить распада России», и это уже окончательно взбесило людей, которые называют себя национал-демократами. Почему же это их так взбесило? Взбесило их то, что некое «чудовище» под названием «Кургинян» начинает снова осуждать национализм.

Ни в коем случае! Если бы я начал осуждать национализм и говорить, каким национализм является преступлением, как он близок к фашизму и так далее, эти люди не только не возмутились бы, а восхитились. То есть они бы, наверное, при этом дежурно возмутились... Они бы сказали: «Вот, смотрите, какие негодяи на нас наезжают... Какие мы хорошие... Как они нас топчут... Учитесь, люди русские, вставайте плотными рядами для того, чтобы отражать эти проклятые силы!»

Но произошло-то другое. Бешенство, доходящее до визга, вызвали правильные слова.

«Мы не воюем с националистами», – сказал я и говорю это еще и еще раз. Возможно, у меня существуют по каким-то вопросам достаточно существенные расхождения с «Народным собором», но это сейчас неактуально. Намного актуальнее другое: что и «Народный собор», и «Суть времени», от лица

которого я веду диалог с «Народным собором», одинаково привержены единству русской исторической судьбы и, главное, представлению о неделимости нашей территории и категорической непозволительности еще одного уменьшения того обрубка, в который превращена историческая Россия. И люди из «Народного собора», и все те, кто объединились в «Сути времени», одинаково понимают, что этого допустить нельзя. Что это будет историческим концом России. Что территориальная целостность есть сейчас аксиома любого патриотического движения. Что этим нельзя пожертвовать в очередной раз, без того чтобы Россия не кончилась вообще. Мы это понимаем. Мы объединились. И в этом смысле мы протянули руку националистам, а они эту руку приняли. И мы будем работать вместе.

Вот это-то и вызывает ярость.

Во-первых, потому что нашлись силы, которые готовы работать вместе хотя бы в защиту территориальной целостности (что сейчас представляется крайне важной задачей).

Во-вторых, потому что были сказаны правильные слова. Как говорил Конфуций, нужно давать вещам правильные имена и называть их на всех базарах. Так вот это я и делаю: даю вещам правильные имена.

И тех, кто называет себя национал-демократами, называю (в соответствии с их же собственными представлениями) уменьшительными националистами, национал-либероидами, ликвидационными националистами, противопоставляя их нормальным националистам, которые никогда не будут грезить об очередном разрушении России. Об очередной – якобы освободительной – катастрофе, которая станет историческим концом страны, что понимает каждый разумный человек.

Вопрос к каждому националисту не в том, кого он любит и кого не любит. Вопрос этот («люблю – не люблю», «негодяй – не негодяй») – это бытовщина, а настало время политики. Политика же предполагает оценку лозунгов, призывов, стратегем и всего остального.

И вот я вчитываюсь в стратегемы и лозунги, которыми начинено интервью господина Белковского «АПН Северо-

Запад» под названием «Не надо трястись над территориальной целостностью РФ»³⁰.

Итак, мы «трясемся», то есть говорим, что территориальная целостность РФ должна быть защищена. А также говорим о том, что нужно изменить и курс страны, и все его стратегические константы. И что только тогда можно спасти территориальную целостность. А также говорим, что Россия должна превратиться в страну, которой она была до последнего позорного двадцатилетия. И что это будет страна, в которой единство исторических периодов будет обеспечено высшим идейным синтезом. Вот что мы говорим.

Что же говорит Белковский? Мы не требуем, чтобы все вслед за нами в унисон говорили то же, что говорим мы. Мы просто спрашиваем: «Территориальная целостность должна быть защищена или не должна?» «Не надо трястись», – это парафраз на тему о том, что наплевать на территориальную целостность, что территориальную целостность надо нарушить. Белковский говорит о том, что ее надо нарушить.

Теперь мы спрашиваем остальных националистов... Как бы они к нам ни относились и какими бы ругательными словами они нас ни называли, мы к этим ругательным словам относимся с теплой иронией и не более того. Нас не интересуют ни похвалы, ни ругань. Нас интересуют политические оценки и ничто другое.

Мы спрашиваем: они – остальные националисты – тоже считают, вслед за Белковским, что не надо защищать территориальную целостность Российской Федерации?

Мы понимаем, что они, как и мы, недовольны проводимым курсом. Это понятно.

Мы понимаем, что они считают, что надо изменить курс. Но мы же считаем то же самое.

Мы одинаково констатируем пагубность существующего курса – того курса, которым Россия шла на протяжении двад-

³⁰ Интервью с Белковским С. Не надо трястись над территориальной целостностью РФ // АПН Северо-Запад. 28.06.2011. См. <http://www.apn-spb.ru/publications/print8878.htm>

цатилетия. Мы по-разному можем оценивать, в чем эта пагубность, однако одинаково признаем этот курс пагубным.

Но какое отношение к пагубности курса имеет территориальная целостность? Почему для того, чтобы вы шли в другом направлении, я должен, образно говоря, обрубить вам ноги и руки? Если я вам обрублю ноги и руки, вы будете ползти – и не обязательно в другом направлении, а может быть, в том же самом... Или вас поволокут на аркане... Что дурака-то валять по этому вопросу? Территориальная целостность есть высший императив? Да или нет?

Мы защищаем ее, понимая, что она а) может быть обеспечена только при изменении курса и б) курс надо менять?

Или же территориальная целостность может быть принесена в жертву невесть чему – некоему химерическому «благу русского народа», который однажды уже пожертвовал территориальной целостностью, будучи соблазненным идеями некоего «блага»? Мы же это помним...

Мы никоим образом не хотим сказать, что это только какие-то там «зловещие русские силы» соорудили эту русскую катастрофу. Но, во-первых, часть этих сил до сих пор говорит о том, что она участвовала в этом, и гордится этим. Мы же не можем помешать им гордиться. И, во-вторых, мы все помним, что слова эти произносились: РСФСР должна выйти из состава СССР. Это было сказано не либералами, а почвенниками. Конечно, основная роль в развале принадлежала либералам и национальным окраинам. Русский народ в целом держался до конца. Но это было или не было? Было сказано о выходе РСФСР из состава Советского Союза? Было сказано.

Было сказано (уже потом, гораздо позже), что при Советском Союзе крестьяне, может, жили и сытнее, но как-то тосковала душа, и мы это все грохнули?³¹ Было. Это называется «русский крест» – за двадцатилетие 26,5 миллионов слишком рано умерших и неродившихся. Десятки миллионов, оказавшихся в жутких условиях на территориях расчлененной империи. Потеря техники, культуры и всего остального.

31 См. выступление Владимира Личутина 12 февраля 2011 года на юбилейном вечере газеты «Завтра». <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/11/900/21.html>

Теперь нужна очередная катастрофа якобы во благо русского народа. Так нужна катастрофа? Нужно опять расчленять страну невесть ради чего или не нужно? Да или нет? Простой политический вопрос: вы за отделение Северного Кавказа, вы вместе с Белковским или по другую сторону? Ну, ответьте и ругайте нас дальше. Но если вы при этом говорите, что вы против Белковского, то в вопросе о территориальной целостности мы союзники. Вы говорите, что для вас территориальная целостность есть как бы стратагема. Вы будете ее защищать. Вы становитесь в ряды защитников территориальной целостности. Это могут быть ряды, состоящие из очень разных людей с разными представлениями, крайне не любящих друг друга и называющих друг друга любыми ругательными словами. Ради бога!

Но вы ответьте на простой политический вопрос: вы в лагере Белковского или в лагере тех, кто будет ему противостоять? Вот и все. Все те, с кем мы разговариваем, должны ответить на этот вопрос, потому что Белковский-то очень ясен. Он все говорит прямо.

«Скажите, Станислав, вы хотите развала России, в чем вас нередко обвиняют оппоненты?»

Он отвечает «да» – значит, это не обвинение. Это он сам говорит: *«Да. Я, безусловно, хочу, чтобы Северный Кавказ, по крайней мере, мусульманские его регионы, покинули состав России».*

Спрашивают: *«Какие конкретно регионы?»*

Белковский отвечает: *«Как минимум, Чечня, Ингушетия и Дагестан. Про остальные готов дискутировать».*

Его спрашивают: *«Как вы видите механизм их выхода из состава Российской Федерации?»*

Белковский отвечает: *«Сначала нужно перекрыть им федеральное финансирование. Это обесмыслит их присутствие в составе РФ, поскольку оно является главным и единственным мотивом их пребывания в России. После этого создается международная рабочая группа под председательством какого-нибудь мощного экс-президента США (может быть, к тому времени таким человеком уже будет Барак Обама),*

формулирует сценарий развода, и мы в строгом соответствии с Конституцией РФ этот развод осуществляем».

«Я считаю, что не надо трястись над территориальной целостностью РФ, – говорит Белковский. – <...> Снявши голову, по волосам не плачут».

Имеется в виду Украина, Белоруссия, потеря которых является, естественно, чудовищной катастрофой для России, кто ж спорит. Но теперь ее надо усугубить: снявши голову, по волосам не плачут.

«Вам не кажется, – спрашивают Белковского, – что после отделения Чечни и Дагестана независимости захотят поволжские республики – Татарстан с Башкортостаном?»

Белковский отвечает: *«Это зависит от того, насколько они будут заинтересованы в нахождении в составе России».*

Я не понял – вопрос идет об инородных частях? Или о том, кто как заинтересован? То есть им тоже надо перекрыть финансирование? И что еще им надо перекрыть? Тут же рассматривается сценарий отталкивания территорий. Каждому можно что-нибудь перекрыть, и он окажется «не заинтересован».

«Допустим, [они] не будут [заинтересованы в нахождении в составе России]. Их надо тоже отпустить?» – спрашивает интервьюер.

Белковский отвечает: *«Я считаю, что если существует регион со сформировавшейся национально-культурной идентичностью и он хочет выйти из состава страны (как, например, Каталония или Страна басков в Испании), то это рано или поздно произойдет».*

Все понятно, все сказано. Вы это поддерживаете? Ну, тогда вы в одном лагере! Причем тут вопрос не о том, кто из людей вам нравится или не нравится, чьи философствования вам по сердцу или, так сказать, против шерсти. Какая разница? Не об этом же речь идет. Не о бытовщине. Белковский только что тут сказал, что Татария и Башкирия тоже должны быть отделены.

Интервьюер: *«Но в России пока такой регион только один – это Чечня. Даже Ингушетия даже в 90-е годы такого желания не изъявляла...».*

Белковский: «Посмотрим, что будет в перспективе».

Ну, это смотря в какой перспективе, не правда ли?

Дальше Белковский говорит: «Я думаю, что у России есть возможность удержать Татарстан и Башкортостан, во многом за счет возвращения к реальному федерализму». Вот тут, с этого места, нельзя поподробнее?

Ну, и дальше все остальное...

Белковский: «Я думаю, что к новой войне с Чечней Россия сегодня не готова. Надо признать, что мы проиграли войну, причем ту, которая началась не в 1994-ом, а в 1817-ом. (В 1817-м! – С.К.) Что касается унитарного государства, Россия сегодня, по сути, им и является. Причем движение в сторону унитаризма в ходе строительства вертикали власти приводило к укреплению именно института неформальной сетевой власти на местах (он имеет в виду кланы. – С.К.). Потому что ответом на выстраивание вертикали было то, что власть уходила из рук формальных глав регионов, губернаторов, в руки всяких неформальных структур».

Интервьюер: «Вам не кажется, что отделение регионов Северного Кавказа не решит существующих с ними в отношении многочисленных проблем? В XXI веке невозможно отделиться от них бетонной стеной и пропустить по ней электрический ток...»

Тут Белковский, отвечая, адресует к опыту Израиля: они же оградилась стеной – вот и мы оградимся, и так далее. Но Израиль сейчас воеет от всего происходящего. Он понимает, что это конец.

Дальше Белковскому говорят, что тибетцы с уйгурами не выходят из Китая, то есть Китай не дает им выхода.

Он отвечает: «Китай – тоталитарное государство с соответствующей машиной принуждения, и я ни в коем случае не считал бы его образцом для России. <...> Китай – сверхдержава, пока США позволяют ему таковой быть, пока всемирная фабрика находится там, а не во Вьетнаме, Индонезии или, скажем, Мексике, где стоимость рабочей силы уже сопоставима с китайской (а с Мексикой у США – и транспортное плечо гораздо короче)».

Ну, так что же – может, Мексика станет Китаем? Мы ждем. Когда? Какие признаки? Если бы речь шла только о том, что это США кому-то что-то позволяют, так, наверное, Мексика бы стала... там транспортное плечо короче...

Белковский: *«Над нами довлеет комплекс территории, который нужно изжить».*

До какой степени его «нужно изжить»? До нуля, до чего? Это именно то, к чему призывают крайние либералы, которых мы называем либероидами. Все уже сомкнулось, господа. Мы в финале некоей игровой композиции.

Вопрос: *«Ваши слова насчет изжития комплекса территории – это, по сути, ниспровержение основ русской мысли. Вы идете против Данилевского, Леонтьева, Льва Гумилева...».*

Белковский: *«Да, я вообще противник евразийства. Я считаю, что это романтическая доктрина. <...> Русский человек не хочет быть азиатом. <...> Мы хотим быть европейцами, а не азиатами. И даже войны, которые мы вели против европейских держав, имели своей важнейшей целью доказать Европе, какие мы крутые».*

И так далее, и тому подобное.

Вот здесь опять начинается то, о чем я говорил в прошлой передаче, – дьявол в деталях. Мы не азиаты. И мы не хотим ими быть. Мы – альтернативный Запад. Но именно наше положение альтернативного Запада и является для нас сейчас мессиански выигрышным. Мы не хотим входить туда, куда уже входить невозможно, мы хотим вести мир за собой. Да, мы находимся в ситуации невероятного разгрома и унижения, но мы находимся в ней ПОЧЕМУ-ТО. Ведь надо же объяснить себе, ПОЧЕМУ. И как из этого выходить. И нельзя это объяснить себе, играя приблизительными понятиями, каковыми по отношению к России, безусловно, являются понятия Азия, Европа, Восток, Запад. «Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?»

Вы готовы к союзу с Белковским? Мы спрашиваем по-простому, по-политически: да или нет? Тем, кто готов к союзу с Белковским, рано или поздно придется оформить сам этот союз, декларации, на которых он стоит. Белковский все это

маркирует двумя ценностями: национализм и демократия. Если бы ценностями здесь были действительно национализм и действительно демократия – это было бы замечательно!

Но только национализм в сочетании с демократией – это Робеспьер, а не Белковский. Повесьте рядом портрет Робеспьера и портрет Белковского (который мог бы написать кто-нибудь: Сафронов или Шилов). Посмотрите на эти два портрета – и вы увидите разницу.

Робеспьеру была отвратительна любая мысль о потере даже пяди французской земли. Пяди! Потому что у него был проект, у него была великая мечта. Он строил нацию, новый мир, национальное государство. А Белковский, как и все демократы у нас в стране, начинает с того, что залезает в американский обоз и грезит об оккупации. Он прямо говорит: «...создается международная рабочая группа под председательством какого-нибудь мощного экс-президента США (может быть, Обамы)».

А перед этим Белковский говорил о Майкле Кентском. Белковский все ищет, кому продаться, какие оккупационные войска завести на нашу территорию. И это не обвинение – это констатация. В его статьях, которые я перед этим разбирал, прямо сказано: Майкл Кентский должен прийти в Россию при участии и под давлением внешних сил. Это формула оккупации.

Значит, как только демократия, так оккупационизм и расчленение территории. Как только национализм, так опять-таки оккупационизм и расчленение территории. То есть конец страны.

Вот в этом и разница между Белковским и Робеспьером. Робеспьер грезил демократией и национализмом. А у нас за все 20 лет не нашлось ни одного Робеспьера, ни одного человека, который грезил бы и тем, и другим одновременно, никого, кто любил бы Россию по-настоящему. Все любят Америку, некоторые Германию, кое-кто Китай, но никто – Россию. Нет той великой любви, которая была у Робеспьера, нет масштаба личности. Это и есть блеск и нищета нашей демократии и нашего псевдонационализма, уменьшительного национализма.

И как только эта демократия прикасается к национализму, он сразу превращается в либероидную чуму. Разве не так? А что не так?

В том же самом «АПН» («Агентстве политических новостей») есть такая очень интересная, трогательная статья про вашего покорного слугу. Она называется «Кургинянице»³². Кургинянице... Даже с эпиграфом: «Он рычит, и кричит, и усами шевелит. К. Чуковский». Поскольку написанное когда-то: «Покорилися звери усатому. (Чтоб ему провалиться, проклятому!)» – это было ясно про кого, то это очень трогательная статья.

Ее автор меня цитирует: «*Перестройка дала мне, как творческому человеку, все. Защита перестройки – для меня не социальный заказ, а жизненная необходимость*»³³.

Это было написано в 1988 году, к этому моменту слово «перестройка» не приобрело еще негативного оттенка, в нем не было еще ничего. Была только необходимость придать соответствующее ускорение советской системе, придать ей второе дыхание и вывести ее из некоторого состояния сна и полураспада – вот и все. Тут много на этом не наиграешь...

Автор: «*Бизнес Кургиняна по защите перестройки – давний. Уже СССР рухнул, и перестройка сгинула, а Кургинян все защищает. Впрочем, сие неудивительно. <...> Перестройка хоть и кончилась, но продолжается, ибо Кургинян – типичный ее продукт, коммунистический оккультист, готовый принести русский народ в жертву „общему делу“. Какому-такому „делу“? А вот какому (далее он меня цитирует. – С.К.): „Мы заявляем о метафизической открытости необогостроительства всем гуманистическим религиям, новым религиозным веяниям (от учения Н.Ф. Федорова об Общем Деле до концепций Тейяра де Шардена, Вернадского, Леопольда Сеа (теология освобождения), философской антропологии, гуманистического психоанализа и других поисковых направлений, ориентированных на познание человека и мира)“»³⁴.*

32 Святенков П. Кургинянице // АПН. 05.07.2011. См. <http://www.apn.ru/publications/print24441.htm>

33 Кургинян С. Актуальный архив. Работы 1988–1993 годов. М. МОФ ЭТЦ. 2010. С. 29.

34 Там же. С. 230

Я обращаю внимание на то, что тут сказано о метафизической открытости. Тут не сказано, что мы присягаем всему сразу. Мы развиваем коммунистический проект – это именно то, чему я хочу посвятить четвертый, завершающий цикл лекций. И мы действительно хотим его развивать. И мы говорим о том, что этот проект должен быть открыт всему, что грезит о предельных целях человечества, – развитию. Тому самому развитию, которое идет и идет. Человеку, который восходит по лестнице этого развития – выше, выше и выше, до космических высот, до тех высот, на которых этот человек сможет совершать любые, самые неслыханные дела. И тут, конечно, есть место и Федорову с его «Общим делом», и Тейяру де Шардену, и Вернадскому, и Леопольду Сеа, и очень-очень многому другому, потому что именно это следует впитать для того, чтобы Красный проект не был римейком, не был ретро.

Реставрация обречена всегда. Если наши враги хотят придать Контрмодерну некое живое состояние, переводя его в активно-агрессивный неофашизм, то мы можем придать делу СССР и делу советского живое состояние, только включив «мотор». Они включают гностический, мы – хилиастический. Но если «мотор» не будет включен, то все эти песни об обычной примитивной реставрации не приведут ни к чему и мы не спасем страну, кому бы чего бы ни хотелось.

Итак, все сказано: о метафизической открытости, об этих благородных именах, о высших целях человечества. Автор статьи берет эту цитату и дальше говорит: *«В топку коммунистического оккультизма и хочет перестройщик Кургинян бросить русский народ. Действительно, только русским не позволено создать собственное национальное государство и нацию. Их судьба – быть топливом для мерзкой сектантской оккультной идеологии».*

Представляете, как задело то, что мы начали строить диалог с националистами? До какой степени задело! Мы же его не сегодня начали строить. Мы строим его давно. И Белковского мы задели не сейчас, а годами ранее. Я подчеркиваю, годами ранее! Потому что уже тогда вся его гнилая сущность была ясна.

В пользу того, что я хочу бросить «в топку коммунистического оккультизма» несчастный русский народ, приводится следующая моя цитата: *«Русский народ, отстаивающий себя как народа-творца мировой истории, – это мета-нация. Может ли он стать чем-то другим? Чем? Народом, вписывающимся в первую модель, т.е. нацией, возглавляемой националистами? Наверное, может. И упрекнуть его за это нельзя. Но шанс на выживание в этом качестве с потерей первородства и статуса народа-творца мировой истории – меньше, чем при отстаивании этого статуса»*³⁵. (Это цитата из очень давней моей работы «Русский вопрос и институт будущего», опубликованной в сборнике у Сергея Чернышева.)

Вот это называется «бросить в топку оккультизма»?

А от лица какой религии это все говорится? Я уже запутался. Одни националисты – язычники, другие – вообще непонятно кто. Мы считаем, что творец мировой истории – народ. Это мета-нация. Русские – это народ, который способен быть локомотивом мировой истории. Он был им. И он может им стать вновь. И, может быть, без этого мировая история не будет продолжена.

Но ведь вопрос заключается не в том, чтобы бросить его в эту топку. Вопрос заключается в том, что только таким образом он может спасти себя. Потому что, действительно, в XXI веке выживать будут только центры сил с населением более 500 миллионов человек.

Намерение затащить таким способом Россию в Европу – это понятное намерение. Но только затащить ее туда невозможно, очень скучно. И затащить вдобавок надо в заканчивающийся проект «Модерн», то есть в никуда. Но это хоть в какие-то ворота лезет.

А вот создать некое обособленное целое с меньшим населением, изолировать это целое, имея с одной стороны миллиарды китайцев, с другой стороны – миллиард с лишним исламского халифата, с третьей стороны – всю западную

35 Кургинян С. Русский вопрос и институт будущего // Сб. Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. – М., Русский институт, 1995, <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kurgin.htm/kurgin.htm>

враждебную цивилизацию... Так сдавить себя и еще развивать идею о том, какие именно субэтноты тут надо создать, как это все еще надо расчленить внутри самого русского этноса, могут только самоубийцы.

Ни одному малому и даже среднему народу не выжить в XXI веке – он должен будет войти в какой-то центр сил. Все эти химеры абсолютных суверенитетов просто уже не работают. Эта эпоха кончилась. Впереди век империй. Он впереди, а не позади. Русские выпрыгнули из имперского статуса тогда, когда все в него впрыгивают, по всему миру. Так называемые национальные государства Китай и Индия – это тоже империи. А уж Соединенные Штаты просто грезят статусом Четвертого Рима. А уж Евросоюз – точно империя.

Итак, я говорю еще раз, что русский народ, отстаивающий себя как народа-творца мировой истории, – это метанация. Может ли он стать чем-то другим? Может. Народом, вписывающимся в первую модель, то есть нацией Модерна. Присягнуть Модерну, быть возглавляемым националистами он может, может. «Упрекнуть его за это нельзя. Но шанс на выживание в этом качестве с потерей первородства гораздо меньше», – говорил я 17 лет назад. Что, теперь этого не видят все? Этот шанс сейчас не меньше – он нулевой.

Так вот, после приведенной цитаты следуют такие слова автора статьи на АПН: *«Так что пахать русским не перепахать на оккультного дядю. В лице Кургиняна недобитая идеология перестройки вновь протянула щупальца к горлу русского народа. Оккультное лжеучение никак не слезет с нашей шеи. Впрочем, посмотрим ниже, к чему зовут...»*

Дальше выясняется, что почему-то мы зовем к интернационализму.

Автор пишет: *«Кургинян – это Интерфронт. Это попытка подписать русских, особенно представителей старшего поколения, на защиту антирусских интересов. Понятно, что русские – лишь дрова в топке имперского паровоза».*

Извините, но имперский паровоз был сооружен не Кургиняном. Имперский паровоз был сооружен... так, по-крупному, видимо, Иваном Грозным, но уж точно – Петром Великим.

Так что же, все, кто веками расширял Россию, вел ее к невероятным культурным, историческим высотам и пр., – все они бросали народ в топку паровоза?

Но автор продолжает: *«Если найдется другой народ, кандидат на порабощение, кургиняны с радостным воем пересядут ему на шею, бросив русских подыхать на помойке. <...> такой кандидат появился. После того, как Мао Цзэдун победил в гражданской войне, китайцы всерьез рассматривались в качестве нового центра <...>. Перепрыгнуть с русской на китайскую шею «интернационалистам» не удалось».*

Я бы такой спектакль поставил – так интересно. Так интересно, если бы не было совсем грустно оттого, что это же всё и есть белковщина. Понятно всем, что это белковщина. Это они так визжат оттого, что мы назвали их псевдонационалистами, уменьшительными националистами. Так вы не говорите про имперский паровоз, а все то же самое – про Кургиняна галдите сколько угодно.

«Впрочем, мы отвлеклись, – продолжает автор. – В 90-е годы русским навязали жупел империи. Никогда ранее, при Советской власти, СССР „империей“ не именовался. (А раньше? – С.К.) Точнее, империей его обзывали враги. Термин „империя зла“ принадлежит президенту США Рональду Рейгану. (Так, а мы говорим об империи добра. – С.К.) Однако в начале 90-х эту отрыжку американского агитпропа радостно скормили просоветским патриотам. Надо отдать людям должное, они не просто слопали ЦРУ-шную разработку, но и потребовали добавки».

Я не понял. Мы хотим добиться синтеза единого понимания разных этапов нашей истории. Мы видим в империи империю – особую форму существования народа, связанную с историософской миссией. Мы видим, как каждый раз, когда народ становится на этот путь, он совершает чудеса, он спасает себя и мир, он двигает вперед историю, он достигает фантастических высот развития. И каждый раз, как он сходит с этого пути, он впадает в ничтожество, неслыханное ничтожество. Мы призываем снова вернуться на дорогу, которая ведет к этому величию во всех его смыслах: к счастью исторической

судьбы, к развитию, к улучшению уровня жизни, к сохранению геополитических параметров, при которых можно выжить в XXI столетии и не стать рабами других народов при беспощаднейшей конкуренции за ресурсы и не только.

Это все называется «на шею прыгнуть»? Оказывается, что это «навязанный жупел империи»: *«Возникло целое идеологическое направление, называвшее себя „имперцами“.* Правда, имперцы эти были странными. Они не требовали восстановления Российской империи (как можно было бы подумать по неопытности). Нет, они восхваляли Советский Союз, самым ценным свойством которого полагали *порабощение русских».*

Цитату! Кто, где сказал, что самое ценное свойство Советского Союза было порабощение русских? Вот сейчас зато русских освободили! Их же освободили от Советского Союза. Да? Они тут же попали в плен «ЭРЭФии», теперь их освободят от «ЭРЭФии» – они попадут в плен «Руси». Их освободят от плена «Руси» – они попадут в плен субэтнических государств. Их «освободят» от этого «плена» китайцы и другие народы, поработив их окончательно и ликвидировав русский народ вообще. И вот это будет «триумфом» русскости! По Белковскому и его коллегам.

Автор продолжает: *«Теория имперства, если изложить ее по-простому, такова. Все народы мира имеют свои собственные государства, в которых они хозяева. Национальные государства дозволены всем. И армянам, и азербайджанцам, и украинцам, и финнам, и казахам, и немцам, и французам, и испанцам, и китайцам, и бразильцам, и итальянцам, и всем-всем. Но есть на свете один-единственный народ, которому не позволено иметь своего государства. Этот народ – русский, вечно обреченный быть рабом в некой „империи“.* Но эта империя – не русская, свят-свят-свят».

Не понял... Империй, как мы знаем, было много. И народы страстно хотели их иметь. Французы хотели иметь империю Наполеона, поляки хотели иметь свою империю, турки хотели иметь Османскую империю, китайцы хотели иметь свою «срединную империю», Чжун Го... Я могу перечислять импе-

рии бесконечно... Габсбургов и так далее. Все хотели иметь империю, просто одним удавалось ее создать, а другим – нет. Другие попадали в орбиту тех или иных империй. Так это было до недолгого периода, который стремительно заканчивается. В этом-то и трагедия. Если все эти шорохи-то убрать, трагедия-то именно в этом. И мы все время говорим нашим собратьям, отпавшим от Советского Союза: «Вы опомнитесь, вы куда впадаете-то? Вы, отпав оттуда, впадаете куда?» Это и есть главный политический вопрос.

Итак, есть империя. *«Империя эта управляется конгломератом счастливых народов, историческое предназначение которых – сидеть на русской шее»*, – утверждает автор.

Это вся русская история такая? Ну, тогда конец... Ну, тогда понятно, что надо сказать о народе, который тысячелетиями держал мерзавцев на своей шее. Нету этого народа. И нет гимна «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». И нет тоста Сталина за русский народ. И нет ранних текстов Сталина, в которых он говорил о том, что именно русский народ является держателем, хранителем Советской империи, называя ее, естественно, Советским Союзом, а имея в виду именно это. «Сидеть на шее»...

И дальше: *«Сами же русские не должны требовать ни прав, ни свобод, ни даже материального благополучия. Русские должны практиковать некий „аскетизм“, непрерывно пахать на дядю, а если „дядя“ соблаговолит убить немножко (или не немножко) русских, то земно кланяться ему, приговаривая: „Спасибо тебе, Дядя!“»*.

Россия подошла к бездне. Она находится в сантиметре от этой бездны. Одни кривляются, говоря о том, что ее надо освободить от обременения – от Татарии, Башкирии, а также Северного Кавказа. Другие кривляются еще более круто. Придет ли, наконец, момент, когда все эти кривляния окажутся, как говорят в науке, элиминированы, то есть обнулены? Когда это все превратится в большую кучу никому не нужного мусора, на который можно будет смотреть, как и полагается смотреть на мусор, не испытывая по этому поводу никаких особенных переживаний? Пора смести его в совочек и убрать, пока не

поздно, потому что это-то, кривляющееся, хочет другого. Оно хочет все добить до конца.

Почему «русские не должны требовать ни прав, ни свобод, ни даже материального благополучия»?.. В каком смысле? Они должны «пахать на дядю» и говорить дяде «спасибо»... Какому дяде? Как это может великий народ, если он великий, держать на своей шее какого-то дядю и непрерывно на него пахать, ему кланяться? Какое же презрение внутри, в душе, должно быть по отношению к русскому народу, чтобы это говорить? Чтобы губы выговаривали все это, чтобы язык выговаривал?! Вы понимаете, что должно быть в душе, разуме и в сердце?

«Русские должны вечно бесплатно работать на „кургиняна“. Такова их природа. Работать же русские должны во имя волшебной „территориальной целостности“. (О-па! – С.К.)
Наконец-то, воскликнет наивный читатель. Да, конечно, территориальная целостность! Мы должны быть едины с нашими братьями – украинцами и белорусами! Как бы не так! Как раз насчет Украины и Белоруссии вы сильно ошибаетесь, дорогой наивный читатель. Эти народы должны находиться ВНЕ России».

Где, когда говорилось, что эти народы должны находиться вне России? Кто-нибудь говорит о том, что это не единый народ: Белоруссия, Малороссия, Великороссия? Вы только докажите это галицийцам или кому-нибудь еще, а нам-то это доказывать не надо. Мы-то в это свято верим. И оплакиваем потерю этих народов как величайшее (именно величайшее) поражение России. Но произошло-то это в тот момент, когда закричали о том, что РСФСР должна выйти из состава СССР! Никто же не говорил, что вместе должны выйти братские славянские народы. По-другому говорили тогдашние почвенники, в унисон с либероидами, демократоидами. «За нашу и вашу свободу», – так ведь говорилось? Или я что-нибудь неверно интерпретирую?

И опять – то же самое: *«Уже сейчас Чечня фактически находится за пределами российского правового поля».*

Находится. И это безобразно. И что? Поскольку она находится за пределами этого поля, ее надо просто выкинуть?

А следом за ней и весь остальной Северный Кавказ, чтобы побыстрее запылала Волга и тогда надо было сравнить Татарию с Басками, а Башкирию с Каталонией? Ради этого все нужно сделать? Не проще ли восстановить пределы правового поля?

«Российские законы не соблюдаются, Россия платит огромные деньги на „восстановление республики“. При этом „выходцы из Чечни“ пользуются неограниченными правами на территории остальной РФ».

И это безобразно, а кто-нибудь спорит? Говорятся вещи, с которыми мы вполне согласны, после чего говорится: «А поскольку это так, то...» То что? – То надо развалить Россию! Почему? Это же типичное предложение лечить головную боль методом отсечения головы. Почему самоубийство является единственным решением проблемы?

«Современная Россия есть, таким образом, колониальная периферия Кавказа. Право убить безнаказанно – право господское, восходящее к раннему Средневековью. Дворянин мог убить мужика, и ему за это ничего не было. Сегодня кавказцы стали господами для всей России. Проблема эта может быть решена через отделение Кавказа как региона».

Все! Это классический метод, даже Шарпа не надо. Это примитивная подрывная деятельность. Примитивная! Называются реальные болевые точки процесса, вызывается рефлекс – неотработанный разумом рефлекс на происходящее. А рефлекс именно таков – отторжение. Надежда возлагается на то, что следующая за рефлексом стадия – то есть осмысление ситуации – не сформируется, что на рефлекс отторжения все и кончится. Что этим рефлексом можно будет воспользоваться и разрушить страну. Вот мы и доходим до главного.

«Кургинянице, ого-го-о, оккультизм»!.. Ладно, ради бога. Сколько людей – столько и мнений. В конце концов, XXI век. Но дальше-то начинается политика.

«Волшебная территориальная целостность» – Белковский.
«Отделение Кавказа как региона» – Белковский.

«Тогда русские могли бы заняться собой, своими реальными интересами и целями. А также объединением с реально

дружественными народами – белорусами и украинцами».

Я не понял – почему «тогда»? Ну, хоть один здравомыслящий человек может объяснить, почему именно «тогда» они могут заняться объединением? Почему они сейчас им не могут заняться?

Они 20 лет им не могут заняться – почему? Потому, что в Кремле сидит Рамзан Кадыров? Они не могут заняться потому, что в Кремле сидят друзья господина Белковского (они же либероиды), которые отчаялись тащить дальше Россию по губительному пути только с помощью одной лишь либероидной риторики и хотят добавить в нее псевдонационализм. Но волочь-то они ее хотят туда же, по тому же псевдозападническому пути, к тому же самому распаду, к той же самой модели, которую они называют демократической, и так далее. Вот почему нельзя объединиться с Лукашенко. А не потому, что в Кремле сидит Рамзан Кадыров.

Лукашенко на сегодняшний день беспокоит не Рамзан Кадыров, чьи свойства я обсуждать не хочу. И с этими констатациями: «за пределами правового поля», «неограниченные права» – я согласен. Но Лукашенко беспокоит не это. Лукашенко беспокоят Чубайс и олигархи, которые хотят сожрать белорусские ресурсы и создать на территории Белоруссии тот же бардак, который создан в целом в России, и превратить засеянные белорусские поля в незасеянные. Его же это беспокоит. Разве нет? Неужели Рамзан Кадыров?

С Украиной же вопрос еще сложнее. Там имеет место раскол. Поэтому вопрос заключается не в том, отделять или не отделять Северный Кавказ для того, чтобы объединиться с Украиной и Белоруссией. Это что за язык? Это на кого рассчитано? Вопрос в таком изменении курса, после которого и Кавказ не отпадет, и Закавказье присоединится, и Украина с Белоруссией присоединятся, а я надеюсь, что и Прибалтика. Присоединятся, присоединятся. И образуется новое великое государство, преемственное по отношению ко всем существовавшим Российским империям, включая Красную, которая была апофеозом имперского строительства по очень многим структурно-функциональным принципам.

Далее – вернемся к статье в АПН. Об империи нужно «поговорить всерьез» – это здорово. Ничего больше не ценю, чем серьезные разговоры: *«Что такое империя? Она существует не только как пропагандистский конструкт. Империи бывают двух видов. (Так что же она такое? Я так и не понял. – С.К.) Первый – империя колониальная. В центре ее находится национальное государство. Оно присоединяет и эксплуатирует окраины. Так были построены Британская и Французская колониальные империи. Французы и англичане имели все права, как жители метрополии, стояли неизмеримо выше жителей провинций. (Все правильно. – С.К.) Никто не мог сомневаться, что Англия – государство англичан (кроме ирландцев. – С.К.), Франция – французов (кроме вандейцев и многих других. – С.К.). Впрочем, российские „имперцы“ подобной империи не хотят (что значит не хотят? – давайте переселимся на остров и создадим такую империю или начнем завоевывать колонии за океаном. – С.К.), ибо она подразумевает господствующее, а не рабское положение русских».*

Подразумевается и приписывается одно желание – русских загнать в рабское положение. Ничего другого не хочется, да?.. А, честно говоря, они в нем еще не находятся? Усилиями либероидов, к которым сейчас присоединятся псевдонационалисты, они не в нем находятся? А если это все распадется на части, они не будут находиться в рабском положении по-чуже нынешнего?

«Второй тип империи – империя территориальная. В ней есть главный, стержневой народ, на который ложатся все тяготы содержания империи, есть присоединенные народы, и есть имперская элита. Эта элита состоит, как правило, из представителей подчиненных народов, стержневого народа и, что важно, „управляющего народа“. Это такой народ, который, будучи одинаково далек от населяющих империю народов, обеспечивает управление ею. В Российской империи таким народом были немцы, в СССР начального периода – евреи».

Во-первых, начального периода. Значит, потом они не были? Но тогда тоже было плохо, потому что был – кто? Кавказцы, да? А в Российской империи это были немцы. А перед

этим это были еще какие-нибудь монстры. И все. Нет русской истории. Никакой разницы между всем этим и тем, что говорит Пивоваров, по сути, нет. Никакой. Это близнецы. Это просто второе издание того же самого, которое необходимо для того, чтобы можно было продать первое издание, потому что первое перестали покупать. Совсем. И сюда надо что-то антикавказское впарить. Для продажи. Но это тот же товар под названием «распад страны».

«Большевики разделили единый русский народ на русских, украинцев и белорусов»...

Вы это расскажите галицийцам, они очень порадуются. И вам много другого расскажут. На протяжении всего этого времени реальная система существования страны, реальные, сложнейшие, трагические проблемы (все эти перипетии, которые описывал Гоголь: Остап, Андрий, две Украины, эта великая борьба за империю, против нее) – все это выдается в качестве одного комикса. Ну, это даже не «Гарри Поттер», это не «Мурзилка», это какая-нибудь сказка про гусыню. И на этом языке надо говорить с одним из самых образованных до сих пор народов мира!

«Имперско-советская пропаганда приписывает русским роль бессловесных и бесправных рабов в коммунистической империи. Будьте аскетами, говорит русским Кургинян, миллионер с хорошим загаром и в дорогом пиджаке, из автомобилей, по слухам, предпочитающий „Бэнтли“».

«Имперско-советская пропаганда приписывает русским роль бессловесных и бесправных рабов в коммунистической империи», – это слова Гитлера. Это, натурально, фразеология Гитлера. Только он дальше говорил: «И русские этого заслуживают». Это определенная оценка СССР, но Российская империя, в этой логике, предписывает русским быть рабами в руках немцев.

«„Кургиняны“ любят визжать об угрозе распада русского народа на несколько наций. Каких-нибудь „сибиряков“ или „поморов“...»

Это, по-моему, Широпаев предложил. Субэтничный принцип государства. Или нет? Или он это не предложил? Я обсуждал чужую идею.

«Однако нужно четко понимать, откуда берутся „сибиряки“ или „поморы“. (Они берутся оттого, что в Советском союзе плохо, да? – С.К.) <...> Русские глядят на опоганенное и измазанное „имперской“ идеологией рабства и терпильства русское имя. И... некоторым хочется назвать по-другому, чтобы только избавиться от навязываемых кургинянами рабских цепей».

То есть от русскости хочется избавиться, которую мы навязали. Моя прабабушка – княжна Мещерская. Это, видимо, она навязала рабские цепи. Вместе с Карамзиным и другими своими предками.

«Очевидно, что региональные нации на этнической базе русского народа могут возникать только для того, чтобы не быть рабами „кургинянов“, „выходцев с Кавказа“ и прочих имперских сущностей. (Но быть рабами китайцев. – С.К.) Чтобы быть просто хозяевами на своей земле (возникнет субэтническое государство рядом с Китаем, оно будет «хозяином на своей земле», оно потеряет ядерный статус, потеряет все – но будет «хозяином на своей земле!» – С.К.), самим выбирать правительство и свою судьбу. Самим решать, быть аскетами или „кушать курочку“ (Кургинян, впрочем, лично для себя предпочтет „курочку“). (Я кашу ем, кашу. Успокойся, милай, что ж ты так нервничаешь? – С.К.) Если русское национальное государство возникнет, все эти региональные идентичности станут неактуальными. (То есть Широпаев отменит их, что ли? – С.К.) Сегодня же, пока русские бесправные рабы в „РФ“, актуальность этих идентичностей (равно как и желания (внимание!!! – С.К.) призвать на помощь США, ЦРУ, черта лысого, лишь бы избавиться от коммунистических рыл) будет только расти».

Все! «О чем любят визжать „кургиняны“?...» Так это неважно! Все сказано: «...призвать на помощь США, ЦРУ, черта лысого, лишь бы избавиться от коммунистических рыл...»

Итак, о чем мы говорим в данный момент? О нападках каких-то людей? Никоим образом! Мы говорим о концепции. В очередной раз мы видим некую концепцию и продираемся к ней сквозь все остальное. И мы видим, что действительно

формируется, с каждым днем все больше, именно то, о чем мы предупреждали. Формируется союз: псевдонационалисты либероидного образца должны подпереть совсем уже обессилевших либероидов и общими руками развалить остатки страны. После чего эта страна перейдет под патронат или под оккупацию (как хочет Белковский) разным внешним силам. И все.

То есть за всеми этими страстями, негодованиями по чужому поводу стоит очень серьезная попытка добиться того, чтобы все-таки состоялся конец русской истории, чтобы страна была добита.

И здесь я снова возвращаюсь к тому, о чем говорил. Это сложная шахматная доска, на одной клеточке которой может стоять какой-нибудь Навальный (Белковский, кстати, говорит, что он его друг), на другой – Белковский, на третьей и четвертой – еще кто-то (рис. 2).

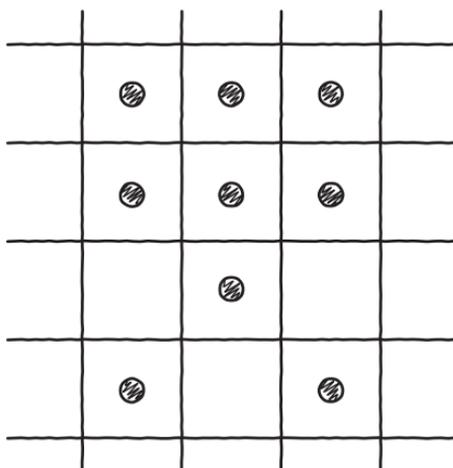

Рис. 2

Когда фишки будут расставлены, все это действительно развалится. Поэтому задача только в одном – ставить фишки самим, чтобы это не состоялось. А это и называется «давать вещам правильные имена и называть их на всех базарах». Для этого и создано движение «Суть времени».

Назовите слова «уменьшительный националист», «националист-либероид», «националист-ликвидатор», «псевдонационалист» – националист умрет политически. Начните воевать с такими националистами – и они окрепнут и не будут говорить о «патриархате-кургинянхате», «тараканище-кургинянице». Они забудут все. Они возликуют, потому что им только и нужно собрать под себя национальную энергию. Это не им самим нужно, это нужно хозяевам.

Что же сделать для того, чтобы этого не случилось? Нужно назвать правильные слова, превратить их в идеологию и управлять общественной энергией. То есть создать националистический поток энергии, который не был бы заражен всем этим дерьмом уменьшительства. Другой поток. Дерьмо отдельно – поток отдельно. В этом задача. Это и есть политика. И чем больше мы будем ею заниматься, тем больше будет вой.

Говорят: «Ах, зачем Вы их обидели?»

Я никого не обижаю. Я всех люблю. Особенно тех, кто так ярко выражает свои страсти по моему поводу. Я продаюсь сквозь все эти страсти к сути, сути времени, а она заключается в том, что момент нехороший. И эту фишку ставят в нужную точку. И тут вам что Белковский, что все остальное, что мы уже перечисляли... Пусть каждый из тех, кто входит в националистическое движение, скажет про себя: он за территориальную целостность или против. А то, что процессы надо менять, мы понимаем.

2 июля 2011 года в телепередаче «Национальный интерес» канала РТР директором Института социологии РАН, доктором философских наук Михаилом Константиновичем Горшковым был представлен доклад «Двадцать лет реформ глазами россиян».

Я хочу, чтобы вы ознакомились еще раз и подумали вместе со мной над данными, которые приведены в этом докладе.

Выбор между моралью и успехом: в 2011 году людей, которые говорили, что можно переступить через моральные принципы и нормы, стало 43%, а в 2003 году, 7 лет назад, их было 34% (рис. 3).

А давайте теперь подумаем: когда 51% скажет, что для того, чтобы добиться успеха, надо переступать моральные принципы, – что будет? Общества-то уже не будет. Общество же существует только тогда, когда работают моральные регуляторы. Когда перестанут работать моральные регуляторы следом за таким регулятором, как закон, – все, конец.

Теперь другой тезис: «Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы». В 2003 году эту позицию занимало 65% опрошенных, сейчас – 57%. А когда их станет 49% – что будет? Вот это и есть конец страны. Это же уже не общество. Это не социум. Это зооциум, в котором победит все, что угодно. В том числе и вся эта высококолая и высококультурная ерунда.

ВЫБОР МЕЖДУ МОРАЛЬЮ И УСПЕХОМ 2003 и 2011 гг., %

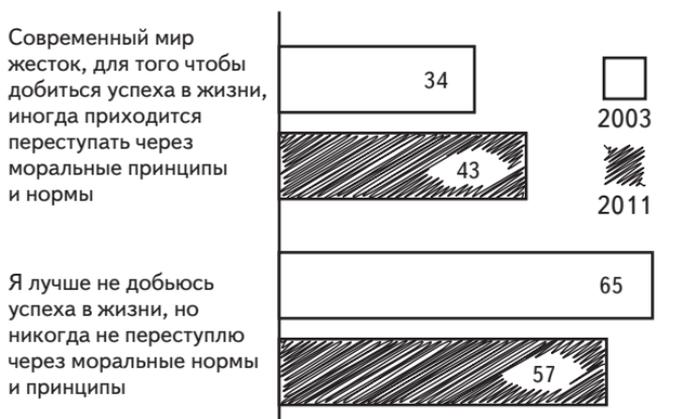

Рис. 3

Это данные Горшкова – директора Института социологии Академии наук, работавшего вместе с Фондом Эберта. Понятно, что это «абзац»? Или непонятно? Или нужно, чтобы черта 51% и 49% была проведена?

Следующий график (рис. 4):

Количество тех, кто хочет «перестрелять всех, из-за кого жизнь в стране стала такой, какова она сейчас», падало и падало с 1995 по 2008 год, а затем резко выросло с 2008-го по 2011 год. К 2011 году процент людей, у которых это желание есть, становится больше, чем процент людей, у которых его нет.

Это что такое? Это стабильное общество, «стабилизец»? Это аут!

Тут вопросы не к либероидно-националистическим группам и не к либероидам как таковым, а к тем, кто отвечает за страну.

Это же аут! И это материалы Института социологии Академии наук и Фонда Эберта. Уверяю вас, что наши материалы тоже точны. Но вы можете нас заподозрить в какой-то

ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕННОСТИ
ЖЕЛАНИЯ ПЕРЕСТРЕЛЯТЬ ВСЕХ, ИЗ-ЗА КОГО ЖИЗНЬ
В СТРАНЕ СТАЛА ТАКОЙ, КАКОВА ОНА СЕЙЧАС
1995-2011 гг., %

Рис. 4

тенденциозности. А это материалы, сделанные совместно с международными организациями.

Дальше речь идет о типах государства (рис. 5).

«Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами»: в 1994 году за него было 16%, в 2001-м – 18%, а в 2011-м – 28%... Вы понимаете, какая это кривая? Это парабола. Но это же не социальное государство. Это не шведская модель. Это СССР.

«Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму...» К 2011-му за этот тип государства осталось всего 9%.

«Государство, которое восстановит государственный сектор экономики и одновременно расширит частные инициативы» – главное, на что все надеются, – в районе 40%.

Есть также те, кто считает, что «тип государства не имеет значения». В 2011 году их 22%...

Третий тип государства – «государство, которое восстановит государственный сектор...» – это такой китайский вариант. Этот тип хотя и доминирует в сознании как идеал, но количество людей, поддерживающих его, фактически не растет.

Что же касается «государства, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики», то здесь идет рост.

Теперь – представления россиян о целях экономических реформ Ельцина–Гайдара (рис. 6).

Из «горячо поддерживающих реформы» считают, что эти реформы были «спасением страны», 45%. А 55% говорят, что подлинная цель реформ – наворовать и захватить власть.

Из тех, кто «скорее поддерживает реформы», 41% считает, что реформаторы хотели спасти страну, а 58% – что хотели наворовать.

Из «скорее не поддерживающих» 23% говорят, что реформаторы хотели спасти страну, а 77% – что они хотели наворовать.

Из «противников реформ» 14% говорят, что проводившие реформы хотели спасти страну.

**ТИП ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЭКОНОМИКЕ,
В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ОТВЕЧАЮЩИЙ ИНТЕРЕСАМ
РОССИИ, 1994-2011 ГГ., %**

ТИПЫ ГОСУДАРСТВА	1994	2001	2011
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	16	18	28
Государство, которое свое вмешательство в экономику сведет к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	13	8	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширит частные экономические и политические возможности граждан	40	37	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмет на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	21	23	22
Затрудняюсь ответить	10	14	0

Рис. 5

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ЦЕЛЯХ
 ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ ЕЛЬЦИНА-ГАЙДАРА
 СРЕДИ ТЕХ, КТО ПО-РАЗНОМУ ОЦЕНИВАЕТ
 РАДИКАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ НАЧАЛА 90-Х, %

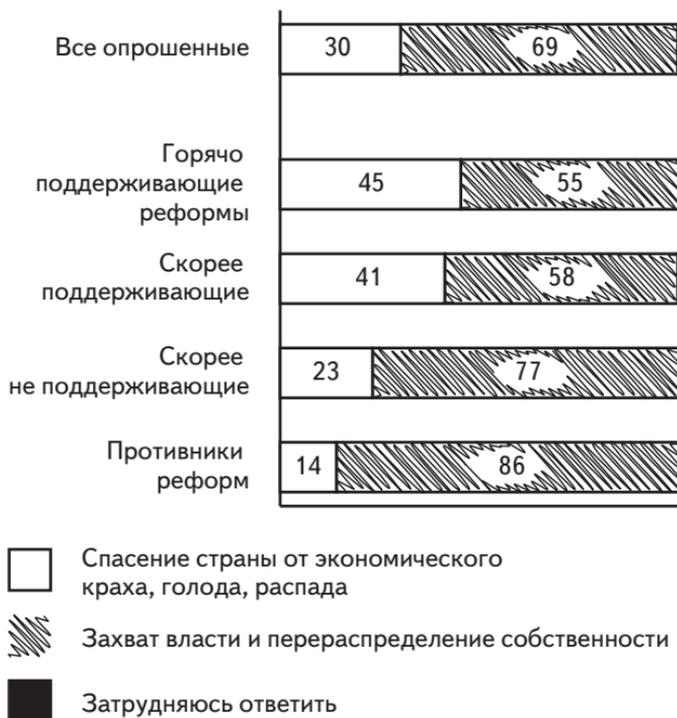

Рис. 6

Если все это просуммировать в целом, то получается, что подавляющая часть населения говорит о том, что двадцатилетие шло под флагом воровства и властолюбия. Двадцатилетие шло под этим флагом. И никакого другого флага не было.

Это не истощенность 20 лет? Вот эти 20 лет без СССР – это не истощенность предложенной 20 лет назад модели? А что такое тогда истощенность?

И, наконец, самое серьезное (рис. 7).

Не имеют желания жить за рубежом сейчас, в 2011 году, 25% молодежи.

Хотели бы уехать в другую страну и жить там 21% молодежи.

Хотели бы поехать на стажировку, учебу 20%.

Хотели бы поехать «на заработки» 34% молодежи.

Что это все значит? Я же не говорю, что все эти люди, которые хотят уехать, уедут. Кто-то, наверное, и уедет. И тогда уже в эмиграции будет доказывать себе всю оставшуюся жизнь, что он совершил правильный выбор, испытав все прелести реальной эмиграции, которая не имеет никакого отношения к романтическим иллюзиям. Но речь не о них. Это будет меньшинство, а большинство останется. Оно хочет уехать, но не уедет. И будет жить в России с чувством жизненного поражения. Понимаете? Весь этот балаган, все эти кривляния оставим в стороне. И задумаемся все вместе, как серьезные люди, что вот эта подавляющая часть будет жить с ощущением жизненного поражения.

Что это за поражение? Как человек живет в состоянии жизненного поражения, то есть в состоянии капитуляции? Когда он признает поражение, перестает бороться, он капитулировал.

Что такое жизнь в состоянии капитуляции? Это жизнь? Герой Достоевского по этому поводу говорил, что «это уже не жизнь, господа, а начало смерти». То есть он будет жить в подполье, да? Будет сходить с ума внутренне теми или иными способами.

И что этому можно противопоставить? Вот ведь главное.

**ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН
К ВОЗМОЖНОСТИ УЕХАТЬ ЗА РУБЕЖ
2001 и 2011 гг., %**

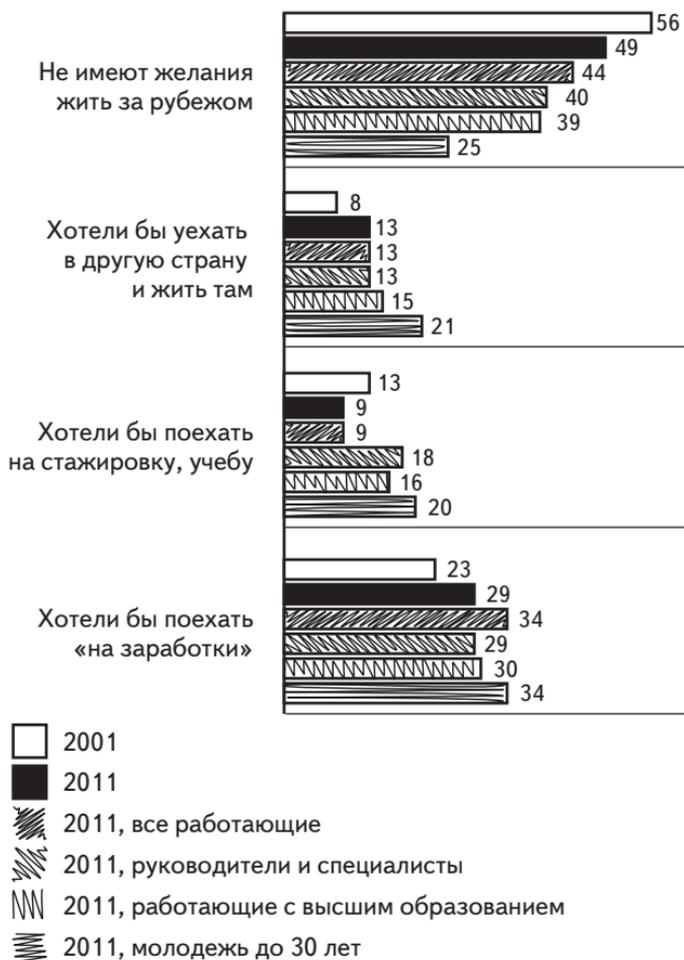

Рис. 7

Идут процессы, совершенно несовместимые с жизнью страны. Абсолютно несовместимые. И это совершенно ясно. Возникают настроения, связанные с тем, чтобы эти процессы поменять, но это пока только настроения. В этих настроениях слишком много еще театрально-богемного и слишком мало еще живой страсти и воли.

Нам нужно, чтобы этот настроенческий сдвиг превратился в сдвиг волевой и настоящий, эмоциональный. То есть в то, что можно обратить в действие.

А теперь давайте хотя бы на одну минуту подумаем о том, что тут можно сделать.

Любая геометрическая модель по отношению к социально-политическим процессам условна. Давайте рассмотрим эту модель (рис. 8).

Рис. 8

Вот мы двигались в некоем направлении (жирная стрелка).

И вот в какой-то момент что-то произошло (пока не будем обсуждать, что). И удалось убедить, что движение должно идти в другом направлении (пунктирная стрелка) – в направлении, где светит некая звезда, которую я назову «звездой пленительной консьюмы».

Говорят: «Ну и ладно. Консьюма, консьюма... Ясно было, что это утопия, что при капитализме никогда не бывает, чтобы каждый получил „Мерседес-600“, три видака, четыре шубы, бриллианты и вертолет. Кто-то проигрывает, кто-то выигрывает».

Но, может быть, это привело к некоей нормальной западной модели, нормальному западному капитализму?

Во-первых, почему западному? Есть ведь и другие капитализмы, не правда ли? Колумбийский и прочие... Есть понятие «периферийный капитализм».

А во-вторых, помимо капитализма, есть и что-то другое. Есть еще страны на планете, где капитализма-то нет, а люди живут. Не правда ли?

Так что же реально произошло? Мы двигались в одном направлении (жирная стрелка), потом нечто произошло, и все двинулись к «звезде пленительной консьюмы» (пунктирная стрелка). А потом поволокло вот сюда (двойная стрелка) – рис. 9.

И вот здесь (на схеме – на пунктирной линии) сейчас находится западный капитализм, который тоже, между прочим, загибается. Вот здесь (ниже) находится периферийный капитализм. Вот здесь (ниже) находится какой-нибудь феодализм. А здесь (внизу) находимся мы.

И что теперь делать? Я спрашиваю серьезных, взрослых людей, которые не хотят жить со вкусом жизненного поражения на губах и червяком этого поражения в сердце и уме. И которые хотят жить. Что теперь делать? Куда надо возвращаться-то?

Что делать с этой картинкой? А она ведь именно такова. Надо вернуться назад на дорогу западного капитализма? А вы знаете, что по дороге есть много преград? И что к этому моменту тут все кончится. И что никто там места давать не

хочет. И что получить его – гораздо труднее, чем быть самими собой. Что делать-то? Куда возвращаться?

Надо вернуться на ту площадку, с которой вышли? А там уже ничего нет.

Что делать со страной?

Поскольку геометрическая картинка практически почти ничего не дает, то могу показать, что на самом деле надо делать. Вот здесь, на плоскости, есть точка (*рисует точку на листе бумаги, сложенном пополам*). И поскольку это нелинейная модель, то нужно проткнуть вот эту точку и выйти вот сюда (*протыкает карандашом бумагу*). Вот что нужно сделать.

Теперь, когда я это разверну (*разворачивает лист бумаги, на нем два отверстия: точка, в которую был воткнут карандаш, и точка выхода карандаша*), то обнаружится, что мы окажемся вот здесь – на своем пути и впереди.

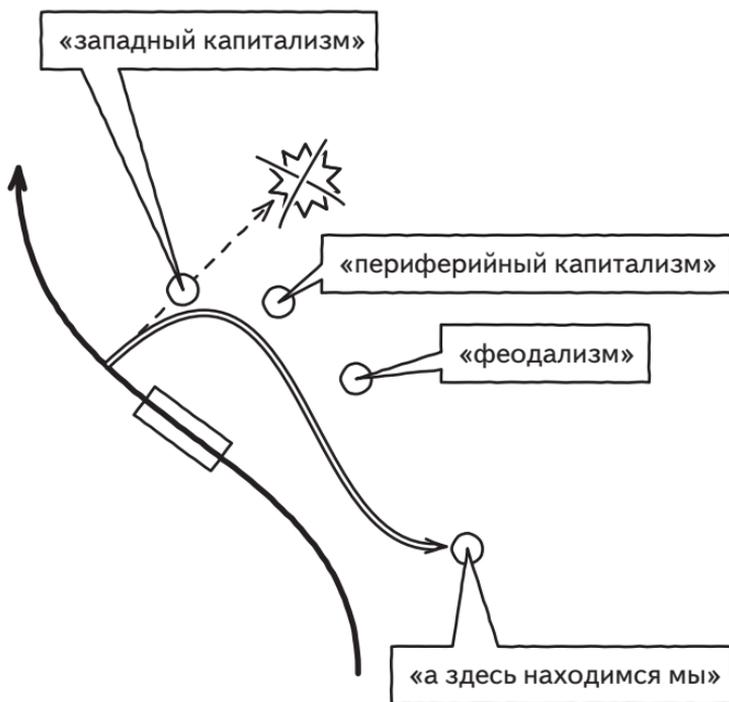

Рис. 9

И ради этого нужно думать о метафизических смыслах Красного проекта, и о подлинном смысле советского наследства, и о единстве всей имперской традиции, и о русской судьбе, и о русской тайне, обо всем остальном, чтобы вернуться к себе. И не линейным путем (потому что его нет), а тем единственным, которого от нас не ждут. В топологии так бывает. В линейной геометрии нет, а в топологии бывает.

Скажете, что мало шансов. Конечно. А на что есть шансы? На что? На окончательное жизненное поражение для всех, кроме небольшого количества людей, которые курочек кушают и на «Бентли» ездят?

При чем тут курочки, при чем тут «Бентли»?

У Вебера и у других авторов, обсуждавших протестантизм, есть понятие «богооставленность». Так вот, я предлагаю ввести другое понятие: «смыслооставленность».

Есть некие смыслы. Возникает территория смыслооставленности – территория, на которой нет смыслов (рис. 10).

«Христос остановился в Эболи»... Смысл остановился... даже не знаю где... на Дунае и на Амуре. А на территорию между ними он не приходит. Нет тут смысла. Его вообще нет. А русские не могут жить без великого высокого смысла.

Одни просто откинули копыта и лежат.

СМЫСЛЫ

территория смыслооставленности

Рис. 10

Другие крутятся со своими «Бентли» и курочками, глуша великую боль души. Жизненное поражение можно испытывать и с миллионами, и с миллиардами долларов. Для этого не обязательно быть бедняком.

А третьи вместо смыслов устраивают театр (Станиславский когда-то сказал: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве»), кривляются на фоне тех или иных смыслов.

Но единственная возможность избежать поражения заключается в том, чтобы таким вот каналом (рис. 11) соединить себя с утраченными смыслами. А поскольку просто соединить мало, то еще и пробить этот потолок и выйти на новые уровни.

И вот, когда эта энергия пойдет сюда (рис. 12), то, прежде всего, проснутся те, кто лежит.

Те, кто крутится в отчаянии вокруг своих «Бентли» и курочек, возможно, отчасти образумятся, а возможно, будут искать «Бентли» и курочек за пределами данной территории. Это уж как кому придется.

А те, кто устраивает разными способами театры и остаются вокруг псевдосмыслов, рисуясь на их фоне в неких эгоистических позах, возможно, увидев серьезные, настоящие смыслы, придут в себя. И этот театральный экстаз, который ведь тоже нужен для того, чтобы заглушить боль настоящей смыслоутраты, превратят во что-то другое.

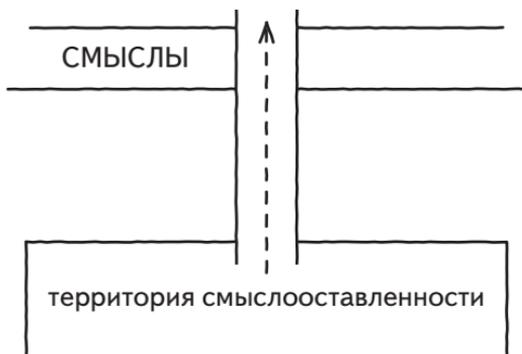

Рис. 11

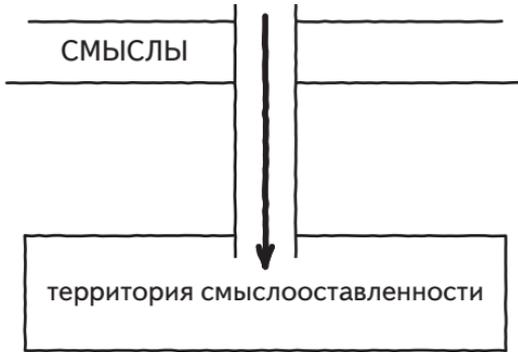

Рис. 12

В этом смысле жалко всех: и тех, кто тебя поносит, и тех, кто всякой ерундой грезит, и тех, кто лежит без движения, и тех, кто крутится с этими «Бентли» и курочками. Всех жалко, кроме беспощадных, холодных врагов, которые сначала это все создали, а теперь всячески наращивают. Вот их не жалко.

И они это действительно создали.

Когда-то диссиденты говорили: «Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку». Говорилось это о голосовании за исключение Пастернака из Союза писателей. Поименный список тех, кто убивал, должен быть холоден, объективен и абсолютно вежлив.

Что произошло вот на этом перегоне, когда шли по определенной траектории (*жирная линия*) и вдруг ломанулись в сторону (*пунктирная линия*)? (рис. 13)

Здесь хребет сломали. Здесь чечевичной похлебкой соблазнили. Здесь осуществили некое преступление расправы с Идеальным вообще.

Так вот, один из людей, который так ломал исторический хребет, – 74-летний философ и культуролог Борис Михайлович Парамонов, выпускник истфака Ленинградского университета, кандидат философских наук. До 1978 года преподавал в Ленинградском университете историю философии. С 1978-го живет в Нью-Йорке. С 1988-го работает на «Радио Свобода». Лауреат Пушкинской премии Фонда Тепфера 2005 года и премии «Либерти» за укрепление культурных связей между Россией и США.

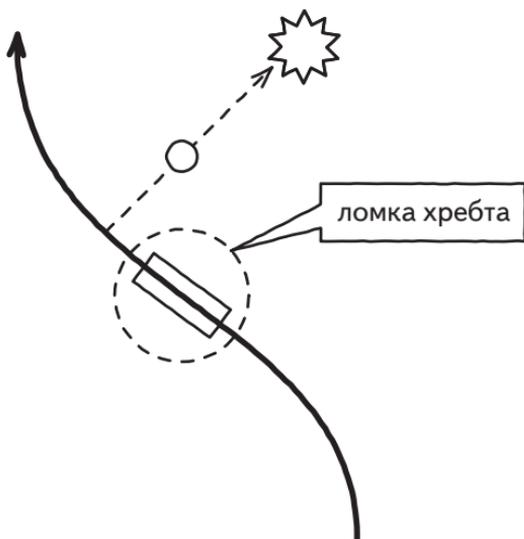

Рис. 13

Я приведу несколько цитат из его программы «Русская идея», вышедшей в перестроечное время на «Радио Свобода».

Март 1989 года. Парамонов в своей программе заявляет о том, что необходима «мутация русского духа» от православия к «новому типу морали на твердой почве просвещенного эгоистического интереса».

«...Просвещенного эгоистического интереса»... Необходима «мутация русского духа...» – говорит философ, выступая на «Радио Свобода». И его слушают.

Декабрь 1989 года. «Нужно выбить русский народ из традиции».

То есть речь идет только об одном: нужно осуществить «мутацию русского духа» для того, чтобы началось вот это движение. И чтобы это движение привело нас туда, куда оно нас привело.

Вообще, вам само выражение «мутация русского духа» нравится?

В очень многом не согласен с Солженицыным, никогда он не был для меня авторитетом, но вот он пишет: «...радиостанция „Свобода“ в эти годы стала уже легальным, как бы

внутрисоветским радио. Она завела серию передач „Русская идея“, где издевательски опошляла и русскую историю, и русскую мысль, прямо требовала „мутации русского духа“, сокрушала русские мозги в безнадежность, а в других слушателей наращивала неприязнь к русским. „Не являются ли русские народом прошлого, которого уже нет?“ (это Солженицын так цитирует Парамонова. – С.К.). Униженная и отчаявшаяся Русь могла слышать: „причина тоталитаризма – русский родовой соблазн“ (11.12.89); „у русских всё всегда на костях да на крови, а добром русский народ не умеет“ (27.10.89); „говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно“ (12.1.88)»³⁶.

Это цитирует Солженицын. Я же процитировал две вещи, главная из которых – что необходима «мутация русского духа» от православия к «новому типу морали на твердой почве просвещенного эгоистического интереса». С мутировавшим духом не только в западный капитализм не попадешь, но и вообще ни на какую точку карты жизни – только в смерть. Туда и попали.

К счастью, мутация оказалась неокончательной, неполной. Повреждения и мутация – разные вещи. Мы видим, что какой-то дух просыпается, что удар был нанесен и задел все слои периферии, но не попал в ядро и не сумел посеять туда то, что Парамонов называет мутацией, а Ракилов – сменой культурного ядра. А это одно и то же. Все они грезили об одном – о демонтаже, полном и окончательном демонтаже. О том демонтаже, к которому сейчас подходят процессы в стране. И альтернатива которому одна – создать этот вертикальный канал. Это не дело одного человека. Это дело сообщества людей, которые поняли, что только это может спасти их народ. Которые не хотят жить со вкусом жизненного поражения на губах, в сердце и уме. И которые готовы этот канал пробить – канал в смыслы.

26 июля 2011 года

Выпуск №26

22 июля 2011 года в Норвегии произошли чудовищные события. Чудовищные, из ряда вон выходящие, исключительные. Премьер-министр Норвегии сказал о том, что эти события беспрецедентные для его страны. Это, впрочем, и для мира является чем-то достаточно беспрецедентным.

Тем не менее по существу эти события не обсуждаются. Смакуются детали, рассказываются ужасные истории, описываются некоторые подробности, но никакого смысла в происходящем никто найти не пытается. Вообще никакого. Ощущение, что смысл покинул мир: что бы ни произошло у нас на глазах, мы не можем понять смысл происходящего. Мы видим в этом только то, что есть, некоторую несомненность. Такая вот «песня акына» («степь, караван идет...» – описываю то, что вижу перед своими глазами). Подобное описание не может быть полезно ни для аналитики, ни для политики, ни просто для жизни, поскольку для того, чтобы идти куда-то, нужна карта, нужен компас. И тут неважно, в какую именно сторону пойдет человек. Он должен как-то ориентироваться на местности. Он должен быть проинструктирован по поводу того, что если перед ним овраг, то желательно действовать так-то, а если глубокая пропасть, то желательно действовать по-другому. И так далее, и тому подобное.

Если вы идете в сторону пропасти и вам говорят: «Вперед!», потому что вперед идти хорошо, но вы видите, что еще в одном метре обрыв и дальше вы летите и разобьетесь вмятку, то вряд ли вы сделаете следующий шаг «вперед» только потому, что хорошо идти вперед.

Вспоминаю у Вознесенского:

«„Вперед, к новому искусству!“ – призывал докладчик. Все соглашались. Но где перёд? Горизонтальная стрелка указателя (не то „туалет“, не то „к новому искусству!“) торчала вверх на манер десяти минут третьего»³⁷.

Где перёд-то? Если впереди пропасть, почему надо так к ней стремиться?

Все эти вопросы очень важны, потому что события, произошедшие в Норвегии, еще и еще раз показывают справедливость моего главного утверждения о том, что мир входит в фазу турбулентности.

Вот эта спокойная ламинарность, про которую я говорил: «Плыла, качалась лодочка по Яузе-реке», – вот это кончается. Каждый, кто когда-нибудь ходил по бурным рекам на лодочках (неважно, на байдарках, на плотках, на надувных лодках), знает, что если река бурная, то сначала долгое время поверхность воды может казаться очень гладкой, и создается впечатление, что река почти не движется. Но потом так тряханет, так тебя понесет по порогам, что мама не горюй.

Так вот, это называется «турбулентность» на научном языке – завихрения, вихри. Один из таких вихрей имеет место в Норвегии. Как мы можем его не осмысливать? Но ведь согласитесь, что, прежде всего, мы должны осмыслить главное – что никто ничего не осмысливает, что осмысления нет вообще.

Осмысление – процесс многоуровневый. Вы должны знать фактуру события, вы должны на аналитическом уровне увидеть странности и понять, что там именно происходит (как я не раз уже говорил, «дьявол всегда в деталях»), уточнить эти детали и пр. Дальше вы должны понять, что это может

37 Вознесенский А. Оза. Тетрадь, найденная в тумбочке дубненской гостиницы.

значить с точки зрения политики, с точки зрения экономики и т.д. Вы должны при этом не впасть в соблазн «теории заговора», то есть разговоров о том, что каждый раз, когда кого-нибудь кто-нибудь ударит по голове, это «происки мировой закулисы».

И, наконец, есть еще самый трудный уровень, адресующий к культуре, метафизике. Нужно понять, каков смысл событий с точки зрения самого смысла. Прошу прощения за тавтологию, но это может быть самое главное.

Итак, давайте разбираться в норвежских событиях, начиная с конкретики.

Уже взрыв в Осло показал, что имеет место нечто экстраординарное. Взрыв мощный, прекрасно смоделированный, нанесший тяжелые повреждения. И (все как-то проходят мимо значения этого очевидного факта) – приведший к гибели членов правительства. Когда в последний раз в Европе подобными способами убивали членов правительства? Значит, это безумно высокоэффективный взрыв, это политический терроризм, достигший своей цели. Это не взрыв дискотеки, это не взрыв в каком-нибудь супермаркете, – это взрыв в правительственном квартале, приведший к уничтожению членов правительства, как говорит премьер-министр³⁸.

Ничего себе взрыв! Сообщается, что в правительственном квартале в Осло погибло столько-то и столько-то людей. Но вопрос не в том, больше или меньше людей погибло. А если бы взрыв в Осло убил не очень много людей, но уничтожил бы весь кабинет министров? Это что – не является гиперэкссесом?

Наверняка не все из тех, кто слушает эту передачу и смотрит ее, были в Норвегии. Но я в Норвегии был. Это не просто тихая и спокойная страна, это что-то такое застылое,

³⁸ Выпуск № 26 был записан утром 24 июля 2011 года. Накануне, 23 июля, во многих российских СМИ сообщалось, что премьер-министр Норвегии Йенс Столтенберг заявил в ходе пресс-конференции: в числе семерых погибших в Осло оказались несколько членов правительства (см., например, <http://lenta.ru/articles/2011/07/23/norway/>). Позже выяснилось, что имел место неточный перевод: Столтенберг говорил не о членах правительства, а о сотрудниках аппарата правительства; членов правительства в числе погибших не было.

сонное, лупящееся от благополучия, спокойствия и такого автоматического полусна. Люди как-то двигаются, выполняют какие-то действия, обеспечивающие жизнь в бытовом смысле, в производственном смысле, но это все делается как во сне. В таком ровно-сонном настроении.

Страна маленькая, с очень большим количеством природных ресурсов. Природные ресурсы распределены (и это очень важно подчеркнуть) достаточно справедливым образом. В этом смысле Норвегия – это страна с достаточно высокой степенью социальной защищенности. Это такой оазис Северной Европы, место идиллии. Норвегия – не Швеция даже! Швеция когда-то, еще в эпоху Карла XII, представляла собой нечто агрессивное, стремящееся к каким-то завоеваниям. Норвегия – вообще такое заснувшее место. Очень эффективно развивавшееся во второй половине и конце XX века, вышедшее на достаточно высокие социальные и прочие рубежи, но спокойное, хорошее. Для этого места – убийство 92-х людей... и это еще не вечер, потому что... Дай бог, чтобы все тяжело пострадавшие не умерли. Но обычно, когда говорят, что довольно много людей находится в крайне тяжелом положении, это значит, что кто-то из них, скорее всего (повторяю, не дай бог!), умрет.

Так вот, такое количество людей – это не то же самое, что где-нибудь в Индии, в Пакистане... То есть человеческая жизнь везде одинаково ценна, и все, что я буду говорить о произошедшем, вовсе не означает, что нет в душе предельного возмущения зверством, совершенным в Индии или Пакистане. Просто даже стыдно как-то тратить время на очевидные моральные оценки произошедшего. Это возмутительно, чудовищно, недопустимо и все прочее.

Но для Норвегии это еще и экстраординарно. Это такой гипервзрыв. Потому что все-таки уровень возмущения надо отсчитывать от фона. В Индии, Пакистане, в Африке, в Бангладеш фон очень высокий, и на таком фоне взрывы даже с большей интенсивностью (а это очень большой террористический взрыв, очень большой!) рассматриваются как средние.

Но Норвегия – это другое. Небольшое население, супер-спокойствие... В Испании баски неоднократно устраивали взрывы. И вообще, страна довольно бурная. Здесь – маленькая, тихая, сонная. Это как гром среди ясного неба. Суперудар.

Далее. Мы знаем (судя по тому, что нам говорят масс-медиа, а пока что мы вчитываемся именно в это), что убийца, террорист – не исламский радикал. Потому что уже так привычно, что если тебе говорят, что человек много людей убил, то это какой-нибудь безумец-исламит.

За долгое-долгое время это первый суперсерьезный неонацистский эксцесс. Это ультраправые. Это не исламские радикалы. Конфликт цивилизаций, который все время навязывался мировыми масс-медиа общественному сознанию, тут явным образом не проходит. Только с отдельными нашими странными аналитиками дело обстоит так, что, увидев перед собой человека, который грезит викингами, арийца-неофашиста, противника мультикультуральности, христианского ультраконсерватора и так далее, который это все совершил, они говорят: «Это, наверное, за Ливию». При чем тут Ливия? Он фашист.

В процесс опять вошли неонацистские организации, о чем мы говорили очень давно. Они обязательно войдут в процесс. Премьер-министр всех успокаивает: мол, мы это все держим под контролем. Это они держат премьер-министра под контролем.

Под всей этой тонкой пленкой благополучия и успокоенности кипит огромная энергия. Не бывает так, чтобы она не кипела. Нельзя человечество усыпить до конца, европейское в том числе. Человек не может стать довольным домашним животным, овцой, которая будет кушать, писать, какать, спать, вставать, бекать, мекать... Не может так человек. Не может. Он либо больше этого, либо меньше. Если уж он зверь, то больной, уничтожающий себе подобных, совершающий безумства. А если он человек – так он человек. Либо у него есть высокий духовный смысл, утешение в жизни (то, что называется в метафизическом смысле «утешение»), либо он

превращается в подобного рода животное – большое, озверелое, готовое на любые убийства.

И в этом онтологическая суть произошедшего.

Был ли второй стрелок? Говорится, что был второй стрелок, а одновременно с этим говорится, что это все безумец-одиночка. Пусть подрывники скажут, можно ли из химического удобрения сделать столько взрывчатого вещества? И можно ли, будучи непрофессионалом, так разместить взрывное устройство, чтобы нанести столь серьезное повреждение окружающим объектам?

Мне-то ясно (я не первый год занимаюсь контртерроризмом, вхожу в Международную Ассоциацию по контртеррористической деятельности), что действовала группа, большая организованная группа, хорошо разветвленная. Но все будут говорить, что это одиночка, потому что так удобнее, потому что тогда событию не надо придавать политического характера.

Теперь о том, в чем политическое, геополитическое измерение данного события. Оно в том, что благополучие Европы подходит к концу. Вот эта заснувшая, шоколадная трясинка: писаем, какаем, потребляем, спим, встаем, едим, как-то живем, развлекаемся... она подходит к концу. Ей нет места в мире. Об этом говорят и большая политика, и философия: ей места в мире нет.

Потому что все это социальное благолепие с высоким уровнем жизни для трудящихся (между прочим, не таким высоким, как принято думать, но достаточно высоким уровнем жизни), успокоенностью и всем прочим имело место только по одной причине – потому что был СССР.

Потому что эту густую, вкусную, замечательную чечевичную похлебку подарили рабочему классу Запада и всем эксплуатируемым слоям, чтобы они не возбужались, и под СССР не ложились, и о коммунизме не бредили. И вот им дали эту жвачку, им заплатили за это, сказали: «Возьмите, успокойтесь, укоротитесь. И засните!»

Они взяли и заснули. И казалось, что все хорошо. Но так не бывает. Когда берешь чечевичную похлебку, рано или поздно ее обязательно отберут.

Теперь возникает естественнейший вопрос, тупой, элементарный, которого никто не понимает, или делает вид, что не понимает, или даже понимает, но избегает думать об этом: почему капитал должен платить много, когда за то же самое можно заплатить меньше?

Дисциплинированной китайской женщине – очень чистоплотной, точно работающей, аккуратной, которую еще государство блюдет, которая ни на какие профсоюзы опереться не может и которая знает, что шаг влево-вправо, и ее выгонят и кинут в нищету – можно заплатить 400 евро в месяц, а то и 200, и она будет счастлива. Потому что где-то рядом с ней существует полмиллиарда собратьев, которые живут на суммы, в десять раз меньшие. Вот ей можно заплатить 200 – и она будет работать, вкалывать по 12 или 10 часов, да еще и поддерживаемая государством, да еще и имеющая конфуцианскую этику, китайскую привычку к точности и так далее.

Но тогда возникает вопрос: почему такой женщине можно заплатить 200–300 евро, а европейке капризной, которая чуть что – побежит в профсоюзы и чуть что – будет права качать, надо заплатить в 10 раз больше? Почему этой европейке надо платить в 10 раз больше? За что ей теперь платить, если СССР нет, за что? Чтобы она не возбухала? Пусть возбухает. Куда она денется?

Но главное даже не в этом, что жадность мучит, «жаба душит», а в том, что есть законы капитализма. Если стоимость рабочей силы 300 евро, 200 евро, то цена продукции соответствующая – и есть доходы. И есть выигрыш на рынке. А если цена рабочей силы 3000, то нужно произвести что-то совсем другое. А ведь ничего другого-то не производится или с каждым годом производится все меньше.

Да, есть какие-то очаги, где европейцы или американцы еще могут производить нечто, что китайцам недоступно. Но китайцы берут один барьер за другим, и их миллиард с лишним людей. Больше никто для этого не нужен. Это мировая фабрика. Чем должна быть эта Европа? Почему надо кормить этих овец сегодня? Вчера их надо было кормить, чтобы они не бесились на коммунистический манер. Почему их надо кормить сегодня

и как их не кормить? Как их не кормить, если они привыкли к тому, что их сытно кормят, и амбициозны? Это же тупик. Это фундаментальный политэкономический и политический тупик, что в Соединенных Штатах, что в Европе.

Китай покорно выполняет в основном то, что хотят Соединенные Штаты, хотя на самом деле ведет себя, может быть, как последнее оставшееся на планете полноценное национальное государство. Он очень гибок, он со всем соглашается, улыбается, кланяется – и берет новую позицию, и берет новую позицию, и берет новую позицию, и берет новую позицию.

Но никаких фундаментальных ответов нет. Афроамериканец бойко лепечет ничего не значащие слова, а окружают его люди, говорящие не столь ретиво, но такие же мертвые, как он... На Европу просто страшно смотреть...

А все входит в зону турбулентности. Дефолт будет или не будет? Я-то считаю, что они будут в итоге печатать деньги, никуда они не денутся, но это же только значит, что еще через пару лет долбанет втрое более мощно.

То, что они делают, когда-то было описано у Жюль Верна, если мне не изменяет память, в детской книжке «Дети капитана Гранта». Надо войти в гавань, а там очень много рифов и буря. И матросов выставляют вперед с каким-то китовым жиром или чем-то еще, который выливают в море, и море на одну минуту становится спокойнее – они проходят в эту гавань, и дальше волны еще бурнее.

А они не китовым жиром, а деньгами напечатанными, пустыми бумагами залили мировой кризис. Но это значит, что волны снова начинают вздыматься. Ну, они его снова зальют – волны станут еще мощнее. Энергия-то эта никуда не исчезает. Она все та же. Это турбулентность. Это воронка, в которую все втягивается. Что делать?

Сколько Китай должен долларов скопить у себя? Не два триллиона, а сколько? Четыре? Шесть? Сколько надо скопить? Он их скопит. Дальше что? С ним надо воевать? По полной? На него надо кого-то натравливать? Что делать?

Кроме того, как уже много раз говорили (и нужно повторять это по многу раз, поскольку в сознание, особенно в

сознание нашей более или менее высоколобой публики, это не заходит... так и хочется по-простонародному сказать: «не залазит»), доктрина США состоит в том, что любая страна, которая достигла уровня, с которого она может бросить вызов Соединенным Штатам, есть враг Соединенных Штатов. Это доктрина неафишируемая, но она главная. Я отвечаю за свои слова. Вот за этот «базар» я отвечаю. И плевать, какая у нее идеология, плевать, какой у нее уровень демократизма, плевать на все. Главное, что если она достигла уровня, с которого она может бросить вызов Соединенным Штатам, это уже плохо.

Европа – это реальное западное супергосударство, которое может бросить вызов, может. Поэтому эту Европу надо довести до состояния ничтожества. А главное, она не должна быть местом благополучия. Не должна! Потому что если она место благополучия, то деньги текут в Европу. Деньги ищут благополучия. А деньги должны течь в Соединенные Штаты, как в островок благополучия. Если ты не можешь сделать свою страну более благополучной, чем другие, то сделай другие страны менее благополучными.

Я не хочу сказать, что за спиной Андерса Беринга Брейвика, осуществившего в Норвегии эти теракты, стоят спецслужбы Соединенных Штатов Америки. Это все не так просто, и я не хочу таких голословных заявлений. Я просто говорю о том, что в ближайшие 2–3 года у Соединенных Штатов не будет никаких альтернатив тому, чтобы капитулировать или начать играть в мощнейшую «стратегию напряженности». Мощнейшую. Действующий фигурант к этому не готов. Он показал, что он вовсе не вегетарианец, в Ливии и вообще в арабском мире. Он все показал, на что он способен.

Но это не то, что нужно для того, чтобы развернуть полномасштабный процесс. А что делать-то, как его не разворачивать?

Ну, залили еще раз деньгами. Противоречия клановых интересов указывают на то, что кто-то уже не хочет заливать. По крайней мере, афроамериканцу предъявляют претензии, чтобы жизнь медом не казалась, является ли он афроамери-

канцем, или кенийцем, или каким-нибудь индонезийцем. И можно ли ему столько денег напечатать. У него проблемы появляются большие. Он ловкий человек, он, может быть, их как-то обойдет. Но дальше их будет появляться все больше. Он-то свои проблемы решит, а проблемы Америки он решить не может. Это не тот уровень, не та личность. Это не Рузвельт. Стыдно даже сравнивать.

У Рузвельта было какое-то отношение к Америке, он ее любил, он что-то в ней ценил. Он был готов на какой-то подвиг во имя нее.

А здесь только «я». «Я» на первое, на второе и на десерт. Для Обамы есть Обама, и только он, ничего больше в мире не существует. Есть одна ценность – он сам.

Американский политический класс не знает, что ему делать. Он, как очень жестокий, еще очень сильный и большой зверь, припертый к стенке, не знает, что ему делать.

И есть еще проблема ресурсов.

Норвегия – это место, где ресурсная проблема решается, как это ни покажется странным на первый взгляд, на манер, сходный с тем, как ее решал Каддафи. Норвегия достаточно прочно держится за ресурсы как за источник общенародного благополучия, а это криминальная позиция для международных сил, которым нужно эти ресурсы захватить, а страны ограбить. И это касается отнюдь не только стран третьего мира. Это касается всего мира, всех ресурсов.

В этом смысле произошедшее говорит нам об очень и очень многом.

Как в своих деталях, из которых вытекает, что это, конечно, организованная, большая спецоперация, а не действия одиночки-безумца.

Как в том, что касается простых смыслов произошедшего: нарушена стабильность Европы в одной из точек, где эта стабильность была наиболее высока.

Как в идеологическом плане – это сделали неонацисты. Они так крупно на территории Европы не работали очень и очень давно. Восстановлены, видимо, не только все структуры «холодной войны», как честно признаются нам ведущие

деятели спецслужб Соединенных Штатов Америки и ведущие политики США, восстановлены и все структуры, работающие в режиме стратегии напряженности.

Дальше речь идет о политэкономическом смысле произошедшего: нельзя более держать овец в таком сытом состоянии, нельзя, неэффективно, нет смысла и нет возможности.

Нельзя, чтобы Европа бросала вызов Соединенным Штатам, она не должна быть оазисом спокойствия. А значит, она станет оазисом беспокойства! И это легко делается – вот так, как это было сделано в Норвегии! Это ведь еще и обучающий пример: «делай, как я».

Человек, который спокойно ждал, пока его возьмет полиция, написал 1200 страниц по поводу своих целей. Он изготавился заранее, он все продумал, он абсолютно холоден. И он не один, то есть настолько не один, что дальше некуда.

Значит, все это в целом вписывается в картину турбулентности.

Но вот здесь мне хотелось бы у всех любителей практической политики попросить извинения за то, что я сейчас рассмотрю еще один уровень, который для людей, чувствующих значение сложного и тонкого в политике, может, является и основным, но кому-то это может показаться не имеющим прямого отношения к делу.

Уже много лет назад известным западным драматургом Максом Фришем была написана пьеса «Граф Эдерланд», которая привлекла мое внимание где-нибудь году в 1968-м, а написана она была еще раньше.

Я всегда думал: почему место действия, пусть с натяжками, наверное, – все-таки Норвегия? Ну, может быть, и Швеция, вряд ли Финляндия, но именно Северная Европа, а ближе всего как-то к Норвегии. Почему Норвегия? Что так привлекает Макса Фриша в Норвегии, почему норвежские легенды он обрабатывает на свой новый манер и почему он выдвигает свою, не получившую подтверждения в то время, когда он это писал, версию терроризма?

Конечно, в этой версии есть что-то от Франкфуртской школы: от Маркузе, от Адорно, Хоркхаймера – от того, что

вitalo в воздухе с 60-х годов. Но я неуловимо чувствовал, что Фриш идет куда-то дальше и что в этих его описаниях есть какой-то прогноз... Что он что-то предвидит.

Я несколько раз подбирался к этой пьесе, думал поставить ее, не поставить, что с ней делать? Облизывался на нее, как кот на сметану, не знал даже сам – почему. И в первый же момент, когда я услышал отчет своей аналитической группы о событиях в Норвегии, мне сразу вспомнилась эта пьеса.

И я просто не могу не зачитать здесь довольно длинного фрагмента из нее, потому что мне кажется, что именно это отвечает на какие-то онтологические вопросы.

Если кому-то покажется, что я тем самым хоть в малейшей степени оправдываю бесконечную омерзительность терроризма, то это никоим образом не так. Терроризм мне беспредельно отвратителен. Но, как говорят в таких случаях, одной моральной оценкой сыт не будешь – нужно осмысливать явления, осмысливать их полностью: и политически, и геополитически, и экономически, и специально (то есть в деталях), и онтологически, и метафизически (можете здесь назвать любое другое слово).

В пьесе есть некий господин прокурор, который вдруг начинает понимать террориста-убийцу. В первой сцене, которая называется «Прокурор устал», прокурор разговаривает со своей женой Эльзой. Эльза говорит ему: «Мартин, уже поздно, два часа ночи, надо ложиться спать».

«Эльза: Мартин, уже два часа.»

Прокурор: Знаю, знаю: через восемь часов я предстану перед судом в отвратительном черном облачении, чтобы вести обвинение, а на скамье подсудимых будет сидеть человек, которого я все больше и больше понимаю. Хотя он ничего не объяснил толком. Мужчина тридцати семи лет, кассир в банке, приятный человек, добросовестный служака на протяжении всей своей жизни. И вот этот добросовестный и бледный человек взял однажды в руки топор и убил привратника – ни за что ни про что. Почему?

Эльза: Почему же?
(Прокурор молча курит.)

Нельзя же думать только о делах, Мартин. Ты изводишь себя. Работать каждую ночь – да этого ни один человек не выдержит.

Прокурор: Просто возьмет однажды топор...

Эльза: Ты меня слышишь?

(Прокурор продолжает молча курить.)

Уже два часа.

Прокурор: Бывают минуты, когда я его понимаю...

...Четырнадцать лет в кассе – из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день. Человек выполняет свой долг, как каждый из нас. Взгляни на него! Вот, по единодушному мнению свидетелей, вполне добропорядочный человек, тихий, смирный квартиросъемщик, любитель природы и дальних прогулок, политикой не интересуется, холост, единственная страсть собирать грибы, нечестлибв, застенчив, прилежен – прямо-таки образцовый служащий. (Кладет фотографию.) Бывают минуты, когда удивляешься, скорее, тем, кто не берет в руки топор. Все довольствуются своей призрачной жизнью. Работа для всех – добродетель. Добродетель – эрзац радости. А поскольку одной добродетели мало, есть другой эрзац – развлечения: свободный вечер, воскресенье за городом, приключения на экране...

...Он говорит, что я – единственный, первый человек, который его понимает.

Эльза: Кто говорит?

Прокурор: Убийца.

Эльза: Ты переутомился, Мартин, вот и все. Расшатал нервы. Один процесс за другим! Да еще при твоей аккуратности, добросовестности...

Прокурор: Да-да, конечно.

Эльза: Почему бы тебе не взять отпуск?

Прокурор: Да-да, конечно.

Эльза: Человеку это необходимо, Мартин.

Прокурор: Да-да, конечно. Может быть. А может быть, нет... Надежда на свободный вечер, на воскресенье за городом, эта пожизненная надежда на эрзац, включая жалкое упование на загробную жизнь... Может, стоит только отнять все эти надежды у миллионов чиновничьих душ, торчащих изо дня в день за своими столами, – и какой их охватит ужас, какое начнется брожение! Кто знает, может быть, деяние, которое мы называем преступным, – лишь кровавый иск, предъявляемый самой жизнью. Выдвигаемый против надежды – да, против эрзаца, против отсрочки...»

Следующая сцена – убийца разговаривает с адвокатом. Адвоката зовут Доктор Ган.

«Доктор Ган: Возвращаюсь к моему вопросу: что вы думали и чувствовали, когда в тот день, двадцать первого февраля, возвратились из известного места?»

Убийца: Да что угодно!

Доктор Ган: вспомните!

Убийца: Легко сказать – вспомните.

Доктор Ган: Когда вы направились в туалет...

Убийца: Ну уж это зачем?

Доктор Ган: Я опираюсь на факты, изложенные в деле.

Убийца: Если верить тому, что изложено в деле, доктор, можно подумать, что я всю жизнь провел в известном месте.

Доктор Ган: В деле изложены ваши собственные показания.

Убийца: Я знаю.

Доктор Ган: Так что же?

Убийца: Пусть!

Доктор Ган: Что – пусть?

Убийца: Пусть это в некотором роде правда. Что я провел свою жизнь в известном месте. В некотором роде. Помню, у меня часто было именно такое чувство.

Доктор Ган: Вы уже говорили, что всегда использовали для этой надобности служебное время. И этой шуткой рассмешили присяжных. Я не против того, чтобы их смешить, но сам этот факт несуществен – так поступают все служащие.

Убийца: Несуществен – именно... Часто у меня было такое чувство, доктор, что все несущественно: и когда я стоял перед зеркалом, бреясь каждое утро, – а мы должны были быть безупречно выбритыми, – и когда зашнуровывал ботинки, завтракал, чтобы ровно в восемь быть у своего окошка, каждое утро...

Доктор Ган: Что вы хотите сказать?

Убийца: Лет через шесть я стал бы доверенным фирмы. (Курит.) И это бы ничего не изменило. Вообще я ничуть не жалею на дирекцию банка. У нас было образцовое учреждение. Швейцар, я сам видел, завел даже специальный календарь, в котором отмечал, когда смазывали каждую дверь. И двери там не скрипели, нет. Это нужно признать.

Доктор Ган: Возвращаясь к нашему вопросу...

Убийца: Да, что же существенно?

Доктор Ган: Я восстанавливаю обстоятельства дела: в воскресенье после полудня вы были на футболе; поражение нашей команды подействовало на вас угнетающе; вечером вы пошли в кино, но фильм вас не заинтересовал; домой вы отправились пешком, не испытывая, согласно показаниям, никакого недомогания...

Убийца: Только скуку.

Доктор Ган: Дома смотрели передачу по телевидению, которая вас тоже не заинтересовала; в двадцать три часа двадцать минут вы снова были в городе, в молочном кафе; вина не пили; незадолго до полуночи вы позвонили у черного входа банка...

Убийца: Главный вход был закрыт.

Доктор Ган: И когда привратник открыл, сказали, что вам нужно в известное место... Я все-таки не понимаю, почему с этой целью – ведь было воскресенье – вы направились именно в банк.

Убийца: Я тоже не понимаю.

Доктор Ган: А что дальше?

Убийца: Сила привычки.

Доктор Ган: Как бы там ни было, Гофмейер впустил вас.

Убийца: Это был душа-человек.

Доктор Ган: Не удивившись вашему ночному визиту?

Убийца: Разумеется, удивился.

Доктор Ган: И что же?

Убийца: Я и сам был удивлен. Я понаблюдал, как он управляется с паровыми котлами, и мы еще минут пять поболтали.

Доктор Ган: О чем?

Убийца: Я сказал: убить бы тебя на этом самом месте! Мы рассмеялись.

Доктор Ган: А потом?

Убийца: Я направился в известное место.

Доктор Ган: А потом?

Убийца: Я это сделал. (Тушит ногой сигарету.) Не знаю, доктор, что тут еще можно сказать...

Молчание.

Доктор Ган: У вас было тяжелое детство?

Убийца: То есть?

Доктор Ган: Отец вас бил?

Убийца: Что вы!

Доктор Ган: Мать не обращала на вас внимания?

Убийца: Напротив.

Доктор Ган: Гм...

Убийца: Я бы все сказал вам, доктор, но нечего, у меня действительно не было никаких мотивов...

Доктор Ган: Гм...

Убийца: Честное слово.

Доктор Ган: Карл Антон Гофмейер, убитый, как явствует из дела, был женат на сравнительно молодой женщине...

Убийца: Мне искренне жаль ее.

Доктор Ган: Вы знали госпожу Гофмейер?

Убийца: Она мне чинила белье.

Доктор Ган: Гм...

Убийца: Чтобы подработать.

Доктор Ган: У Карла Антона Гофмейера, привратника в банке, не было оснований для ревности?

Убийца: Этого я не знаю.

Доктор Ган: Я хочу сказать: для ревности к вам?

Убийца: Ко мне?

<...>

Доктор Ган: Через ваши руки прошли миллионы. Для вас дело было не в деньгах. На этом строится вся моя защита. Вы могли бы похитить миллионы и без топора. То, что вы совершили, – убийство, но убийство не с целью ограбления. На этом я буду настаивать!

Убийца: Я не это имел в виду.

Доктор Ган: А что же?

Убийца: Если б я получше разбирался в деньгах, может быть, я бы не испытывал такую скуку все эти четырнадцать лет.

Доктор Ган: Скуку?

Убийца: Конечно.

Доктор Ган: Вы что же, хотите заявить на суде, что убили старика привратника просто так, скуки ради?...»

Третья сцена. Прокурор берет в руки топор. (Этот прокурор убегает из дома, идет в норвежскую деревню дровосеков. Там избушка, в которой живут дровосеки.)

«У печи сидит Инга, юная светловолосая девушка. Ее пожилая мать ставит на стол три тарелки.

Инга: Суп готов. Если отец сейчас не придет, все остынет.

Мать: Ты опять за свое!

Инга: И я снова буду виновата.

(Мать выходит. Слышно, как она кричит: «Йенс! Йенс...»)

Инга поет:
Наша жизнь такова
Каждый день, и такой
Она будет, пока я не состарюсь
И не умру...

(С улицы доносится ругань отца.)

Такой она будет
Каждый день.
Но нет, однажды
Я выйду кормить кур,
Как всегда и всегда;
Все начинается сначала,
Отец запряжет свою лошадь,
Позовет меня в лес помогать,
Как всегда и всегда,
И вдруг
Он появится здесь,
Граф Эдерланд,
С топором в руке.
Горе!
Горе тому,
Кто станет у нас на пути,
Горе вам всем,
Вы падете, как лес,
Под ударами топора!..
<...>

Отец: Это еще что за парень слоняется возле нашего дома?

Мать: Какой парень?

Отец: Я ее спрашиваю.

Инга: Меня?

Отец: Что это за парень?

Инга: Откуда мне знать?

Отец: У меня он не поклоняется!

Инга: Я никого не видела.

*Отец: И соли на столе нет! (Инга встает и приносит соль.)
Со вчерашнего дня он часами торчит в лесу, где я очищаю сосны от веток. Думает, я не вижу, как он стоит за деревьями и глазает. Я за ним бегать не стану. Заблудился, так подойди и спроси дорогу.*

Мать: Со вчерашнего дня, говоришь?

Инга: Где же он был всю ночь?

Мать: В снегу?

Отец: А нам что!.. (Инга перестает есть.) Куда опять ушла?

Мать: Оставь ее.

Отец: Почему она не ест суп?

(Родители продолжают есть.)

Инга:

Наша жизнь такова

Каждый день.

Но однажды

Он будет здесь,

Граф Эдерланд,

С топором в руке,

И горе тому,

Кто станет у нас на пути,

Горе вам всем,

Вы падете, как лес,

Под ударами топора...»

Дальше она встречается с прокурором, который и есть тот «парень», который маячит в лесу.

«Прокурор: Гороховый суп...

Инга: Я рада, что вы пришли.

Прокурор: Я? Почему же?

Инга: Прежде, чем я состарилась и умерла.

Прокурор: Ты?

Инга: Возьмите меня отсюда!

Прокурор: Почему?

Инга: Разве вы не видите?

Прокурор: Да...

Инга: Здесь смертельная скука. Всегда. Просидите хоть десять лет на нашей кухне, ничего не изменится, за полчаса вы все и узнаете.

Прокурор: Понимаю...

Инга: Вы действительно возьмете меня отсюда?

(Прокурор ест суп.) Меня зовут Инга.

Прокурор: Инга?

Инга: Почему вы так на меня смотрите?...

<...>

Прокурор: Откуда я тебя знаю?

Инга: Говорите еще!

Прокурор: Мне нечего больше сказать...

(Инга садится к его ногам.)

Прокурор: В глубине, на самом дне воспоминаний, всего два-три лица, повторяющихся снова и снова. Как ни ломай голову, других нет и нет. И постоянно одно лицо, похожее на твое. И неизменно другое – похожее на жандарма, которому непременно нужно знать, куда ты идешь и зачем. И всюду железные прутья...

Инга: Что всюду?

Прокурор: Путья, решетки, ограды – прутья... (Встает и смотрит в маленькое окно.) Словно деревья в лесу, которые хочется срубить, если есть топор.

Инга: Говорите еще, я слушаю...

<...>

(Возвращается Отец.)

Отец: Сани готовы. (Инга встает.) А вот топор, если у господина есть желание, работы всем хватит. (Перед этим прокурор говорит о том, что готов поработать вместе с отцом. – С. К.)

Прокурор: Спасибо.

Отец: Меня зовут Йенс. А вас?

Прокурор: Меня...

Инга: Граф Эдерланд!

Отец: Граф... (Прокурор смеется.) Граф Эдерланд?

Инга: Да! Да!

Прокурор: Что это вы дрожите... Вас трясет...

Инга:

...Горе!

Горе тому,

Кто станет у нас на пути,

Горе вам всем,

Вы падете, как лес,

Под ударами топора...

Отец: Смилуйся! Смилуйся! Смилуйся!

(Прокурор смеется.)

Инга: Пошли!

(Отец падает на колени.)»

Дальше жена и доктор Ган (адвокат, который по совместительству является любовником жены) зовут ясновидящего для того, чтобы ясновидящий рассказал им, в чем дело, что произошло, куда исчез муж такой фрау – этой прокурорши – и друг доктора Гана.

«Ясновидец Марио: В общем-то, ничего особенного. Я вижу только черные обложки протоколов с белыми названиями...

Доктор Ган: Да, а в чем дело?

Марио: Я всюду их вижу. Я объездил с гастролями всю Европу и везде видел черные обложки протоколов с белыми названиями, везде, и везде за ними – страх.

Доктор Ган: Что вы хотите этим сказать?

Марио: Страх, дурман, кровь... Я говорю об этом на каждом представлении, люди бледнеют, но потом хлопают. Что поделаешь.

Доктор Ган: Вы о войне?

Марио: О цивилизации».

Дальше ясновидящий рассказывает им, где находится прокурор. А они с Ингой уже приехали в большой город и там наблюдают, как портье и жандарм разговаривают, и жандарм жалуется на жизнь портье в гостинице, где они остановились.

«Жандарм: Я ведь сам ничего не выдумываю, говорю, что слышал. (Наклоняется через пульт и шепчет.) Мой зять, почтальон, говорит, что в лесу уже целое войско прячется, понимаете?»

Портье: Какое войско?

Жандарм: Поденички, угольщики, работяги – все, кому не лень; их становится все больше и больше, уже целое войско. Среди них есть даже женщины – горничные, официантки, проститутки. (Портье смеется.) С завтрашнего дня бастуют докеры.

Портье: Ну да?

Жандарм: В вечерней газете пишут.

(В холл входит мужчина в кожаной шоферской куртке и кепке с козырьком.)

Портье: Что вам здесь угодно? (Шофер закуривает сигарету.) Что вам угодно?

Шофер: Мне нужно подождать кое-кого.

(Из бара доносится музыка.)

Жандарм: Короче говоря, документы должны быть у нас. Завтра в это же время – крайний срок...

Портье: Вы уже говорили.

Жандарм: Я лишь исполняю свой долг.

Портье: Я тоже...»

Дальше жандарм встречается с прокурором.

«Прокурор: У вас есть семья?»

Жандарм: И не малая.

Прокурор: Мне это знакомо.

Жандарм: Если б наш брат мог делать, что хочет, господин граф...

Прокурор: А что бы вы хотели?

Жандарм: В том-то и дело, что из этого ничего не выйдет...

Прокурор: Почему же?

Жандарм: Гм, почему...

Прокурор: Жизнь коротка. (Берет сигару и обрезает ее.) Жизнь коротка, а ночь длинна; проклята надежда – на свободный вечер; день свят, пока светит солнце, и да здравствует всякий; пока светит солнце, он будет свободным и сильным. (Берет сигару в рот.) У вас есть спички?

Жандарм: О...

Прокурор: Почему бы вам не отправиться с нами?..

<...>

Жандарм: Вот факты. А значки, которые люди прикрепляют под воротником?

Прокурор: Значки?

Жандарм: Тут уж не до смеха.

Прокурор: Какие значки?

Жандарм: Такие маленькие топорики. Из жести. Каждый может сделать себе такой, если хочет показать, что и он за них... Приходит вчера ко мне один знакомый, дрожит весь, заикается. Да что случилось, спрашиваю. А он – домовладелец. Продаю, говорит, дом. За любую цену! Ты, говорю, спятил, почему? И он рассказывает: зашел, говорит, к одному съемецику потребовать, чтобы тот съехал – не платил ведь, все законно, – а тот, представьте, поднимает воротник и ухмыляется» (а там... там этот значок!!! – С.К.).

Фриш что-то предвидит. В тот момент, когда он это пишет, этого еще нет. Весь терроризм (группа «Баадер–Майнхоф» и так далее) страшно идеологизирован («Красные бригады»), а здесь речь о терроризме абсурда. И если неонацизм будет действовать сейчас для дестабилизации, то самое время для абсурда.

И никакой симпатии эта вся коллизия во мне не вызывает. «Оба хуже»: и те, кто доводит людей до состояния, в котором они начинают грезить о топоре и о бессмысленных убийствах, и те, кто грезит об этом. Потому что выход из всего этого только один – история, великий смысл.

Цивилизация, теряющая смысл, обречена. И, разумеется, тут речь идет не о Европе только, хотя это сейчас и общемировой процесс. Мы подошли к моменту, когда теряется утешение, утешение в высоком смысле. Потеря утешения – это вот и есть то, что описано здесь. Если утешение будет окончательно потеряно, помните, как там – надежда на это, на это, «на свободный вечер, на отдых за городом, пожизненная надежда на эрзац, включая жалкое упование на загробную жизнь». То есть он говорит здесь о том, что и религия умирает, все умирает. Все, уже ничего нет.

Дальше не овцы будут бляеть на зеленой травке потребленья, а с топориками люди будут ходить. И овцы превратятся в особых волков. Это гибель мира. Это воронка, в которую он будет втянут обязательно, непременно.

Значит, все, все, все зависит от того, будет ли великий большой смысл. Этот смысл был утерян вместе с крахом коммунизма и распадом СССР. Одновременно с этим стало непонятно, зачем кормить западных овец. Их продолжали по инерции кормить 20 лет, но тут подоспел Китай – и стало непонятно, зачем их перекармливать и тратить на это «бабки», зачем платить такие высокие налоги.

В капитале всегда есть что-то разбойное – это очень разбойная штука. Но на эту разбойную штуку была надета узда Модерна: морали, прогресса, гуманизма, еще чего-то... Теперь ее сняли. Как нигде ее сняли у нас, ее вообще даже не пытались надеть – не из чего соорудить узду. И материал совсем не тот, что будет этой узды слушаться.

На Западе все лучше, но оно также подходит к концу. А убить население удалось в гораздо большей степени, чем здесь.

Либо мы станем точкой, с которой восстановится мировой смысл, либо воронка бессмыслия затянет в себя все, и «графы Эдерланды» будут бродить по земле не только в Норвегии, как вот один из них, типичный «граф Эдерланд» – этот молодой парень Андерс Беринг Брейвик, типичный абсолютно, как будто Фриш смотрел на 50–60 лет вперед.

Они будут бродить по всей земле. И недолго будет мучиться старушка планета в этих руках, потому что орудий хватает. И топором все не кончится, есть гораздо более совершенные средства уничтожения. Сначала кто-то начнет наделять этими средствами Европу, для того чтобы спасти свой доллар, или что-нибудь еще, или чтобы забрать ресурсы, а потом уже будет хозяином только тот, кто ходит с этим топором. Его сначала захотят использовать, а кончится это именно тем, о чем идет речь. И цивилизация погибнет.

На этом месте, завершая обсуждение норвежской ситуации, я хотел бы перейти к ситуации другой.

Еще раз подчеркну, что, создавая «Суть времени» и начиная деятельность со всеми ее этапами, со всеми ее направлениями, мы ставим перед собой крайне амбициозную задачу. Мы говорим о том, что России надо вернуть роль мирового смыслового лидера, что Россия и сама никуда не двинется, пока эта роль не будет возвращена, и мир никуда не двинется. Мы говорим о том, что сделать это невероятно трудно, но нужно и можно.

Можно, потому что Россия гораздо более жива. Вот в это овечьё благополучно-бессмысленное жвачное состояние население не перевели целиком. Очень пытались это сделать, очень старались, но не перевели. Во-первых, денег пожалели – жадность фраера сгубила. Во-вторых, устроен человек чуть-чуть иначе. В-третьих, слишком много наломали дров, слишком много нахулиганили.

И как-то вообще на этой земле такая вот идиллия – мертва, бессмысленная и напоминающая тихий омут, в

котором копошатся «графы Эдерланды», – не устраивается. «Протестантский прибранный рай», о котором говорил Гумилев, никак не устраивался. Все время хочется туда, где «разбойник-мытарь и блудница крикнут: „Вставай!“» Другой идеал, другое представление о жизни, гораздо более мощное. Жажда смыслов гораздо более мощная. Ну, просто гораздо. Это же видно каждому, кто побывал в Европе.

Значит, здесь место гибели – и здесь место спасения. Здесь точка, на которой все сходится. И сейчас момент, в который что-то можно делать.

А для того, чтобы начать что-то делать, надо с какими-то вещами хотя бы минимально разобраться. Мы начали разбираться с ними, создав АКЦИО и проведя опросы. Сейчас закончился второй опрос, очень серьезный. По своей информативности он во многие десятки, а то и в сотню раз превышает первый. Он даже просто по количеству задаваемых вопросов, по объему ответов не сопоставим с первым.

Первый опрос был во многом политический. Нам нужно было дать одну цифру и сказать: «Вот что вы получите, если вы начнете идти этим путем. Вот что вы получите, понятно?» И все. Доказать, что это так, и на этом закончить.

Во втором опросе мы ставим гораздо более серьезные задачи, адресованные самим себе. Это не пропаганда – это политика. Это не академическая наука и не пропаганда. Это политика. Мы хотим знать общество, в котором живем, и менять общество сообразно нашему знанию.

«Knowledge itself is power» («Знание само по себе есть власть»), – говорил Бэкон. Если вы действительно что-то знаете, то вы можете эффективнее воздействовать на происходящее.

В таких передачах, как эта, я, естественно, не могу полностью излагать все, что касается социологического опроса. Мы совершенно не считаем, что огромный объем информации, который сейчас получен, должен быть немедленно предоставлен всем. Члены нашего клуба ознакомятся со всем объемом. Обществу мы предоставим достаточно для того, чтобы общество посмотрело на себя в зеркало. Но детали, которые там

существуют, – это политика. И я совершенно не понимаю, зачем я должен знакомить с этими деталями всех подряд, в том числе и тех, кто может это использовать совсем не в тех целях, которые нам нужны.

Снова подчеркиваю: это совершенно другой объем данных. Это гора данных. Это бесценный материал. Еще раз спасибо всем, кто помог его добыть, все эти люди, а также все члены нашего клуба полностью ознакомятся с тем, что есть. Первый раз мы начнем полное и подробное ознакомление на летней школе, потом оно будет продолжено.

То же, что я расскажу, это очень много, больше, чем рассказывают обычно об опросах, но это 10–12% той бесценной информации, которую мы получили.

Итак, я начинаю рассказ. Потому что этого ждут.

Основной вопрос исследования: «Какое государство нам нравится?»

На вопрос «**Что, с Вашей точки зрения, определяет международный авторитет в сегодняшнем мире?**» даны такие ответы. За государство, которое проводит «*независимую, самостоятельную политику, подкрепленную военной мощью и ядерным оружием*», выступает 47%. А за государство «*с гибкой позицией, готовностью договариваться со всеми, подкрепленной быстрым экономическим ростом*», – 50%. 3% не отвечают на вопрос (рис. 14).

Что, с Вашей точки зрения, определяет международный авторитет в сегодняшнем мире?

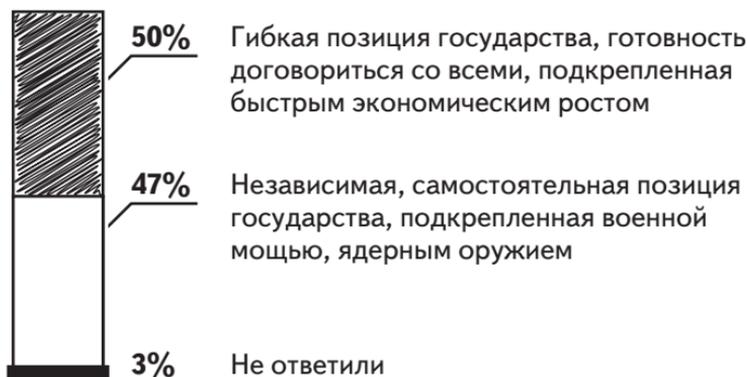

Рис. 14

Значит, мнения разделились примерно поровну. Это вопрос тестовый. Потому что те, кто говорит о независимой и самостоятельной позиции, подкрепленной военной мощью и ядерным оружием, – это люди, которые определились до конца. И очень важно понять, сколько их.

Следующий вопрос (рис. 15).

«*Вернуться к тому экономическому и социальному порядку, который был при советской власти*» – 53%.

«*До конца довести начатое в 90-е годы, сделать настоящую капиталистическую экономику*» – 41%.

6% не ответили.

Если бы было можно за короткий срок, например, за 1 год, резко изменить ситуацию в стране, то какое направление изменений Вы бы предпочли?

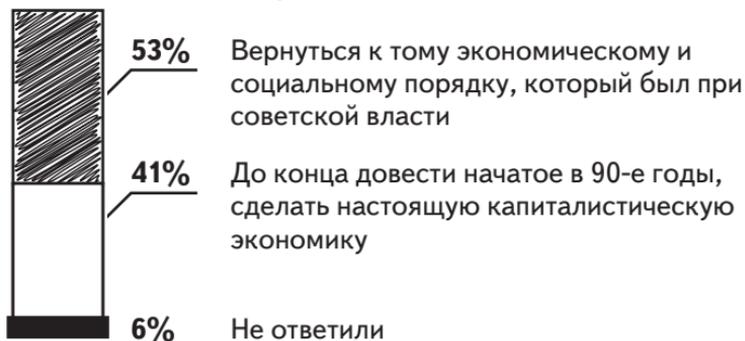

Рис. 15

Значит, уже больше половины опрошенных однозначно говорят о том, что можно вернуться к тому экономическому и социальному порядку, который был при советской власти.

Вопрос поставлен однозначно. Потому что альтернатива не такая: «Что вы хотите: вернуться в „совок“ или разориться до конца?» Мы же не так ставим вопрос. Мы говорим: «Вернуться к тому экономическому и социальному порядку, который был при советской власти...», но при этом не даем оценку, замечателен он был или не замечателен. И мы говорим: «До конца довести начатое в 90-е годы, сделать настоящую капиталистическую экономику...» «Настоящую капиталистическую экономику» хотят сделать 41%. Вы понимаете значение этой цифры? Мы приводим абсолютно верные цифры. Вы меня слышите – в том числе и те, кто причастен к власти? Вы слышите? Вам в предвыборный год кто-нибудь, кроме нас, это может сказать? Никто. Потому что одни побоятся, а другие не знают.

Итак, 53% хотят вернуться к тому экономическому и социальному порядку, который был при советской власти, имея в виде альтернативы «построение настоящей капиталистической экономики».

На следующий вопрос дан очень интересный ответ, с точки зрения морального климата в обществе, обнадеживающий. Вопрос задан так (рис. 16):

Какое государство, по Вашему мнению, будет развиваться наилучшим образом, какой способ развития Вам больше нравится?

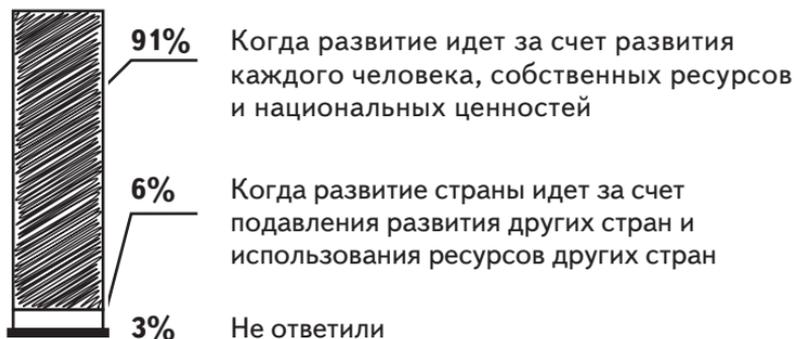

Рис. 16

Ну, казалось бы, вот этот национализм агрессивный должен говорить: «Да, всех будем грабить, только для себя...»

Сколько процентов говорит, что нужно развиваться за счет развития каждого человека, собственных ресурсов и национальных ценностей? 91%! Но когда 91% говорит так, то грабить не хочет никто, кроме отдельных «высокопродвинутых» полудурков.

Это называется абсолютное большинство, это уже те данные, в которых дальше социологически разбираться невозможно, потому что когда все заодно, то дальше социология отдыхает.

Дальше следует такой вопрос (рис.17):

Каково должно быть, с Вашей точки зрения, отношение граждан к стране, государству и обществу?

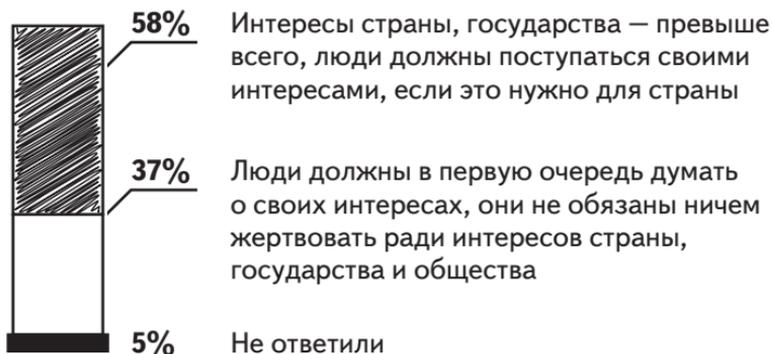

Рис. 17

Ответы такие: 58% говорят, что *«интересы страны, государства – превыше всего, люди должны поступаться своими интересами, если нужно стране»*, 37% – что *«люди должны в первую очередь думать о своих интересах, они не обязаны ничем жертвовать ради интересов страны, государства и общества»*.

В следующем опросе мы спросим, какими интересами готовы поступиться. И до какой степени. Но уже понятно, что весьма существенное большинство – 58% – говорит о том, что интересы страны, государства превыше всего и люди должны поступаться своими интересами, если это нужно для страны. Либеральная пропаганда надрывалась с тем, чтобы сказать, что *«люди должны в первую очередь думать о своих интересах и не надо, не надо, не надо жертвовать»*. Она надрывалась – вот пусть теперь уползает с арены, как побитая собака, хотя, конечно, 37% – это еще существенный кластер, его достаточно, чтобы установить любую диктатуру.

Следующий вопрос (рис. 18):

Существуют разные мнения о том, почему программа десоветизации так остро встала в повестку дня именно сейчас. С каким из мнений, перечисленных ниже, Вы согласны в наибольшей степени?

Рис. 18

«Десоветизация нужна именно сейчас, потому что политикам больше нечего сказать народу, а год предвыборный – это просто способ ведения предвыборной кампании» – 36%. Огромное количество.

«Десоветизация нужна нашим „друзьям“ за рубежом, которые хотят пересмотреть итоги Второй мировой войны и перевести СССР из числа победителей в число виновников войны» – 27%.

Сложите вместе тех, кто говорит, что дураят, блажат идиоты-политтехнологи, и тех, кто говорит, что это делают враги. Это сколько будет? Это будет 63%.

«Десоветизация нужна потому, что она требует больших денег (на установку памятников, создание мемориалов и т. д.), которые чиновники хотят „распилить“» – 11%.

Сложите 63% и 11% – это уже 74%.

5% никак не ответили на вопрос.

И 21% считает, что *«десоветизация нужна именно сейчас, потому что без нее невозможно модернизировать сознание людей, что необходимо для объявленной Д. Медведевым модернизации в стране».*

Если 21% отвечает так – «для модернизации она нужна», а все остальные отвечают – для «распила», для подрыва национальных интересов и для пиара, то это значит, что с одной стороны – 26% (к 21% приплюсуем 5% никак не ответивших), а с другой – 74%: 36% – за то, что это пиар, 27% – за то, что это подрывная деятельность, и 11% – за то, что это «распил».

Впечатляет? Меня впечатляет.

Далее (рис. 19):

Нынешняя десоветизация – уже вторая на нашей памяти. Первая волна десоветизации прошла в 1985–1991 гг. во времена так называемой горбачевской перестройки. Тогда десоветизация закончилась распадом СССР. Не кажется ли Вам, что осуществление программы десоветизации сейчас так же может завершиться распадом Российской Федерации?

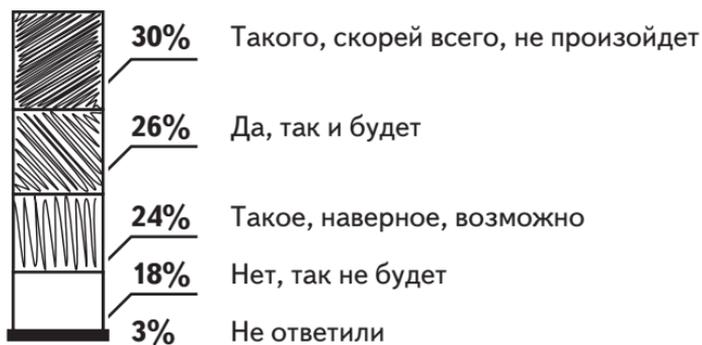

Рис. 19

Ответы:

«*Такое, наверное, возможно*» – 24%.

«*Да, так и будет*» – 26%.

Сумма сколько? – 50%. Половина страны говорит или «да, так и будет», или «это возможно».

«*Такого, скорей всего, не произойдет*» – 30%.

50% и 30% – это 80%.

«*Нет, так не будет*» – 18%.

Оставшиеся 3% не знают, как отвечать.

Теперь следующее. Мы по-разному варьируем одно и то же, проверяя самих себя, проверяя, понимаете? Мы не подтасовываем, не занимаемся пропагандой, мы сами хотим проверить степень переориентации общества, уровень поворота общества в другую сторону, степень формирования того, что называется большим новым нарративом.

Еще один вопрос (рис. 20):

Рано или поздно, но современной России придется определить свое отношение к СССР – у страны не может быть позади «черная дыра» длиной в 70 лет. Как, по Вашему мнению, нужно поступить России (российской власти) в отношении советского периода нашей истории?

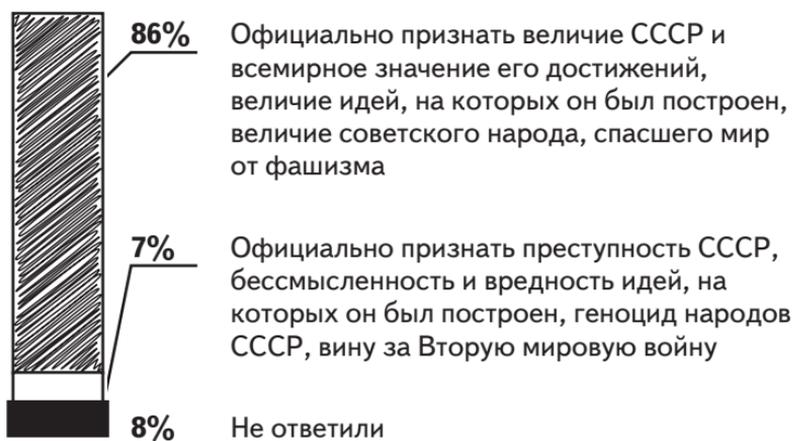

Рис. 20

Ответы:

«Официально признать величие СССР и всемирное значение его достижений, величие идей, на которых он был построен, величие советского народа, спасшего мир от фашизма». Как вы думаете, сколько процентов? – 86!

И 7% – *«Официально признать преступность СССР, бессмысленность и вредность идей, на которых он был построен, геноцид народов СССР, вину за Вторую мировую войну».* 7%!

И когда всякие там полусоциологи начинают ахать: «Да кто же это говорил, да разве так было?» – ну, извините, мы внимательно разобрали те документы, которые были предложены Советом по правам человека и гражданскому обществу. Там было сказано именно так. Именно так.

8% не ответили.

Следующий вопрос (рис. 21):

В 1991 г. СССР распался вопреки желанию большинства советских людей, выраженному на всенародном референдуме в марте того же года. Как Вы думаете, почему люди тогда не протестовали против беловежских соглашений, почему не вышли на улицы?

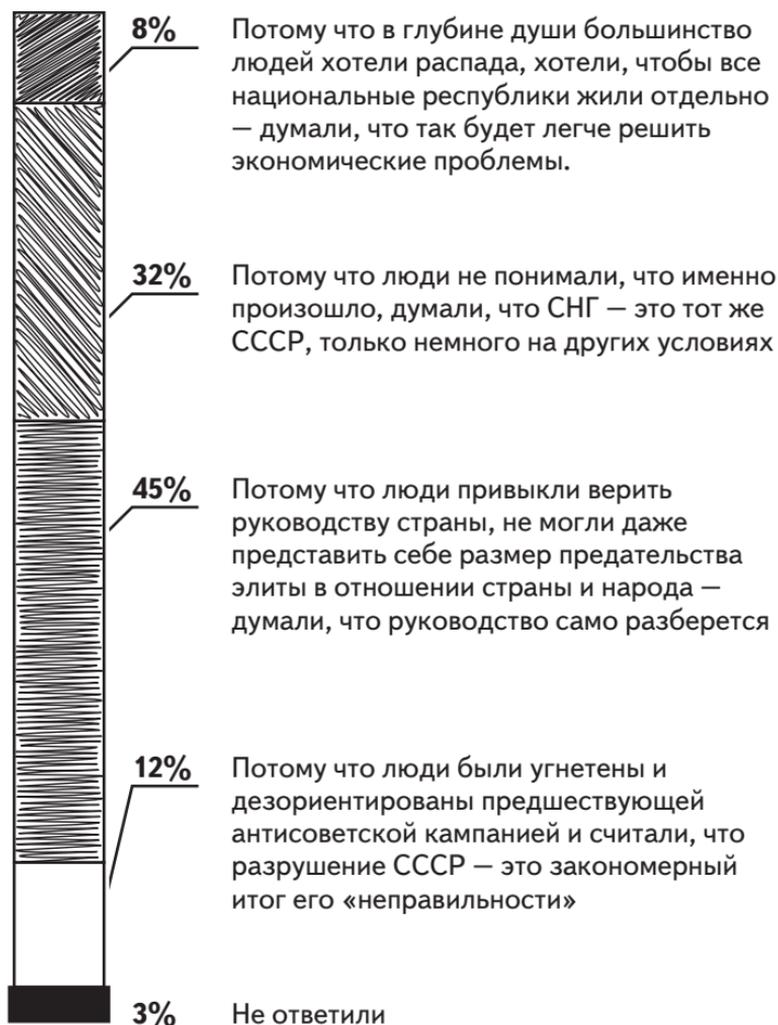

Рис. 21

Это важнейший вопрос. Ответы:

«Потому что люди не понимали, что произошло, думали, что СНГ – это тот же СССР, только немного на других условиях» – 32%.

«Потому что люди привыкли верить руководству страны, не могли даже представить себе размер предательства элиты в отношении страны и народа – думали, что руководство разберется» – 45%.

Сумма сколько? – 77%.

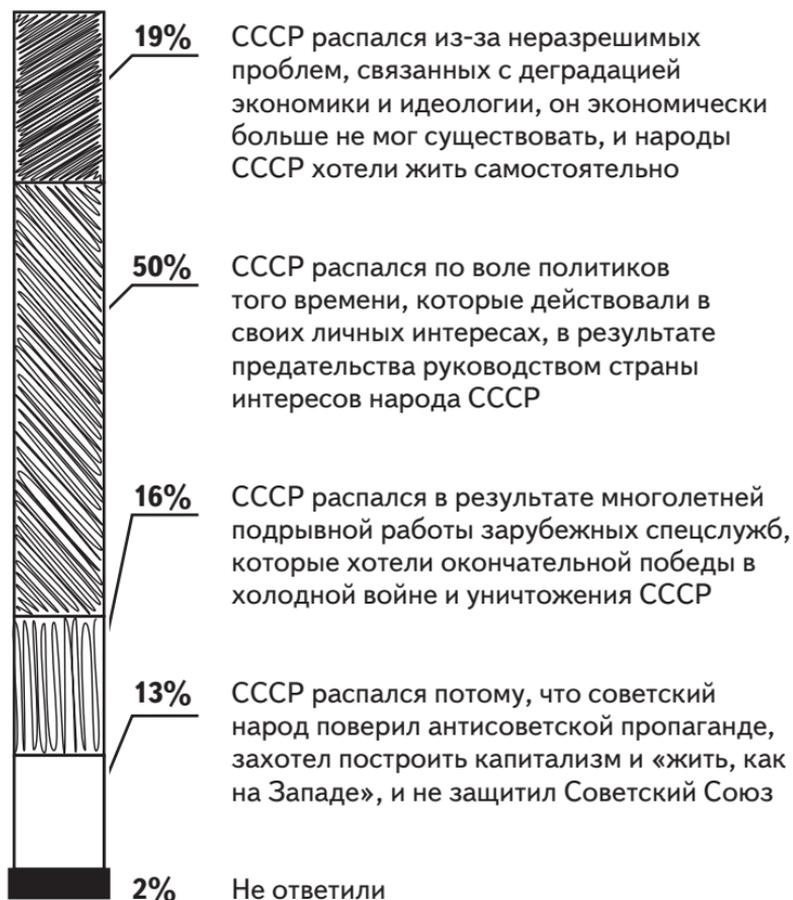
«Потому что в глубине души большинство людей хотели распада, хотели, чтобы все национальные республики жили отдельно, – думали, что так будет легче решить экономические проблемы» – 8%.

«Потому что люди были угнетены и дезориентированы предшествующей антисоветской кампанией и считали, что разрушение СССР – это закономерный итог его „неправильности“» – 12%.

Ну, извините. Мы иначе ставим вопросы, иначе все дифференцируем, но получается-то все то же самое. Уже начинаю, забегая вперед, – я надеюсь, что на летней школе это будет продолжено просто в гораздо большем объеме, – осмысливать данные. Потому что обычно называют две причины: одну – что не понимали, а другую – что верили руководству. Что нужно сделать, чтобы не распалась Россия? Чтобы никогда больше никто не говорил, что не понимает (это задача наша, это задача настоящей интеллектуальной пропаганды), и чтобы слепая вера уступила место аналитике как новой идеологии общества. Если даже не идеологии, то фундамента идеологии. Так еще не было в мире, но никто и не «залетал» так, как мы, поэтому полноценная аналитика должна стать фундаментом идеологии. И мы добьемся, чтобы понимали и верили себе, а не другим.

Еще вопрос (рис. 22):

Как Вы думаете, почему все-таки распался Советский Союз, в чем была главная причина, которая привела к гибели СССР?

Ответы:

«СССР распался по воле политиков того времени, которые действовали в своих личных интересах в результате предательства руководством страны интересов народа СССР» – 50%.

«СССР распался в результате многолетней подрывной работы зарубежных спецслужб, которые хотели окончательной победы в холодной войне и уничтожения СССР» – 16%.

«СССР распался, потому что советский народ поверил антисоветской пропаганде, захотел построить капитализм и „жить, как на Западе“ и не защитил Советский Союз» – 13%.

«СССР распался из-за неразрешимых проблем, связанных с деградацией экономики и идеологии, он экономически больше не мог существовать, и народы СССР хотели жить самостоятельно» – 19%.

Это большой сегмент. Но это опять 79% против 19% (поскольку около 2% не ответили). 70% – это 50% («предательство руководства»), плюс 16% («подрывная деятельность спецслужб»), плюс 13% («доверчивость населения»). Мы понимаем, что действительно было и то, и другое, и третье.

Дальше идет вопрос колоссальной важности (рис. 23):

Если бы мы с помощью какого-нибудь волшебства или машины времени сейчас перенеслись в 1991 г., зная все то, что произошло со страной и с нами за прошедшие 20 лет, то стали бы Вы лично открыто протестовать против распада СССР?

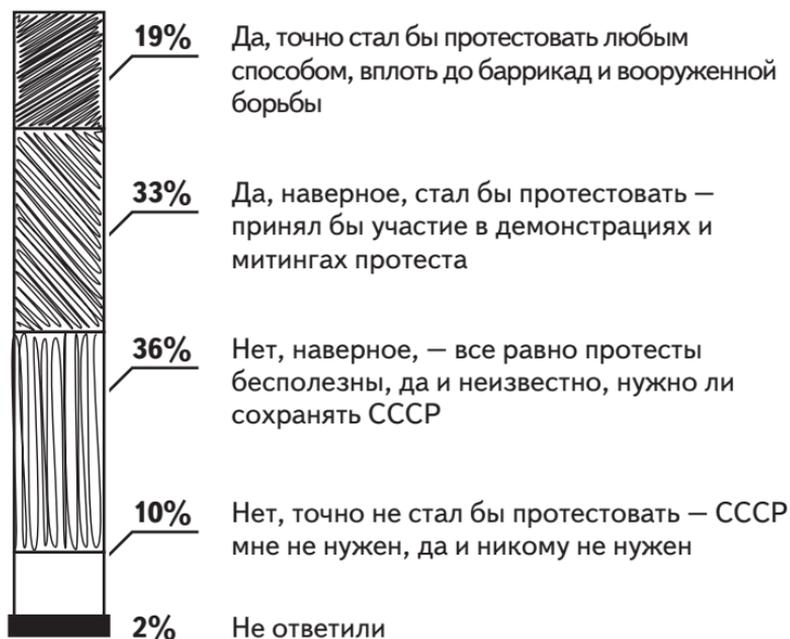

Рис. 23

Ответы.

«Да, наверное, стал бы протестовать – принял бы участие в демонстрациях и митингах протеста» – 33%.

«Да, точно стал бы протестовать любым способом, вплоть до баррикад и вооруженной борьбы» – 19%.

Все мои эксперты говорят, что они не помнят общества, в котором (это же мы ставим так вопрос: «Да, точно стал бы протестовать любым способом, вплоть до баррикад и вооруженной борьбы») 19% ответили бы, что стали бы протестовать вплоть до вооруженной борьбы.

«Нет, точно не стал бы протестовать – СССР мне не нужен» – 10%.

«Нет, наверное, все равно протесты бесполезны, да и неизвестно, нужно ли сохранять СССР» – 36%.

Большинство населения уже по советскую сторону баррикад. Но еще важнее, что 19% заявляют, что они готовы бы были защищать СССР вплоть до вооруженной борьбы. Это беспрецедентная цифра. И вы понимаете, что она такой еще 5–7 лет назад не была.

Следующий вопрос (рис. 24):

Как мы все знаем, все на свете имеет свою цену. Представим себе, что всем гражданам России гарантировали, что они будут жить, как на Западе – по уровню жизни, по уровню демократических свобод и уровню безопасности, но за это придется заплатить распад Российской Федерации на множество независимых государств (например, на 50 стран на Северном Кавказе, Татарстан, Якутию, Башкирию, Дальний Восток, Сибирь, Чувашию, Удмуртию, Казакию на Юге, Поволжье, Поморье и центрально-европейскую часть со столицей в Москве, которая и будет называться «Россией»), то согласились бы вы лично на такой «обмен»?

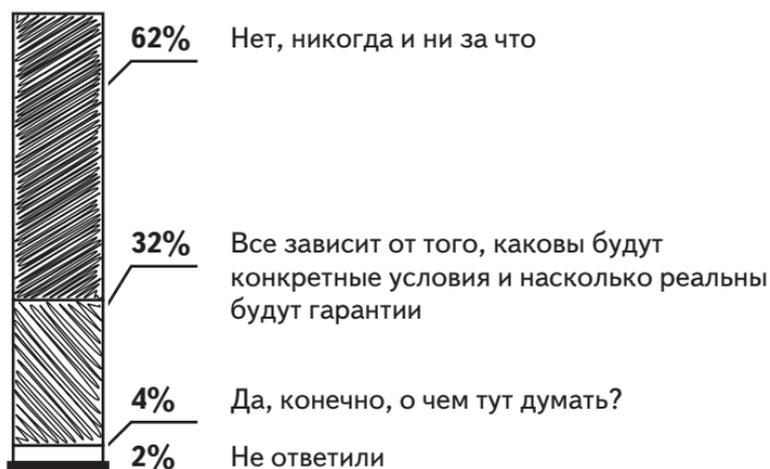

Рис. 24

Вы понимаете, что отвечают полуголодные люди?

Вот, у вас будет «всё в шоколаде», как на Западе. Страна при этом рассыплется, но вы будете жить гораздо лучше, причем не только материально. Согласны Вы на такой «обмен» или нет?

Сколько процентов говорит, что *«нет, никогда и ни за что»*? – 62%!

Господа-добыватели России и специалисты по мутациям русского духа, поезжайте с вашей профессией в другие места!

32% говорит: *«Все зависит от того, каковы будут конкретные условия и насколько реальны будут гарантии»*. То есть 32% хочет.

4% говорит: *«Да, конечно, о чем тут думать»*.

И 2% – не отвечают.

Я вовсе не хочу сказать, что наше общество, как Спарта, на все готово и триумфально заряжено страстью по государственности. Люди замученные, замызганные. Государство ведет себя с ними чудовищно, оно высасывает из них последние соки, оно им хамит. Оно проводит чудовищную культурную, образовательную и прочую политику. Но большинство говорит, что если мы заживем лучше, но не будет России, то мы этого категорически не хотим. Позже будет показано, что они говорят и нечто большее, и их 62%. Это не простое большинство. Это решающее большинство. Это большой перевес.

Следующий вопрос (рис. 25):

А если бы Вы вдруг завтра узнали, что в результате сговора политиков и спецслужб уже подписан документ, согласно которому Российская Федерация перестает существовать, а вместо нее образуется Федерация Независимых Республик, а Вы теперь не гражданин России, а гражданин одной из этих «независимых республик», то что бы Вы стали делать?

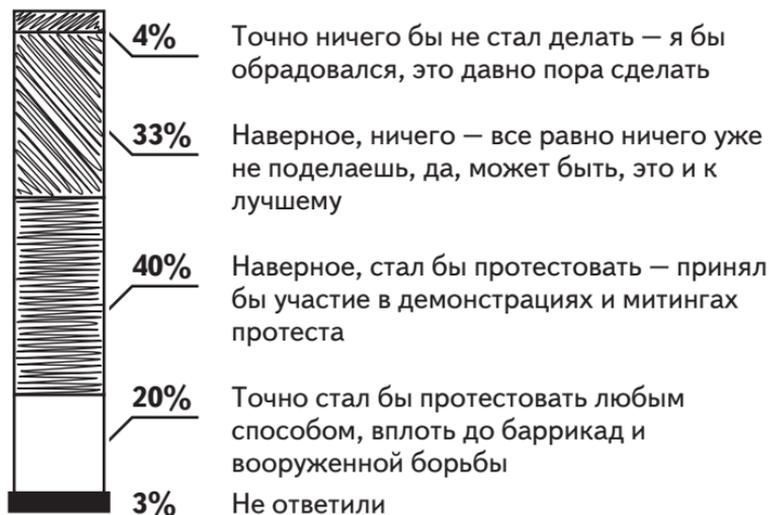

Рис. 25

«Наверное, стал бы протестовать – принял бы участие в демонстрациях и митингах протеста» – 40%.

«Точно стал бы протестовать любым способом, вплоть до баррикад и вооруженной борьбы» – 20%. Вы слышите? – 20%. В сумме – 60%.

«Наверное, ничего – все равно ничего уже не поделаешь, да, может быть, это и к лучшему» – 33%.

«Точно ничего бы не стал делать – я бы обрадовался» – 4%. Вот это и есть либероиды. Или то, что они пытаются подтянуть под себя.

Далее (рис. 26):

Как Вы думаете, какая часть Ваших родственников, друзей и знакомых, людей, с которыми Вы общаетесь, испытывает в той или иной мере ностальгию по СССР, думает о Советском Союзе с теплотой?

Средняя оценка по выборке в целом —

52,9%

Рис. 26

Средний человек опрашиваемый говорит, что больше половины его друзей и знакомых тоскуют по Советскому Союзу – 52,9%.

Дальше (рис. 27):

Сейчас, как известно, довольно сильно распространена ностальгия по СССР — все больше людей говорят и думают о Советском Союзе только хорошее. Как Вы думаете, чем вызвана эта ностальгия?

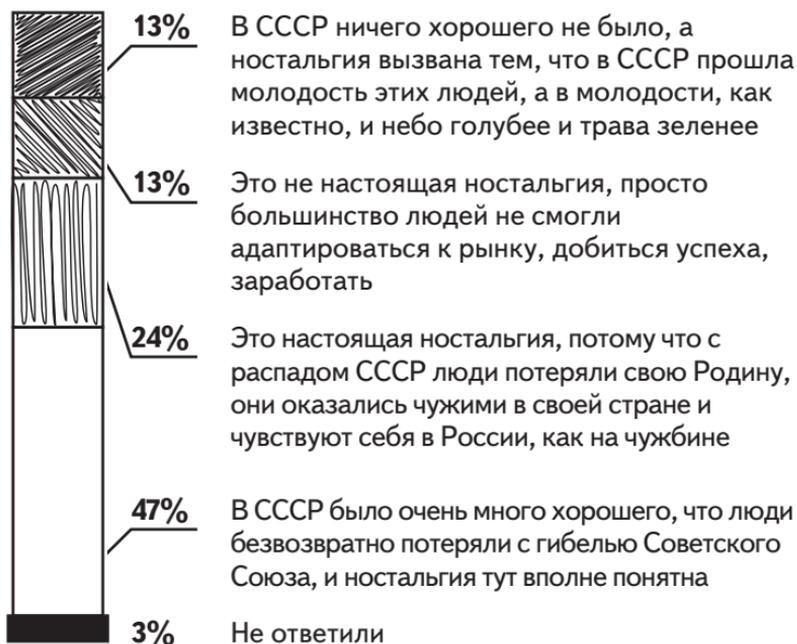

Рис. 27

Первый, главный кластер: «В СССР было очень много хорошего, что люди безвозвратно потеряли с гибелью Советского Союза, ностальгия тут вполне понятна» – 47 %.

«Это настоящая ностальгия, потому что с распадом СССР люди потеряли свою Родину, они оказались чужими в своей стране и чувствуют себя в России, как на чужбине» – 24%.

Сложите цифры – 71%.

«Это не настоящая ностальгия, просто большинство людей не смогли адаптироваться к рынку, добиться успеха, заработать» – 13%.

«В СССР ничего хорошего не было, а ностальгия вызвана тем, что в СССР прошла молодость этих людей, а в молодости и небо голубее, и трава зеленее» – 13%.

3% не ответили.

Это не называется смена большого нарратива? Двадцать лет ломали хребет. Уже стихами заговорил:

*Двадцать лет
Ломали хребет...*

Следующий вопрос (рис. 28):

Как Вы думаете, какие духовные потери, связанные с гибелью Советского Союза, наиболее болезненны для людей, а о чем они совсем не жалеют? Что из того, что мы потеряли вместе с СССР, важно для большинства людей, а что – нет?

- Да, это огромная потеря, все жалеют
- Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного
- Нет, об этом никто не жалеет
- Такого никогда и не было, это – миф
- Не ответили

Рис. 28

Первый показатель: **«Потеря чувства уверенности в завтрашнем дне – понимания, что будет мир, всегда будет работа, крыша над головой, возможность нормально жить, растить детей»** (рис. 28.1).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 68%.

«Может, кто и жалеет об этом, но их немного» – 21%.

«Такого никогда не было, это – миф» – 6%.

«Об этом никто не жалеет» – 2%.

Не ответили – 3%.

Итак, 68% считают, что это потеря.

Рис. 28.1

Второй показатель: **«Исчезновение культа труда и творческого отношения к любому делу – который реально поддерживался государством»** (рис. 28.2).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 54%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 30%.

«Такого никогда и не было, это – миф» – 7%.

«Об это никто не жалеет» – 5%.

4% не ответили.

Рис. 28.2

Третий показатель: **«Утрата чувства гордости за свою великую страну – самую прогрессивную и справедливую страну мира, страну, спасиющую мир от фашизма»** (рис. 28.3).

Как вы думаете, сколько процентов жалеют об этой утрате?

«Да, это огромная потеря» – 73%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 17%.

«Такого никогда не было» – 4%.

«Об этом никто не жалеет» – 2%.

Не ответили – 4%.

Рис. 28.3

Четвертый показатель: **«Потеря осмысленности собственного существования – участия в великом деле всемирного значения: строительстве справедливого общества»** (рис. 28.4).

«Огромная потеря» – 45%. Это уже просто про коммунизм.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 34%.

«Такого никогда не было, это – миф» – 10%.

«Никто об этом не жалеет» – 7%.

Не ответили – 4%.

Обращаю ваше внимание, что кластер: «Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – это не кластер, в котором говорится, что этого не было.

Рис. 28.4

Пятый показатель: **«Потеря чувства реального братства и общности со всеми людьми и народами СССР, когда в любом уголке страны человек чувствовал, что он среди своих, как дома»** (рис. 28.5).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 63%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 22%.

«Такого никогда и не было, это – миф» – 8%.

«Нет, об этом никто не жалеет» – 3%.

Не ответили – 4%.

Рис. 28.5

Шестой показатель: **«Исчезновение культа знаний и науки, благодаря которым СССР добился колоссальных успехов во всех сферах жизни»** (рис. 28.6).

Знаете, какая часть населения считает, что это *огромная потеря*? 71%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 17%.

А дальше опять: 5% считают, что это миф, а 3% – что никто об этом не жалеет. 4% не ответили.

Рис. 28.6

Седьмой показатель: **«Утрата ощущения равенства всех граждан страны: тогда было реальное равенство возможностей для развития и профессионального роста людей и отсутствовало то колоссальное расслоение, которое есть сейчас»** (рис. 28.7).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 62%.

«Может, кто-то и жалеет, но таких немного» – 20%.

«Такого никогда не было, это – миф» – 11%.

«Об этом никто не жалеет» – 3%.

Не ответили – 4%.

Рис. 28.7

Восьмой показатель: **«Потеря чувства причастности к великим свершениям и важным для всего человечества – таким, как покорение космоса, освоение мирного атома, Арктики, создание передовой науки и великого искусства, лучшей в мире системы образования и здравоохранения»** (рис. 28.8).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 63%.

«Может, кто-то жалеет, но их немного» – 24%.

«Нет, об этом никто не жалеет» – 5%.

«Такого никогда не было, это – миф» – 4%.

Не ответили – 4%.

Рис. 28.8

Дальше – интересное: данные, говорящие о том, насколько все многозначно (девятый показатель). **«Потеря репутации страны-защитницы угнетенных народов во всем мире, помогавшей странам избавиться от колониального гнета – и приобретение репутации страны, предавшей интересы своих друзей и союзников»** (рис. 28.9).

«Это огромная потеря, все жалеют» – 46%. Это тоже много, да? Но это – не за помощь Кубе и Анголе.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 31%.

«Такого не было, это – миф» – 9%.

«Об этом никто не жалеет» – 9%.

5% не ответили.

Рис. 28.9

Десятый показатель: **«Утрата ощущения, что ты хозяин своей судьбы – в СССР не было эксплуатации человека человеком, человек был хозяином своего труда, каждый мог рассчитывать своим трудом и способностями достичь любых высот»** (рис. 28.10).

«Огромная потеря», – говорят больше половины опрошенных: 54%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 22%.

«Такого никогда не было, это – миф» – 16%.

«Об этом никто не жалеет» – 5%.

3% не ответили.

Рис. 28.10

Одиннадцатый показатель: **«Потеря ощущения безопасности, защищенности – когда маленькие дети могли гулять спокойно одни, подросткам не угрожала наркомания, уровень преступности был низким, терроризм был за границей»** (рис. 28.11).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 79%.

«Такого никогда и не было, это – миф» – 7%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 9%.

«Об этом никто не жалеет» – 2%.

Не ответили – 3%.

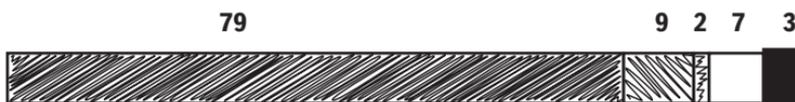

Рис. 28.11

Двенадцатый показатель: **«Утрата авторитета страны в мире, потеря самостоятельной внешнеполитической роли, роли и влияния в международных отношениях»** (рис. 28.12).

«Да, это огромная потеря, все жалеют» – 66%.

«Может, кто-то и жалеет об этом, но их немного» – 20%.

«Такого никогда и не было, это – миф» – 7%.

«Нет, об этом никто не жалеет» – 3%.

Не ответили – 4%.

Рис. 28.12

Я ознакомил вас очень вкратце с огромными результатами.

Во-первых, поздравляю всех с тем, что вообще удалось добыть эти результаты.

Во-вторых, поздравляю с тем, что это еще не все результаты – мы добыли гораздо больше результатов. И мы будем знакомить с ними тех, кто вместе с нами их добывал. Будем знакомить с ними тех, для кого это станет оружием действия.

И, наконец, я поздравляю всех с тем, что хотя наше общество и очень проблемное, но оно уже такое. И наша задача заключается в том, чтобы оно еще и еще сдвигалось в ту сторону, которая выведет нас из нынешнего колониально-криминального омерзительного состояния, несовместимого с жизнью страны.

Наконец-то это уже понимает большинство населения.

2 августа 2011 года

Выпуск №27

В предыдущей передаче я очень бегло обсудил полученные нами, с моей точки зрения, бесценные результаты по состоянию общества во всем, что касается советскости и антисоветскости, державности и того, что называют «потреблятством». Мы увидели некую картину, очень важную.

Это работа. Эту работу сделало огромное количество людей. Они затратили на нее много сил. И, как они теперь сами видят, они затратили их не зря. Если они хотят иметь карту и компас и двигаться вперед к своим целям, понимая, в какой стране они живут и каковы проблемы страны, то нужны такие исследования. Они стали более зрячими, чем были. Они сейчас знают больше, говорить могут по-другому, думать могут о стране иначе. Они ее видят. Они видят не только что-то окрест себя. Они видят страну с высоты птичьего полета. И они теперь уже, на основе этого второго социологического опроса, довольно глубоко могут проникнуть в суть происходящего.

Пока что я только описывал результаты. Тут же можно строить модели, тут можно проводить многомерный анализ, тут очень много всего.

Еще раз поздравляю всех и хочу сказать, что за эти месяцы, когда мы создали свою молодую организацию, которой нет еще года, которая не должна еще, по человеческим меркам, ходить

и разговаривать, мы уже осуществили больше действий, чем многие другие осуществили за годы. Но это не значит, что мы должны почивать на лаврах.

Потом будут еще другие опросы. Сейчас же мы предлагаем сделать следующее. В определенный день (он будет объявлен) всем членам организации (подчеркиваю, ВСЕМ – не так, как я говорил по поводу других наших проектов: кому-то – да, кому-то – нет, хотите – да, хотите – нет, а ВСЕМ членам нашей организации) обзавестись фотоаппаратом – своим, или попросить у соседа, или осуществить это с помощью мобильного – и сделать несколько фотографий на тему «Регресс. 20 лет без СССР». Таких, каких вы хотите. У себя на местах. Самых ярких, которые вы можете. Проявите творческий подход. Это у вас займет даже не несколько дней, а буквально несколько часов – столько, сколько захотите. Это может сделать каждый. Если вы не хотите делать даже этого, это не членство в организации. Нам нужна организация тех, кто будет действовать.

Что мы дальше сделаем? Эти фотографии в определенном формате будут размещены на сайте (сейчас бескорыстно работает огромная группа людей, они готовят сайт, который сможет принять эти фотографии). И у нас будет колоссальная интернет-выставка «20 лет без СССР». Мы планируем альбомы, передвижные выставки, все вы можете делать региональные выставки. Мы просим каждого из вас подумать, что еще с этим можно сделать. Но самое главное сейчас – это сделать. Говоришь-говоришь: «Регресс, регресс. Регресс, регресс...» – никто не понимает. Нужны образы. Давайте сейчас создадим гигантский банк образов.

Каждый человек обладает творческой фантазией и талантом. Это работа сразу для всех. И это работа, которая в каждом из вас актуализирует художественно-творческое начало и одновременно политическое. Давайте! День мы назовем. Просим принять в этом участие всех, потому что мы понимаем свою организацию как организацию действия. В этом смысле, еще раз, выражая благодарность тем, кто довел до конца социологическую работу, я хочу обратить внимание

членов нашей организации на то, что браться за работу и бросать ее посередине – это не то, что нужно.

Я когда-то сказал, что если люди год просуществуют в организации полноценно, то они сами будут дальше понимать, что за этот год они стали другими. Я не говорил, что, если они будут валяться на диване, они станут другими. Или если они будут браться за дело и его бросать.

Мы сейчас готовим летнюю школу. Поразительно, что ко мне начали обращаться люди, имеющие вес в нашем обществе, чьи родственники хотят попасть на школу. Школу мы проводим в очень аскетичных условиях. Я отвечаю раз за разом, что «только по делам, только по мере человеческой активности»... Школа для активистов. Но еще раз обращаюсь ко всем: если люди подали заявку, сказали, что приедут, и не приедут, это не есть то, что мы считаем нормой деятельности в нашей организации.

Итак, следующее крупное действие для всех – уже после школы, результаты работы которой тоже будут обсуждать все... Люди приедут из всех регионов и смогут дальше обсуждать результаты. Мы делаем школу для того, чтобы получить результаты. Для действия, понимаете? Не для того, чтобы развлечь людей, или вместе провести время, или даже познакомить их друг с другом. Там предстоит пахать, пахать и пахать, чтобы двинуться еще вперед. И мы все время будем требовать действия, продвижения вперед. Хотите действовать? Милости просим! И чем больше по объему и качеству действий вы будете осуществлять, тем больше вам будет предоставлено возможностей.

Через несколько месяцев мы кардинально поменяем интернет-пространство к лучшему. Мы постараемся предоставить там всем огромные возможности. Но поймите же и вы нас. Мы благодарны каждому, кто нас смотрит, но это не называется «членство в организации». Мы благодарны каждому, кто хоть как-то реагирует на просмотренное. Мы благодарны всем, кто нас критикует. Мы благодарны даже тем, кто нас ругает, потому что это значит, что они нас смотрят и обсуждают нас, а не идут в порно клуб или пивбар. Мы всем

благодарны и ни на кого не в обиде. Но и обратная обида не может иметь место, понимаете?

Если уже есть тысячи людей, которые определились и хотят говорить между собой о том, с чем они определились, то они имеют право в своей среде разговаривать по своей повестке дня.

А те, кто сомневается, это замечательные люди. Мы их очень уважаем (вместе это называется «сомневающиеся» или «критикующие»)...

Но когда и те, и другие собираются в одном пространстве и людям, которые для себя уже все решили, много сделали, хотят сделать больше, вдруг говорят: «Надо еще подумать, а давайте-ка вместе...» – они отвечают: «Старик, ну, о чем мне с тобой думать?»

Есть замечательный фильм «Хождение по мукам», когда актер, прекрасно играющий Телегина, говорит Ивану Горе (этот актер как раз играет хуже, но тоже неплохо)... Иван Гора – это такой рабочий, который стал деятелем гражданской войны и революции, а Телегин – такой сомневающийся военный интеллигент. Идет гражданская война, Гора мечется, управляет какими-то процессами. А Телегин помнит, как он с ним разговаривал, Гора когда-то был интеллектуальный рабочий, Телегин очень ценил его народную мудрость. И вот когда этот сомневающийся интеллигент вдруг говорит Ивану Горе, который уже весь в революции и гражданской войне: «Иван, ну, куда ты опять торопишься? Ну, давай посидим, поговорим» – Иван ему отвечает: «Чудак ты, парень! Ну, есть у меня сейчас время с тобой разговаривать?!»

Я-то как раз, в отличие от Ивана Горы, считаю, что время всегда есть. И что разговаривать безумно важно. Но нужно просто многомерное пространство, многосекторное, много-сегментное, в котором найдется место для всего: и для разговоров, и для действия, и для людей, которые все уже для себя решили и идут вперед, и для людей, которые колеблются, и так далее. Для всех.

Но это не значит, что мы не понимаем, как должна выглядеть организация, которая может стать рычагом, перево-

рачивающим Россию. Мы прекрасно понимаем, что это такое. Мы прекрасно понимаем, что такая организация – это не тусняк. Это нечто совсем другое. Вся проблема современной России как раз и заключается в том, что большинство людей чувствует стремление вернуться к советскому (это даже не настроение, люди достаточно последовательно выражают свою позицию, отвечая на один вопрос за другим), что вот эта вот общая устремленность есть, но когерентности нет. А все, на что может рассчитывать противник, что среди этих 70–75–80% (которых совершенно достаточно, как, честно говоря, и 60%, для того чтобы общество повернуть в другую сторону и действительно все процессы повернуть в другую сторону) будут разброд и шатание; что там будут какие-то комплексы; что там-то и поселится регресс; что там-то и удастся свести все к малодушию, неуверенности, сомнениям и всему, чему угодно.

Нам-то по большому счету не так важно любой ценой завлечь побольше народу и каким-то образом в этом большом количестве людей какую-нибудь политическую сагу сочинить. Нам важно изменить общество – сделать так, чтобы то, что сейчас является настроением, стало намерением; то, что является намерением, стало волевым импульсом; то, что является волевым импульсом, стало страстью.

Политика – это действительно управление общественной энергией. Но то, что нам нужно сегодня, то, что России нужно сегодня, может быть, впервые, это действие по изменению качества и количества энергии. Не по управлению только имеющейся энергией, а по изменению качества и количества этой энергии. Впервые в истории мира и впервые в истории России метафизика (а именно она занимается изменением качества энергии и ее количества), духовная деятельность, политико-культурная деятельность становятся политикой в чистом виде.

От эффективности этой деятельности зависит судьба страны. Борьба за качество энергии является сегодня решающим фронтом политической войны. Война идет в высшем, смысловом измерении. Это – война.

Потому что если энергия будет полуживотная, то даже если направленность этой энергии нас устроит, то ее качество скорее сметет страну, чем решит поставленные задачи. И противнику безумно нужно навязать этой энергии самое низкое качество, низвести ее к рефлексу, к звериному импульсу, может быть, и справедливому, по большому счету, но максимально непросветленному, лишенному смысла, физиологизированному.

Я прекрасно понимаю, как много сейчас сделано для того, чтобы кавказская тема, северокавказская, которую так любят у нас некоторые националисты-уменьшители, была популярна.

То, как ведут себя представители северокавказской элиты в Москве, других местах, все эти Кондопоги и многое другое, конечно же, возмущает людей, причем возмущает их справедливо. Создаются определенные обоснованные настроения по принципу «анти».

Что дальше делают те, кто хочет использовать эти настроения во зло? Они оседлывают эти настроения, максимально физиологизируют их, сводят это все к голому рефлексу, нагнетают температуру, опрощают, вызверивают эту энергию... И дальше они (поскольку эта энергия бессмысленна) говорят: «Ты же это все ненавидишь?» – «Да!» – «Ну, тогда давай это все отделим, расчленим!»

Вот это «ну, тогда давай» говорит некий имярек, в данном случае, мой оппонент, а честно говоря, и враг... Этот враг энергию не просветляет, а, наоборот, всячески засоряет всем, чем угодно, делает ее максимально темной. «Отемнивает» – нет такого слова в русском языке, да? «Затемняет» – тоже неправильно... Он ее делает максимально темной, мутной, грязной, примитивной. Он в этом состоянии дает ей некий накал... Тот, кто находится в этом состоянии, думать уже не может вообще. И тогда ему предлагают нечто, что автоматически выполняется.

Результатом оказывается чудовищное усугубление всего того, против чего выступает такой манипулятор. Запомним это слово – «манипулятор». Манипулятор так вот и выступает.

Задача вообще состоит в следующем.

Вам что-то не нравится. Приходит манипулятор и начинает ярко ругать то, что вам не нравится. Вы создаете мост, дугу рефлекса между собой и ругателем: вам не нравится, а он очень ярко ругает. Когда возникла эта дуга, он получает возможность определенным образом манипулировать вашим сознанием, то есть предлагать вам рецепты, схемы, подходы, интерпретационные модели и так далее, которые приводят вас к искомому для него и гибельному для вас результату. Вот что такое манипуляция. Причем иногда это доходит до абсолютного безумия. Абсолютного.

Ну, вот у нас есть паразиты. Какие-то там... не знаю... в Дагестане, например, паразиты: такой богач, и такой богач, и этот. У вас клещи, клопы на ноге, и эта ваша нога называется, предположим, Дагестан. Манипулятор говорит:

– Вот смотрите, какие клещи, как больно они сосут ...

– Да-а-а. Да, нам больно.

Он говорит:

– Давайте отрежем ногу...

– Подожди, а на руке другие клещи.

– Отрежем руку.

– А на другой ноге тоже эти клещи, клопы, паразиты!

– Отрежем другую ногу.

– А они и на животе! Что, тоже резать? А они и на голове...

– Да, все расчленим, и паразитов не будет!

Паразитов не будет – будут могильные черви. Того же генезиса, который тебе так не нравится! Что, это непонятно?

Вся страна – язва. Вся, куда ни ткни, – язва: в Москву ткни – язва, в Питер ткни – язва, в какую-нибудь Тмутаракань – язва, в Сибирь – язва, в Дальний Восток – язва, в Северный Кавказ...

Берется какая-нибудь точка, которую надо отчленить, и говорится:

– Вот здесь – 21 язва! Вот, вот, вот и вот...

– Подождите, но они же всюду! И что? Ну, есть язвы – так ты лечи язвы. Язвы лечи!

В переводе на политический язык это уже значит, что энергия начинает каким-то образом выходить из темного, дремучего состояния.

Страну жрет преступный класс – паразитариум вот этот, созданный за счет социокультурного шока (слома идентичности) и за счет ускоренного построения капитализма без всякого старта, только из преступников. Вот этот криминально-гедонистический монстр жрет страну. Он из страны вывез за 20 лет, как минимум, 2 триллиона долларов. Это как минимум. То есть со свистом вывозит по 100–200 миллиардов в год, да? И он ее жрет.

А они, манипуляторы, говорят:

– Нет, жрут кавказцы! А-а-а, вы хотите сказать, что они не жрут? А-а-а, вы холуи Рамзана Кадырова! А-а-а, вы ему, наверное, сами помогаете! А-а-а, вы хотите...

Я спрашиваю:

– Что, ее жрет только Кавказ? Ну, ее жрут кавказские «клопы», бурятские, удмуртские, русские et cetera. Клопов до фига. Зачем вы говорите про одних, если есть другие? Других меньше, что ли? Я не понимаю.

Задача заключается в том, чтобы:

– либо расколоть этот класс-паразит и заставить часть его (задача-минимум) работать созидательно;

– либо этот класс дожрет страну, и тогда надо будет его смести в посткатастрофический период;

– либо его можно будет смести в докатастрофический период.

Вот три варианта.

Это все аналогия с тем, что происходило с СССР.

Либо класс номенклатуры надо было расколоть, опереться на его относительно здоровую часть, чтобы она смела большую, и возможности тогда были. Я вот, кстати, очень сомневаюсь, что они сейчас есть. Я не вижу никаких симптомов в этом направлении. А тогда они были.

Либо, в конце концов, надо было смести этот класс. Но почему для этого надо было разрушить страну? И что, после того, как ее разрушили, номенклатуры стало меньше?

Чиновников стало меньше? Вы знаете, во сколько раз их больше? Вы знаете, во сколько раз их больше, чем в СССР, на душу населения? Их втрое больше. Они жируют меньше? Они жируют в 100 раз больше! Если это все развалится еще на 20 частей, их станет меньше или больше? Их станет еще больше! И они сожрут все до конца.

Какая связь между одним и другим? «В огороде бузина, в Киеве дядька». Но когда человек замыкает рефлекс, когда он орет: «Я ненавижу это, ненавижу», – ему вторят:

– Да, да. И я ненавижу. И я.

– Я ненавижу, ненавижу!

– И я ненавижу. И я ненавижу.

Создается вот эта гипнотическая суггестивная реакция, а потом:

– Давай сделаем вот это!

– Давай, давай, давай! Давай хоть что-нибудь сделаем. Давай, а то невыносимо.

Делается нечто, от чего становится в неизмеримое количество раз хуже. В неизмеримое.

– А почему? Опять...

– А потому что вот это, вот это, вот это...

– Да, да, да...

– Давай еще что-нибудь сделаем...

Вот это называется «мутная энергия» – энергия рефлексов. Наша задача заключается в том, чтобы вывести протестную энергию из нужного нашим противникам состояния. Не погасить ее, не канализировать пар в свисток. А изменить ее качество. Это, между прочим, всегда называлось привнесением идеологии в стихийный протест. Ради этого марксисты ходили в рабочий класс. Ради этого. Чтобы от воя, муки, рефлексов ненависти все это перешло в осознание. Чтобы исчезла слепота – та самая слепота, которая однажды погубила страну.

Политика не должна быть превращена в рефлекс. Теперь ее активно превращают (понятно, зачем – потому что надо разрушить страну)... Но ведь к этому-то все тоже свести нельзя...

Кому-то (умным) надо разрушать страну, манипулировать, и потому им нужна эта мутная энергия. А кто-то просто мутной энергии хочет, как кот валерьянки...

Начинаем обсуждать серьезную, живую, больную проблему. Очень острую. Очень опасную, связанную с убийством Юрия Буданова и тем, что началось вокруг этого убийства... Недавно появилась информация, что какая-то группировка «Риядус-Салихийн» взяла на себя ответственность за убийство Буданова.

Я специалист по контртерроризму, у меня вышло на эту тему достаточно много книг, я участвовал в международных конференциях, являюсь соучредителем мировой контртеррористической организации ИСТАС и так далее. Короче говоря, я в этом все-таки варюсь лет двадцать. И вот я вам говорю: когда в первые часы никто не берет на себя ответственность, то это дело мутное. А если кто-то берет на себя ответственность через месяц – это вообще ничего не значит. Кроме того, это тот самый случай, когда «мы говорим одно, а подразумеваем другое».

Вы про «Риядус-Салихийн» рассказываете продавщицам (я очень уважаю эту профессию), маникюрщицам и так далее. А людям, которые с этим работают, не рассказываете. Мы знаем, чем тут коннотат от денотата отличаются, а говоримое от подразумеваемого. Мы не дети.

Итак, кто именно убил Буданова – это вопрос, который я уже обсуждал и к которому не хочу возвращаться. Просто очень трогательно, когда вот так, по-детски, пытаются концы в воду прятать.

Не в этом дело. Дело в том, что возникла живая проблема. Живая. Шла эта контртеррористическая операция на своей территории. Она проводилась достаточно резко и должна была проводиться резко. Во-первых, потому, что иначе ее проводить не умели, во-вторых, потому, что это все было очень запущено, а в-третьих, просто потому, что это было так. В результате возникли издержки в виде человеческих судеб без вести пропавших. У них есть родственники. Это часть нашей территории. Мы что, должны им сказать:

«А ну, всем заткнуться, сидеть, лежать, молчать»? Мы просто сознательно там провоцируем взрыв? Или что мы хотим там делать?

Националисты, не националисты... Ермоловы, не Ермоловы... Так себя никто не ведет.

Начинаются запросы. Запросы попадают в руки органа: де-юре – общероссийского, а де-факто – чеченского. Это предоставляет данному органу возможность чинить суд и расправу по отношению к русским офицерам, преданно выполнившим свой долг в Чечне. Такая ситуация абсолютно недопустима. Но орать, что она недопустима: «Рягуйте, чеченцы идут сейчас всех резать! Точат ножи булатные, хотят меня зарезать!» – может, и станет истерик, желающий привлечь к себе внимание. Политик обязан говорить, что делать.

Что делать? Заткнуть рот тем, у кого без вести пропали родственники? А как это можно сделать (даже если этого хотеть)?

Значит, весь шквал этих обращений направится – куда? В международные суды. И кто энергию-то схватит эту и переключит на себя? Враг схватит и переключит на себя эту энергию. И мы наедемся по горло потом неприятностей не только международных, но и очень конкретно-политических.

Значит, с этим вопросом надо как-то разбираться. Как?

Нужно было давно всю чеченскую историю закрыть. Но ее надо закрыть так, как закрываются подобные страницы на мировом опыте. Не люблю Франко. Не люблю. Но он как-то эту страницу закрывал. И когда сейчас, так сказать, есть желающие ее открыть, то, извините, есть уже закон. Закон есть, по которому открыть эту страницу нельзя. Она закрыта forever, навечно.

Для этого нужен механизм. Этим механизмом может быть только одно – изъятие рассмотрения данных ситуаций из рук органа, который называется Следственный комитет и который не может этим не заниматься, потому что к нему обращаются.

Значит, нужно изъять из его рук ведение этих конкретных дел, придать этим делам общенациональный, высший статус.

Потому что действительно шла война, потому что она была серьезная и не одна, потому что рана глубокая. Создать соответствующую высочайшую комиссию – она уже никак не будет чеченской. Включить в нее, помимо всего прочего, безусловных авторитетов, если такие еще остались, и для офицеров, и для всех.

И этой комиссии рассмотреть каждый случай. Придать этой комиссии огромные возможности, создать для нее блестящий аппарат. Рассмотреть каждый случай. По каждому из этих случаев принять конкретное решение. После чего вопрос закрыть. Принять закон, подобный тому, который принимался в поздние франкистские, если мне не изменяет память, времена: это прошлое ворошить запрещается. Все.

Никакого другого решения быть не может. Эта высочайшая комиссия является третейским судом. Задача заключается не в том, чтобы суда вообще не было, а в том, чтобы суд был высочайше авторитетный и полномочный и чтобы суд не был чеченским. Что действительно является абсолютным абсурдом в данной ситуации. А когда на это отвечают, что этого абсурда нет, потому что Следственный комитет не чеченский, то это то, о чем Ленин говорил: «Формально правильно, а по существу – издевательство». Формально он, конечно, не чеченский. Это общедоинформационный комитет. А на практике мы прекрасно понимаем, как обстоят дела.

Значит, если мы хотим любое направление процесса поменять, мы должны предложить вместо одного механизма другой. Мы можем сказать: «Этот механизм не нужен». Но что тогда нужно? Что нужно? Международные суды? Или своя комиссия?

При чем тут «он призывает судить русских офицеров!»? И истерика покатила: «Да, да, если он к этому призывает, так я выхожу из организации...»

Политика – занятие не для слаботерпимых. Со слабыми нервами занимаются другими профессиями, творческими в том числе. Но политикой не занимаются.

В каждой армии мира есть суд. Армия без суда не существует. У Махно был суд, чтобы вы знали. Откройте страницы

истории и посмотрите историю военно-полевого суда от... не от Рима Древнего, а от еще более древних времен и до... Она есть всегда. Сколь бы карательный характер ни носила операция – это все равно есть. Даже когда мародерство дозволяют, его дозволяют на определенное время. В Средние века – три дня на разграбление города. Кто на четвертый день что-нибудь тронет – того повесить. В Великую Отечественную, в любую войну так было везде. Я повторяю, и у Махно тоже. И в бандах это есть. Если этого нет, это беспредел, это слизь. Сказать, что у тебя нет суда, – значит, расписаться в том, что ты грязный, жалкий, криминальный слизняк.

Это неправда? Это не так? А почему это не так? Кто, успокоившись в тот момент, когда вой истерический заканчивается, кто скажет, что это не так? Какой вменяемый человек? А главное, никто ничего не предлагает. И процесс продолжает идти в том самом пагубном направлении, по поводу которого воют.

Как только выносятся предложения, способные реально поменять все это в русскую сторону, в русском направлении, в том направлении, в котором это нужно русским, воют, что ты враг русских и пособник Рамзана Кадырова.

А зачем это нужно Рамзану Кадырову? Если считать, что Рамзан Кадыров – это «средоточие всех видов зла» (такая версия наших психопатов), то Рамзану Кадырову нужно, чтобы ничего не было. И я ему тогда ставлю палки в колеса. Ведь чего хочет Рамзан Кадыров (тот Рамзан Кадыров, которого рисуют оппоненты; я сейчас обсуждаю именно нарисованный оппонентами образ Кадырова)? Что ему нужно? Следственный комитет в Чечне находится под его полным контролем де-факто. Де-юре это не так, а де-факто это так. Ему нужно, чтобы все осталось там, и тогда он будет править суд и расправу так, как он хочет.

А я говорю, что это нужно из рук Следственного комитета вырвать немедленно и передать в другие руки, к которым Рамзан Кадыров уже никакого отношения не имеет. Или имеет, мягко говоря, отношение в тысячу раз меньше, чем к Следственному комитету в Чечне.

Что я предлагаю? Извилины надо напрячь на три секунды и понять, что. Нет, истерика! У одних – потому что им просто надо, ну надо развернуть эту истерику: мы им мешаем. Я не даю им развалить страну, посягнуть на территориальную целостность. Они воют. А другие чего воют? Что воют-то?

А это и есть регресс. Если бы регресса не было, если бы общество находилось в состоянии высокого морального духа и высокой степени интеллектуальной адекватности, то давно бы все процессы были повернуты. И как только мы переведем общество из нынешнего состояния в подобное состояние, они и будут повернуты. Будут, будут! Немедленно. При таких цифрах, которые я обсуждал в предыдущей передаче, они будут повернуты. А как только мы придадим энергии другое качество – и цифры станут еще более выразительными, такими, что... «чемодан, вокзал, Антибы» («самолет, Антибы»)... Без альтернатив.

Не в этом дело. Дело в том, что на пути у всего этого стоят преграды чисто психологического характера. Да, сломали хребет. Да, осуществили социокультурный шок. Да, в какой-то степени повредили сознание, повредили все эти структуры Идеального. И эта болезнь существует.

По счастью, она оказалась не столь страшной, как должна была быть. Если бы так ударили по любому другому народу мира, он бы вообще не выстоял. А я зачитывал в предыдущей передаче данные, говорящие о том, что русский народ выстоял, народы нашей страны выстояли. Все! Невероятной силы давление в течение 20 лет обернулось ничем. Не сломали. Не сломали! До конца не сломали.

Теперь задача заключается в том, чтобы начать процессы поворачивать в другую сторону, меняя состояние этой энергии, просветляя чувство, просветляя разум, проясняя, чем слепая политическая ненависть отличается от осознанной политической страсти. Вот чем надо заниматься. Вот чем. Ясно же, что противник будет заниматься обратным. Но истерики-то здесь к чему?

Подумаем над несколькими вопросами, еще более сложными.

Во-первых, давайте самым масштабным способом рассмотрим проблему национализма – под самым крутым и мировоззренческим углом зрения, максимально поднимая в этом вопросе планку. Что такое национализм? Без чего не может быть национализма? Я сейчас не буду даже говорить о том, что тут есть некоторые очень важные понятийные тонкости – дьявол всегда в деталях. Чем народ отличается от нации, нация – от национальности, национальность – от народности и так далее? Все говорят: «Народ, нация – это одно и то же». Это гигантский сумбур, который надо, обязательно надо преодолевать. Мы сделаем это. Но сейчас речь не об этом. Это частности. Это актуальнейший, жгучий интеллектуальный вопрос, но есть еще философские вопросы, мировоззренческие, вопросы самого высокого уровня.

Какой вопрос самого-самого-самого высокого уровня можно задать, коль скоро речь идет о национализме со знаком «плюс»? Вот что нужно для национализма? И без чего национализма быть не может в принципе?

Национализма не может быть без очень точного ощущения того, в чем национальная специфика, национальный голос в мире, в чем лидирующая роль, в чем незаменимость, в чем невероятная важность твоего народа, в чем его исключительный-исключительный-исключительный позитив. Я не говорю об исключительности. Но если уж говорить до конца, то даже в случаях, когда это приобретает форму национальной исключительности, это плохо, это нехорошо, это неверно, но это про то, понимаете? Про национализм. Он в этот момент становится большим и каким-то очень резким и надрынным, но он еще может быть.

Когда же его не может быть? Когда?

Когда сами же эти псевдонационалисты дают своему народу такие оценки, при которых оказывается, что народ-то – барахло, лох, лошадь, на которой едут чужие элиты, идиот, выродок. Они же все (вы почитайте внимательно, мобилизуйте семантический слух!) разговаривают о своем народе без любви, без уважения и уж, безусловно, без какой-либо даже попытки сказать, в чем же он так ценен-то – народ. Почему ты националист?

Почему это так важно?

А это делали чуть не все националисты... Это не вопрос, кто из них, сколько и как упражняется с какими-то словами, какую ахинею несет по моему поводу. Но хоть одно слово, хоть одно слово по существу о своем народе. Хоть одно. Максимум: «Наконец-то станем, как эстонцы». Значит, мы хуже, чем эстонцы, да? Хуже? И это национализм?

Это закомплексованность немислимая, которая ни с каким национализмом сочетаться не может. Даже уродливые формы национализма компенсируют подобного рода комплекс какими-то возвышениями. А здесь даже попытки что-то возвысить нет. И называется это национализмом?

В этом смысле, как это ни парадоксально звучит, единственная формула, в пределах которой может развернуться высокая национальная страсть, дана нами. Я на лавры националиста не претендую. Но если в порядке дикого парадокса современности вдруг выяснится, что мы-то единственные националисты – не потому, что мы много хвалим что-то, и не потому, что мы ругаем чеченцев или кого-то, а потому, что мы говорим, что есть эта кривая русская коза альтернативного мирового развития... Вот это – пожалуйста. Вот эта «коза» запросто в определенных руках оказывается фундаментом для построения здания здорового национализма. На философии «козы» можно построить такое здание, а на философии «наконец-то станем, как эстонцы», такое здание построить нельзя. В принципе нельзя, понимаете?

И обратите внимание, что если вы сами спокойно с этим разберетесь, то через одну минуту любому мыслящему человеку (не то что с высшим, со средним образованием) это станет понятно. Но ведь само по себе это непонятно, потому что все безумно возбуждено.

Цивилизации... «Вот так сказал Тойнби...», «не так сказал Тойнби...», «туда Тойнби все это повернул, а Данилевский еще туда...», «наши великие теоретики...», а что-то сказал Панарин...

Это не политический разговор.

Я всех, про кого вы восклицаете в своих нервных посла-

ниях, с карандашом читал давным-давно. У меня конспекты лежат по этим работам. Я их все знаю. И никогда бы не стал об этом разговаривать, если бы не знал. Мы цивилизациями занимались подробно. Там сколько людей – столько определений. Это как с национализмом. Национализм реальный – это эпоха Модерна. Вот это полноценный буржуазный национализм. А все остальное – народничество феодальное, почвенное и пр. А перед этим было еще что-то... С национализмом проще, а вот с определением, что такое цивилизация, сам черт ногу сломит.

Цивилизация и культура. Цивилизация – это техносреда, в которой все развивается, а культура – это то, что касается гуманитарного. Есть такое определение? Есть. Используется слово «цивилизация» в таком значении? Используется.

Цивилизация и дикость. Есть варвары, а есть цивилизованные люди. Используется такое определение? «Когда мы войдем в мировую цивилизацию», – говорил Горбачев, имея в виду, что мы не в ней. То есть мы дикие, да? Цивилизация и дикость.

Другое определение цивилизации – в научной фантастике. «Цивилизованное состояние»...

Очень много этих определений. Слово «цивилизация» многозначно. Внутри него есть некоторая ниша определения цивилизации как некоего специального мира, устройства больших макросоциальных групп, общностей.

И все это высоколбое (и мною, в принципе, любимое) разглагольствование жило себе, жило своей полуакадемической, полуконсервативной, почвенной жизнью и что-то как-то обеспечивало. Это было где-то очень интересно, а где-то не совсем интересно. Один – специалист действительно высокого класса и все понимает до деталей, на это жизнь угробил. Другой – специалист среднего класса. У одного есть теория, у другого теории нет, а есть одни описания. Неважно. Кто-то из них берет всех «на хапок», как Шпенглер, а кто-то знает до тонкостей, как Тойнби. Это все были вопросы... как вам сказать... академически-политические, интеллектуально-политические.

А потом появилось явление крупнейшее, политическое, мировое, с оглушительной силой и мощью, которое только и можно обсуждать, если ты занимаешься политикой. И называется это явление «американский неоконсерватизм». Это огромное явление, жесткое до беспощадности, новое («новое» – я имею в виду, не столетиями отнюдь определяемое). Неоконсерваторы – это эпоха Буша. Не знаю, кто из них больше значит: Рамсфелд или Дик Чейни. Их там много. Все они очень сосредоточены. У них есть свой генезис, они живые, наполненные имперской страстью. И вот они взяли Хантингтона.

Вопрос не в Хантингтоне с его теорией конфликта цивилизаций. Вопрос в них. Они его схватили и поволокли в большую политику. Он был испуган, потому что не знал, чем это кончится. Он понимал, что их авантюры могут кончиться тем, что их посадят в тюрьму, а он будет дискредитирован. Их пока не посадили в тюрьму. И, может быть, они еще других будут сами сажать в тюрьму. На сегодняшний день они не сумели в один хапок достигнуть своей цели, но они перегруппировывают силы. Есть эта теория цивилизации. А для них конфликт цивилизаций – это конфликт с исламом. Конфликт крестоносцев с исламом. (Норвежский-то гражданин, который сейчас гору трупов наворотил, как раз рассуждает про этих крестоносцев и ислам³⁹.)

Поэтому, с точки зрения американского политического неоконсерватизма, с точки зрения мировой стратегии, цивилизация сегодня – вот это. С точки зрения кого-нибудь академика – это другое, а с точки зрения соседнего академика – третье. Сколько авторитетов, столько и определений, что такое цивилизация.

Но нас же интересует большая политика. Всмотритесь в нее – и поймете, что там этот термин разыгрывается как ору-

39 Из сообщения радиостанции «Голос России»: «Взгляды Брейвика носят эклектичный характер. Но вся эта смесь сводится к неонацизму. Свои взгляды он описал в «манифесте», появившемся в интернете за несколько часов до теракта. Брейвик называет себя рыцарем-крестоносцем, судьей и исполнителем одновременно, действующим во благо Европы». <http://rus.ruvr.ru/2011/07/25/53690598.html>

дие войны, как финка, которую вам в живот хотят воткнуть. И для того чтобы это оружие выбить, чтобы не дать использовать это оружие против нашей страны, надо понимать, как оно устроено, и нужно иметь другое оружие. А другим оружием является вот эта самая коза кривая. Поэтому хоть ты про цивилизацию, хоть ты про национализм рассуждай, а все равно ты на эту козу выходишь. И выйти-то больше некуда. Некуда. И топчутся уже много лет, а выйти никуда не могут. Как говорил Тарас Бульба: «А помогли тебе, сынку, твои ляхи?», – так и я могу сказать: «А помогли тебе, детка, твои цивилизации?».

Я не о цивилизациях здесь говорю. Не о цивилизациях и не о национальностях, хотя это очень важно. Я говорю о состоянии умов – о том состоянии умов и о той энергетике, которую нам с вами надо менять. Это называется устойчивость. Устойчивость. Вот, чувствуете слово? У-стойчивость. То есть стойкость.

В нашем движении, которое сейчас развивается, очень много молодых людей. Один очень крупный философ, мудрый человек, любивший лыжи, мне говорил, что бежать надо на свою дистанцию. «Вот встал на лыжню (жизнь – это лыжня) и пошел по ней в своем ритме, не останавливаясь, в нужном направлении. Идешь, правильно держишь дыхание. И не думай, что тот, кто сразу побежит быстрее тебя, обгонит тебя. Ты на него не ориентируйся, потому что ты потом, на следующем километре, увидишь, что он валяется со сбитой дыхалкой и дух перевести не может. Иди своим путем».

Выбрал себе правду – и иди ею. Иди вместе с другими. И вот тогда, когда сформируется ядро, актив, костяк, точно знающий, куда он идет и зачем, в котором не будет вот этой ломкости, хрупкости, нежности, нервности, в котором будет способность к коллективной работе, отсутствие «ячества», отсутствие высокомерия, дружеское настоящее отношение друг к другу, когда сформируется братский костяк по-настоящему, – все задачи, которые сейчас кажутся нерешаемыми, можно будет решить. Это абсолютно точно. И надо понять – еще раз адресуюсь к тем социологическим результатам, которые

я описывал в прошлом выпуске программы, – что их надо решать или сейчас, или никогда. Вот не решите сейчас, в этом пятилетии, – потом уже ничего не будет. Это на «потом» не откладывается. Это как металл. Сейчас его можно вылить в ту форму, которая его, потом – нет.

Историческое время есть, но оно конечно: его не более 5–6 лет, а они пролетят, как одно мгновение. И все в любой момент может начать разворачиваться еще быстрее. Вчера Норвегия считала, что у нее всё в шоколаде и она будет мирно спать еще столетия. А сегодня она уже не спит. Поэтому смысл того, о чем я хотел сейчас поговорить, заключается в нашей способности понимать правила современной политики, понимать, какой тип политической борьбы является нашим уделом. И вести эту борьбу адекватным образом. При этом естественно, что будут нарастать и нарастать разного рода клеветнические кампании. Это же нормально.

Вы откройте красноярские материалы и посмотрите, сколько газет напечатали статьи о наших размышлениях вместе с красноярцами, сколько телевизионных каналов откликнулось. Этих каналов откликнувшихся, этих передач телевизионных, этих газетных материалов очень много. А в Красноярске фактически разгромлена коммунистическая партийная организация. И, как вы понимаете, не мною. Как я могу разгромить коммунистическую партийную организацию, членом которой я не являюсь? Она разгромлена. Огромное количество людей, страстно желающих объединиться вокруг социалистических ценностей, лишены этой возможности.

И вдруг оказывается, что сидит ваш покорный слуга за столом, а рядом с ним сидит (о, ужас!) депутат Госдумы Юрчик, бывший секретарь Красноярского горкома КПСС, человек, который все время рассказывает: «Мы же детские садики строили, мы школы строили. Мы делали это, это и это... Как же можно так, как сейчас?» Вот такой вот человек, очень чистый и политически серьезный, еще не понимающий, как можно превращать политику в бизнес, который все время желает политически что-то сделать. Я сижу рядом с ним. Ну, конечно же, я после этого «исчадие зла», «поедатель маленьких

детей», «пособник Рамзана Кадырова», еще кто-нибудь...

Нервничаете? Нервничайте! Но нервничайте в одном информационном пространстве нашей же организации, а в другом не нервные будут обсуждать следующий круг проблем. Никто же не запрещает нервничать. Но только надо понять, по какому поводу, на самом деле.

В Ленинграде кто партийную организацию разгромил? Сергей Ервандович Кургинян? Ась?

Зюганов же громит эти партийные организации одну за другой. А это живые люди. И, между прочим, он же не Сталин. Он их не расстреливает, в тюрьмы не сажает. Они энергичны, они создают свои организации вокруг социалистических ценностей. Они что, не за КПРФ на выборах будут голосовать? А за кого они будут голосовать? За «Правое дело» Прохорова? За кого?

А самое-то главное в другом: чем более глубоко мы будем понимать свое общество, чем больше мы его будем сдвигать в сторону этой просветленности и так далее, тем больше и рельефнее будут выступать советские идеалы, советские ценности, советские нормы. Кому это нужно? Прохорову? Мне казалось, что другим. Или им это уже не нужно?

На повестке дня стоит задача реванша или не стоит? Мне могут ответить коммунисты? Мы проиграли «холодную войну». Нас в ней подло, диффузно, вот так вот, используя все на свете, переиграли. Мы ее проиграли, войну. У нас есть за это стыд, боль и желание реванша? Вот вы проиграли боксерский раунд. Вы хотите драться или поджали хвост?

Вы понимаете, чем одно состояние отличается от другого? Мы возьмем историософский, культурный, политический, метафизический, экономический реванш или нет? Драйв на это есть? Вот выросло новое поколение. Оно готово? Возможность есть. Оно готово?

Ну так заявите об этом! И поймите, что такие пироги не пекутся на дрожжах нытья, на дрожжах собственных комплексов, на дрожжах вялого пережевывания чего-то, что было давным-давно.

Реванш не реставрация. Реванш – это бросок вперед.

Есть на это драйв? А ведь другого-то ничего перед Россией в качестве позитивной возможности и не стоит. Что ей делать? Ну что ей делать реально? Еще 40 лет капитализм строить, пока его все на Западе не закроют, как проект? Что ей делать? Разваливаться на части? Что?

Ей нужно осознать причины своего поражения, изжить эти причины, каленым железом выжечь все, что к этому поражению привело, мобилизовать все, что можно мобилизовать на победу, открыть в себе второе дыхание – и победить.

И ничего другого Россия сделать не может. Либо это, либо умереть окончательно.

9 августа 2012 года

Выпуск №28

Эта передача появится в интернете 9 августа, а ровно через два дня, 11 августа, на канале «Россия» должна выйти новая телевизионная передача, в которой мне предстоит, уже один на один, выяснять отношения с господином Сванидзе не только по вопросам истории, но и по вопросам современности. Передача так и замыслена, что первая ее часть – некое историческое событие, а вторая часть – это современное событие, на котором есть ответ исторического события, обсуждавшегося в первой части.

В ходе передачи зрители голосуют, то есть все по полной программе, но гораздо острее и жестче, чем во время передачи «Суд времени».

Выйдет эта передача, не выйдет... Скорее всего, она выйдет, потому что реклама ее уже крутится на канале. Первые передачи сняты. И я просто не могу это не обсудить. Было бы смешно, если бы я сейчас, в преддверии передачи, что-то тут не обсудил. Кстати, я совершенно не хочу уделять этому сколько-нибудь значимое время, потому что есть гораздо более серьезные вопросы, которые обсудить абсолютно необходимо.

Ну, так вот. У меня никогда не было никакой тяги к тому, чтобы стать телевизионной звездой. Я телевидение, по большому счету, ненавижу. Я сыт им по горло. Мне есть чем заниматься в жизни. Я просто всегда верил в святую правду

Дантона, который сказал, что нет ничего хуже, чем отказ от борьбы, когда борьба необходима.

Так вот, я считаю, что сейчас эта борьба абсолютно необходима. И что как-то так все сошлось по очень многим причинам, что от итогов этой борьбы, этой телевизионной войны зависит очень многое. Поэтому я не могу уклониться от участия в этих схватках.

И здесь мы... Я говорю «мы», поскольку участвовать в этой схватке будет вся моя организация, которая выкладывается сейчас по полной, потому что без этой работы ничего не будет. Для нас такой вот новый проект – гигантская головная боль. Так вот, мы говорим всем только одно: что второго шанса так воевать не будет. Вот не будет – и все.

Хотите воевать? Воюйте, а не занимайтесь различными тонкими вопросами, например, о том, каких членов организации «Суть времени» надо из этой организации выводить, а каких не надо. Это все суета сует и всяческая суета. А есть живой, гигантский вопрос: мы победим? Как мы победим? Какой степени убедительности будет наша победа? Все это сейчас полностью находится в руках общества. Оно может остановить некие очень серьезные процессы, губительные для него, на этом рубеже. А может не остановить. Мы, со своей стороны, сделаем все, чтобы эти процессы остановить. Мы выложимся до конца. Но, как я когда-то говорил в первых передачах «Суть времени», «Герой уж не разит свободно, – Его рука – в руке народной».

Посмотрим, на что готово общество. И в какой мере организация «Суть времени» может мобилизовать собственные ресурсы на большую политическую войну. Большую, конкретную, простую. Может или не может? Это невероятно важный вопрос.

Почему он важен? Потому что свет клином сошелся на какой-то телевизионной передаче? Конечно, нет. Потому что ситуация в мире и стране ухудшается уже не с каждым днем, а с каждым часом. Я не знаю, какие еще сведения лягут на мой стол завтра. Или к вечеру. Например, я не смогу получить сведения в течение того времени, пока буду писать

передачу. А когда выйду из студии и возьму новое сообщение, возможно, все уже изменится. Потому что это называется «галолирующий процесс».

Вот я беру наугад «Коммерсантъ» от 06.08.2011. Это вполне серьезная газета, которая публикует статью «Мировая ось злодеяний»⁴⁰. Читаю только преамбулу: *«Барак Обама подписал указ, запрещающий въезд на территорию США лиц, подозреваемых в нарушениях прав человека и геноциде. Кроме того, Вашингтон создает Агентство по предотвращению злодеяний (Atrocities prevention board), которое займется предотвращением подобных преступлений в глобальном масштабе, а также выработкой ответных мер со стороны США вплоть до гуманитарной интервенции. Как признался официальный представитель госдепа Марк Тонер, новая инициатива президента Обамы отчасти вызвана скандалом вокруг „списка Магнитского“».*

Итак, «Агентство по предотвращению злодеяний» создано. А перед этим американцы говорили, что они уже восстановили всю структуру «холодной войны». И все это порождено на свет божий «делом Магнитского».

Вы понимаете, о чем идет речь? О том, что это подготовка гуманитарной интервенции, подготовка к вторжению на нашу территорию – мягкому или жесткому.

Я честно говорю тем, кто смотрит эту передачу, что мы сделаем все возможное, чтобы мир не скатился в войну, но я не знаю сейчас, как это сделать. Ситуация гораздо острее, чем была когда бы то ни было.

В таких случаях, правда, говорят: «Глаза боятся, а руки делают». Но это, знаете, присказки, поговорочки, а не универсальные рецепты для решения сложнейших мировых проблем. А проблемы нарастают. И дело совершенно не в том, что американцам так нужен этот самый Магнитский. Дело совершенно в другом.

За несколько дней до этого заявления об «Агентстве по предотвращению злодеяний» в Америке прошла дискуссия

⁴⁰ Габуев А. Мировая ось злодеяний // Газета «Коммерсантъ».06.08.2011. <http://www.kommersant.ru/doc/1693072/print>

по поводу того, делать дефолт или не делать. Было ясно, что дефолт они делать не будут. Но они его и делать не могут, и не делать не могут – вот в чем вопрос.

Как они вывернулись из этой страшной проблемы? Они сказали, что они сократят расходы на триллион долларов за сколько-то лет и одновременно напечатают денег на этот триллион. Получается, что никакого пузыря вроде бы и нет – соблюдается баланс печатания денег и сокращения расходов.

Это полная чушь. Полная ахинея. Американцы вошли в фазу, когда они нагло смотрят в глаза миру и несут абсолютную околесицу. Никакая власть в Соединенных Штатах не может сейчас снизить расходы бюджета на указанные суммы. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

Значит, им эти триллионы надо откуда-то добыть. То есть кого-то тем или иным способом (прошу прощения за жесткий термин) надо ограбить – вот в чем задача. У них не сходятся по «бабкам» дела, а в их банках лежит пара триллионов русских денег, которые изъять из этих банков – тьфу! Это все равно, что у ребенка конфетку отнять.

Соответственно, изобретается русская мафия. И вот, параллельно с этим «делом Магнитского», они открыли для себя (о, ужас!), что в России есть какая-то могущественная группа под названием «Братва»⁴¹.

Это даже не голливудский фильм, это уже предел падения. Они не удосуживаются даже выяснить реальный криминальный рельеф страны – «„Братва“ там есть!» Те фильмы, которые, всегда казалось, отнюдь не претендуют на достоверность («Хвост вертит собакой» и так далее), – это жалкие подобию той фантазмагии, которая творится на самом деле. Они «Братву» нашли, понимаете? «Братву» на этой территории.

А у них – новая концепция борьбы с организованной преступностью, которую очень интересно разобрал Владимир Овчинский⁴². И суть которой заключается в том, что они теперь могут бороться с организованной преступностью на любой территории, называя преступниками или членами

41 <http://rln.fm/2011/07/belyj-dom-protiv-mafii/>

42 Овчинский В. Магнитский и братва // Завтра. 03.08.2011.

оргпреступных сообществ кого угодно. Для этого не надо даже никакой юридической процедуры. Все, что вменялось сталинскому режиму в качестве главных ужасов бесправия и беспредела, американцы теперь повторяют в фантастическом, гротескном виде. Всю мерзость, которую они писали про сталинизм, они воспроизводят у себя с коэффициентом усиления в 1000: «список Магнитского» создан даже без «троек», вообще вне всякой судебной и следственной процедуры. Кто-то что-то написал, а они создали список. Все! Тушите свет!

Европа поджала хвост и бежит в ту же пропасть, в которую бежит и супердержава. Но они же просто так это все не будут осуществлять, у них есть какие-то конечные цели. Если Россия распадется, то они смогут осуществить очередной грабеж, по масштабам больший, чем тот, который они осуществили в 90-е годы.

Американцы выжили в 90-е, потому что нас ограбили фантастическим способом. И в частных беседах они этого не скрывают, они говорят об этом абсолютно откровенно.

Теперь американцы не могут так ограбить Россию, как грабили тогда: у них появились местные конкуренты – братва. И они каким-то образом должны решить для себя проблему. Если братву зачистить, а территорию разделить, то при полной беспомощности территории ее можно будет грабить как угодно. Как угодно!

В Египте, где протесты были вызваны тем, что ужасно низкий уровень жизни, уровень жизни сейчас будет в 10 раз ниже в результате этих протестов. В 10 раз ниже!

Если сейчас российскую территорию расчленят, неуживчивую часть «братвы» пощиплют, а уживчивую погладят по головке и начнут грабить снова ускоренным образом (плюс ограбят вывезенные на Запад средства), они решат свои проблемы. И они будут их решать. А что они будут делать? Сдаваться? Не будут они сдаваться. Никогда не будут. Это совершенно другой менталитет.

Главное – это экономические суперпроблемы, вытекающие из неравномерности развития капитализма, из краха СССР, из новой фазы межкапиталистической конкуренции, из кра-

ха проекта «Модерн» и всего прочего. Дальше необходимы триллионы. И они ищут средство эту проблему решить. А средство простое (Остап Бендер знал один ход: E2–E4) – кого-то надо ограбить. Кого?! Нас, вот кого! Самый лакомый кусок – мы. Легче всего грабить нас. И они хотят это сделать. Вот весь реальный мотив, стоящий за их квазиблагородными воплями. Это ясно ежу. И каждый день процесс становится все более острым.

Они вцепились в дело Магнитского. Поскольку в телевизионной передаче мне нужно было обсуждать дело Магнитского, то мне пришлось с ним разбираться. И я хочу поделиться с вами своими соображениями на этот счет более подробно, чем это могу сделать в телевизионной передаче.

Магнитский – человек как человек. Вертелся в «серой» экономике, как вертятся все люди его профессии. Занимался какими-то «серыми» схемами, как все занимаются. Схемы эти были очень темно-серые, почти черные. Но и этим занимаются очень многие. Ничего в нем не было исключительного. То, что он находился по ту сторону правового поля, это 100%.

Но это все неинтересно. Вообще неинтересно. Потому что никакого Магнитского как самостоятельно действующего фактора нет. Нет Магнитского как героя-одиночки, который противостоит ужасной криминальной системе. Нет этой картинки. Эта картинка выдумана, высосана из пальца. Она потрясающим, вопиющим образом не соответствует реальности и существует только в мозгу у американских пропагандистов и их российских приспешников – больше ни у кого... Ну, у совсем наивных людей. Потому что все понимают, что Магнитский, являясь работником (а отчасти уже и партнером) некоей юридической фирмы Firestone, работал на транснационального магната Билла Браудера и обеспечивал его дела. Это не герой-одиночка, а часть системы Браудера.

И это понимают все, кто занимался данным делом хотя бы один день. Этого нельзя не увидеть, понимаете? Это не где-то там, на периферии картины. Чтобы это узнать, не надо копать 10 метров под землю. Это так же ясно, как то, что Волга впадает в Каспийское море.

Гораздо интереснее, кто такой Браудер. Все кричат, что он внук Генерального секретаря Компартии США. Это небезынтересно, потому что все, надеюсь, понимают, кто такие были Генеральные секретари Компартии США. Они должны были существовать там, в США, и они должны были существовать в диалоге с нами (как, например, господин Хаммер). Это очень амбивалентная ситуация, двузначная. Больше о ней говорить не хочу. Не считаю, что то, что Браудер является внуком Генерального секретаря, что-нибудь тут особенно значит.

Гораздо важнее (но тоже не самое важное) то, что господин Браудер занимал очень высокое место в совсем высоких транснациональных группах. В такой, например, структуре, как «Соломон бразерс». И уже тогда, в самом начале ельцинской эпохи, сразу после 1991 года занимался инвестициями в Россию. То есть грабежом, прошу прощения. Это синонимы на 1992 год.

Но и это не так важно. Я не хочу копать до конца связи «Соломон бразерс» и Браудера, потому что дело это темное. Бывает так, что люди сначала работают в какой-нибудь компании, потом уходят из нее и занимаются своими делами. Бывает по-разному.

Но есть другая, абсолютно очевидная вещь. Она заключается в том, что этот Браудер – по сути, шеф Магнитского. Дело Магнитского как таковое тоже не существует – это часть дела Браудера. Было оно выделено в отдельное производство или не было – это чисто юридическое крючкотворство. Все понимают, что дело Магнитского – это часть дела Браудера. Сам Браудер об этом говорит, все об этом говорят. Снова подчеркиваю: я сейчас хочу заниматься очевидными вещами.

Так вот, есть вторая очевидная вещь, которая заключается в том, что сам Браудер является партнером еще более крупной международной транснациональной акулы империализма (как говорилось когда-то – между прочим, не без справедливости), каковой являлся Сафра, банкир Сафра.

Поскольку все надо доказывать, то я хочу что-то зачитать.

В 1996 году Уильям Браудер в партнерстве с совладельцем банка Republic National Bank of New York (не путать с Bank of New York – это другой банк) Эдмондом Сафрой создал инвестиционный фонд «Эрмитаж».

Это вымыслы Кургиняна? Это происки антиамериканской газеты «Завтра»? Это информация из The Washington Post («The Washington Post», США, 13.06.2006). В ней говорится: *«Деньги, инвестированные Hermitige, к концу прошлого года выросли в 24 раза и росли вдвое быстрее, чем российская биржа».*

Достаточно «Вашингтон пост»? Кто-нибудь будет спорить, что фонд «Эрмитаж», на который работал Магнитский, был совместным проектом Сафры и Браудера? Да никто не будет спорить! Это очевидно.

Когда он был создан? Ась?! В 1996 году. Для чего он был создан в 1996 году? Для инвестиций? Что такое инвестиции в 1996 году? Было изобретено такое замечательное средство, как Государственные казначейские обязательства (сокращенно – ГКО). И вдруг выяснилось, что в стране ничего не надо делать: не надо землю пахать, не надо металл производить. А надо просто взять деньги, купить ГКО... и у тебя будет... ну, когда сколько: когда 100% в год, когда 200% в год. Это сумасшедшие суммы. Что, по определению, есть пирамида, только создаваемая не «МММ» как частной структурой, а государством. Ельцинским государством в 1996 году под выборы (это все знают) была создана эта машинка под названием «ГКО».

И все обалдели: бери, вноси и богатей. Все были ошарашены этим «великим деянием».

Поняв это, Сафра и Браудер создали этот самый фонд «Эрмитаж», который стал заниматься ГКО и крайне недооцененными нашими активами. Но прежде всего – ГКО.

Дальше. Банк Сафры (который, подчеркиваю, не надо путать с Bank of New York – это другой банк) Republic National Bank of New York сыграл в этой истории с ГКО очень важную роль. То есть эту важную роль сыграли вместе Браудер и Сафра как партнеры по «Эрмитажу».

Так вот, «Эрмитаж» спекулирует, спекулирует, спекулирует ГКО, наращивает средства в 24 раза, вдвое быстрее, чем

биржа. Но любая пирамида (а ГКО – это очевидная пирамида) рухнет. Она же не может не рухнуть. И она начинает заваливаться.

Людам не совсем молодым это должно быть памятно до боли. Она начинает заваливаться... Тогда правительство, которое и без того находится в крайне тяжелой ситуации, просит у Международного валютного фонда кредит, который берется под стабилизацию экономики, но на самом деле очевидным образом связан со стабилизацией ГКО. Это кредит в 4,8 миллиарда долларов.

Чубайс привозит этот кредит и, глядя своими честными глазами в телевизионную камеру, говорит о том, что теперь все в порядке – с ГКО ничего не будет. В эту секунду я позвонил всем, кому смог, и сказал: «Выводите деньги из ГКО. Немедленно! Хоть ночью!»

Утром все рухнуло. Почему? Об этом наиболее подробно говорит итальянская газета «Республика» в статье «Как обманули МВФ» летом 2000 года, потом это растиражировали все крупнейшие мировые газеты.

Что было сказано? Зачитываю: *«Из Федерального резервного банка Нью-Йорка (счет №9091) 4,5 млрд. долларов стабилизационного кредита были переведены на счет №608555800 в «Рипаблик Нэйшнл Бэнк оф Нью Йорк» Эдмонда Сафры, предназначенный для стабилизационных операций ЦБ России. До российского дефолта, 27 июля, на этом счету было 400 млн. долларов. Во время дефолта счет вырос до 21,5 млрд. долларов, а 24 августа на нем осталось 300 миллионов долларов. Куда делись эти деньги, включавшие кредит МВФ, неизвестно»⁴³.*

Что значит «неизвестно»? Вам СВИФТом приходят деньги из Федерального резервного банка (счет №9091) на вот этот длинный счет в Republic National Bank of New York, понимаете? Они сюда приходят. Они целевые. И они сюда пришли для стабилизационных мероприятий. Потом они исчезают в неизвестном направлении.

43 http://www.compromat.ru/page_9968.htm

И как они могут исчезнуть в неизвестном направлении? Что значит – они исчезли в неизвестном направлении? Приехали самосвалы без опознавательных знаков и вывезли оттуда кэшем 4,8 миллиарда долларов? Нет, они с какого-то счета ушли на другой счет. Потом с этого счета на третий счет. И по какой-то цепочке начали бегать. Но эти цепочки отслеживаются. И ведь есть кто-то, кто давал распоряжения.

Вся эта ситуация носит международный характер. Это самая крупная международная афера века. Самая наглая. Самая беспардонная. Задевающая всех: международные финансовые круги, репутацию МВФ, репутацию Федерального резервного банка, всех прочих.

Наглецы смотрят невинными глазами и говорят: «Не знаем, куда делись деньги. Двое сбоку, ваших нет. Не знаем». Мир воет. Они честными глазами смотрят и говорят: «Не-а. Без понятия. Черт-те куда, в воздух. Испарились».

Тогда все-таки ФБР начинает более или менее активно интересоваться данным вопросом. Настолько активно, что товарищ Сафра пугается, что было для него непростительной слабостью. Он пугается и сообщает ФБР, что он сейчас начнет рассказывать подробности о счетах и проводках русских денег. И дает эти показания больше года. А в декабре 1999 года... (Если кто не помнит, все эти скандалы с ГКО, и обрушения, дефолт происходили в 1998-м... Был такой премьер-министр Кириенко. И вот он, кстати, «кувыркался» потом с дефолтом. А потом его назвали «киндер-сюрпризом». После него с большим трудом пришел Примаков.) Так вот, в 1999 году этот единственный источник знаний о том, куда же все-таки ушли деньги, гибнет при странных обстоятельствах в своем специальном бронированном бункере в Монте-Карло.

По официальной версии, которая конкурирует по своей анекдотичности только с версией уничтожения бен Ладена, пожар устроил личный медбрат банкира Сафры, чтобы затем отличиться в результате спасения Сафры. Но он не успел отличиться: банкир задохнулся в дыму.

Бой в Крыму, все в дыму и ничего не видно.

Банкир задохнулся в дыму. А Браудер, вместе с которым

банкир работал, не задохнулся в дыму, а начал следующий этап своей деятельности в России с фондом «Эрмитаж». Что дает все основания для того, чтобы предположить, что они вместе (и, разумеется, в доле с очень и очень многими) сначала украли, как минимум, эти 4,8 миллиарда, обрушили все российские активы. И потом, когда активы уже обрушились ниже плинтуса (они и без того были недооцененными, но тут обрушились, как говорится, ниже плинтуса), они их начали скупать. Скупать они их начали!

При этом не газета «Завтра», не «зловещие антиамериканские силы», а Олег Лурье в «Новой газете» за 2000 год писал, что банк Сафры причастен к отмывке нелегальных денег из России⁴⁴.

И не только из России, добавим мы. Это вообще непрозрачная ситуация.

Это и есть транснациональная мафия в чистом виде, которая занимается ограблением России точно тем способом, который мы описывали еще 20 лет назад в книге «Постперестройка» и других работах. Посмотрите «Актуальный архив», там все это описано.

Это фантастический грабеж, который ничего не создает, не оставляет на территории никаких ценностей. Он из страны, как пылесосом, выводит миллиарды, миллиарды, миллиарды.

И это все было общим делом Браудера и Сафры. А по исчезновении Сафры стало делом Браудера. Сафра перегнал куда-то эти миллиарды, а Браудер вложил эти миллиарды – скорее всего, подчеркиваю – в скупку наших активов. Которые после того, как Сафра увел деньги и этим обвалил все в стране, стали совсем уже бросовыми по цене. Вот в этом бросовом состоянии их надо было скупить на деньги, которые были украдены для того, чтобы создать это бросовое состояние. Финансовая спецоперация в особо крупных размерах.

Если я прав, то есть один картель «Братва» в России – это Браудер. Лично Браудер и его подельники: Сафра и другие.

⁴⁴ Лурье О. Если Касьянов приедет в Швейцарию, его вызовут к следователю? // Новая газета. 24.07.2000.

То есть я, разумеется, считаю, что есть несколько голов. Этот же самый Браудер воюет с соседними транснациональными группами. Но Браудер – это фигура, по отношению к которой Сорос отдыхает.

И вот такие вот акулы резвятся тут. А Магнитский – это маленький-маленький винтик в этой системе. Конечно же, занимавшийся такими привычными в России криминальными операциями, как уход от налогов, за что, между прочим, в США дают и 200, и 300 лет тюрьмы.

Регистрировались фирмы на каких-то несчастных, страшно больных людей, которые никакого отношения к финансам не имеют. Люди записывались как финансовые аналитики, налоги уводились, разрабатывались другие схемы. Ничего особенного в этих схемах нет. Магнитский – винтик в этой системе.

Когда, наконец, эта система Браудера начала бешено скупать базовые активы страны – «Газпром» и так далее (на это смотрят и думают: «2% скупили, 3, 4, 5, 6, 7%, сколько еще?»), она столкнулась как с другими транснациональными хищниками (о чем все время кричит Браудер), так и с местными силами, мягко говоря, малосимпатичными. И эти силы «наехали» на Браудера по полной программе.

Тогда вся компания Браудера свалила за рубеж, оставив «зачищать» все это Магнитского. Можно только догадываться о том, чем был мотивируем Магнитский, чтобы остаться и все это тут зачищать. Я думаю, что в современной жизни без финансовых мотивов подобного не бывает. Но, возможно, были другие мотивы. Возможно, человек любил риск. Возможно, он считал, что так надо, и т.д.

Он остался один. Когда он остался один и дело на Браудера было заведено, его взяли и стали допрашивать. Тогда он сказал, что те, кто его допрашивает, сами преступники, укравшие столько-то, столько-то и столько-то. Вопрос не в этом: может, они и преступники – я считаю, что тут все хороши. Вопрос в том, что если я украл у кого-то из кармана деньги, то разговор о том, что перед тем тот, у кого я украл из кармана эти деньги, делал что-нибудь нехорошее, не имеет смысла: я-то

украл. «Сам дурак, да еще и в шляпе», – это не юридическая аргументация. Это отдельный вопрос. Хорошо, значит, должен сидеть и Магнитский, и эти. В соседних камерах. Кто против? Я – «за», если это так.

Но Магнитский их обвиняет и начинает страдать. Ведут его этим путем страдания, обличения, обвинения адвокаты Браудера, которые внушают Магнитскому, что тогда он отсидит не несколько лет, а 11 месяцев и выйдет. Когда через 11 месяцев Магнитскому продлевают срок, то Магнитский отвергает помощь этих адвокатов и соглашается на сотрудничество со следствием.

И вот тут его убивают. Говорится, что его убили следователи. Но это странно. То есть все бывает в жизни. Я не следователь, я не знаю, кто его убил. Убили ли его или это, действительно, несчастный случай. В российских тюрьмах умирает 4,5 тысячи человек каждый год. Он умирает и становится жертвой.

Можно предположить, что его убили какие-то нехорошие местные дяди. А можно сказать, что его убийство заказал Браудер. Очень логично. А также что Браудер мог его заказать через местных нехороших дядей, которые, как известно, покупаются «на раз».

Но, в любом случае, это беспредельно мутная история, на верхнем этаже которой сидят транснациональные грабители в особо крупном размере, резвящиеся на нашей территории, как на территории колонии.

Из этой истории раздуто дело о герое-одиночке Магнитском и страшных злых местных силах. Все, кого Магнитский обвинил, названы преступниками – без следствия, без их права по этому поводу давать какие-то объяснения. В список тех, кто назван преступником, включены все, кого диктует Браудер, в том числе люди, которые по определению преступниками быть не могут, ибо у них нет в руках средств совершения преступления.

Весь этот список принят Конгрессом США, европейскими государствами. В каком мире мы живем? Это значит, что есть международная мафия, которая на глазах у всего мира может

сначала увести суперкрупные кредиты и сказать: «А не знаем куда – в никуда». Весь мир утрется. Западные банки, которые вполне умеют наказывать тех, кто деньги ворует, утрется. Что позволяет высказать гипотезу, что это согласованная супероперация.

Затем эта же международная мафия диктует, кого куда включать. И, как пародия на сталинские «тройки», эти международные инстанции: конгрессы, правительства и все прочее – штампуют. «Браудер дал такой список?» – штамп. «Дал другой список?» – штамп.

При этом одновременно восстанавливается весь аппарат «холодной войны». И объявляется, что «мы создаем Агентство по предотвращению злодеяний, подобных тому, которым является смерть Магнитского». И это Агентство будет заниматься гуманитарными операциями на территории – в духе Ливии.

Вы понимаете, что в мире происходит? Это не безумие? Если кому-то хочется увидеть в этом оправдание того, что происходит здесь, то, во-первых, я так много сказал о том, что происходит здесь, какая это вопиющая концентрированная мерзость, что даже повторять не хочется. Но, если хотите, я все повторю.

Это криминально-коррупционно-мафиозное болото. Это жизнь как форма грабежа. Это регресс. Это процессы, несоместимые с жизнью страны.

И что, от этого то, что я только что описал, становится аппетитнее и симпатичнее? И почему одно должно быть в таком отрыве от другого? Я думаю, что тут все вместе, все вкупе. «Мировая ось злодеяний».

Я описал только один квадратик – вот этот список Магнитского. Сейчас, помимо того, что уже сказано, что это какая-то оргия международного мафиозного беспредела, новая фаза этой самой турбулентности, я хочу обратить внимание на еще один аспект того, чем это явным образом является. Это шантаж нашей силовой элиты по способу, который я уже описал в предыдущих передачах «Суть времени». «Не подавляйте „оранжевый вариант“ в России или лишитесь „бабок“. Понятно, сволочи? Умеете слышать, гады?» – вот что говорят

американцы нашим здесь. Это шантаж. Потому что, кроме списка Магнитского, есть другие списки. А есть организация «Братва», в которую можно включить кого угодно. А есть триллионы долларов, которые где-то надо найти, и почему бы не у «Братвы»? Это все едино. Это настолько очевидным образом едино, что волосы дыбом встают. Что даже худшие предположения, которые я высказывал 20 лет назад, превышены тысячекратно.

Поскольку это явный шантаж («Не подавляйте „оранжевый вариант“ или лишитесь „бабок“»), то дальше идет «оранжевый вариант». А что такое «оранжевый вариант»? Это когда силовая элита услышит своего международного патрона и сдастся и придет черед создавать «оранжевую улицу» – улицу для оранжа.

Кто должен создавать улицу для оранжа? Навальный, Шарп (который это все патронирует), Белковский (который гордится тем, что он в этом будет участвовать) и так далее по полному списку: националисты-уменьшители или ликвидаторы, все, все, что только можно накопить, весь «гниль» должен выйти на улицу и не быть подавленным силовой элитой, которую при этом шантажируют подобным образом. Это, между прочим, главная инструкция Шарпа: «Нащупайте слабое место системы, объясните системе, что, если она будет сопротивляться, она лишится нужных для нее ресурсов». Но что есть более нужный для «системы» ресурс, чем «бабки» на Западе?

Рядом с этими двумя блоками находится еще и третий – новая концепция борьбы с оргпреступностью и другими «силами зла», «Агентство по злодеяниям». То есть карт-бланш на самые жесткие действия против нас. Это что – не вместе все?

Помните, я разбираю историю с Навальным и Машей Гайдар, которая сказала ретивому местному хлопцу, что ты, мол, не мешай Навальному, у него большое будущее? Теперь выступает Юргенс и говорит, что Навальный должен стать крупной ставкой в игре президента Медведева⁴⁵. Навальный, который говорит о том, что все проблемы в России будут

45 Возвращение Путина – национальная катастрофа // Программа «Ищем выход». Эхо Москвы. <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/796955-echo/>

решаться неконституционным путем, должен стать одной из главных ставок в игре президента Медведева...

У меня вообще впечатление, что все эти тексты пишутся отнюдь не теми, кто их потом подписывает, а в каком-нибудь международном углу. Поблизости от Браудера. И потом они просто подписываются, почти не глядя.

Одновременно утверждена концепция Грузии, согласно которой мы – оккупанты⁴⁶.

Одновременно разжигаются антикавказские настроения. Кем? Вот этими ребятами, которые в вышеперечисленное включены, и разжигается чечено-русский конфликт, по поводу которого все время все страдают и нелепицы всякие гордят по моему поводу. Русских, видите ли, которых согнали из Чечни, никто не защищает... Я сделаю все для того, чтобы защитить русских, которых согнали из Чечни и с любой другой территории. Но только это можно сделать в другом государстве, которое этим всерьез займется.

Неслыханное преступление – то, что их не защитили. Если хотите, для того чтобы что-то развивалось совместно, их надо туда вернуть. Только в сегодняшней идеологеме, при сегодняшнем принципе существования государства нет механизма этого возвращения. Они не захотят вернуться. И нет никаких денег, которые могут заставить их вернуться. Их возвращение само по себе ничего не даст. Нужно изменить парадигму, стратегию, сам принцип существования, повернуть все процессы, несовместимые с жизнью страны.

А сейчас речь идет о другом – как вывести русские дела из Следственного комитета Чечни и как вообще помешать международным силам играть антикавказскую карту, которую они очевидным образом хотят играть, которую они играют

⁴⁶ В конце июля 2011 г. сенат США принял резолюцию, в которой признается, что Россия нарушает «территориальную целостность и суверенитет Грузии», а также содержится призыв к «мирному и справедливому разрешению конфликта внутри международно признанных границ Грузии». Текст резолюции, в частности, гласит, что США «поддерживают суверенитет, независимость и территориальную целостность Грузии и признают, что Абхазия и Южная Осетия – это регионы Грузии, оккупированные Российской Федерацией». <http://www.voanews.com/russian/news/Senate-Russia-resolution-2011-07-30-126452838.html>

вместе с грузинской. И никакого другого механизма, кроме комиссии высшего уровня, которая подведет черту подо всем, что произошло в Чечне, в которой все вопросы будут решены здесь, в России. А не в Гааге и не где-то еще.

Никакой альтернативы этому нет. А если есть, пусть какой-нибудь умник расскажет мне, что это за альтернатива, а не учит меня жить. Ни одного слова нет по поводу того, как это иначе сделать. Как помешать гражданам нашего государства, живущим в Чечне, обращаться для розыска без вести пропавших? Как? Сказать: «Заткните пасть»? Что сказать им? Ну, есть вменяемый ответ?

Значит, каждую из этих историй надо быстро расследовать на высшем уровне – и все дело закрыть, чтобы данную карту не играли. А все, что происходит с организацией этого чечено-русского конфликта, засвечивать. И фигурантов, которые это все делают, засвечивать.

И их связь со списками Магнитского засвечивать. И суть игры с Магнитским засвечивать. И всю дугу связей засвечивать.

Ведь они же одновременно занимаются всей концепцией нашей перестройки: демократизация, десталинизация, «преступный» пакт Молотова–Риббентропа.

Пакт Молотова–Риббентропа – это гениальное и фактически безупречное завоевание советской дипломатии. Нужно было жить в стране непуганых идиотов, чтобы позволить авантюристам, диссидентам, экзальтированно неумным людям и провокаторам навесить на этот Пакт все те гадости, которые были навешены. Начинить все это фальшивками. И с помощью такой глупости подстегнуть в невероятной степени распад Советского Союза, то есть геополитическую и метафизическую мировую катастрофу.

Секретные соглашения к пактам подписывали все страны – так же как все подписывали и сами пакты. Но только нашей стране надо было вменить это в вину. А идиоты, называемые депутатами Съезда Народных депутатов СССР, раздули это в невероятную историю, подчинившись гипнозу Александра Николаевича Яковлева и его кураторов.

Теперь это все снова играетя. Вместе с десталинизацией господ Караганов и Федотов, взятые за руку с поличным, начинают теперь орать: «А что, никто же не возражает против того, что мы хотим открыть архивы?»

Ну, открывайте архивы.

«А памятники?»

Памятники кому? Каким жертвам? Ежов – это жертва или палач? Ягода – это жертва или палач? Дело запутанное.

Но вы же не о памятниках говорите! Вы говорите об очередном покаянии, о психологических репрессиях против своего населения, о люстрациях. Вы что, нас за дураков считаете? Вы Польский комитет национальной памяти копируете. Что, не видно, что ли?..

Все это делается под одну указку.

Войны по всему арабскому миру – это что, не часть того же самого? А это же кошмарная часть, очень существенная – «арабская весна». Американцы же признали, что они это все делают. Что у них для этого были созданы специальные комитеты, комиссии. Что для этого они восстановили аппарат «холодной войны», бог знает что еще. Что они создали специальные ведомства. Они же не скрывают.

Это предполагает договор с радикальным исламом. Они сымитировали убийство бен Ладена – шутовски, издевательски сымитировали. И одновременно выдвинули нового героя-террориста, альтернативного бен Ладену, который должен вытеснить бен Ладена из сознания. И который, как все понимают, является теперь уже вовсе не ислаμισмом, а даже совсем наоборот – «исламофобом», представителем, так сказать, «ультраправых кругов». Значит, они создают новый формат.

И, наконец, они рассматривают прямые военные сценарии действий против России.

Все это вместе – это что? Это карта боевых действий. Что ей противопоставлять?

Можно каким-то способом в этом потоке лавировать, играть на противоречиях, заниматься промывкой чьих-то мозгов, ломать их кризисное управление, создавая новые узлы и схемы,

– это можно все делать, мы этим давно занимаемся, только это значит затягивать процесс, длить его дальше. И все.

И возникает главный вопрос: а зачем его длить? Он же в этом виде бесперспективен.

Да, есть слабейшая надежда на то, что можно расколоть эту братву – иначе говоря, криминальную элиту, которую процессы 80-х–90-х посадили на шею народа... Не без помощи народа! Упрекать его в этом нельзя, потому что ему так промыли мозги, как никогда в мире не промывали, но то, что это произошло не без его помощи, факт. Тут были и упования на спасительность капитализма, и разжигание самых элементарных потребительских страстей, и такая наивность этого ужаса: «Ах, боже мой! Мы что-то там подписали с Гитлером!.. Кошмар!» Вся эта адская смесь, управляемая очень злой и очень сосредоточенной волей, создала здесь криминальную элиту. Теперь, может быть, эту элиту можно расколоть, и часть ее, видя, что дело «швах», окрысится. И это еще надо, чтобы она сумела что-то сделать идеологически, политически, стратегически, чтобы это перешло в новую стратегию. Я пока не вижу никакого симптома. Я говорю, что теоретически это возможно, не более того.

Но если это не так и все процессы все равно идут в том направлении, в котором идут, то что делать-то? Почему это надо тянуть?

Ответ только один. Это можно тянуть, напрягая все силы, творя какие-то запредельные комбинации, только ради того, чтобы в недрах нынешней ситуации выросли политические силы совершенно нового качества. Чтобы молодежь иначе включилась в патриотический процесс. Чтобы опомнившиеся люди из старшего поколения поняли, как прискорбно ими содеянное и как велико должно быть искупление этого. Чтобы новые интеллектуальные возможности, которые предоставлены, могли быть востребованы. Чтобы возникли нового типа политические силы на основе этой востребованности. Чтобы возникли десятки и сотни тысяч по-настоящему политически образованных молодых людей, готовых вступить в новую фазу политического процесса.

И я уже говорил, что тут нельзя стыдиться слова «реванш», тут преступно стыдиться слова «реванш». Может быть, для старшего поколения оно и окрашено в негативные тона. Реванш – это признание поражения и готовность победить. Все.

Чтобы это сформировалось на основе нового принципа социального лидерства, на основе нового типа политического образования (это все успело очень быстро создаться), ради этого стоит вести передачи «Суть времени». Ради этого стоит собирать школу, на которую мне предстоит уехать через несколько дней. Ради этого стоит выступать по телевидению. Ради этого. Если этого нет, то какая разница – сметут всю эту гнилую декорацию сегодня или через 2–3 года? А вот если оно есть, это огромная разница.

Возникает вопрос о том, что мешает этому быть.

Я говорю об улице для оранжа и о роли в этом процессе Белковского. То, что эта роль существенна, все понимают. Меня мои друзья несколько раз уговаривали: «Ну, выступи! Тебя же чудовищно обвиняют в каких-то кошмарах и ужасах!». Я говорю: «Да мне плевать на обвинения Белковского. Я никогда ничего по поводу того, что Белковский адресует мне лично, не скажу. Ни слова. И полным идиотом буду, если скажу. Именно этого и ждут. В стране есть десятки людей, которые ждут, что я начну как-нибудь реагировать на их пакости, касающиеся меня лично. Мне на это наплевать».

Меня интересует другое. Во-первых, то, насколько же больно общество, если оно, глядя на лик Белковского, может во что-то верить, с какой-то степенью серьезности к чему-то тут относиться. Он сам к себе так не относится... Что же это за болезнь-то? Вообще – и, в частности, в русском националистическом движении, от степени здоровья которого очень многое зависит. Там же безумно сложные клубочки сейчас формируются, очень большие. Это первое.

И второе. Мне ясно как божий день, что Белковский – это малюсенький элементик, не изымаемый из системы диалога между шантажируемой силовой элитой («Не подавляйте „оранжевый вариант“») и «оранжевой улицей».

И вот здесь я хотел бы обсудить одну по-настоящему серьезную тему, касающуюся не столько Белковского, сколько основных и самых принципиальных моментов в том, что можно назвать политической и социальной теорией одновременно. Причем поскольку момент очень острый, то речь, конечно, идет об актуальной теории. О теории, имеющей немедленное практическое применение.

К этому я и намерен перейти в следующей передаче.

Выпуск №29

У нас есть такая новая болезнь – конспирологическое сознание. Согласно конспирологическому сознанию, все есть чья-нибудь инспирация. Вот вы с женщиной в брак вступили – это чья-нибудь инспирация. Вы на телевидение вышли – это чья-нибудь инспирация. И так далее. Кто-то за вашей спиной стоит. Кто-то все время вами водит, что бы вы ни совершили, – это делают кукловоды.

Поразительно, что это свойственно нашему либеральному истеблишменту, который исповедовал прямо обратную теорию: что вообще никаких сил нет, что никто никем не водит, что кукловоды отсутствуют и все прочее. Так где же правда? Где грань между «кукловоды присутствуют» и «кукловоды отсутствуют»? Что, кукловодов нет? Нет мировых заговоров? Нет инспираций, подобных тем, которые в предыдущий раз, например, описаны?

Конечно, есть. Мир не состоит из подобного рода игр, но он включает эти игры. Так как же разобраться, где что происходит?

Прежде всего, надо отказаться от конспирологии как дешевки, которая сложную социальную проблематику редуцирует до очень грубой элементарщины. Потому что чем больше будет осуществляться эта редукция, это принижение всего до примитива, тем более дезориентировано будет обще-

ственное сознание. Оно не сможет ничего делать. Оно либо окажется во власти каких-то мифов о всемирных зловещих силах, которые всем крутят, и поэтому ничему нельзя доверять (и вообще ничего нельзя делать, потому что есть такие злые силы – расслабься и получай удовольствие). Либо начнет дергаться не туда.

Что происходит на самом деле? И как это происходящее (это очень сложный вопрос социальной теории) выразить предельно просто и в максимальной степени соотнести со злобой дня?

Есть три типа действующих лиц на любой политической сцене во все времена.

Первый типаж – это «винты системы». Это очень важный типаж. Между прочим, очень хорошо опознаваемый. Это люди, уверенные в себе, энергичные, бойкие, способные на головокружительные комбинации, когда за их спиной стоит система, готовые на то, что система предоставляет им ресурсы, а они в ответ на это становятся винтиками со всеми вытекающими отсюда последствиями. Очень часто на их челе (особенно, если они входят в очень жесткие системы военного образца) – печать: «у этой истории будет хорошее начало и плохой конец». И они тоже это понимают. Вопрос всегда не к ним, а к системе. Это определенные люди, готовые на подобный тип существования.

Я столкнулся с этим впервые где-нибудь в 1972–1973 году, когда очень известные теперь люди, время от времени печатающие те или иные доносы на меня в своем «глубоко демократическом» издании, написали на меня натуральный донос. А я ознакомился с ним – там и штампик, и все было, что положено, – поскольку мне очень симпатизировали мои друзья в Геологоразведочном институте, занимавшие определенные позиции в парткоме и в других местах. Стуча кулаком по столу (а люди эти были очень хорошие, но, как большинство в геологоразведке, не чуждые потребления крепких спиртных напитков), они говорили: «Сергеа, Сергеа, ну что ты делаешь, ну что ж ты делаешь? Ну ты посмотри, что на тебя пишут, Сергеа! Ну это же все плохо! Сергеа, ну что же ты, Сергеа?»

Короче, я тогда со всем этим ознакомился. И мне стало интересно. Потом уже, когда я руководил крупным центром в советскую эпоху, этого всего было много. Подобных бумажек со штампиками я начитался вот так... И насмотрелся на персонажей, которые их пишут. Это известные лица на нашей политической сцене. Я никогда не буду обсуждать, кто это именно. Я просто хочу сказать, что многие знания умножают скорбь. Были очень пикантные комбинации, когда эти лица начинали руководить, предположим, будучи сами людьми далеко не либеральных убеждений, какими-нибудь либеральными изданиями. И так далее. Поэтому я всегда считал, что система тут очень оригинальничает, создает какие-то причудливые узоры. И вообще всегда в таких случаях говорить следует только о системе...

То, что Белковский – это такой винтик в системе, для меня ясно, как простая гамма, как Волга впадает в Каспийское море. «Мы осуждаем Ходорковского. Потом мы сами этому Ходорковскому оказываем всяческую помощь, используя ресурсы системы. Мы очень богатую жизнь ведем в качестве подобных винтиков».

И каждый выбирает для себя, что ему делать. Кто-то выбрал для себя роль этих «винтиков», а кто-то выбрал для себя другую роль. Тут важно обсудить, какую. А винтики – они и есть винтики. У меня не к винтикам вопрос, у меня вопрос к системе.

Я никоим образом не морализирую по поводу системы. Я понимаю, что система – она на то и система, чтобы все время превращать дерьмо в конфетку. Это ее главная профессиональная задача.

Но я призываю систему и ее отдельных представителей не заиграться в эту игру. Я понимаю, что это свойство профессиональной игры, но тут нельзя заигрывать. Грань между сложными системными комбинациями (ради бога, осуществляйте их как угодно!) и актом национальной измены тонка.

Понятно, что современная циничная жизнь очень сильно освобождает от совести. А работа в системах вообще никоим

образом мускул этой совести не тренирует. Но есть грань. Это наша страна. Наш народ. А если вся эта ситуация разыграется по полной программе, то есть еще и мир. И никому на Луну улететь не удастся. И кончится все это ужасно для всех, кто в это играет. Ибо в любой игре с дьяволом побеждает дьявол. Не мелкие бесы и мельчайшие, не Смердяковы и не те, кому кажется, что они вертят смердяковыми или бесами этими, а Повелитель мух. А он, когда побеждает, он всех, кто ему служит таким способом и кто пытался с ним играть, уничтожает в первую очередь.

Услышьте меня, представители системы! Я никогда не давал плохих советов. Я правду говорю. И меня во всей этой истории, начиная с «отделения Кавказа» и «Майкла Кентского» и кончая всеми «шалостями» последними, интересуется этот мост, а не этот прыщ (рис. 29).

Он мне неинтересен, он уже самому себе неинтересен. И разжигать интерес к нему – это полный идиотизм.

Я спрашиваю систему, что она творит в такой сложный момент? Это вопрос серьезный, дружеский и нормальный. Но главное, что я здесь хочу сказать, с точки зрения социальной теории, что есть «винты» – люди системы, люди, готовые платить за то, чтобы система ими вертела и одновременно предоставляла им возможности. Я видел этих людей, видел этих мальчишек с их обезумевшими глазами, которым все время казалось, что они то ли систему обыграют, то ли что-то еще. Я видел эти поломанные судьбы. И видел холеные лица, которые эти судьбы ломают. А также видел тех, кому судьбы вроде как и не поломали до конца, но в это дело имплантировали полностью. И я не хочу здесь, повторяю в который раз, морализировать. Я просто говорю, что этот типаж существует. И наблюдать его радости никакой не доставляет. Но есть некое театральное удовольствие по принципу «смотри, как вертится нахал», а также аналитическое удовольствие, потому что ты понимаешь, кто, кем и зачем вертит, в какую сторону.

Вот если бы из этого состоял мир, то мира бы не было. А если бы этого не было в мире, то мир был бы совершенно другим и не имел бы ничего общего с тем миром, который

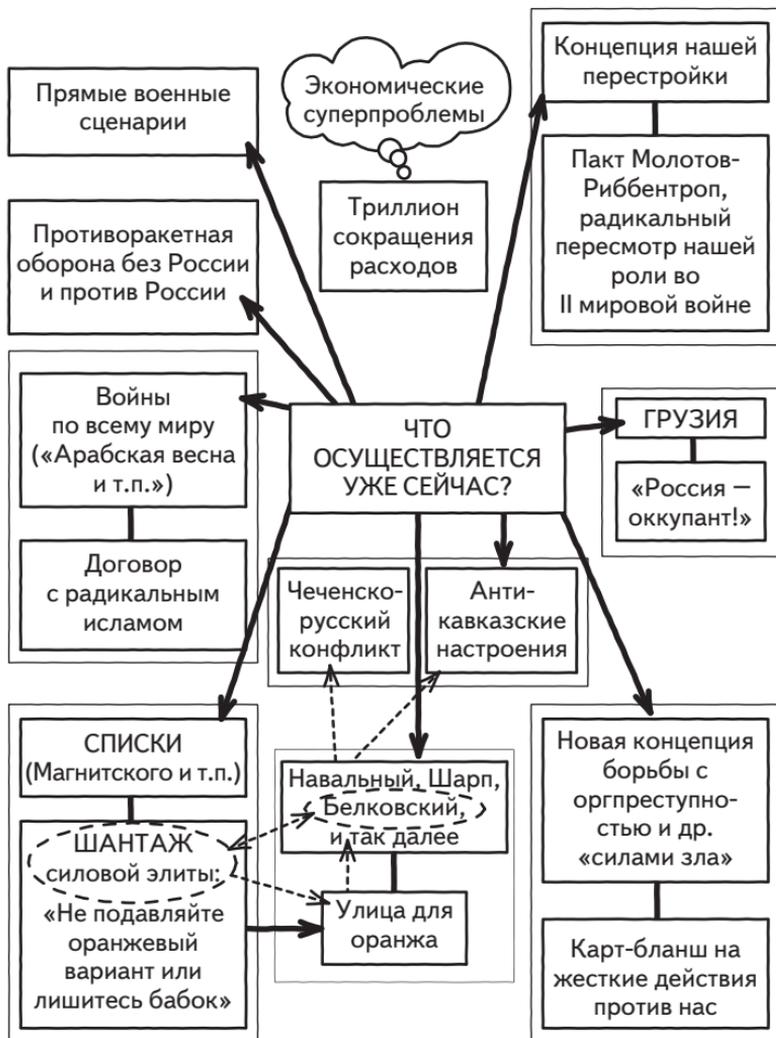

Рис. 29

мы знаем с древнейших времен и поныне. Но, если бы мир состоял из этого, мира бы давно не было.

Есть **второй типаж** людей, действующих на том же самом подиуме, в том же самом политическом многомерном пространстве, – это «сами себя делающие люди». На английском (где это очень важный элемент политической культуры) это называется «self-made». Я таких людей тоже видел. Это обычно очень яркие одиночки, строящие сложные цепи и системы знакомств, дружеских связей и так далее, но постоянно думающие о себе, имеющие в виду свой успех, свое продвижение, наделенные очень сильным нутром и очень сильной карьерной мотивацией, не всегда лишены других уровней мотивации, включая идеальные.

У них есть одно четкое свойство: они никогда не будут обременять себя превращением в социальных лидеров, то есть в людей, которые строят какие-то микросоциальные собственные плотные системочки или группки. Они этого не делают, потому что, во-первых, степень их эгоцентризма, или эгоизма, или зацикленности на себе, на этом самом «self», «я» очень велика. Такая зацикленность никогда не дает возможности создавать плотные сообщества. Эти люди не создают вокруг себя плотных сообществ – они создают рыхлые сетки знакомств с себе подобными. И, во-вторых, это – создание плотных сообществ – трудный, обременительный, мало-перспективный путь. Гораздо легче в одиночку двигаться по сложным ландшафтам, входить в системы, не обязательно становясь их «винтиками», действовать в определенном поле, отталкиваясь от одного системного массива, переходя в другой, проявлять яркие свойства, оказываться востребованными.

Никоим образом не хочу осуждать этих «self-made» – это очень определенная, очень нужная, незаменимая в обществе категория людей, иногда добивающихся многого, а иногда не добивающихся; иногда наделенных очень мощной, при этом идеальной, мотивацией, а иногда полностью лишенных такой мотивации. Это просто определенный человеческий материал (прошу прощения за такой технологический термин), опреде-

ленный тип людей, которых очень много в истории, усилиями которых иногда очень многое делается. Это определенный тип, который никоим образом никакого отношения не имеет к «винтикам». Это другие люди. Другие, совсем другие. Это-то как раз индивидуалисты, по поводу которых всегда говорят: «В систему не интегрируем в силу таких-то и таких-то свойств». Очень часто это умные, энергичные, яркие люди. Иногда они опираются на семейную поддержку, а иногда они выходят из глубинки и делают блестящую карьеру. Это очень важный, может быть, генеральный человеческий типаж.

И есть **третий типаж** – социальные лидеры, или, чтобы никоим образом этот типаж не воспевать, микросоциальные лидеры. Это совершенно другие люди с такими... опять, чтобы не было никакой поэзии... в чем-то «сектантскими» (возьмем это слово в кавычки) склонностями, с постоянным стремлением идти неконформистско-андеграундным путем, формировать коллективы, создавать что-то, что в данный момент совершенно не является востребованным, идти против течения, занимать сложные места в сложных процессах, а потом выходить на более высокие позиции. Это лидеры, социальные лидеры. Я их тоже видел.

В советскую эпоху я их видел очень много. Они создавали то какое-нибудь общество танца, то какие-нибудь кооперативы по строительству жилья, то какие-нибудь организации, которые занимались историческим фехтованием, то литературные кружки, то театры, то какие-нибудь оперные студии. Мало ли что еще. Но каждый раз, когда это происходило, мне было видно, что они живут интересами тех плотных малых социальных групп, которые они создали вокруг себя. Они постоянно отдают гигантское количество сил этим группам. Эти группы к ним тянутся именно потому, что они ощущают в них что-то, кроме «эго», какой-то контакт с какими-то смыслами, вот эту готовность лидировать.

Чаще всего это располагается в андеграунде, то есть не в том главном пространстве, где протекает нормативная социальная жизнь, а в каком-то неформализованном пространстве. Называлось это очень часто «неформалы».

По всей своей биографии, по всему, что я делал в жизни, по всему, что я хотел делать в жизни, я всегда хотел быть таким микросоциальным лидером. То есть хотел-то я создания театра определенного типа, такого, которого еще не было в истории. И ради этого ломал свою научную карьеру и все прочее. Но на самом деле понятно было, что проект, который предо мною брезжил, не мог быть реализован в пространстве «self-made». Он требовал пространства андеграунда. И я в него спокойно, понимая, с чем это связано и сколь это умаляет мои социальные позиции, перешел в 1972 году. Ну уж к 1975-му точно перешел. Обещал матери и отцу, что защищу диссертацию. Перешел сразу же, как только защитил. Но на самом деле, по сути, перешел раньше. Диссертацию уже писал, занимаясь театром.

И дальше начинается та жизнь, на которую себя обрекают люди, создающие эти плотные малые группы. Это особая жизнь, очень тяжелая, очень трудовая, имеющая гигантские психологические издержки и не часто дающая крупный результат.

Первым результатом, которого я добился на этом пути, было создание, реальное создание профессионального театра. Эта микросоциальная группа, которую я сплотил вокруг себя под проект «Театр нового типа», получила театр в конце 80-х годов, хотя не имела на это никакого шанса.

Второй проект, который удалось сделать чуть ли не через двадцатилетие, – это соединить этот театр нового типа с научной или, более правильно было бы сказать, интеллектуальной деятельностью, деятельностью аналитической. И тоже особого типа. Создать этот синтез, которого в мире еще никогда не было, и предъявить обществу результаты. И они налицо: театр функционирует, в нем функционируют люди, которые одновременно пишут сложнейшие тексты, и видно, что и тексты они пишут сами и очень-очень прилично, мягко говоря, и на сцене-то играют толково, опять-таки, мягко говоря. И это существует вместе. А этого не было никогда вместе.

Все, что сейчас начинается, это уже третий этап, это политический проект – от безнадежности, от слишком глубокого тупика, в котором находится общество. Не знаю, что с

ним будет, но два-то проекта состоялись. И это тип жизни. В условиях регресса вся ставка – на социальных лидеров, на ткань, состоящую из микросоциальных групп как больших молекул, слагающих иногда десятки, иногда сотню, иногда и несколько сотен единиц. Как именно эти молекулы начнут образовывать сеть, как внутри них построится жизнь? Ибо именно это андеграундное пространство (оно же катакомбное) и становится сейчас главным. Если что-то здоровое и полноценное и сохранилось, то в нем, потому что другие пространства сметены, сметены регрессом. Они нормально функционируют в нормальных условиях, а в этих условиях они первые попадают под удар, они сметены.

Человек обычно карьеру делает через дело, даже если он индивидуалист. Он делает большое дело и получает результаты. А нет этой корреляции между делом и результатами! Значит, если он «self-made», то либо он «self», либо он «made».

Что касается «винтов системы», то вопрос в том, чего системы хотят. «Винты» неинтересны, а системы ставят перед собой цели крайне сомнительные. В условиях регресса – деградационные цели самообогащения. Они отрываются от нации. Из инструментов, с помощью которых нация обеспечивает свои интересы, они превращаются в фагов, то есть поглотителей нации. По крайней мере, в существенной степени, именно в той степени, в которой мы сейчас обсуждаем наличествующее, в той степени, которая отражена данной картой (см. рис. 29).

Значит, все пространство вот это – это пространство андеграунда. Из него либо что-то выйдет, либо не выйдет ничего. На него можно делать ставку или не делать. Но когда вы имеете дело с социальным лидерством, то вопрос о том, кто за чьей спиной стоит, не до конца корректен. Он полностью корректен, когда вы имеете дело с винтиками систем. Он в какой-то мере бессмыслен, когда вы имеете дело с «self-made». И он...

Я сейчас объясню, почему я говорю «не до конца корректен», когда речь идет о социальных лидерах. Потому что для того, чтобы социальный лидер состоялся, он должен сплотить

группу и с помощью этой группы совершить коллективное деяние, чаще всего воплощающееся в продукте: спектакле, тексте, действии. В чем-то воплощающееся. Это может быть блистательная газета. Это может быть интересный театр. Это может быть какой-то научный коллектив и научная школа. Но это должно быть именно деяние, основанное на продуктивности плотной социальной небольшой группы, сплоченной данным лидером на основе какой-то крупной цели, лежащей за пределами как «эго» или «self» лидера, так и «эго» или «self» тех, кто слагает группу. По ту сторону это должно находиться. Это должно быть адресовано уже не к «Я», а к «сверх-Я». Если его нет – нет этих плотных групп.

Поэтому за моей спиной стоят, прежде всего, участники этой группы: Юрий Бялый, Вера Сорокина, не буду всех перечислять, Аня Кудинова, Маша Мамиконян и так далее – все те, кого я сейчас бросил в этот политический бой, предложив им и своим ближайшим надежным друзьям (которые не слагали со мной таких плотных групп, но которые проявили себя за многие годы определенным образом, и прежде всего проявили себя бескорыстием и отсутствием этого «self», «эго») создать некое представительство политического центра организации «Суть времени».

Политический центр коллективный сформирован так. Люди, входящие в этот центр, перечислены. Именно они ведут диалог центра с регионами и курируют основные узлы. Все, кто не входит в этот список и говорит о себе, что они курируют эти узлы или представляют политический центр в регионах, самозванцы. Они представляют самих себя. И, может быть, они представляют себя очень талантливым и нужным образом или другим, но они не представляют политический центр.

А политический центр никоим образом не стремится сковывать инициативу в пределах сетевой структуры «Суть времени». Люди хотят создавать такие коллективы – ради бога! Хотят создавать другие – ради бога! Они выдвигают снизу таких лидеров – замечательно, других – прекрасно. Главное, чтобы они не запутались, чтобы это не превра-

тилось в грызню, в соревнование «self», понимаете? Тогда все погибнет. Соборность превратится в разборность. Но в принципе свобода бесконечна – как в этом, так и в создании своих проектов. Те проекты, которые будут наиболее успешны, востребованы, нужны, выдвинут людей, осуществивших эти проекты, на соответствующий уровень возможностей, если он им нужен. Пожалуйста. Это меритократия. То, что в регионах, демократия.

А политический центр – это то, что я знаю и на что я могу опереться. И все. И он никаких амбиций не имеет. Люди делают это, уже будучи изможденными двумя предыдущими проектами, только потому, что я начал кричать и говорить: «Или вы это делаете, или ничего не будет!» Они начали это делать. И будут это делать в силу своих возможностей. Все, что я могу здесь гарантировать, – что никакой амбициозности тут не будет, никакого конфликта самолюбий, никакой привычной грызни. Всего этого не будет, это исключено, это убито двадцатилетиями или сорокалетиями предыдущей совместной жизни в плотной группе.

Задача в том, чтобы появилось как можно больше новых правильных активистов. Под правильностью я имею в виду, конечно, как минимум, политическую образованность и готовность работать коллективно с другими. То есть отсутствие вот этого выпячивания, отсутствие этого мелкого райкомовского эгоизма. И второе, как максимум, – способность к роли социальных лидеров. Стране сейчас нужно тысяч пять–десять социальных лидеров, способных построить между собой высококогерентные отношения.

Вы скажете, что это невозможно, что так не бывает. Но и никогда не было, чтобы из таких ситуаций, в которую сейчас страна залезла, выходили живыми. Тоже никогда этого не было, понимаете? Все классические рецепты не работают. Все, что можно сделать, находится по ту сторону здравого смысла, по ту сторону отработанных схем, по ту сторону канонической политики, по ту сторону этих верхних социальных сфер, этих «self-made» и этих всех систем – все это обесточено. В ближайшее время вы увидите, как будут

беспощадно отключать тумблер за тумблером, элемент за элементом, как это будет беситься, бегать, как курицы с отрубленными головами, создавать какие-то идиотства, уродства и пр. Все оно будет переходить в это состояние вдруг – по тем причинам, которые я разобрал, потому что карта боевых действий примерно такова, как я здесь говорю. Она состоит примерно из этого.

А вопрос к вам ко всем – ко всем, кто тем не менее, сознавая всю тяжесть ситуации (а я эту тяжесть никоим образом не собираюсь преуменьшать), входит в процесс: можете ли вы совершить чудо? Действительно получить серьезное политическое образование, не теряя при этом политической активности, а только усиливая ее. И входить в эти группы, рождая лидеров, сплачиваясь с ними и подчиняя все эти «self» – «супер-Я», «сверх-Я». Гоголь по этому поводу говорил: «Отрекись от себя для себя, но не для России». Вот «я для себя» – это эго. А «я для России» – это «супер-эго».

Сможете ли вы по-настоящему выйти на randevу с историко-культурной личностью под названием Россия? Вернется ли та великая любовь, которая одна только и пробуждает «сверх-Я» в людях? Вернется ли в андеграунд это самое бытие, принцип «быть» вместо принципа «иметь», на который обречены и «self-made», и «винтики». Произойдет ли это? Россия жива! Слышите? Она еще жива. И какое-то время на то, чтобы сотворить это чудо, есть. Но никаких шансов ни на что другое нет вообще.

И вот на этом фоне возникают некоторые тексты – пронзительные, глубокие, говорящие о том, что Россия жива. И одновременно имеющие определенный и очень сходный изъян, если посмотреть на всю совокупность этих текстов как на единый метатекст.

Подчеркиваю, что я авторов подобных текстов люблю, что мне они близки, что их тексты вызывают во мне огромную человеческую теплоту. И если я что-то по этому поводу буду говорить критическое, то не потому, что я плохо отношусь к авторам или к текстам, а потому, что ситуация – швах. И говорить надо на соответствующем языке.

То, что я не люблю, находится по другую сторону от авторов этих текстов. И там я ничего говорить не буду. А здесь что-то скажу, сначала прочитав текст, который мне нравится и который у меня одновременно вызывает вопросы.

Текст этот называется «Отпустите меня в СССР».

«Я устал идти по пути демократических реформ, у меня кончились деньги и спились соседи. А в моем телевизоре злое воеет ветер будущих перемен, и головы дикторов новостей наперебой пугают меня достояниями демократии.»

Я потихоньку мечтаю купить пирожок с повидлом за шесть советских копеек и завернуть селедку в свежий номер нечитанной газеты „Правда“.

Я хочу повернуть и пойти обратно. Я хочу в страну, где нет террористов, проституток, рэкетиров, мэров, презентаций, долларов и многопартийности. Ну, спрашивается, зачем мы десять лет назад прогнали одну партию, чтобы потом посадить себе на шею десятки других? Ну, что мы все-таки выиграли, разогнав одних чиновников и вырастив много новых?

Значит, чтобы стать свободными, мы должны были стать нищими. А кому же мы заплатили за свою свободу и отдали все, что у нас было?

Олигархам, политикам, бандитам, чиновникам, или это одно и то же?

Я снова хочу, чтобы мне по телевизору целый день ввали про успехи социализма, а не пугали неудачами капитализма.

Отпустите меня в СССР. Я смогу найти дорогу назад, так как по этой дороге мы постепенно побросали все, чтобы идти налегке. Я подберу все это по дороге наших реформ и вернусь назад, в СССР, не с пустыми руками.

В далеком прошлом я давал многочисленные клятвы октябренка, пионера и комсомольца и почему-то все их нарушил. А потом я вообще продал Родину. В той прошлой жизни, еще в СССР, я присягнул в Красной армии на верность социалистическому отечеству, и мои пальцы при этом патриотически вспотели на автомате Калашникова. Я нарушил клятву и теперь должен ответить перед лицом своих товарищей,

которые, в свою очередь, тоже продали Родину и должны ответить передо мной.

Я часто думаю, почему я тогда изменил воинской присяге и не кинулся с оружием в руках отстаивать достояние социализма. Это было массовое предательство наших социалистических идеалов и обретение капиталистических идеалов, которые сегодня мы тоже готовы продать.

Я, в принципе, согласен вспомнить о своей воинской присяге и выполнить свой долг, но моя Родина не дает мне автомата и даже обыскивает на улицах других прохожих, чтобы отобрать оружие.

Видимо, Родина больше не ждет от нас ратного подвига, она обиделась и устала ждать. А мы вновь чувствуем, что отечество в опасности, и думаем, как из него убежать. Я не хочу в Америку, я хочу в СССР. Я буду до последней капли крови мужественно стоять в очередях за колбасой, ходить на субботники и носить на Первомайских демонстрациях самые тяжелые транспаранты. Клянусь, поверьте, если мне еще можно верить.

Учиться коммунизму никогда не поздно, да и учиться даже не надо, а только повторить. Утром встать под слова старого гимна, съесть ломтик талонной колбасы, купить за три копейки билет на трамвай и гордо пройти проходную родного завода.

Я буду ударником коммунистического труда, честное слово, и добровольно стану покупать билеты денежно-вещевой лотереи ДОСААФ.

Ну, до слез хочется хоть разок снова увидеть лозунг о победе социализма и дружбе всех советских народов. Мы почти Ригу-то сдали, Крым в карты проиграли, а теперь Курилами японцев к себе подманиваем? Да верните же, мать вашу, и Киев – мать городов наших. Я хочу в СССР, где все мы еще вместе, все живы, где еще не стреляли, не взрывали, не бомбили, не делили. Если все это мы отдали за колбасу, тампаксы и баночное пиво, то возьмите обратно, спасибо, я больше не хочу.

А нас каждый день пугают зловецим изменением последней

Конституции. Да нас и не надо этим пугать, ее мало кто читал и даже никто не заметит, если что-то там потихоньку переписать. У русских никогда не отнять право на труд, все равно же заставят работать, да и право на отдых пытались отнять только один раз, когда вырубили виноградники и запретили пить. Все же вернули без всякой Конституции, потому что без этого никак нельзя. Я однажды попытался сравнить все наши советские и русские конституции. Одна оказалась краше другой. В принципе, каждая последующая Конституция была лучше и невыполнимей предыдущей.

Я, например, хочу срочно воспользоваться конституционной свободой слова, но не нахожу подходящих слов.

Я вовсе не хочу сегодня взять все и поделить, я просто хочу вернуться в СССР и никому там ничего не отдавать.

Я хочу вернуться в 1980 год, собрать в одном месте всех сегодняшних политиков, еще молодых и неиспорченных, рассказать им все про двадцать последующих лет и посмотреть, как они передумают.

Уж лучше мы в СССР снова будем вспячь переворачивать реки, чем сразу всю страну.

Я радостно сдам в прошлом СССР все нормы ГТО, макулатуру, металлолом, комсомольские взносы и деньги на помощь угнетенной Африке. Все берите, мне не жалко. Это оказалось совсем не дорого за спокойную жизнь. Мы откопаем Леонида Ильича, оживим его, поцелуем в любое место и завешаем орденами остатки его партийной груди, и пусть он дальше шамкает нам про светлое будущее с высокой трибуны очередного съезда. Это надежно убаякивало всю страну, которую и незачем было будить, если точно не знали, чем ее занять. Ну кто, блин, рывкнул на ухо мирно спящей стране и, не дав ей опохмелиться, уговорил обменять ценности социализма на доллары США? У нас сейчас этих баксов больше, чем в самой Америке, но больше уже ни хрена не осталось, ну, есть, конечно, немного, но мы меняем это на евро.

Я больше не могу идти по пути реформ. Я не верю ни красным, ни белым, ни левым, ни правым, и за это все они не верят мне. Я бы остался со всем остальным народом, но я

больше всего боюсь этого самого народа. Я всегда был с ним и вдруг выпал, ну, думал, случайно, сейчас вернусь в строй, да вдруг вижу, что не один я выпал, много вокруг напало.

Это, видимо, был сон. Я стал поднимать их, но они общались со мной матом, которого я почти не понимал. Я посмотрел на себя и увидел, что я сам постепенно превратился в довольного буржуина и стал похожим на старого „Мальчиша-плохиша“. Я стал кричать, что через три дня придет Красная Армия и выручит нас из поганого буржуинства, но никто меня не слушал. Я проснулся и решил вернуться в СССР.

Я никого туда не зову, я ухожу один в ту страну, где все ждали лучшего и проморгали хорошее.

Я чувствую, что скоро в СССР захотят почти все и пойдут туда стройными рядами, возможно, даже во главе с нашим правительством. Я хочу убежать туда первым и занять очередь буквально на все. Остальные начнут занимать за мной, но на всех все равно не хватит.

Это будет, но будет потом. А я уйду сейчас. Мне бросят в спину камни. А потом бросят камни по спинам тем, кто побежит меня возвращать, но уйдет вместе со мной. А потом по этим камням пойдет монолитное все, и, чтобы оно не заблудилось, я оставляю мелом стрелки, как правильно возвращаться. Это легко. Да, надо, чтобы Ленин был снова жив, партия стала честью и совестью, дети записались в комсомол и занимались физкультурой. Нужно разорить всех богатых и уравнивать их с бедными, сделать водку по 4 рубля 12 копеек за одну бутылку и вместе с украинцами, белорусами, эстонцами и другими дружными народами выпить так много, чтобы забыть вражду и снова проснуться в СССР. Это единственная дорога, и никакой другой тропинки просто нет. Сегодняшние дети уже будут жить в социализме, будь он трижды не ладен. А наши внуки начнут строить коммунизм, не сразу, конечно, но обязательно начнут.

Мы скоро вернемся в СССР, вновь сделаем могучую страну и честную партию, повсюду развесим портреты любимых вождей и их славные слова, нас снова научатся бояться развитые страны, а мы мирно сопьемся на своих маленьких кухнях

и начнем бесстрашно рассказывать анекдоты про власть и правящую партию. Это настоящее счастье – ничего не иметь и ничего не терять...

Я не хочу поворачивать со всеми, я хочу сразу назад, строго и по прямой дороге, и прямо в СССР.

Я всех вас там и подожду».

Итак, что это за текст?

Во-первых, это текст, безусловно, талантливый.

Во-вторых, это текст, безусловно, искренний.

В-третьих, это текст человека, который испытывает мощное стремление назад. Но это даже нельзя назвать ностальгией – это другое. Это уже волевой импульс.

Это текст одного из тех, кто является нашим сторонником. Это текст одного из тех, кто слагает большинство, которое не хочет десталинизации и тому подобного. В этом смысле это замечательный, великолепный, талантливый текст.

Но он большой.

Если люди хотят понять, что такое регресс и что такое внутренний надрыв, надлом, то это именно и есть то, что предьявлено в данном тексте. И не надо мне говорить, что я не понимаю иронии художника (а автор, безусловно, художник)! И не надо мне говорить, что я хочу какой-то прямолинейности. Я человек, посвятивший свою жизнь искусству, и я понимаю, что такое произведение искусства и чем оно отличается от прокламации или от концептуально-теоретического текста.

Я просто хочу сказать, что если вычесть иронию, если вычесть все специальные приемы, которые применены в данном тексте, то все равно останется надлом. Это первое. А в надломленном состоянии вернуться нельзя никуда. Одиссей может вернуться на Итаку, евреи могут вернуться в Иерусалим, потому что они не надломлены. А в этом есть надлом.

Поэтому хотеть вернуться можно, но, как говорят в таких случаях, «хотеть не запретишь». Но даже хотеть в надломленном состоянии сильно – нельзя. И потому вернуться нельзя, что сильно хотеть нельзя. Надлом и сила воли несовместимы. Либо исправляется надлом, либо не возникает силы воли.

Автор текста, конечно, хочет в брежневизм. Он прямо говорит, что хочет в 80-й год, где он будет сдавать макулатуру, нормы ГТО: *«Я хочу вернуться в 1980 год, собрать в одном месте всех сегодняшних...»*

Но в брежневизм – 80-е, 70-е и даже 60-е годы – вернуться нельзя. Вы понимаете? Вот я – человек, который специально ушел в андеграунд в эти годы для того, чтобы не причащаться застоя, а создавать мобилизационные схемы для будущего прорыва, – вот я, понимая, что происходит сейчас, был бы готов вернуться в застой. Но в застой вернуться нельзя.

В этом политическая слабость текста, который, конечно, вообще не претендует на политику. Это самовыражение, это крик души, это художественный текст. И тем не менее в застой вернуться нельзя. Вернуться можно только во что-то совсем другое.

Застой мог существовать потому, что он опирался на твердый фундамент, построенный в другую эпоху, другими руками, другими жертвами, другим надрывом, другим страстным, исступленным трудом. Вот поэтому мог быть застой, и в нем могло быть то умеренное и не очень ценимое благополучие, которое описывает автор.

А теперь уничтожен весь фундамент. Он уничтожен вообще, вы слышите? Его вообще нет, вообще! И строить-то его надо заново. А строить его в психологии «хочу в 80-й год»... Ну, хотя.

У меня есть ближайший друг, его отца посадили в 1937 году, а потом снова в 1949-м. Мать рожала мальчика, когда отец уже опять сидел. Он был очень талантливый человек и очень верный Советскому Союзу, к Сталину относившийся при этом очень трепетно. Когда мать осталась без работы с ребенком и ребенок говорил: «Мама, я хочу велосипед», – мама отвечала: «Хоти».

Можно хотеть все, что угодно, но это нереализуемо. Надо четко понять, что это нереализуемо. Мне кажется, что те, кто сейчас хочет заниматься политикой, те, кто сейчас входит в этот процесс, те, кого мы собираем под разрабатываемые нами политические модели, – эти люди должны отдавать себе

отчет на 150%, что вернуться в это нельзя. Они не просто должны кивнуть в ответ на эту, произнесенную мною, фразу. Они должны каким-то образом это пережить. Понимаете? Пережить.

Останьтесь наедине с собой и однажды встретитесь с кем-то очень вам близким – со своим «сверх-Я», со своим идеальным «Я» или с кем-то еще, кто скажет вам: «В это вернуться нельзя». И пусть это вас обожжет по-настоящему. Это будет очень болезненный ожог, но, возможно, после него родится новая, высшая воля и новое понимание того, что можно.

Мы можем создать для того, чтобы спасти себя и мир, теперь уже только супербюрокрационную схему.

Брежневская расслабуха невозможна не потому, что кто-то ее не хочет. Да, я ее не любил и не люблю сейчас, но я согласен на нее и бороться за нее согласен, согласен все что угодно делать, чтобы она восстановилась вместо этого ужаса. Но это невозможно. И в этой невозможности есть трагический крик – о невероятно суженном коридоре возможностей, о трагическом коридоре возможностей.

Дальше. Ни во что это нельзя возвращаться. Но... «*Мечтаю купить пирожок с повидлом за шесть советских копеек и завернуть селедку в свежий номер нечитанной газеты „Правда“...*»

Возвращаться можно только в жадно читаемые сводки.

*А мы называли грядущим будущее
(Грядущий день – не завтрашний день)*

И знали:

Дел несделанных груды еще

Найдутся для нас, советских людей.

А мы приучались читать газеты

С двенадцати лет,

С десяти,

С восьми

И знали: пять шестых планеты –

Капитализм, а шестая – мы.

Капитализм в нашем детстве выгрыз

*Поганую дырку, как мышь в хлебу,
И все же наш возраст рос и вырос
И вынес войну
На своем горбу.*

Автор текста хочет завернуть селедку в нечитаную газету «Правда», а автор приведенных строк – Борис Слуцкий – говорит:

*Я помню квартиры наши холодные
И запах беды.
И взрослых труды. (Вот этот исступленный труд. – С. К.)
Мы все были бедные.
Не то чтоб голодные,
А просто – мало было еды.*

Автору текста не нравятся террористы, проститутки, рэкетеры и все прочее, да? Пусть лучше одна партия, чем много... И так далее, и тому подобное. «Я снова хочу, чтобы мне по телевизору целый день ввали про успехи социализма...»

Ну... У нас есть талантливые писатели, которые в этом жанре работают. Но вы понимаете, что это постмодернизм?

Теперь дальше. «Я нарушил клятву и теперь должен ответить перед лицом своих товарищей, которые, в свою очередь, тоже продали Родину и должны ответить передо мной...»

Он не хочет отвечать, он ни за что не хочет отвечать!

«Я часто думаю, почему я тогда изменил воинской присяге и не кинулся с оружием в руках отстаивать достояние социализма. Это было массовое предательство наших социалистических идеалов и обретение капиталистических идеалов, которые сегодня мы тоже готовы продать.

Я, в принципе, согласен вспомнить о своей воинской присяге и выполнить свой долг, но моя Родина не дает мне автомата...

Видимо, Родина больше не ждет от нас ратного подвига, она обиделась и устала ждать. А мы вновь чувствуем, что отечество в опасности, и думаем, как из него убежать...»

Ну, красиво. Красиво. Едко. Думай. Все так просто.

«Я не хочу в Америку, я хочу в СССР. Я буду до последней капли крови мужественно стоять в очередях...»

А если до последней капли крови надо будет не в очередях стоять? А ведь надо будет. Ведь если непонятно, что надо будет, то лучше не затеваться вообще.

И дальше он говорит уже: *«...стоять в очередях за колбасой, ходить на субботники и носить... транспаранты...»* То есть заниматься тем, что он, в принципе, презирает. Но он готов в это вернуться, потому что то, что он имеет, это еще гораздо более отвратительно.

Нельзя никуда вернуться в таком настроении. «Ты не продашь слона», как говорят в анекдоте. Там говорится:

– Как у тебя-то дела?

– Ты знаешь, я очень беден, мне плохо, но у меня есть слон. Это такое счастье! Это огромное существо, он меня так хоботом ласкает, он столько дел за меня делает!

– Слушай, продай мне его!

– Никогда! Ну, это же мой брат! Это мой друг.

– Ну, за миллион долларов! Я богат, но несчастен.

– Нет, ну, что ты!

– За три!

– Нет, нельзя!..

– За десять!

– Ну, хорошо. За десять – возьми.

Через сколько-то времени:

– Ну, что? Как слон?

– Отвратительно! Нагадил на паркет, разломал всю мебель, раздавил любимую собаку.

– Слушай, ты меланхолик, мизантроп. В таком настроении ты никогда не продашь слона!

Так вот, в таком настроении никуда не вернешься.

«Учиться коммунизму никогда не поздно, да и учиться даже не надо, а только повторить...»

Извините! Ему придется учиться и учить других.

«Утром встать под слова старого гимна, съесть ломтик талонной колбасы, купить за три копейки билет... гордо пройти проходную...»

Надрыв.

«Я буду ударником коммунистического труда... и добровольно стану покупать билеты... ДОСААФ... Я никого туда не зову, я ухожу один...»

Ну, в этом есть элемент суицидальной тоски, но только с такой тоской ничего нового не устроишь.

«Мы откопаем Леонида Ильича, оживим его, поцелуем в любое место и завешаем... пусть... шамкает нам... Это надежно убаюкивало... и незачем было будить».

Мы с вами переживаем новый и сложнейший этап. Этап, когда вот эти настроения придется переплавлять во что-то другое. Мы не можем отбросить эти настроения. Не можем хихикать по их поводу. Не можем плюнуть на них. Мы должны их принять. Но, если мы просто примем их, нам кранты по полной программе.

Мы должны это принять и алхимически переработать. Это надо переплавить во что-то совершенно другое, гораздо более новое и страстное. Для этого нужны политически по-другому образованные люди. Для этого нужны социальные лидеры. Для этого нужна настоящая ткань, собранная из когерентных социальных лидеров. Для этого нужно, чтобы люди отрекались «от себя для себя, но не для России». Для этого нужно, чтобы живая связь между ними и исторической личностью была восстановлена и чтобы они могли полюбить с подлинной силой. Вот это все называется «срастить сломанный хребет», снять надлом, преодолеть регресс, преодолеть аномию, преодолеть все те обертона слабости, которые в этом существуют.

Наступает время великой силы, которую каждый должен найти в себе.

Поздно цацкаться со своими слабостями. Поздно капризничать, поздно комплексовать. Все поздно. Все в прошлом.

Нужно взять лист своей жизни, на котором вот такие зююли, и положить его на вот эту карту угроз (см. рис. 29)... Повторяю вам: я не знаю, что будет, когда я выйду с этой передачи, какие новые известия меня ошарашат. Посмотреть на все на это, порвать и на чистом листе написать одно слово: «Борьба». Без шуток. Без постмодернизма. Всерьез.

Великий, огромный, коллективный труд, в котором нет места эгоизмам, играм, комплексам, конспироманиям – ничему. Все всё могут. Того, что уже состоялось в наших рядах, достаточно, чтобы, сделав еще 10–12 шагов, прийти к настоящей, подлинной цели. Но для этого надо понимать, что каждый следующий шаг будет сделать в 10 раз труднее, чем предыдущий. И что вот эти настроения – предпосылка, увлечься которой так же пагубно, как и расплываться с ней.

Надо пройти третьим настоящим путем – между отрицанием этого, пожиманием плечами, фырканьем. Нет ничего более тупого и глупого в политике, чем фырканье, капризность, привередничество, перебирание: «Вот этот импульс такой, а этот другой». Есть импульс – и слава богу.

Итак, это надо уважать и ценить. Но одновременно это надо с невероятным трудом и невероятной настойчивостью преобразовывать. Иначе это не спасет, а погубит все до конца. И у нас должно хватить сил на преобразование.

Да, это очень редко удавалось делать в истории. Да, это по ту сторону того, что называется политической классикой. Но наступает время, когда говорить, как о спасении, можно только о том, что по ту сторону. Надо перейти по ту сторону, там найти все искомые средства и после этого применить их так, чтобы спасение состоялось и задача наша была решена по-настоящему.

23 августа 2011 года

Выпуск №30

Предлагаем вашему вниманию рабочий вариант Манифеста движения «Суть времени», написанный и зачитанный в ходе работы летней школы.

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА Манифест движения «Суть времени»

ВВЕДЕНИЕ. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РАМКА

Любое движение объединяет людей с разными взглядами и убеждениями. Это естественно и в каком-то смысле необходимо. Но это не имеет никакого отношения к всеядности: должно быть нечто, объединяющее людей, решивших вместе делать общее дело.

И это нечто даже не какой-то общий принцип, а некая рамка, очерчивающая общую для всех участников политическую, нравственную и экзистенциальную территорию.

Какова эта рамка для движения «Суть времени»?

Она складывается всего лишь четырьмя принципами.

Принцип №1. Все мы относимся к краху СССР как к личной трагедии. Ответственные за этот крах силы лишили нас нашей Родины. Это особенно ясно теперь, когда всё те же силы стремятся добить до конца Россию, используя буквально те же приемы, которые позволили им организовать крах СССР.

Итак, потеря СССР для нас – это утрата. Боль этой утраты с годами не ослабевает. Даже наоборот. Ибо по прошествии времени лишь нарастает трагическое осознание того, как много мы тогда потеряли.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», – говорил великий фламандец Тиль Уленшпигель.

Пепел СССР стучит в наши сердца. Именно это нас объединяет.

Те, в чьи сердца не стучит этот пепел, не могут быть вместе с нами.

Разрушенный Советский Союз живет в наших сердцах. И поскольку он в них живет – СССР может быть восстановлен.

Способность хранить в сердце то, что исчезло в реальности, – главная предпосылка реванша. Да, именно реванша – мы говорим о нем и только о нем.

Реванш – это осознание горечи поражения и готовность к победе. Только это и ничего больше.

Мы переживаем крах СССР как поражение своего народа и свое личное поражение. Но мы не капитулировали. Мы готовы продолжить борьбу и победить.

Принцип №2. Мы хотим знать, почему распался Советский Союз и кто виновен в этой трагедии. Мы понимаем, что ответ на этот вопрос крайне сложен. Что враг применил против нас сложное и коварное оружие. Что враг и теперь создает разного рода ложные цели и дымовые завесы. Мы не хотим простых ответов. Ибо понимаем, что простота тут хуже воровства.

Мы не пощадим сил ума и души для того, чтобы добраться до истины. Мы готовы учиться, брать новые и новые барьеры сложности в поисках окончательного ответа.

Не готовые дать окончательный ответ сегодня, мы дадим его завтра. В русских сказках говорится о семи парах стоптаных железных сапог. Если будет надо, мы стопчем семьдесят семь пар таких железных сапог. Ибо мы хотим окончательного ответа на свой вопрос. И мы этот ответ получим.

Принцип №3. Мы хотим понять не только то, кто виновен в распаде СССР и в чем подлинный замысел сил, сумевших обеспечить его распад.

Мы хотим понять еще и то, как можно вернуть утраченное. Только ради этого мы и прорываемся к истине. Возвращение утраченного – еще на порядок сложнее, чем получение ответа на вопрос о том, кто, как и почему отнял у нас любимое.

Мы не боимся и этой сложности. Мы хотим обрести настоящий, полноценный ответ на вопрос о том, как вернуть утраченное. И мы этот ответ обречем.

Принцип №4. Без любви разум бессилен. Без разума любовь слепа.

Но и разума, и любви недостаточно. Мы хотим понимания природы своего поражения, понимания путей к победе – не просто для того чтобы потешить свой ум и успокоить сердечную боль. Мы хотим не только понять, как вернуть утраченное. Мы хотим это утраченное вернуть.

Сердце и разум, даже объединившись, бессильны, если нет воли. У нас эта воля есть. Мы хотим бороться за то, чтобы вернуть утраченное. Мы не хотим экстаза, мы не будем биться в конвульсиях. Мы сможем остудить чувство, не потеряв при этом его. Наш разум может и будет брать один барьер сложности за другим.

Но все это для нас не упражнения души и разума. Нам нужно любить и знать для того, чтобы действовать.

Вслед за Марксом мы говорим: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Вот и все, что нас объединяет. Только эти четыре принципа – и ничего другого. Они задают концептуальную, моральную, экзистенциальную, политическую рамку. Внутри нее мы чувствуем и мыслим по-разному. Мы лишь отправляемся в общий путь. Мы верим, что странствие в поисках утраченного

сблизит нас. И при этом мы всегда будем оставаться разными. Это, повторяем, нормально и даже необходимо. По-разному мы переживаем утрату и понимаем природу этой утраты.

Но мы хотим вернуть утраченное. И мы его вернем.

Те же, кто не разделяет объединяющие нас четыре принципа, пусть отойдут в сторону. Нам одинаково чужды и сектантская нетерпимость, и безволие всеядности.

Оговорив все то, что нас объединяет, мы переходим к тому, что, по нашему мнению, делает возможным реализацию нашей основной и единственной стратегической цели.

ЧАСТЬ 1. О СОДЕРЖАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Глава 1. Двадцать лет спустя

Двадцать лет назад распался Советский Союз.

Двадцать лет назад было спущено развевавшееся над Кремлем Красное знамя.

Двадцать лет назад антикоммунизм и антисоветизм стали официальной идеологией новой постсоветской России.

Двадцать лет назад было заявлено, что распад СССР является не катастрофой, а освобождением России от чудовищных оков советизма. И возвращением в лоно мировой цивилизации. То есть в капитализм.

Во имя этого возвращения в капитализм отrekliсь от очень и очень многого. От созданного гигантскими усилиями и гигантскими жертвами великого государства. От советского образа жизни. И – от своего исторического пути.

Ведь проект под названием «капитализм» оказался, мягко говоря, очень трудно совместим с Россией как историко-культурной личностью.

Об этом достаточно убедительно говорил Ленин в своей ранней работе «Развитие капитализма в России». Но об этом же говорили противники Ленина из лагеря почвенников. И тоже достаточно убедительно.

Впрочем, дело не в том, кто именно и что говорил по данному поводу. Дело в исторической практике. Буржуазия

Российской империи складывалась веками. И выдвинула из своих рядов выдающихся политиков и общественных деятелей. Но в решающий момент, после Февральской революции, эта буржуазия проявила потрясающие безволие и бездарность. За полгода она проиграла все. Ее поведение коренным образом отличалось от поведения буржуазии французской, английской и даже немецкой или итальянской.

Отличия были столь разительны, что неизбежно встал вопрос о причинах такой несостоятельности класса, которому история предоставила все мыслимые и немыслимые возможности.

Крах российской буржуазии после Февральской революции обернулся крахом страны, которую большевики с огромным трудом спасли от окончательной гибели. И ведь как спасли? Проводя радикально антибуржуазную политику. То есть отказавшись от сращивания исторической России с буржуазностью. Обнаружив какой-то непреодолимый тканевый барьер между этой самой буржуазностью и Отечеством.

Большевикам было некогда. Они не имели возможности ломать перья, объясняя, почему либо капитализм, либо Россия. И классический марксистский аппарат не позволял им философски осмыслить подобное «либо-либо». Ведь, согласно этому аппарату, любая страна должна пройти период капиталистического развития.

Большевики как раз и заявили, что Россия этот период уже прошла – худо-бедно, но как-то. В каком смысле прошла? Почему прошла?

Большевики не давали по этому поводу вразумительного ответа и не могли его дать.

Этим занимались их противники из почвеннического лагеря. Но и они не указывали дороги вперед. Фактически они просто воспевали феодализм, противопоставляя его духовности буржуазную бездуховность.

Большевики указали дорогу вперед. И повели Россию этой дорогой – радикально антибуржуазной и антифеодальной одновременно.

Но в чем же тайна несовместимости капитализма и России как историко-культурной личности? Идет ли речь только о несовместимости любой многонациональной империи с буржуазностью, всегда оборачивающейся «парадом буржуазных национализмов»? Или речь о чем-то более глубоком?

Ответ на этот вопрос особо нужен сейчас.

Наши противники из радикального либерального лагеря уже дали свой ответ. Они сказали: «Да, русский дух, русская культурная матрица несовместимы с капитализмом. Мы, может быть, и не понимаем, почему. Но мы это признаем. Да мы и не хотим особо разбираться, почему. Потому что нам ясно, что либо капитализм, либо смерть. А значит, во имя жизни (то есть построения капитализма) мы будем разбираться с Россией, как повар с картошкой. Побуждать русский дух к мутации, менять ядро русской культуры, радикально трансформировать русскую культурную матрицу. А что еще можно сделать?» Так говорят либералы.

Но нам, хотя бы сейчас – в самый катастрофический для России период, период невероятной безысходности, – чтобы выйти из тупика, необходим внятный ответ на вопрос, ПОЧЕМУ Россия несовместима с капитализмом. В чем именно тайна этой несовместимости?

Признаем очевидное.

Двадцать лет назад Россия снова закрутила роман с капитализмом. На этот раз с еще более катастрофическими последствиями, нежели в феврале 1917 года. При этом катастрофа Февраля, она же катастрофа несостоятельности тогдашней буржуазии как господствующего политического класса, длилась чуть более полугода. Теперешний роман новой постсоветской России с новым капитализмом длится двадцать лет. За эти двадцать лет капитализм не создал ничего, а разрушил все.

Наши противники обвиняют в этом Россию, которая лишь имитирует согласие на брак с капитализмом. А на самом деле по-прежнему культивирует в себе сосредоточенную и упрямую антибуржуазность.

А раз так, говорят наши противники, то нужны любые, самые радикальные средства побуждения России к капитализму. Да-да, еще более радикальные, чем ранее. Десоветизация на манер денацификации, внешнее управление. Если надо, то и расчленение. Все это – для вящей славы капитализма.

Ведь если он не состоится, причем по-настоящему, без дураков, то последствия будут еще более ужасными, чем десоветизация, внешнее управление, расчленение и так далее.

Ведь только в капитализме спасение, только в нем выход, только он хоть что-то может как-то удержать на плаву.

Еще до того, как наша борьба с нашими противниками вступит в решающую фазу, нам нужно для самих себя получить четкий ответ на вопрос, так ли это. А может быть, наши противники правы? Может быть, действительно, только в капитализме спасение? Может быть, в этом случае и впрямь надо подавлять любыми средствами то отторжение, которое веками мешает обуржуазить Россию?

Для того чтобы получить честный и глубокий ответ на этот вопрос, нужна новая аналитика капитализма, которая существенным образом переосмыслит все, что связано с его прошлым, и даст возможность заглянуть в его будущее.

При этом нам нужна не антикапиталистическая пропаганда и агитация. Нам нужен теоретический аппарат, позволяющий ответить честно на вопрос о сути и перспективах капитализма. А значит и о том, в чем состоит вывод России из нынешнего ее кошмарного состояния? В том, чтобы любой ценой капитализировать страну, или в чем-то другом?

Не будем предвосхищать ответ на этот вопрос.

Не будем работать под идею.

Исследуем капитализм с предельной научной честностью, опираясь на тот аппарат, который учтет все: и объективные достижения западного капитализма, и крах антикапиталистического СССР, и унижительный кошмар последнего капиталистического двадцатилетия.

Глава 2. Отречение и отреченцы

Двадцать лет назад под лозунгом возврата в мировую цивилизацию (то бишь, в капитализм), под лозунгом ускоренного обретения «нормальной жизни» (то бишь капитализма) произошло фундаментальное отречение от собственного исторического пути во имя ускоренного построения «светлого капиталистического будущего».

Особый цинизм состоял в том, что это отречение было оформлено как возвращение к исконным национальным традициям, которые растоптали «гады-большевики».

Отреченцы дозированно использовали досоветскую символику и семантику. Расчлняя империю и растапывая все ценности, которые ее создали, отреченцы предъявляли народу антисоветский псевдоимперский суррогат. Они фактически не скрывали при этом, что речь идет именно о суррогате, который должен примирить с их новой политикой широкие слои российского общества.

При этом отреченцы не скрывали своего презрения к этим самым широким слоям. Воодушевленные тем, что «слои» уже поддержали их, выбрав Ельцина в июне 1991 года президентом РСФСР, отреченцы относились к поддержавшему их населению как к быдлу, «пиплу», который «схавает» любой суррогат.

Можно и нужно обсуждать причины, по которым вот уже двадцать лет в России длится страшный сон отреченчества. И нельзя не признать очевидное: этот сон не мог бы длиться так долго, если бы Россия не получила страшные повреждения.

Сон отреченчества беспрецедентно долог. Его последствия кошмарны и унизительны. Это касается всего: образования и здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства, обороны и безопасности, правопорядка и демографии.

Все это не позволяет отмахнуться от вопроса о том, жива ли страна вообще. Оставим дежурных оптимистов наедине с теми, кто дежурно внимает их дежурным восклицаниям по поводу того, что Россия «встала с колен». И честно спросим себя, идет ли речь о невероятно долгом и кошмарном сне или же о смерти страны?

Задавшись этим вопросом, не будем играть в поддавки. А будем тщательно измерять параметры, которые позволяют получить правдивый ответ на этот страшный вопрос. И признаем, что Россия, встав на капиталистический путь уродливым, как никогда, образом, получила страшную травму. Но тем не менее она жива. И понемногу выходит из своего двадцатилетнего сна, весьма похожего на коматозное состояние.

Не надо сладких иллюзий. Россия еще не проснулась полностью. Она по-прежнему колеблется между жизнью и смертью. Весьма велика возможность, что силы, которым нужна именно смерть России, добьются искомого. Но, как бы велика ни была эта возможность, шанс на жизнь у России есть. И этот шанс необходимо использовать полностью. Непростительны здесь любое безволие, любая апатия, любые ссылки на бесконечную слабость друзей России и бесконечную силу ее врагов.

Но что должно быть предложено России, которую капиталистический соблазн уже довел до коматозного состояния? Тот же капитализм, но в неизмеримо большей дозе плюс подавление всего антикапиталистического? А если антикапиталистична вся традиция? Тогда ее надо подавлять всю целиком? Но что тогда останется от России?

Глава 3. На подступах к методу

Нам нужен метод, способный в полной мере раскрыть содержание современной эпохи. Ведь именно от ответа на вопрос об этом содержании зависит все остальное.

Дает ли эта эпоха шанс чему-либо, кроме капитализма? И если да, то чему?

Понятно, что если такого шанса нет, то крах России фактически неизбежен. А если что-то и сохранится в результате мутации духа, смены ядра, ломки культурной матрицы, то сохранившееся уже не будет Россией. Но если такой шанс есть, то может ли Россия им воспользоваться?

Уже на подступах к ответу, который носит буквально судьбоносный характер, надо договориться о методологии,

позволяющей получить искомый ответ, не поддаваясь ни соблазну пропагандистского упрощенчества, ни соблазну бесконечных академических умствований.

Политическая методология имеет три базовых элемента: честность, ум и волю. Именно от честности, ума и воли тех, кто ищет выход из тупика, зависит, удастся ли из этого тупика действительно выйти.

Начнем с честности. Весь мир говорит о том, что Россия проиграла «холодную войну». И что державы-победительницы ведут себя теперь с Россией так, как и подобает себя вести победителям с побежденным. Неужели у нас до сих пор не хватает честности на то, чтобы признать: «Да, налицо именно факт унижительного, чудовищного разгрома»?

Чего мы боимся, прячась от очевидности? Того, что эта очевидность раздавит так называемые здоровые силы? Здоровые силы – это стойкие силы. Поэтому бояться тут нечего. Тот, кого подобное признание может раздавить, и так будет раздавлен при первых же серьезных испытаниях.

Итак, издержки минимальны, а приобретения огромны. Признание факта унижительного, чудовищного поражения мобилизует стойких, мужественных людей. Пережив этот факт по-настоящему, такие люди не сломаются, а, напротив, обретут особые силы. Воистину «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Признание своего поражения, переживание поражения как величайшей трагедии станет этим тяжким млатом. В огне особого переживания, которое с эпохи Древней Греции и поныне называют «катарсис», родится булат – новый человеческий материал, который один лишь может спасти Россию от почти что неминуемой смерти.

Обсудив то, что касается честности, перейдем к уму.

Проиграла ли Россия в 80-е годы XX века «холодную войну»? То, что она проиграла какую-то войну, безусловно. Но была ли эта война той канонической «холодной войной», о которой говорили классики антисоветизма?

Есть известная книга Ричарда Никсона «Победа без войны». Само название указывает, что состязание, проигранное Росси-

ей, носило более сложный характер, чем классическая война, пусть даже и холодная. Нам абсолютно необходимо понять, какое именно состязание мы проиграли. Тут недопустима никакая неточность. Потому что враг намерен повторить все те же приемы и добить Россию окончательно. Нам нужна поэтому полная – глубокая и беспощадная – аналитика явления, именуемого перестройкой. Тем более, что все уже понимают: России теперь, двадцать лет спустя, навязывается новая перестройка, «перестройка-2». И именно эта перестройка, коль скоро ей не удастся дать отпор, станет окончательной русской смертью.

При всей важности таких понятий, как «интеллектуальная война», «диффузная война» и так далее, наиболее глубоким и адекватным сути дела понятием является Игра.

В конце 80-х годов Россию не победили – ее обыграли. Осознание этого обстоятельства немедленно приводит к обнаружению ключевого противоречия нашей эпохи – противоречия между Игрой и Историей. Никогда в предшествующие тысячелетия подобное противоречие не достигало такого накала и такой беспощадности.

Конечно же, знаменитая статья «Конец истории», написанная двадцать лет назад американским политологом Френсисом Фукуямой, бессодержательна, как все модные тексты. Но почему эта статья стала столь знаменитой? Почему она фактически превратилась в идеологию глобализма и даже чего-то большего?

Потому что проблема конца истории бесконечно более глубока и трагична, чем статья с одноименным названием, написанная по гарвардским банальным клише. Конец Истории – это начало всевластия Игры как манипулятивных комбинаций, создаваемых элитой в условиях отсутствия народной воли, отсутствия народа как такового. Ведь именно народ творит историю, и именно история создает народ как творца истории.

Те, кто разрушал двадцать лет назад Советский Союз, воевали не только с СССР как геополитическим противником и с коммунизмом как идеологическим противником. Они воевали с

историей как таковой. Для борьбы с историей были опробованы совершенно новые технологии, созданные в лоне политического постмодернизма, ненавидящего и историю, и большие идеологические проекты, с помощью которых осуществляется историческое движение. Все это – и даже проект «Человек».

Война с СССР и коммунизмом была войной с историей и человеком. А значит, войной с гуманизмом и развитием.

СССР и коммунизм оказались ключевыми и одновременно слабыми звеньями в исторической цепи. Демонтаж СССР и коммунизма – всего лишь пролог к демонтажу истории и человечества.

Признаем же унижительность поражения.

Поймем могущество и коварность своего врага, масштабность его злых помыслов, окончательность его антигуманных проектов.

Признав унижительность поражения и поняв масштаб того зла, которому мы проиграли, осознаем и масштаб утраты. Ведь одним из решающих слагаемых в победе врага было созданное врагом состояние умов и сердец, в котором исчезло само понятие «утраченное».

Ибо утрачивалось советское. А советское было представлено как позорная, кровавая патология, лишенная какого-либо позитивного содержания вообще. Ну может ли такая патология переживаться в качестве утраты? Да нет! Если прошлое – это ужас, то разрыв с прошлым – это счастье. «... Те, кто говорил, что прошлое – это не ужас, они нам лгали, лгали, лгали! Они скрывали правду от нас!.. А теперь наконец-то мы эту правду обрели! Мы прозрели! Мы отрекаемся от прошлого, каемся за него!» – вот что, по сути, звучало рефреном в головах многих наших соотечественников.

Такое отречение от прошлого дополнялось крайне специфическим образом счастливого будущего. С каждым новым витком катастрофы, порожденной отреченчеством, становилось все яснее, что образ будущего носит беспрецедентно материалистический, по сути, глубоко антидуховный характер. Что в этом будущем вместо «рая на земле» должны появиться райки и раёчки – джинсовые, колбасные и иные.

Итак, отречение от прошлого вообще, от свойственной прошлому идеалистичности – и подмена идеальности как таковой чечевичной похлебкой райков и раёчков. Вот в чем был замысел врага. Вот за счет чего он хотел добиться окончательной цели. Враг преуспел в этом замысле. Но окончательной победы над Россией и историей как таковой он пока еще не добился. И потому злобствует. Потому рвется к новым десталинизациям, десоветизациям, новым перестройкам и перестроечкам.

Пережив поражение и поняв его масштаб, мы должны спросить себя, смиряемся ли мы с поражением?

Тем самым проблемы чувства и ума дополняются третьей проблемой – проблемой воли.

Сегодня эта проблема является ключевой. Перед теми, кто всерьез готов продолжить борьбу, стоят задачи неслыханной сложности. И им отведено совсем немного времени для того, чтобы эти задачи решить.

Если готовые бороться воспримут себя как данность, как то, что есть, и только, если они не будут преобразовывать самих себя, ставя на место унылой данности процесс собственного восхождения, собственного самопреобразования, – новая схватка будет неминуемо проиграна. Причем проиграна окончательно.

И тут к трем рассмотренным нами методологическим факторам – честности, уму и воле – добавляется основной и решающий суперфактор. Имя ему любовь.

Есть ли у тех, кто хочет бороться за Россию, эта любовь? Не любовь вообще, а любовь предельная и окончательная, творящая чудеса? Чему (или, точнее, кому) адресовано это чувство? Одеждам, в которые облачается историко-культурная личность? Или самой этой личности? И что есть эта личность? Как не расчленить ее, умертвляя научной понятийностью? И как не впасть в другую крайность – в нестойкий и бесплодный мистический экстаз?

Тайна не раскрывается в манифестах. Тайна требует таинства. Поэтому, оговорив всю важность преобразующей любви – любви предельной и окончательной, будем исходить из того, что эта любовь уже есть. И спросим себя: если она есть – что дальше?

Дальше речь идет именно о ее возвышающей преобразующей силе.

Честность говорит, что любимое гибнет.

Любовь требует, чтобы ты спас гибнущее.

Честность говорит, что ты – такой, как ты есть, – ничего не можешь.

Любовь говорит, что ты должен.

Конфликт между «должен» и «не могу» все более накаляется и кажется все более безысходным. Наконец, ум подсказывает выход: «Это ты такой, как ты есть, не можешь спасти любимое. Но поскольку ты обязан это сделать, то ты просто должен стать другим. И этот «ты-другой» решит задачу, которую «ты-наличествующий» решить не можешь».

Реванш – это признание поражения и готовность победить в будущем. Не болтать о победе, а победить. Поскольку Россию обыграли в сложнейшей игре, поскольку ей вновь навязывают сложнейшую игру, то реванш заключается в том, чтобы выиграть. Но поскольку игра сложнейшая, то выиграть можно только в полной мере поняв игровые правила, принципы ведения игры и многое другое.

Понять все это надо не только умственно, но и тотально. То есть так, как понимают люди, которым самим предстоит вести игру и побеждать.

Игра не просто сложна и коварна. Она отвратительна. Все твоё существо отторгает подобное тотальное понимание. Тем более что степень сложности требует тут высочайшего и явно у тебя отсутствующего профессионализма. А большинство из тех, у кого профессионализм есть, уже предали и перебежали на сторону противника.

Но поскольку спасти любимое можно только выиграв эту игру, ты постигаешь все, что тебе нужно для этого выигрыша. Ты становишься специалистом так, как становится медиком мать, желающая спасти своего ребенка. При этом ты реально становишься другим. Честность, ум, воля и любовь преобразуют тебя. И в этом преобразованном состоянии ты уже можешь решить поставленную задачу.

Это не магия и не мистика. Наиболее очевидная для всех форма самоизменения – это образование. Как образование вообще, так и самообразование. Задача политического образования и самообразования приобретает в нынешней ситуации крайне актуальный характер.

Для спасения страны нужны тысячи и даже десятки тысяч по-новому политически образованных людей, связанных узами глубокого взаимопонимания – как нравственного, так и теоретического. Людей, прошедших одну большую политическую школу. В чем-то подобную знаменитому ленинскому Лонжюмо, но неизмеримо более глубокую, подробную и массовую.

Разговоры о спасении нужны лишь постольку, поскольку на их основе сформируются отряды спасателей. Маркс был прав: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Но ведь, констатируя это, Маркс не отказался от объяснений, не правда ли?

Глава 4. Мы и наши предшественники

Создавая «Коммунистический манифест», Маркс анализировал буржуазию своего времени.

Настало время для анализа совсем другой буржуазии. Буржуазии нашего времени.

Для анализа буржуазии своего времени Маркс использовал созданный им понятийный аппарат. Этот аппарат не потерял значения и поныне. Но считать этот аппарат универсальным, одинаково применимым во все времена и с одинаковой полнотой описывающим все стороны интересующего нас явления, безусловно, нельзя. «Капитал» Маркса, другие работы самого Маркса и его последователей фокусируют внимание на важнейшем факторе – факторе материального производства. Или, иначе говоря, законах той искусственной материальной среды, которую способен создать и развивать только человек. И которая, будучи отчасти подвластна человеку, одновременно властвует над ним.

Макс Вебер спорил с Марксом не как с коварным злодеем, а как с величайшим ученым, сумевшим блестяще проанализировать ключевой фактор – материальное производство. Признавая колоссальную важность самой этой искусственной материальной среды и действующих в этой среде закономерностей, Вебер убеждал сторонников Маркса рассмотреть в качестве другого независимого фактора – общество. То есть не материальную, а социальную среду, столь же искусственную, как и материальная среда, создаваемая человеком. И имеющую свои законы, как создаваемые человеком, так и властвующие над человеком.

Человек создает общество как систему регуляторов, утверждал Вебер. Эта система регуляторов носит исторически преходящий характер. История есть смена типа регуляторов. А значит, и типа общества. Искусственную материальную среду создает и контролирует не отдельный человек. Ее создает и контролирует организованное в сообщества (то есть общества) человечество.

Но разве Маркс не говорил о социальности человека?

Безусловно, говорил. Причем с предельной определенностью.

Все дело в том, что Маркс не хотел признавать систему общественных регуляторов (в его терминологии – надстройку) отдельным фактором, хоть отчасти автономным от искусственной материальной среды (в его терминологии – базиса).

Для Маркса, как и для Эйнштейна или Фрейда, наличие ряда равнозначимых факторов было неприемлемо, если можно так сказать, эстетически. Этим трем великим ученым обязательно нужно было вывести все законы из одного источника. Неважно, какого именно: эйнштейновской кривизны пространства-времени, марксовской теории труда или фрейдовского Эроса. В конце жизни и Эйнштейн, и Фрейд отказались от принципа выведения мира из одного фактора. Эйнштейн признал темную материю, Фрейд – Танатос. Но Маркс не дожил до XX века с его далеко идущими и очень мрачными коррективами. Стал ли он сам что-то под конец пересматривать и что именно – это вопрос открытый.

Стремление Маркса вывести все из одного принципа, создав именно монистическую, а не какую-то другую теорию, предопределило крайне сложное отношение Маркса к современной ему имперской России. Решив заниматься Россией отдельно, Маркс тем самым уже встал на путь отказа от методологического и теоретического монизма. И никто не знает, как далеко продвинулся бы он на этом пути.

Но именно неокончателность движения Маркса по этому пути не позволяет полностью опереться на его теоретические положения ни в вопросе о содержании современной эпохи, ни тем более в вопросе о шансах России в XXI столетии.

Насущно необходим синтез Маркса и Вебера. Аналитика искусственной среды, создаваемой и развиваемой человеком, должна быть не отменена, а дополнена аналитикой социальной среды, определяемой системой регуляторов.

Только на такой основе возможна и аналитика современного капитализма, и прогностика, то есть определение перспектив этого капитализма. А значит, и ответ на вопрос о содержании современной эпохи. Маркс многое раскрыл и поразительно многое предугадал. Но ведь не все же он раскрыл и не все предугадал.

Марксизм сыграл сложнейшую роль в жизни советского общества. Он создал это общество. Он помог этому обществу решить очень многие задачи. Но он и затормозил это общество в своем развитии.

Советские идеологи боялись развития марксизма. Они всячески блокировали это развитие, считая, что устойчивость советского общества определяется каноничностью идеологии, в которой Марксу уготована роль мудреца на все времена. Но марксизм был предельно не пригоден для создания канона и каноничной идеологии.

Канонизация Маркса стала одной из черт советского общества. Другой чертой стал оголтелый антимарксизм – как почвенный, так и либеральный (попперовский). Третьей чертой – произвольные трактовки марксизма, подчиненные политической борьбе советских элитных кланов. Все это не позволяло нам дать адекватный ответ на новые вызовы.

В советскую эпоху синтез Маркса и Вебера не произошел по причинам сугубо политическим. Он был идеологически не нужен. И потому волевым образом отменен. Вопреки научной необходимости. Вопреки тому, что все предпосылки для этого синтеза уже были созданы.

В наименьшей, а возможно и большей, степени были созданы и другие предпосылки. Ибо, помимо искусственной среды (которую человек создает и развивает и которая влияет на самого человека), помимо социальной среды (которую человек, опять-таки, создает и развивает и которая, опять-таки, влияет на самого человека), есть еще и сам человек. Как автономный фактор, ничуть не меньший по значению, чем техносфера и социум.

Человек, развивая материальную среду и социум, развивает и самого себя.

Человек, подчиненный законам материальной среды и социальным законам, подчинен еще и закономерностям культурно-антропологического характера.

Эти закономерности достаточно подробно рассмотрел один из величайших психоаналитиков и философов XX века Эрих Фромм. При этом Фромм восхищался Марксом, а не опровергал его. Он называл Маркса одним из величайших умов человечества. Он хотел дополнить марксизм автономным человекознанием. И он знал, как именно осуществить подобное дополнение.

Новый аппарат, включающий эти дополнения, а также многое другое (скрытую метафизическую полемику Маркса и Гегеля, теологическую аналитику исторического материализма Вальтера Бенямина, «Тектологию» Богданова и так далее), позволяет по-новому оценить содержание современной эпохи. В теоретическом плане предстоит еще сделать очень и очень многое. Но о содержании эпохи уже сейчас можно говорить с достаточной определенностью. И тут, конечно, решающее значение имеет синтез Маркса и Вебера.

Глава 5. Капитализм реальный и иллюзорный

Крах капиталистических иллюзий – вот в чем принципиальная новизна современной эпохи.

А ведь именно на этих иллюзиях строился проект ускоренного построения капитализма в России. А значит, и демонтаж СССР, советской системы, мировой коммунистической системы, мирового идеологического и политического баланса сил. Все это решено было демонтировать ради того, чтобы скорее запрыгнуть пусть даже в самый убудочный, но все же капитализм.

Когда-то Илья Эренбург написал роман «Трест ДЕ», имея в виду некий политический трест, провозгласивший лозунг «Даешь Европу!».

СССР, советский образ жизни, весь альтернативный капитализму мировой проект раскурочили создатели «Треста ДК» («Даешь капитализм!»).

Создатели этого Треста утверждали, что только в капитализме спасение. Они говорили: «Плевать на то, насколько капитализм совместим с Россией. Нечего с этой самой Россией цацкаться. Если капитализм с нею несовместим, тем хуже для нее. Ибо только в капитализме спасение».

Аргументы создателей «Треста ДК» оказались очень убедительны и соблазнительны для наивного советского общества. Но то, что общество приняло за горькую правду, к 2008 году окончательно обнаружило свою иллюзорность.

Капитализм как безальтернативный уклад, как окончательный итог человеческой истории – это иллюзия. Пропаганде этой иллюзии послужила достаточно элементарная на первый взгляд, но имеющая далеко идущий подтекст статья Френсиса Фукуямы «Конец истории».

Теперь мы видим, что нет никакого конца истории в том смысле, в каком его понимают Фукуяма, неогегельянцы, у которых Фукуяма учился, и авантюристы, превратившие опус Фукуямы в политический флаг так называемого глобализма.

Что нет ни этого конца истории, ни конфликта цивилизаций, провозглашенного Хантингтоном – консервативным

собратором Фукуямы, который взялся концептуально окормлять Демпартию США.

Но что же есть?

Мы уже констатировали, что налицо крах капиталистических иллюзий. Тех самых иллюзий, которые породили самый горький и унижительный период нашей истории.

Период перестройки и постперестройки: «Долой „совок“ во имя капитализма!»

Период самоизмены: «Упирались рогом, не хотели капитализма, доигрались, пора опомниться!»

Период отказа от собственного исторического пути: «Зачем нам этот самый путь, если есть одна-единственная капиталистическая историческая магистраль?»

Период низменных и надрывных капиталистических упований: «Раз оплошали, не на ту карту поставили, то выбросим фантазии на свалку и хоть наедемся досыта да развлечемся по-настоящему».

То, что казалось реальностью, оказалось иллюзией.

То, что казалось иллюзиями, оказалось реальностью, отброшенной с катастрофическими результатами во имя рухнувших, рассыпавшихся иллюзий.

Зафиксировав это, зафиксируем и другое.

Что об этом крахе иллюзий предупреждалось еще в концептуально-аналитическом манифесте «Постперестройка». Ровно двадцать лет назад предупреждалось: «Не принимайте иллюзии за реальность!»

Ровно двадцать лет назад говорилось и об иллюзорности победы мирового капитализма, и о страшных последствиях затеи, планируемой в России «Трестом ДК».

Увы, вопреки этим предостережениям общество поддалось упоительному пению капиталистических сирен, поднятых для грязной пиар-работы этим самым «Трестом ДК».

Теперь хозяева Треста невероятно обогатились, а все остальные кусают локти. Но ведь иначе и не могло быть. Ибо оказался построен тот самый мафиозный псевдокапитализм, о котором говорилось в «Постперестройке». Ибо рухнули те самые глобальные капиталистические иллюзии, которые

обсуждались в этой книге. И обрушение произошло именно по тому сценарию, который был в ней описан.

И если хотя бы сейчас не опомниться, то все будет развиваться именно по этому абсолютно губительному для России, да и для мира, сценарию. А значит, надо опомниться хотя бы сейчас.

Сейчас или никогда. Такова цена обсуждаемого вопроса.

Если и сейчас, в условиях колоссальной разочарованности историческими результатами последнего двадцатилетия, страна не найдет в себе силы для преодоления навязанной ей стратегии отречения от собственного исторического пути, крах неизбежен. И он не заставит себя долго ждать. Если Россия не сумеет опомниться сейчас, она исчезнет с карты мира до 2020 года.

Глава 6. Будущее «Треста ДК»

В противоположность тому, что здесь утверждается, «Трест ДК» упорствует, настаивая на том, что альтернативы капитализму нет. А значит, этот капитализм надо достраивать, наплевав на все издержки, сколь бы велики они ни были.

Верит ли сам «Трест ДК» в свою историческую правоту?

Прочитайте внимательно все его псевдоконцептуальные документы. Ознакомьтесь с идеями авторов «Стратегии-2020» (и дополнениями к «Стратегии-2020»), «Стратегии-2030» (и дополнениями к стратегии «Стратегии-2030»), стратегии демократической модернизации, стратегии интеллектуализации экономики (4И, 5И – кто больше?)...

У вас все это не вызывает чувства предельного разочарования и крайней неловкости?

Разумеется, вызывает. Но ведь речь идет не о большей или меньшей глубине мысли отдельных сочинителей. Речь идет о фиаско «Треста ДК».

Вот почему в заказанных им документах нет ни слова правды.

Вот почему в них нет ни желания признать катастрофичность наличествующего, ни воли к преодолению тех тенденций, которые усугубляют катастрофичность уже не год от года, а день ото дня.

«Трест ДК» по-прежнему не верит в то, что некапиталистичность России – это не уродство, а нечто совсем другое. Вот почему его сирены в лучшем случае могут сменить интонацию своего пения. Но и не более того.

Неверие в историческую, глобальную значимость всего того, что сделало Россию непохожей на своего западного исторического оппонента (а также тех, кто оппоненту этому подражает), не позволяет выработать стратегию выхода из нынешнего губительного состояния. Ибо само это состояние как раз и порождено подобным неверием.

Нет веры – нет любви, нет надежды. Но тогда, конечно, нет и полноты ответственности. А без нее откуда возьмутся силы для преодоления макросоциальных тенденций, несовместимых с жизнью страны?

Откуда возьмется элементарное желание всерьез говорить о серьезном?

Концептуальные документы Треста несерьезны, и это фундаментальная их особенность. Связанная с тем, что никто из творцов этих документов ни на минуту не сомневается в том, что документы – сами по себе, а процессы – сами по себе. Не пряча даже на людях саркастические улыбки, творцы этих документов совсем уж не стесняются, когда ведут так называемые «интеллектуальные дискуссии». Тут все говорится напрямую. Мол, пульса нет. А на нет и суда нет. Раз пульса нет, то надо болтать и готовить «свал».

Итак, официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции. Ибо они порождены тем, от чего официоз никогда не откажется и что ему гораздо дороже жизни страны. А коль скоро официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции, крах неминуем.

Официозу на этот крах наплевать. Нам – нет.

Официоз не хочет обустроить Россию. Он хочет обустроиться в своих зарубежных поместьях и оттуда наблюдать крах России так, как зритель наблюдает увлекательное театральное представление.

Официоз сильно ошибается во всем, что касается собственного обустройства на Западе. Но тем хуже для него.

Мы же обустроиваться на Западе не собираемся. Мы хотим победить вместе со страной или погибнуть вместе с нею. И мы верим в победу. Мы не ищем себе отдельной уютной гавани. Россия – тот корабль, с которого мы не побежим.

Да, этот корабль находится в плачевном состоянии. Да, впереди ужасные испытания. Ну и что?

Мы принимаем вызов. И потому обращаемся к обществу с этим манифестом, взыскующим исторической, глобальной ответственности.

Мы адресуем свой манифест тем, кто прозрел. Кто уже понял всю постыдность и губительность «импульсов», благодаря которым Россия сбилась со своего исторического пути. Кто хочет вернуть Россию к самой себе – к собственной правде и подлинности.

Остальные тоже прозреют, но слишком поздно. Вот почему так важно, чтобы прозревшие сейчас нашли в себе силы для стратегического ответа на страшные вызовы. Чтобы уже сейчас были полностью осмыслены гримасы последнего десятилетия. Чтобы были извлечены фундаментальные уроки. Чтобы произошедшее не повторилось более никогда. И чтобы в этом «никогда» было искупление позора последнего десятилетия.

На основе извлеченных уроков нужно незамедлительно выработать новый концептуальный и стратегический курс. Он же новый исторический проект, спасительный и для России, и для всего человечества.

Но проекта мало. Нужен субъект, который способен этот проект осуществить.

Проект – сейчас или никогда.

Субъект – сейчас или никогда.

Сейчас или никогда – главный лозунг нашей эпохи. Потому что потом уже будет поздно. Потому что потом уже не будет никакого «потом» для тех, кто любит Россию.

Тем, кто осознал все это или готов к подобному осознанию, – наш новый и последний манифест.

Мы обосновали уже, почему «последний».

Почему «новый», мы обоснуем сейчас.

Глава 7. Только ли крах иллюзий?

Продолжая обсуждать содержание современной эпохи, мы категорически отказываемся сводить ее к констатации краха капиталистических иллюзий. Нужна аналитика, позволяющая выявить генезис этого краха, его структурно-функциональные особенности, его последствия и возможные пути выхода из него.

Именно для этого нужна методология, основанная на синтезе Маркса и Вебера. Результаты ее применения к анализу современной ситуации таковы.

Буржуазия как класс сформировалась в недрах феодального общества.

Феодализм допускал и даже поощрял создание подобного класса.

Феодалам нужны были кредитующие их торговцы. Но еще больше им нужны были зачатки будущего промышленного производства.

Рыцарь не мог обойтись без кующего ему доспехи оружейника. Королю для победы в войнах нужны были не только пики и мечи, но и мушкеты, пушки, корабли. А также многое другое.

Задолго до победы капитализма сформировался неизбежный исторический компромисс между феодалами и буржуа. Успехи науки и техники, порожденный этим рост промышленности постепенно склоняли чашу весов в сторону буржуа.

Политическим оформлением этой тенденции стали великие буржуазные революции. Но они – при всей их беспощадности и радикальности – лишь дооформили то, что уже имело место. Буржуазия к этому моменту уже полностью состоялась. Буржуазные семьи восходили по лестнице успеха, исповедуя дух скромности, трудолюбия и законопослушания. Этому способствовало оформление в недрах христианства новой религии – протестантизма.

Нельзя никоим образом приукрашивать триумфальное шествие к власти класса капиталистов. Этот класс никогда не чурался грабежа. Многие буржуазные состояния формиро-

вались на основе торговли рабами, пиратства, чудовищного ограбления колоний. И все же тот фундамент, на котором было возведено величественное здание западного, а впоследствии и восточного капитализма, не был криминальным.

«Мы трудимся, а вы занимаетесь кутежами», – говорили буржуа феодалам.

«Мы живем скромно, а вы утопаете в роскоши», – говорили они, демонстрируя свои скромные коричневые сюртуки, свой экономный образ жизни, свою культуру, свои жилища.

Какие бы криминальные черты ни населяли тихий омут восходящей буржуазии, суть этой буржуазии была антикриминальной.

«Это феодал добывает деньги разбоем или дворцовым угодничеством, а мы трудимся, копим деньги, передаем свои скромные накопления детям, которые накапливают больше таким же честным трудом, – и так из поколения в поколение», – вот что говорили буржуа всем другим слоям феодального общества. Сказанное не было ложью. Общество имело конкретные социальные доказательства того, что честный труд, цепкость, ум, расчетливость, способность к продуманному риску являются основополагающими чертами нового восходящего класса.

Сравним все это с проектом нашего Треста «Даешь капитализм».

В советском обществе, в отличие от общества феодального, буржуазия не могла формироваться в виде нового законопослушного класса, имеющего свои нормы, свои ценности, свои принципы, свои идеалы и, наконец, свой Проект.

Сколько денег мог накопить за свою жизнь законопослушный советский высокооплачиваемый специалист? Мог ли такой, сколь угодно высокооплачиваемый, но законопослушный специалист накопить хотя бы миллион рублей? Даже если академик откладывал по тысяче рублей в месяц (а это почти фантастический вариант) и осуществлял свою деятельность, находясь в статусе академика, 30 лет (а это тоже почти фантастический вариант), он мог накопить 360 тысяч рублей.

Представители творческой интеллигенции – писатели, кинорежиссеры, киносценаристы, художники и так далее, – проявив все качества пушкинского скупого рыцаря, могли, наверное, накопить несколько больше. Но в истории СССР нет представителей этих профессий, проявлявших подобные качества и тяготевших к подобным накоплениям.

Внимательный анализ перечня всех высокооплачиваемых профессий показывает, что законопослушный слой советских граждан, обладавших высокой и сверхвысокой способностью накапливать средства, вряд ли превышал тысячу человек. А совокупный потенциал накопления, безусловно, не превышал 1 миллиард рублей.

Между тем для осуществления проекта «Треста ДК» нужно было ускоренно скупить основные фонды, стоившие гораздо больше триллиона рублей.

Тем самым Трест должен был либо отказаться от своего проекта ускоренного построения капитализма в России, либо допустить скупку основных фондов далеко не законопослушными гражданами, принадлежащими к трем категориям.

Первая – так называемые цеховики. Это советские граждане, работавшие на грани или за гранью нарушения закона. Чаще всего за гранью. И все же это была самая законопослушная из тех групп, на которые «Трест ДК» мог опираться в своем проекте. Потому что представители этой группы хоть что-то производили. Пусть левым способом, пусть из незаконно добываемых товаров. Кроме того, представители этой группы, все время находясь в зоне крайнего риска, обязаны были в какой-то степени дистанцироваться и от местного коррумпированного аппарата, и от стопроцентного криминала, теснейшим образом связанного с отечественными спецслужбами. В противном случае цеховик погибал или сгнивал в тюрьме.

Расшаркиваясь и перед криминалом, и перед коррумпированными чиновниками, цеховик не мог себе позволить оказаться в предельной зависимости от данных категорий своих коллег. Много ли цеховиков преуспело за годы реализации проекта «Треста ДК»? В лучшем случае речь идет о десятках по-

настоящему преуспевших представителей этой категории.

Вторая категория – ничего не производящие спекулянты. В советском обществе существовала жесткая социальная регуляция цен. Поэтому любой советский торговец, решивший продавать свои товары хотя бы на рынке, имел огромную прибыль, ничего не создавая. Если первую категорию можно назвать темно-серой, то вторая уже относится к черной.

Третья категория – совсем уж черная – это воровские общаки.

Выводя за скобки более сложно построенные начальные капиталы (спецслужбистские в том числе), мы приходим к выводу, что приватизация, осуществленная «Трестом ДК», была по определению криминальной. Но и выведенные нами за скобки более сложно построенные начальные капиталы тоже были криминальными.

Итак, буржуазия, которая медленно возрастала в недрах феодализма, – вне зависимости от того, идет ли речь о буржуазии западной или восточной, – была по существу некриминальной. А буржуазия, которую возвращал «Трест ДК», была криминальной. И не могла быть другой.

Продажа предприятий за бесценок или даже раздача их даром, конечно, имели место. Но и этот тип приватизации ничего не менял по существу в «цвете» ускоренно создаваемого российского капитализма.

Уже одно это радикальнейшим образом отличало создаваемый в России капитализм от капитализма сколь-нибудь нормального. Хотя и этот, так сказать, нормальный капитализм тоже был по сути своей грабительским. И зачастую предпринимались самые радикальные усилия для того, чтобы сдержать крайние и абсолютно разрушительные проявления его грабительской сути.

Хозяева «Треста ДК» возвращали не нормальный, несовершенный, как все другие уклады, капитализм. Они возвращали криминального монстра. Возвращали псевдокласс-пожиратель. Они его взрастили. Класс стал пожирать всё и вся. И занимается этим все двадцать лет, причем по принципу «аппетит приходит во время еды».

Могли этого не понимать создатели «Треста ДК»? Безусловно, не могли. Но они создали именно то, что и хотели создать, – смерть России. Пусть они не лгут, что хотели спасти Россию, приобщая ее к капитализму. Не этим они занимались, осуществляя свой, по сути, ликвидационный проект.

Сопоставив тип накоплений, сопоставим и остальное.

Ведь существует так называемый этап первоначального накопления капитала. В классических случаях медленного формирования капитала в недрах феодализма в первоначальном накоплении может преобладать «белое» слагаемое. Хотя всегда присутствуют и другие. Но если капитал формируется быстро, то доли «серого» и «черного» слагаемых естественным образом увеличиваются на первой фазе – фазе первоначального накопления. А потом возникает острейшая необходимость выйти из этой фазы. Оторвать накопившийся капитал от криминальной пуповины. Если этого не сделать быстро и беспощадно, государство, в котором господствующим является капитал, не вышедший из первоначального накопления, становится не криминализированным, а криминальным.

Криминальное государство не может быть устойчивым по определению. Оно не может сосуществовать с нормальными, пусть и криминализированными, но некриминальными государствами.

Грань между криминальным и криминализированным государством – это грань между жизнью и смертью. Криминальные государства уничтожаются беспощадно. Пример – уничтожение пресловутых пиратских королевств. Даже если этого не происходит, криминальные государства уничтожают сами себя. Но обычно их как разносчиков смертельного заболевания уничтожают те, кто с ними соприкасается.

Могли ли не понимать этих азов создатели «Треста ДК»? Нет, они не могли всего этого не понимать. Но они делали все, чтобы российский капитализм не вышел из стадии первоначального накопления. Они всячески поощряли все виды его криминализации. И они добились своей цели. Класс мутировал окончательно, пустив метастазы во все институциональные оболочки.

Налицо опять же не воля к построению капитализма, а воля к уничтожению России криминальным псевдокапитализмом. Через передачу этому криминальному псевдокапитализму всех функций господствующего субъекта. И – превращение государства в криминального монстра.

Предупреждал ли манифест «Постперестройка» о том, что так произойдет? Безусловно.

Произошло ли это? Конечно.

Произошло ли это случайно или по глупости? Ниоим образом.

Является ли ситуация обратимой? При том, повторяем, что исторической России присуще мощное отторжение любого, даже некриминального капитализма.

С прискорбием должны констатировать, что никаких реальных поползновений к тому, чтобы исправить ситуацию, у нынешней власти нет. На повестку дня даже не ставятся очевидные задачи, вытекающие из всего вышеизложенного. Например, задача выхода из смертельно затянувшейся фазы первоначального накопления капитала. Или задача декриминализации капитала. Место этих конкретных задач все в большей степени занимает подозрительное прекрасодушие. Не изжитая за двадцать лет наивность? Или маска, надетая субъектом, который понимает, что страну вот-вот дождрут до конца, и не желает сопротивляться этому?

Отторжение исторической Россией любого капитализма...

Сознательное формирование в течение этого двадцатилетия капитализма криминального и несовместимого с жизнью России...

Что еще жизненно важно обсудить в связи с судьбой капитализма у нас и в мире, в связи с ответом на жгучий вопрос о содержании современной эпохи?

Глава 8. Буржуазия и общественные задачи

Наиважнейшей чертой нормального класса буржуазии была способность этого класса выступать в качестве общественного лидера. То есть локомотива истории. Нормальная буржуазия

той созидательной эпохи и впрямь была историческим классом. Классом-лидером. Классом, осуществлявшим то, что необходимо было широчайшим слоям тогдашнего общества.

Провозгласив лозунг «Свобода, Равенство, Братство», буржуазия, конечно же, создала общество, весьма далекое от этого великого идеала. Но она не была при этом исторически бесплодна.

Она сломала унижительные сословные перегородки.

Она дала крестьянам помещичью землю.

Она создала новый тип общности – буржуазную нацию.

Она сумела предложить новое понимание человеческого удела, новые ценности, новые идеалы.

Да, вскоре выяснилось, что у буржуазной медали есть обратная сторона. Что великие свершения покупаются ценой невероятных страданий эксплуатируемых масс вообще и рабочего класса в первую очередь. Что под сурдинку разговоров о ценностях на пьедестал потихоньку возводят Золотого тельца.

И все же для той восходящей, исторически состоятельной буржуазии ни гуманизм, ни прогресс не были пустыми словами.

У той восходящей, исторически состоятельной буржуазии была своя миссия, свой образ будущего, своя великая историческая мечта.

Это нашло отражение в искусстве и культуре.

То восходящее, исторически состоятельное буржуазное общество не было культурно бесплодным. Оно создало великую литературу, великую музыку, великую живопись. А значит, сумело придать новое качество гуманистическим устремлениям человечества.

Поэтому нельзя отрицать культурную, а значит и гуманистическую, миссию буржуазии. Да, созданная ею культура была беспощадна по отношению к своему создателю. Но это не аномалия, не патология, а норма исторической жизни. Отдадим же должное величию той буржуазии, которая начала формироваться на Западе в лоне феодализма с середины XV века. И к началу XIX века стала господствующим классом и классом-лидером.

Глава 9. Буржуазия как класс, создавший и осуществивший колоссальный исторический и социокультурный Проект

Свойственные России раздумья по поводу того, «что делать» и «кто виноват», необходимы, но недостаточны. Ибо нельзя ответить на вопрос «ЧТО делать», не поняв, КТО именно будет осуществлять данное ЧТО.

Отвечая на вопрос, ЧТО именно надо делать, мы занимаемся аналитикой ПРОЕКТА, призванного осуществить необходимые исторические преобразования.

Отвечая на вопрос, КТО именно должен осуществлять это ЧТО (то есть реализовывать исторический необходимый ПРОЕКТ), мы занимаемся аналитикой субъекта.

Нет проекта без субъекта. И нет субъекта без проекта.

Ибо субъект, не имеющий проекта, вершит произвол и очень быстро покидает историческую сцену. А проект, который лишен субъектности, является абстрактной утопией.

Без субъекта проект повисает в воздухе. И превращается в унижительную маниловщину.

Восходящая буржуазия имела проект «Модерн» и одновременно брала на себя роль субъекта. То есть класса, способного этот проект осуществить.

Восходящая буржуазия сформировала социальный заказ на свой великий проект.

Этот заказ осуществили великие мыслители.

Их имена вошли в историю. И неизымаемы из нее.

Великая когорта просветителей смогла открыть для человечества новые социальные и духовные горизонты. Но эта когорта была лишь частью интеллектуального воинства, призванного буржуазией под свои исторические знамена.

Ибо, предлагая одной части общества светский, узкопросветительский вариант проекта «Модерн», буржуазия предлагала другим слоям общества накалено религиозный вариант того же самого проекта «Модерн».

Таким образом, заявленный буржуазией великий проект намного шире классического просветительства. При том, что

классическим чаще всего именуют просветительство европейское, противопоставляя его американскому или, шире, англосаксонскому.

Но и такое противопоставление не исчерпывает даже самых важных нюансировок, вне которых проект «Модерн» просто не существует. А значит, религиозные модификации проекта «Модерн» (так называемый христианский модернизм, шире – религиозный модернизм вообще) очень тонко сопрягаются со светскими модификациями того же самого великого проекта.

Проект «Модерн» – это великое здание, в котором нашлось место для очень и очень многого.

Именно дополнение данной характеристикой всего того, что называется марксистской аналитикой капитала, и является простейшей формой осуществления синтеза теорий Маркса и Вебера.

Буржуазия – это класс, создавший новый тип искусственной материальной среды, в которой обитает человечество. Иначе – новый тип производительных сил.

И буржуазия – это класс, создавший новую социальную среду с принципиально новыми регуляторами. То есть не только производственные отношения как нечто, определяемое производительными силами, но и нечто намного большее: новый тип легитимности.

Глава 10. Классовое господство и легитимность

Легитимность – это принимаемое обществом объяснение причин, по которым один класс осуществляет господство по отношению к другим классам. Для того, чтобы общество приняло факт господства того или иного класса, данный класс должен выступать в качестве безусловного и безальтернативного носителя очень нужных обществу благ. Тогда и только тогда формируются устойчивые уклады и устойчивые политические системы.

История учит нас, что господство без легитимности крайне уродливо и крайне недолговечно. Господствующий класс,

теряющий легитимность, должен заменять ее грубым доминированием. Теми штыками, которые не раз упоминал Ленин, подчеркивая, что усидеть на них невозможно.

Создав великий проект «Модерн», буржуазия обрела историческую легитимность. При этом крайне важно оговорить, что буржуазия, предъявив проект «Модерн» в качестве общего блага, а себя – в качестве субъекта, осуществляющего проект (то есть являющегося источником этого блага), фактически очертила границы собственной легитимности. А значит, поселилась на определенной проектной, идеологической, смысловой территории. Застолбив эту территорию как свою.

Соседние территории тем самым оказались чужими.

Именно проект «Модерн» легитимирует буржуазию в качестве субъекта, осуществляющего данный проект.

Именно на территории Модерна, территории собственной легитимности, буржуазия отчасти усмиряет свойственный ей разбойный дух. И частично превращается тем самым из «класса-для-себя» в «класс-для-других».

Именно на территории Модерна не происходит по данной причине исторической и экзистенциальной мутации класса буржуазии. Не происходит ее окончательного отчуждения от идеалов и целей.

Очевидно, что выход за территорию Модерна как территорию собственной легитимности чреват и для буржуазии, и для человечества в целом чудовищными, абсолютно губительными последствиями.

И вновь сравним этот классический тип оформления нормальной буржуазности с тем, что оформлялось в России. Создала ли наша криминальная буржуазия и ее создатели – «Трест ДК» – новый тип легитимности? Были ли предприняты хоть какие-то попытки что-либо сделать в этом направлении? Ничуть не бывало. Напротив, «Трест ДК» и его идеологическая служба подавляли любые попытки оформления чего-либо легитимного. Потому что легитимность всегда порождается той или иной моральной установкой, а также теми или иными ценностями и идеалами.

Никогда ни один класс, стремящийся к легитимности, не станет сам исповедовать религию Золотого тельца. И уж тем более не будет навязывать эту религию обществу. Последнее не только аморально, но и вопиющим образом контрпродуктивно.

Между тем «Трест ДК» занялся именно уничтожением всех предпосылок к какой-либо легитимации чего бы то ни было. Невиданный по своей хищной паразитарности класс оказался вдобавок ко всему лишен моральной, идеальной узды. Нет никаких исторических прецедентов осуществления кем-либо когда-либо чего-либо подобного.

Но, как бы ни была важна констатация сугубой патологичности и неслыханной бесперспективности всего, что связано с нынешним российским капитализмом, намного важнее обсудить другое. Судьбу любого современного капитализма. Да, именно любого. Пусть и лишённого тех монструозных черт, которые навязаны российскому капитализму и заводят его – да и все общество – в неслыханный, беспрецедентный тупик.

Глава 11. Буржуазия и Современность

Не происходит ли сегодня выхода всей буржуазии, всего мирового капиталистического уклада за пределы собственной легитимности?

Не покидает ли сегодня весь буржуазный класс ту проектную, ценностную, смысловую территорию, на которой он только и может существовать в качестве «класса-для-других»?

Не расплывается ли сегодня весь буржуазный класс со всеми своими историческими обязательствами?

Не сбрасывает ли с себя сегодня весь буржуазный класс узду морали, целей, норм, общезначимых идеалов и ценностей?

А если он и впрямь сегодня занимается именно этим?

В зависимости от того, каков ответ на этот вопрос, по-разному будет определяться содержание современной эпохи.

Мы отвечаем утвердительно. Мы говорим: «Да, именно весь капитал, вне зависимости от степени его патологичности или нормальности, теряет всемирно-историческую

легитимацию. Именно потеря этой легитимации – очевидная, коль скоро теория Маркса может быть дополнена хотя бы теорией Вебера, – стократно усугубляет чудовищность нашей внутренней ситуации. И не дает нам никаких шансов на исправление нашего капитализма. Разве что кому-то захочется произвести методологическую и политическую инверсию и заняться построением в отдельно взятой стране особого капитализма, который не потеряет легитимности у нас – при том, что он потеряет ее везде».

Но проблема слишком тягостна и остра для того, чтобы упражняться в подобных сомнительных методологических и политических изысках.

Слишком ясными и зловещими становятся, увы, симптомы покидания современной буржуазией территории собственной легитимности.

А поскольку впервые буржуазия попыталась сделать это в Германии в 1933 году, то масштаб проблемы огромен. Речь идет о самом грозном из всех вызовов, которые когда-либо маячили на всечеловеческом горизонте.

Но – и это вытекает из всего, сказанного выше, – поскольку мы опять оказались слабым звеном в мировой цепи, то именно нам предстоит заняться всем сразу. И осознанием того, насколько реален подобный римейк, возвращающий нас в ситуацию смертного боя с фашистской силой темною. И поисками ответа на этот самый римейк. Коль скоро он и впрямь реален и даже неотвратим.

Вот чем объясняется наше особое политическое внимание к такой, казалось бы, абстрактной проблеме, как проблема проекта «Модерн», волновавшая и самого Вебера, и его последователей.

Ощущая все неблагополучие нынешней российской и общемировой ситуации, мы хотим получить точный ответ на самый проклятый вопрос современности – вопрос об окончательной потере капитализмом своей проектной (а значит и всяческой) легитимности.

Такой ответ нужен сегодня всем и везде. Но он особенно нужен сегодня нам на нашей многострадальной земле.

Почему Россия в 1917 году отвергла капитализм? Была ли в этом историческая правота и историческая обусловленность?

Что именно она отвергла? Капитализм по Марксу или капитализм по Веберу – при том, что капитализм может быть понят как полная и замкнутая система, только если он является и капитализмом по Марксу, и капитализмом по Веберу, и капитализмом по Фромму. И все же для нас сейчас важнее всего те слагаемые капитализма, которые проанализировал Вебер. И которые задаются понятием «проект „Модерн“».

Глава 12. Проект «Модерн» и судьба России

Судьба России вскоре будет решаться так называемыми лишними людьми. Каковыми в условиях дальнейшего распухания российского криминального капитализма скоро станет как минимум 100, а то и 120 миллионов наших сограждан.

Ибо криминальному капитализму нужно никак не более 40 миллионов для того, чтобы создать супермашину воровства и цинично отрекомендовать ее в качестве государства.

Без массированного давления извне российский криминальный капитализм будет двигаться к желанной для него цели создания именно подобного «государства», как говорят, вразвалочку, не спеша.

Большинству наших сограждан, в том числе и прежде всего представителям ненужных уже интеллектуальных профессий, будут предоставлены на выбор две возможности: погибнуть здесь или спешно бежать за рубеж.

Проект «гибель» (с его модификациями «маргинализация», «люмпенизация» и так далее) и проект «бегство» будут осуществляться одновременно. Одни будут сваливать. Другие гибнуть. Спиваться, сходить с ума, опускаться на маргинальное дно, деградировать, люмпенизироваться и так далее. Как мы видим, оба проекта уже правят бал в современной России. О чем теперь все наши социологи говорят даже без содрогания, а напротив, как о чем-то нормальном. И чуть ли не оптимальном.

Для достижения криминального анти-идеала нужно, чтобы в год мясорубка проекта «бегство» пропускала через себя хотя бы 5 миллионов людей. И мясорубка проекта «гибель» – столько же.

Вывод из социума 10 миллионов человек в год очень скоро превратит страну в суперструктуру, состоящую из мафиозного ядра и мафиозной же периферии. Структура будет становиться все более и более шаткой. Продержится ли она 6–8 лет или рухнет раньше, зависит от непредсказуемых обстоятельств.

В гниющем доме обрушение может начаться от чего угодно. От того, что вы сильно хлопнули дверью. От того, что вы дернули оконную раму. От того, что вы чихнули, наконец. А поскольку внешние силы побуждаются к активным действиям всей логикой мирового процесса, то... Представьте себе быстро гниющий дом, по которому бьют тараном.

Тут можно спорить только об одном: рухнет ли он с первого удара или с десятого. А также о силе и сосредоточенности этих ударов.

Пока еще так называемые лишние люди (они – реальный цвет и большинство нации, они же – наш народ, и так далее) не оказались окончательно превращены в нежизнеспособный фарш криминально-капиталистической мясорубкой, у них есть время опаматоваться. Наш моральный, экзистенциальный, исторический долг – всячески способствовать этому. Не щадя сил. Подчиняя себя этой цели полностью.

Упования на то, что наши братья, они же «лишние» (а мы при подобном ходе событий столь же лишние, как они), опаматуются, отреагировав на простейшие наши лозунги, от лукавого. В подобном случае все сразу хватаются за великие ленинские простейшие лозунги и декреты. Забывая, что лозунги были выдвинуты фактически на самой последней стадии процесса взятия власти. А до этого существовали совершенно другие стадии, на которых шла совсем другая, отнюдь не лозунговая деятельность.

Большевики апеллировали не только к хлебу, миру и разделу помещичьей земли. В противном случае они никогда не

смогли бы победить эсеров, у которых они эти апелляции, мягко говоря, позаимствовали. Большевики апеллировали к новому великому Красному антикапиталистическому проекту. В котором историческая Россия каким-то сложным образом сумела рассмотреть нечто, глубоко созвучное ее сокровенной сути.

Банальное нытье об антирусской сути большевизма вскоре перестанет убеждать даже самих нытиков. По прошествии двадцати страшных лет слишком многим уже понятно, что даже интеллигентский, очень западнический на первый взгляд большевизм каким-то способом оказался созвучен сокровенным и глубочайшим народным чаяниям. Чайниям предельным, хилиастическим.

А ведь помимо интеллигентского большевизма существовал еще и глубочайший народный большевизм, чья тайна до сих пор не раскрыта. И без которого большевики никогда бы не смогли ни взять власть, ни тем более ее удержать.

Итак, не будем ни отрицать значение простейших лозунгов, ни увлекаться их соблазнительной простотой. Либо Россия в XXI столетии обретет себя после всего случившегося, воодушевившись новым большим проектом, либо она перестанет существовать.

Наша задача – предъявить России этот большой проект, который был бы преемником всего ее прошлого и одновременно был бы устремлен в будущее.

Сначала большой проект – сколь бы сложен и неочевиден он ни был. Потом – простейшие лозунги.

Наша задача – не только предъявить такой проект, но и создать полноценный субъект, способный реализовывать этот новый проект так же, как буржуазия прошлых веков реализовывала свой великий проект «Модерн».

Большевистская партия в 1917 году предъявила народу не только большой проект, но и себя в качестве субъекта, способного этот проект реализовать. А коль скоро это так, то большевистская партия не была партией в классическом смысле этого слова. Она была чем-то гораздо большим.

Нас не интересует проект как научная литература любого, даже самого высокого, качества.

Проект – это нечто большее. Это мощнейший смысловой магнит, способный втянуть в себя все, что хранит в себе тайную способность определенным образом намагничиваться.

Ситуация – вот что превращает в смысловые магниты самые холодные, высоколобые тексты. Не будем разводить руками, говоря о невозможности решения подобной задачи. В конце концов, именно ситуация превратила в подобные магниты сверхсложные тексты Маркса. Именно ситуация создала целый слой людей, которые днями и ночами сосредоточено впитывали марксистскую сверхсложность. Не лишённую, конечно, политической страсти. Но и не тождественную оной. Страсть извлекали из Маркса те, кто его читал. Точнее, они эту страсть обнаруживали, скручивали в накаленный волевой жгут, усиливали, преобразовывали.

Сделать все это они смогли лишь потому, что в спину им дышала новая ситуация, она же История. Некоторые из них говорили, что слышат ее шаги. Другие – что она их выкликает по именам. Они не просто говорили об этом. Они подтверждали это подвижническим трудом и подвигом.

Так что не будем говорить о том, что сопряжение Маркса с Вебером, а также бог знает с кем еще, не даст того эффекта, который в начале прошлого столетия породил высоколобый труд под названием «Das Kapital».

Обсудим лучше то, насколько мощно ворожит современность, превращая в сгусток политической и метафизической страсти синтез Маркса и Вебера.

Глава 13. Судьба Модерна и судьба капитала

Рассмотрение вопроса о судьбе капитализма через призму потери или сохранения легитимности требует выхода за рамки классического марксизма. Для которого вопрос о легитимности по определению не может носить основополагающего характера. Строго говоря, в понятийном языке марксизма вообще нет понятия «легитимность».

Для понимания судьбы капитализма необходимо введение подобного понятия в чуждый ему марксистский контекст.

Это и проблема теории, и практическая политическая проблема. Ее решение возможно только в рамках синтеза Маркса и Вебера. В противном случае мы либо потеряем марксизм (что приведет к существенной аналитической, а значит и политической, дезориентации), либо не получим доступа к аналитике ключевой проблемы XXI века.

Капиталистический класс оформился политически и исторически, создавая проект «Модерн».

Стремясь к господству и легитимности, этот класс предъявил обществу данный проект в качестве своего главного и ценнейшего нематериального актива.

Вне проекта «Модерн» капиталистический класс полностью лишен и исторического ореола, и вытекающей из него легитимности. Капиталистический класс минус проект «Модерн» – равно чему? Дворцам и яхтам, кутежам и биржевым спекуляциям, заводам и пароходам? Всего этого совершенно недостаточно для того, чтобы сделать правомочными свои притязания и привилегии.

Вне Модерна уродлив и криминален даже нормальный капиталистический класс. А уж наш российский мутант – тем более.

А значит, аналитика Модерна – это постижение судьбы капитала в XXI веке. Судьба капитала полностью предопределена судьбой Модерна. А вопрос о судьбе капитала – это ключевой конкретный политический вопрос XXI века. Сохранение капитализмом легитимности лишает некапиталистические и антикапиталистические политические движения стратегических перспектив. Потеря капитализмом легитимности открывает для таких движений именно конкретные стратегические политические перспективы. Другой вопрос, сумеют ли эти движения воспользоваться подобными перспективами.

Но разве для практической политики вопрос о самом наличии перспектив не является ключевым?

Конечно, кроме легитимности есть еще и «господство в собственном соку». Теряя легитимность, капитализм сохраняет подобное господство. И может попытаться осуществлять его

на основе голой силы. То есть бесконечно жестокого, зверского и полузвериного доминирования.

Но, во-первых, подобные формы господства никогда не были устойчивыми. Об этом говорит нам весь исторический опыт человечества.

А во-вторых, какой-то шанс подобные формы господства имеют только в условиях конца истории. То есть ускоренного формирования не каких-то там призрачных мировых правительств, а внятной и абсолютно антидемократической Железной пяты.

Противоречия между Китаем и США, между США и Европой, между всеми этими гигантами и Индией не позволяют капитализму сформировать всемирную Железную пяту в короткий исторический срок.

Таким образом, вопрос о легитимности капитализма, тождественный вопросу о судьбе Модерна, имеет очень существенное политическое значение. Ибо это, повторяем, вопрос о наличии или отсутствии у оппонентов капитализма шансов на стратегическую победу.

Итак, сначала надо разобраться с судьбой Модерна. То есть с проблемой, не имеющей никакой прописки в доме под названием «марксизм». Подчеркиваем – никакой. Ни концептуальной, ни понятийной, ни лингвистической. А потом уже нужно заняться аналитикой расстановки классовых сил в условиях делегитимации капитализма. Если, конечно, таковая действительно существует. То есть перейти на привычную для марксизма аналитическую и теоретическую платформу.

Так какова же судьба Модерна?

Нельзя ответить на этот вопрос, не разобравшись хотя бы вкратце, что же такое этот самый Модерн.

Глава 14. Проект «Модерн»

Рассуждая о Модерне, и сам Вебер, который Модерн еще проектом не называл, и его последователи противопоставляли Модерн (или, иначе, современность) Преמודерну, который они называли традиционным (или аграрным) обществом.

Модернизация – это переход из традиционного (или аграрного) общества в общество современное (или индустриальное).

Маркс сказал бы, что это переход из феодальной формации в капиталистическую. Но в каком-то смысле традиционное общество – это более широкое понятие, нежели феодализм. Хотя и достаточно к нему близкое.

Но дело тут не в игре понятий. А в том, как раскрывают содержание слова «общество» (или социум) сам Вебер, его последователи. Все те, кто видит в обществе особую реальность, существенно автономную по отношению к суперреальности, каковой является тип искусственной материальной среды, внутри которой сформировано общество.

Если бы Вебер и его последователи говорили только об аграрном обществе, то они были бы совсем близки к Марксу и другим сторонникам теории формаций. Но они говорят о традиционном обществе. И это не игра словами. Традиционное общество – это общество с определенными регуляторами. Эти регуляторы для ученых, принадлежащих к интересующей нас школе, являются ничуть не менее важными, чем доминирующий способ производства (конечно же, аграрный в случае традиционного общества).

Для интересующего нас научного направления, важность которого определяется именно ситуацией (или, точнее, близостью катастрофы), тип общества связан, прежде всего, с регуляторами, превращающими элементы (то есть отдельных людей) в систему (то есть в полноценное общество).

Традиция – вот что регулировало общественную жизнь на этапе Премодерна. Потому-то общество Премодерна и называется традиционным.

Традиция, как душа традиционного общества (вспомним пушкинское «привычка – душа держав»), рождает коллективизм, общинность. И наоборот. Разрушение общины – это демонтаж традиционного общества.

Итак, традиция как главный регулятор. Коллективизм как способ существования. Что дальше? Конечно, сословный принцип как принцип разграничения ролевых функций. Фа-

мильная аристократия как господствующий класс. Монарх как выразитель ее интересов. Религия как легитимация монархии (монарх – помазанник Божий).

И народ как целостность, цементируемая религией. Той самой религией, которая обеспечивает легитимацию монарха. Французскому монарху было важно получить помазание в Реймском соборе. Это давало ему настоящую легитимность. И в этом один из краеугольных сюжетных камней истории Жанны д'Арк.

Созревание буржуазии в лоне феодального (или традиционного) общества... Формирование буржуазии как класса преимущественно городского (в отличие от феодалов как крупных земельных собственников)... Формирование буржуазии как хозяина индустриального сектора (в отличие от феодалов, являющихся хозяевами сектора аграрного)...

Все это сильнее всего воздействовало на общественную жизнь. Но ничуть не менее сильно на нее воздействовало и другое. На социально-метафизическую сцену по очереди вышли два новых действующих лица.

Сначала религиозные раскольники-протестанты. Они существенным образом проблематизировали легитимность тогдашней монархической власти. Французский монарх, помазанный католической церковью в Реймском соборе, был легитимен именно как король католиков. И он совершенно не был легитимен для протестантов, которые считали католическую церковь, осуществляющую помазание французского короля, церковью сатаны. Спасение от этого искали в особом типе абсолютизма. При котором легитимность религиозного помазания мягко трансформируется в нечто, определяемое формулой Людовика XIV «государство – это я».

Но такая трансформация не обеспечивает устойчивой легитимности. Кроме того, на сцене появляется еще одно новое действующее лицо – светский человек. А для него – что католический Рим, что Кальвин и Лютер... Одно слово – религиозные мракобесы. Пока светских людей было мало, их сжигали на кострах инквизиции. Но потом их стало много. А потом – не просто много, а очень много. Ну, и как регулировать общество в условиях, когда так меняется человек?

Новая материальная среда, пропитанная духом науки и техники, и новый человек, впитавший вместе с этим духом и крамольную светскость... И новая материальная реальность, и новая реальность духовная, культурная, антропологическая одинаково давят на социум. И требуют, чтобы возникли новые регуляторы, новые правила социальной игры. В противном случае социума не будет вообще. Ведь даже относительно устойчивая искусственная материальная среда все равно не воспроизводится сама собой как среда природная. А уж социальная среда – тем более.

Капитализм заявил: «Я создам новые правила, новые регуляторы и спасу общество от распада и смуты».

Это было очень важное заявление, поскольку население еще помнило ужас смут. Религиозных войн – и не только. Капитализм пришел и легитимировал себя великими социальными преобразованиями.

Капитализм отменил сословный принцип.

Капитализм атомизировал традиционное общество, сбросив в городскую пролетарско-индустриальную жизнь огромное количество сельского населения.

Капитализм сформировал новую общность – нацию. Теперь уже не религия, а язык, гражданство, культура, этос регулировали принадлежность индивидуума к подобной общности.

Капитализм действительно создал новый индустриальный мир.

Капитализм предоставил новые права огромной массе ранее бесправного населения.

Капитализм (и это, возможно, главное) сделал закон гиперрегулятором построенного им принципиально нового общества. Теперь уже все регулировала не традиция,

не привычка, которая «душа держав», а писанный и строго исполняемый закон. Подкрепленный соответствующими юридическими институтами.

Капитализм построил новую политическую систему, назвав ее демократической.

Капитализм переустроил все подсистемы предыдущего традиционного общества. И тем самым капитализм сделал – что именно? Правильно. Он реализовал проект «Модерн», легитимировав тем самым себя в виде класса не только господствующего, но и исторически лидирующего.

Помимо вышеназванных обычных слагаемых рассматриваемого проекта «Модерн», у этого проекта есть еще и метафизика. Причем как религиозная, так и светская.

При всей важности религиозной метафизики Модерна, его содержание, конечно, определяется наличием светской метафизики. То есть наличием прогресса и гуманизма как сверхценностей.

Подчеркиваем – не как обычных ценностей, а именно как сверхценностей. Метафизика проекта «Модерн» существует только до тех пор, пока прогресс и гуманизм обладают именно сверхценностным содержанием.

Причем такое содержание должно носить всеобщий и одновременно абсолютный характер. То есть быть адресованным каждому народу, каждому представителю рода человеческого и человечеству в целом.

Что же касается религии, то Модерн лишь допускает ее, решительно отделяя церковь от государства. И – до предела рационализируя религию. То есть подвергая ее весьма существенным трансформациям.

Баланс между разумом и верой в религиозном модернизме резко сдвигается в сторону приоритета разума. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Глава 15. Исчерпание Модерном своих возможностей

После того, как аналитика проекта «Модерн» произведена, прогностика фактически является делом техники.

Не составляет труда доказать, что исчерпание касается всех вышеописанных слагаемых проекта «Модерн». Но, прежде всего, бросается в глаза то, насколько Модерн исчерпал свой метафизический ценностный потенциал.

Ключевой и грубейшей приметой подобного исчерпания является абсолютизация категории «демократия». Современная западная практика основана на абсолютном приоритете формальной демократии над чем угодно еще.

Между тем еще совсем недавно Модерн явным образом не был синонимом демократии. Очевидным свидетельством этого являлся позитивный смысл, вкладываемый западными политиками и политическими философами в понятие «авторитарная модернизация».

Теперь США и Запад в целом объявили авторитарную модернизацию своим главным врагом. Фактической «осью зла». Можно ли так поменять курс, не расплевавшись с метафизикой Модерна, то есть с прогрессом и гуманизмом? Конечно, нет.

Формальная демократия?

Если в какой-нибудь архаической стране есть два клана каннибалов... Один из которых считает, что лакомиться надо и женщинами, и мужчинами... А другой – что только женщинами...

Если эти два клана создают две партии. Проводят демократические выборы. Формируют парламент. Вырабатывают каннибальский консенсус. «Мы, мол, согласны в главном: что человечина – это нормальный пищевой продукт. Но у нас дискуссия по частным вопросам...»

Если соблюдены все процедуры проведения дискуссий и правильно разделены ветви каннибальской власти, то формальная демократия налицо, не так ли? Но при чем тут Модерн?

Приведенный пример может показаться чересчур экзотическим. Хотя на самом деле это отнюдь не так. И скоро при

проведении в Центральной Африке той политики, которую Запад сейчас проводит в Северной Африке, все будет происходить буквально так, как описано в этом примере.

Но поддержка Соединенными Штатами и Западом в целом «Братьев-мусульман», движения «Талибан», других движений, вдруг ставших «демократическими», – это уже совсем не экзотика. Демократия у нас на глазах превращается из содержания в форму. Причем в форму не только безразличную к своему содержанию, но и агрессивно ему противостоящую. Что категорически ставит крест на прогрессе и гуманизме как сверхценностях проекта «Модерн». Да и на Модерне в целом.

Но дело вовсе не только в политическом отказе Запада, этого локомотива Модерна, от сверхценностей Модерна и от Модерна как такового. Налицо еще более глубокий отказ.

Экологическая проблематика, поставленная в повестку дня еще Римским клубом, тоже далеко не случайна. Ибо проект «Модерн» зиждется на праве – пусть формальном, но жестком – каждой страны мира на этот самый прогресс. А также на гуманизм. Даже в колониальный период такое право существовало. И это позволяло Киплингу как певцу британского колониализма рассуждать о «бремени белых». То есть о том, что западный локомотив, именуемый «белым», тянет за собой в сторону прогресса и гуманизма поезд с множеством вагонов. Как «белых», так и не «белых».

Философия и аналитика Римского клуба основаны на правомочности и даже необходимости открепления всех вагонов поезда от локомотива, ранее тянувшего эти вагоны в определенном направлении.

Ускоренное развитие всего человечества – пока утопия. Но ускоренное развитие огромных азиатских стран (таких, как Индия и Китай) – это уже реальность. Локомотив не может тянуть за собой такие вагоны. Он не может предоставить двум с лишним миллиардам пассажиров этих вагонов те же материальные блага, которые предоставлены команде локомотива.

Во-первых, для этого на планете нет необходимых ресурсов.

А во-вторых, это очень быстро превратит пассажиров в хозяев поезда. Для команды локомотива такая метаморфоза категорически неприемлема.

Рассмотрев политическую и политэкономическую подоплеку отказа Запада от сверхценностей проекта «Модерн» (а значит, и от проекта как такового), необходимо перейти к еще одной подоплеке – антропологической.

Проект «Модерн» проникнут волей к развитию. Но к развитию определенному. Тому самому, которое именуется прогрессом.

Этот тип развития предполагает, что используемый для развития антропологический материал (то бишь вид «человек разумный») остается без изменения.

Что советский проект создания нового человека (а значит, и нового гуманизма) утопичен и контрпродуктивен одновременно.

Что надо не искоренять в человеке зло, а использовать это зло во благо.

Что правильно организованное зло будет способствовать этому благу так же, как звериная конкуренция за выживание способствует великому делу эволюции.

Модерну удалось правильно организовать антропологическое зло. В этом его огромное достижение. Правильно организованное зло стало генератором развития. Причем такого развития, которое, прежде всего и быстрее всего, касается производительных сил. Или иначе – искусственно созданной материальной среды.

Человек же стал обуславливаться этой средой все в большей и большей степени. Что означает в лучшем случае его крайне медленное развитие. А на самом деле чревато стагнацией, а то и деградацией человека.

В результате возник колоссальный разрыв между качествами искусственной среды обитания и тем, кто в этой искусственной среде обитает. Обитатель почти не развивается (или даже деградирует). А среда развивается стремительно. Подобный разрыв именуется «ножницами».

«Ножницы» с каждым годом раскрываются все шире и

шире. Когда они раскроются до определенной степени, катастрофа неизбежна. Каким-то образом (неважно, собственно, каким именно) неразвивающийся элемент, он же антропос, извлечет из развивающейся среды (она же технос) нечто, позволяющее уничтожить и технос, и антропос.

Воспрепятствовать этому может или ускорение развития антропоса, или прекращение развития техноса. Но Модерн не предполагает ускорения развития антропоса. У него нет ключей к этой двери. Одновременно Модерн не может остановить (тем более свернуть) технос. Тем самым Модерн фактически капитулирует. Он признает, что не в состоянии избежать приближающейся катастрофы по очень многим причинам. Как общим, так и частным. Как материальным, так и нематериальным.

К числу фундаментальных нематериальных причин относится исчерпание заявленного Модерном метафизического принципа утешения. Человек – это единственное живое существо, знающее о своей смертности и тяготящееся этим знанием. Соответственно, это существо жаждет утешения. То есть каких-то версий собственного бессмертия. Основной версией утешения, которая известна человечеству, является религия.

С того момента, как эта версия перестает работать (а она перестает работать, как только человек становится нерелигиозным), нужна другая версия утешения. Модерн фактически заявил о том, что он способен обеспечить психическое и социальное здоровье мира, в котором нет утешения. Попытки той же Великой Французской революции предложить в рамках Модерна альтернативные версии утешения (Богиня разума, Верховное существо Робеспьера) оказались пресечены.

Безутешительность Модерна была высокоэффективной на протяжении всего XIX века. Но уже к началу XX века модернистский (прогрессистский, гуманистический) пафос безутешительности выдохся. Безутешительные проекты вообще быстро выдыхаются. А когда безутешительный пафос Модерна («на земле остаются наши дела») выдохся, проект стал сбоить.

К началу XXI века стало ясно, что речь идет не об отдельных сбоях, а о неисправимых поломках самого проектного механизма.

Таково вкратце метафизическое исчерпание Модерна.

Описав его, перейдем к исчерпанию социальному.

В социальном плане Модерн держится на принципе раздробления традиционного общества. Дробя это традиционное коллективистское общество на атомы-индивидуумы, Модерн обретает высокую социальную динамику. Фактически речь идет о том, что традиционное общество бросается в топку локомотива под названием Модерн. До тех пор, пока есть традиционное общество, топка раскалена. В нее можно бросать все новые и новые порции этого общества. Но, когда ресурс традиционного общества обнуляется, топка остывает. А локомотив перестает двигаться.

Это хорошо видно на примере Запада и стран Азии, ставших на путь Модерна. В Азии – Индии, Китае, Вьетнаме – огромная часть населения все еще пребывает в состоянии Премодерна, то есть является почти неограниченным ресурсом для этой самой топки. Но ведь именно почти неограниченным. Раньше или позже ресурс для топки Модерна будет выработан полностью и в Азии, и во всем мире. Что делать дальше?

Те, кого не интересует подобная проблема будущего, могут повнимательнее присмотреться к настоящему. На Западе ресурс традиционного общества сведен к нулю. В топку Модерна бросать нечего. Разве что нелегальных мигрантов. В России ситуация та же самая. Что делает рассуждения о нашей модернизации особо трагикомическими. Разговора же о Модерне у нас вообще категорически избегают.

Соответственно, преимущество получают страны, где ресурс традиционного общества еще не выработан, но уже используется для топки проекта «Модерн». Такое социальное преимущество сразу же переходит в преимущество политэкономическое.

И тут обнаруживается, что Модерн исчерпал себя не только политически, метафизически и социально, но и политэкономически.

После краха СССР и возвращения мира в как бы гомогенный капитализм, в мир вместе с гомогенностью капитализма вернулся и закон неравномерности развития этого самого капитализма на его высшей – империалистической – стадии.

Старые капиталистические страны развиваются все медленнее. Молодые начинают их догонять. Старые пытаются сохранить лидирующие позиции с помощью войны. Классический тип такой войны – Первая мировая.

В этом смысле третья мировая должна быть похожа на Первую, а не на Вторую. Ибо Вторая развернулась в мире, лишенном капиталистической гомогенности, и потому являлась войной идей и проектов, а не войной экономических интересов.

Освободившись от войн идей и проектов – как горячих, так и холодных – мир вернулся к войнам экономических интересов. США должны остановить Китай, дабы сохранить лидирующие позиции. Отказаться от лидирующих позиций США не могут и не хотят.

Есть два способа остановить Китай. Мягкий, в котором удастся выстроить контрбаланс и подорвать внутреннюю стабильность Китая. И жесткий. Вряд ли мягкий работает. Но тогда будет использован жесткий. И мир очень быстро втянется в ядерную войну.

Институциональное истощение Модерна тоже достаточно очевидно. Модерн использует институт права в качестве своего гиперрегулятора. Что происходит в мире с международным правом? И что начинает происходить с правом, опирающимся на принцип национального суверенитета?

Далее истощение Модерна перекидывается на этот самый суверенитет. А значит, и на институт государства. Все говорят о кризисе национального государства. Но национальное государство – это одно из ключевых изобретений Модерна. Соответственно, кризис нации и государства ведет к окончательному истощению макросоциальных оснований Модерна.

Но столь же правомочно обсуждение микросоциального истощения. Человек Модерна, семья Модерна, коммуника-

тивные поля Модерна, культура Модерна – все это близко к окончательному исчерпанию.

Даже если Модерн и сохранится в Азии – толку-то? Сохранившись лишь в одном макрорегионе, Модерн потеряет свойства универсального, всечеловеческого проекта. И, как уже указывалось выше, Модерн в Азии всего лишь будет исчерпан чуть позже, чем в Европе. Поэтому ключевым на сегодняшний день является вопрос о том, что находится по ту сторону Модерна. Тем более что дышащий на ладан Модерн еще и подталкивается к окончательному обрушению своим создателем Западом. Знаменитая «Арабская весна» ясно и ярко свидетельствует об этом. И это всего лишь одно из свидетельств.

Видя, как Модерн исчерпывает себя, Запад лихорадочно пытается убить собственное дитя. Этим он лишает капитализм всяческой легитимности. Но, может быть, Запад (да и капитализм в целом) делают это во имя обретения новой легитимности? Может быть, у Запада (да и капитализма в целом) есть в загашнике какие-то альтернативы в том, что касается легитимности?

Обсуждая судьбу капитализма и содержание эпохи, мы не можем обойти стороной столь важный и столь острый вопрос.

Глава 16. Модерн и другие

Модель конфликта цивилизаций, вытасценная американскими неоконсерваторами в 2001 году в качестве альтернативы концу истории, потерпела крах вместе с избранием Барака Обамы. Фактически она потерпела крах еще раньше. Когда сами же неоконсерваторы стали обсуждать проект нового Большого Ближнего Востока и прочно вмонтированные в этот проект «вёсны» – как арабские, так и иные.

На смену этой модели пришла, причем всерьез и надолго, модель стратегического союза исламизма и США, исламизма и Запада. Эта модель уже материализована в конкретных альянсах: Запада и «Братьев-мусульман», Запада и талибов.

Исламизм, который американские неоконсерваторы объявили главным врагом, теперь становится чуть ли не лучшим

другом США. Якобы потому, что он отвечает волеизъявлению народов исламского мира.

Такое лукавое объяснение никого, конечно же, не удовлетворяет и не может удовлетворить. Но здесь нам важно не детальное рассмотрение заявленного сюжета, а выявление стратегического содержания, маркируемого этим сюжетом.

Для того чтобы это содержание выявить, надо понять, чем исламизм отличается от ислама – великой мировой религии, заслуживающей всяческого уважения.

Исламизм – это достаточно позднее изобретение. В этом смысле он принципиально отличается от фундаментализма. При том, что и фундаментализм является на самом деле в существенной степени исламским новоделом, а не исламской архаикой.

Архаика, а точнее невзятие барьера современности, – это Премодерн. Можно ли говорить об исламском Премодерне, пусть и с определенными оговорками? Конечно, можно. Часть исламского мира по разным причинам как объективного, так и волевого характера стережется Модерна и блюдет свою премодернистскую чистоту. Но это малая и не очень хорошо очерченная часть.

Гораздо шире распространено другое. Сознательный отказ элит мусульманских стран от Модерна, который уже стал обживать эти страны. Подобный отказ носит характер пресловутой консервативной революции. Сторонники такого отказа не чураются использования модернистских и даже постмодернистских политических технологий. Соединение таких технологий с отказом от Модерна и стремлением вернуть реальность к премодернистскому состоянию (конечно же, в подобной ситуации неорганичному) – это Контрмодерн.

Контрмодерн – такой же проработанный проект, как и Модерн. Можно смело утверждать, что Контрмодерн с глубоким внутренним удовлетворением следит за исчерпанием Модерна и содействует этому исчерпанию.

И в этом смысл стратегического, а не ситуационного альянса исламизма с Западом. Потому что Запад разрабаты-

вает для себя новый проект под названием «Постмодерн». То есть приспосабливается к очень специфической жизни на обломках рухнувшего Модерна.

Эта «жизнь после жизни» основана на глубочайшем презрении к сверхценностям Модерна, каковыми являются прогресс и гуманизм. Особо враждебен для постмодернизма гуманизм, воспевающий величие человека.

Постмодернизм, во-первых, ненавидит любое величие вообще. И, во-вторых, особо ненавидит человека. Для него человек – это «проект, который завершается».

Постмодернизм надеется поставить на место слишком для него жесткой конструкции под названием «человек» нечто предельно аморфное и текучее. То, что с полным правом можно назвать постчеловеком и постчеловечеством.

Постмодернизм презирает и ненавидит историю.

С особой силой постмодернизм ненавидит развитие. Идеалом постмодернизма (при том, что постмодернизм категорически отказывается от идеальности как таковой) можно считать управляемую деградацию, управляемое гниение.

Культура постмодернизма (а ведь именно культура формирует тип человека) пропитана духом смерти. Постмодернизм не скрывает это. Он открыто присягает Танатосу. А также духу всех и всяческих извращений.

Подробное описание постмодернизма как проекта (при том, что постмодернизм отрицает наряду с человеком и идеальностью любую проектность, любую подлинность, любую метафизичность) здесь явным образом неуместно.

Но аналитика капитала не может быть полноценной без выявления двух альтернатив проекту «Модерн» – проекта «Контрмодерн» и проекта «Постмодерн». А также связи между этими двумя альтернативными Модерну проектами.

Тут уместно указать на два типа связей.

Во-первых, на связь, создаваемую для ведения общей игры двумя очень разными игроками. Тут весьма показателен формирующийся союз США и исламизма. Ибо этот союз формируется для ведения общей игры.

И, во-вторых, на связь, создаваемую для построения

новой архитектуры мира. Пусть неокончательной архитектуры. Пусть всего лишь переходной архитектуры. Но все же архитектуры.

Какова же эта архитектура?

В 50–60-е годы XX века китайский лидер Мао Цзедун выдвинул далеко не бессмысленную модель. Ядром которой был мировой город. А периферией – мировая деревня.

В сооружаемой сейчас наспех переходной архитектуре Постмодерн хочет стать архитектурным ядром. То есть чем-то вроде мирового города. Контрмодерн же претендует на роль мировой деревни. Разделение ролей и сфер влияния, конечно же, носит неокончательный характер. Но сам принцип этого разделения способен решить массу задач, которые в рамках проекта «Модерн» категорически не могут быть решены.

Например, можно отказаться от всеобщего развития. А в каком-то смысле и от развития вообще. Контрмодерну развитие враждебно. «И это замечательно!» – считает его постмодернистский партнер. Ведь в этом случае не надо будет развивать всю периферию, делиться с нею драгоценными ресурсами, волноваться по поводу того, что эта периферия может стать более эффективной, чем ядро. И даже должна стать более эффективной.

Да и Постмодерн никоим образом не претендует на развитие как сверхценность. Если в мировом городе что-то и останется от развития, то это что-то будет всецело подчинено задаче удержания под контролем контрмодернистской периферии.

Итак, Модерн близок к исчерпанию. Он вдобавок стал не нужен правящему классу. И его хотят добить как можно быстрее. У него есть альтернатива в виде союза Постмодерна и Контрмодерна.

Можно ли считать, что игра уже сыграна и что вмешательство в игру фактически невозможно?

Нет. Поскольку, во-первых, силы Модерна хоть и близки к исчерпанию, но еще достаточно велики. И, во-вторых, этому зловещему переформатированию мира мешает существование России.

ЧАСТЬ 2. РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 1. Лишние люди

К чему на самом деле стремится «Трест „Даешь капитализм!“, разрушивший двадцать лет назад СССР и сформировавший новую реальность?»

Осознает ли этот Трест всю меру патологичности построенного им капитализма?

Готов ли он исправлять эту патологию, купировав хотя бы самые чудовищные процессы? Например, затянувшуюся оргию первоначального накопления капитала. То есть такого ограбления своего народа, при котором народ уже не может нести на своих плечах груз российской государственности.

Или же Трест сознательно наращивает эту патологичность, следуя зловещим ликвидационным целям?

А может быть, наращивание патологичности происходит само собой? В силу того, что Трест потерял управление, изжил окончательно за эти двадцать лет свои амбиции по построению в России нормального капитализма и полноценному вхождению страны в европейскую (или, как говорилось раньше, мировую) цивилизацию?

Не желая дополнительно сгущать и без того весьма прикрасные краски, рассмотрим предположение, что Трест (или наименее деструктивная часть его) все еще питает иллюзии по поводу превращения России в так называемую «нормальную капиталистическую страну, способную и в НАТО войти, и в ЕС»... И так далее.

Мы не утверждаем, что имеет место именно этот случай. Мы рассматриваем его в качестве наиболее благоприятного. Так вот, даже в этом случае – налицо тупик. Как тактический, так и стратегический. Тактический тупик порожден суммой нерешаемых или почти нерешаемых проблем, обнаруживаемых с помощью классического марксистского анализа.

Проблема №1. Выход из оргии первоначального накопления капитала.

Вглядываясь в происходящее предельно вдумчиво и благожелательно, отрицая пропагандистский подход и опираясь только на аналитические данные, мы с прискорбием вынуждены констатировать отсутствие каких-либо, даже мельчайших телодвижений, говорящих о том, что «Трест ДК» действительно намерен решить хотя бы эту проблему.

Да, с прискорбием. Потому что превращение нашего капитализма в нечто нормальное (то есть совместимое с жизнью страны) спасло бы Россию. А для нас Россия дороже, чем наши идеи и проекты.

Проблема №2, столь же принадлежащая сфере марксистской классики, как и проблема №1, – так называемое разделение труда.

Мировой рынок фантастически зарегулирован. Россия не сверхдержава, не СССР. Она по определению должна не диктовать правила, а выполнять их. Существующие правила – а они будут только ужесточаться – предписывают России очевиднейшую роль сырьевого придатка. А как иначе?

Россия не может вывести на мировой рынок гигантское количество дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Это могут сделать Китай, Индия, другие азиатские страны.

Россия не может стать одной из ключевых аграрных держав мира. Она может и должна снабжать себя продовольствием. Она может и должна продавать зерно и другие сельхозтовары, поелику это возможно. Но она не может быть стратегическим конкурентом специализирующихся на аграрном производстве стран первого мира, превративших сельскохозяйственное производство в производство высокотехнологическое. И – дотирующих его в огромных масштабах.

Не может она стать стратегическим конкурентом и ключевых сельскохозяйственных стран третьего мира. В которых существуют огромные армии очень дешевых и очень трудоспособных работников. И в которых можно снимать не один, а три урожая в год.

«Трест ДК» разрушил систему российской индустрии. Он утробил за эти двадцать лет не только нужных этой индустрии ученых и инженеров, но и рабочий класс. Созданный в Советском Союзе с огромным трудом и лишенный сейчас даже элементарного самовоспроизводства.

Постиндустриальные сценарии?

В условиях, когда ученые и инженеры получают меньше низкоквалифицированного рабочего? В условиях фантастического недофинансирования всей российской интеллосферы? Эта сфера разгромлена «Трестом ДК» еще более беспощадно, чем сфера индустрии. А также аграрная сфера, потерявшая за счет проекта «Треста ДК» 30 миллионов гектаров посевных площадей. Больше, чем в Великую Отечественную войну.

Итак, остается только роль сырьевого придатка. Постыдная и бесперспективная даже в условиях высоких цен на сырье. А если цены начнут падать? А ведь это более чем вероятно.

Но, даже в условиях высоких цен на сырье, на что обрекает Россию данный сырьевой, периферийный сценарий?

Признаем очевидное: производство сырья на экспорт требует не более 10 миллионов человек. Еще 20–30 миллионам будет отведена «почетная» роль разнообразного сервиса. Как административного и финансового, так и другого. А как же остальные? Ведь в России живет не 40, а 140 миллионов человек.

Экономисты высочайшей квалификации издают одно исследование за другим. И в один голос говорят о том, что сырьевой, периферийный сценарий, который мы сейчас рассматриваем, предписывает оставшимся 100 миллионам роль так называемых лишних людей.

Возможно, этих людей будут подкармливать при высоких доходах от экспорта сырья. А возможно – и нет. В последнем случае от них будут освобождаться как мягкими, так и иными способами. Их будут спаивать, накачивать наркотиками, ввергать в полузвериное состояние, проворачивать через мясорубки так называемых локальных конфликтов. И так далее.

Лишними в этом случае станут не только простые люди, но и так называемая интеллигенция. Она окажется не нужна в таком количестве даже для обслуживания периферийного капитализма. А иная роль для нее в этом сценарии не предусмотрена.

Но и проблема №1, и проблема №2, и другие проблемы сходного типа, прекрасно выявляемые классическим марксистским анализом, не являются самыми существенными, коль скоро и впрямь «Трест ДК» хочет и может привести наш патологический псевдокапитализм в сколь-нибудь удобоваримое состояние.

В этом случае суперпроблема – легитимация.

Пусть даже «Трест ДК» занят не ликвидацией России, не ее пожиранием и расчленением, а чем-то менее зловещим.

Пусть даже этот Трест предполагает какое-то сколь угодно скромное «онормализование» отечественного капитализма. Чем и как Трест намерен легитимировать свое бесконечно уродливое дитя? Вряд ли Трест предполагает какие-то сверхоригинальные способы подобной легитимации. Ведь он планирует не только построить капитализм, но и вписать Россию в так называемое мировое сообщество. Пусть даже и в качестве периферии оно.

Так вот, и периферия мирового сообщества, и его ядро всегда используют один и только один способ легитимации капитала – проект «Модерн». А значит, «Трест ДК» должен насаждать в России именно этот проект, не так ли?

Крайне робкие и крайне неуклюжие телодвижения нашего Треста, вдруг заговорившего о какой-то модернизации, не имеют ничего общего с реализацией в России сколь-нибудь полноценного проекта «Модерн».

Во-первых, никто, нигде и никогда не реализовывал проект «Модерн» теми методами, которые рекомендуют идеологи нашей модернизации.

Во-вторых, проект «Модерн» исчерпан.

В-третьих, в России, в отличие от могучих азиатских стран, нет традиционного общества, которое можно бросить в топку Модерна.

А в-четвертых... И вот тут мы переходим к самому главному.

Глава 2. Модерн – и историческая Россия

Политический процесс не приобретет искомого характера, если мы не скажем правду самим себе и другим. В том числе и тем, кто является нашими самыми непримиримыми противниками. Мы должны сказать ухмыляющимся десталинизаторам, десоветизаторам, антиимперцам и русофобам:

«Да, вы правы! Историческая Россия несовместима с Модерном.

Да, для того чтобы преодолеть эту фундаментальную несовместимость, нужно отказаться от всего: от русскости, от имперскости, от советскости. При этом нужно отказаться от всего сразу. Потому что и русскость, и имперскость, и советскость – это звенья одной цепи».

Признав эту правду – а это-то и бояться делать многие искренние российские патриоты, – нужно сделать следующий шаг. И ответить себе на вопрос, почему Россия не модернизируема. И почему она веками сопротивлялась модернизации – ей и только ей.

Ведь в итоге на модернизацию согласилась даже глубокая Азия, гораздо более далекая от западного центра модернизации, нежели Россия. Чья культура, конечно же, являясь христианской, является одновременно и западной.

Так почему же Россия не модернизируема? В отличие не только от Европы и США, но и от Китая и Индии?

Потому что у Европы и США есть органичная для них и разработанная до деталей парадигма развития – Модерн.

Европа и США поставили в мировой историософской игре именно на эту карту. Они невероятно много выиграли. И заплатили за этот выигрыш весьма высокую цену.

Европа и США выиграли потому, что в течение пяти последних веков (начиная примерно с 1500 года нашей эры и вплоть до конца XX века) Модерн был той парадигмой, в рамках которой развитие осуществлялось наиболее мощно и системно. Европа и США и развивались потому быстрее других и сумели лучше других легитимировать капитализм.

Ибо только проект «Модерн», как много раз уже говорилось, позволяет осуществить такую легитимацию.

Азия, в отличие от Европы и США, не обладает фундаментальным ноу-хау в вопросе о развитии. В этом вопросе Азия не претендует на свою собственную парадигмальность. В других вопросах у Азии есть такие претензии. Причем и глубокие, и убедительные. В вопросе же о парадигме развития Азия таких претензий лишена полностью. Поэтому она относительно легко заимствует Модерн как чужую парадигмальность. Она приспособливает Модерн к своей культуре, своему миропониманию. Приспособливает, но не впускает внутрь себя. Приспособливает – и добивается огромных успехов. Вначале тактических – в виде повышения качества жизни, роста экономической (а значит, и любой другой) мощи. Но это лишь первый шаг.

Наращивая свои успехи, Азия, конечно же, стремится вывести из игры векового западного конкурента. Сделав это, Азия будет по инерции развиваться до тех пор, пока в топку Модерна можно будет бросать остатки ее традиционного общества. А потом она застынет. Развитие прекратится. Лишенное его, человечество в каком-то смысле перестанет быть человечеством. Этот сценарий был бы единственным, если бы не Россия.

Ведь даже если Запад осмелится бросить вызов Азии и уничтожить ее до такой степени, чтобы она не могла соединить свои восточные возможности с западной парадигмой модернизации, это ничего, по сути, не изменит.

Осуществить что-то подобное можно только с помощью массивированной ядерной войны. Но предположим, что это удалось осуществить. Что дальше?

Запад не может длить Модерн по очень многим причинам. Модерн действительно близок к исчерпанию. Что же касается Запада, то, в отличие от Китая и Индии, он не может бросать в топку Модерна свое традиционное общество. Потому что это общество Запад уже давно использовал с подобной целью. И теперь ему бросать в топку нечего.

Итак, заимствование Азией западной парадигмы Модерна...

Огромные успехи Азии, достигнутые за счет такого заимствования...

Крах Запада как конкурента Азии...

Инерционное движение Азии в рамках позаимствованного ею западного Модерна...

И – остановка развития.

Повторяем, это было бы единственным сценарием, если бы не Россия. И это станет единственным сценарием, если Россия будет уничтожена.

Но почему Россия вообще, а в ее нынешнем состоянии тем более, может воспрепятствовать рассмотренному нами губительному сценарию? Или сценариям, если в качестве второго сценария рассматривать беспощадное уничтожение Азии Западом?

Потому что у России, в отличие от Азии, есть своя парадигма развития, качественно отличная от той парадигмы, которая именуется проектом «Модерн».

Дело не в том, что у России есть особый путь. О котором так любят говорить наши почвенники, избегая особых уточнений в вопросе о том, что стоит за словом «особый».

Дело в том, что Россия являлась и является – даже в ее нынешнем, крайне прискорбном состоянии – монопольным обладателем такого нематериального актива, как альтернативная Модерну парадигма развития.

Россия веками не хотела интегрироваться в Модерн. Но она веками же развивалась. Из этого логически проистекает не ее инаковость вообще, а ее способность сформулировать, а главное – реализовать немодернистский способ развития. Не отказаться от развития, подобно премодернистской Азии. Не скопировать развитие, подобно Азии, расплывавшейся с премодернизмом. А развиваться иначе. Причем фундаментально иначе.

До тех пор, пока Запад мог демонстрировать фантастические успехи Модерна, побуждая Азию скопировать Модерн, наш способ развития был своего рода пятиколесным велосипедом. И можно было нас спросить: «Изобрести-то вам подобное чудовище удалось... Только вот зачем?»

Порою «пятиколенный велосипед» оказывался очень эффективным средством передвижения. Это, безусловно, было так в советский период. Но и в досоветский удавалось, оставаясь в рамках своей парадигмы развития, достигнуть достаточно впечатляющих результатов.

Россия срослась со своей парадигмой развития не в меньшей степени, чем Запад со своим проектом «Модерн». Отдрать Россию от своей парадигмы можно только сменив ее культурное ядро, демонтировав ее культурную матрицу. То есть полностью изгнав из России русский дух, фундаментальную русскость.

Но если бы Модерн был окончательным историософским триумфатором, а наша парадигма развития окончательным же образом потеряла бы всю и всяческую эффективность, Россия оказалась бы перед трагической дилеммой: отказываться от развития, обрекая себя на уничтожение, или расплываться со всем, что казалось ценным и важным.

Но нет и в помине никакого историософского триумфа Модерна. Модерн агонизирует. Спасать его можно отчасти только для того, чтобы продлить эту агонию и успеть привести человечество на иные рельсы истории. Альтернатива – отказ от истории вообще, грозящий чудовищными последствиями.

Если Модерн агонизирует, то ноу-хау России в том, что касается развития, является бесценным для каждого, кому дорого человечество. И кто не хочет, чтобы оно бесславно закончило свой путь, согласившись на неразвитие. Хотя в азиатском его варианте, хотя в западном.

Да, Россию соблазнили на отказ от этого ноу-хау, внушив ей, что это никому не нужный «пятиколенный велосипед».

Да, оказавшись в ловушке этого соблазна, Россия обречла себя на саморазрушение. Но ее отказ не является окончательным и бесповоротным. Она еще не разрушила себя до конца.

Ей всего лишь нужно опять начать двигаться вперед, используя изобретенное ею средство передвижения.

Нужно научиться опять использовать это средство.

Нужно научиться любить это средство, понимать, сколь оно важно с точки зрения исторической судьбы человечества.

Нужно научиться вновь любить и уважать себя как создателя подобного средства.

Отрекшись от отречения, Россия спасет себя и мир. Она спасет человечество как сущность, неотделимую от развития.

Упорствуя в отречении, осуществленном двадцатилетием ранее, Россия окончательно погубит себя. Она окажется не только страной, в которой 100 миллионов граждан являются лишними людьми. Она окажется фундаментально лишней страной. Страной, которой нет места в новой миропроектной конфигурации. Той конфигурации, которая неминуемо возникнет, если России не отречется от отречения.

Глава 3. Новая конфигурация – и Россия

Азия не хочет отказываться от Модерна. Она понимает, что использование этого чуждого ей, но очень удобного для нее средства передвижения породит всемирно-историческую победу Азии. После которой можно будет и отказаться от чуждого средства передвижения.

Запад вообще и США прежде всего не могут согласиться на что-либо подобное. Запад понимает, что избежать азиатского триумфа можно двумя способами.

Простой способ предполагает буквальное уничтожение Азии. Коль скоро Запад решится на это, ему придется не только разрушить производительные силы крупнейших восходящих государств Азии. Ему придется еще и истребить большую часть населения таких государств. То есть никак не менее миллиарда человек. А на самом деле гораздо больше.

Нельзя сказать, что Запад к этому не готов. Запад готов любыми средствами бороться против триумфа Азии. И все же простой способ сопряжен с серьезнейшими издержками.

Запад понимает, что уничтожить Азию, не уничтожив самого себя, очень трудно. И потому делает ставку на сложный способ избегания азиатского триумфа. Приберегая простой способ на крайний случай. Каков же этот сложный способ?

Сложный способ предполагает изменение миропроектной конфигурации.

Проект «Модерн» перестает быть магистральным для человечества. В игру вводится, прежде всего, проект «Контрмодерн». Для начала запускается его так называемая исламистская версия (еще раз настоятельно просим не путать ее с исламом). Одновременно в игру вводится и проект «Постмодерн».

Сутью Контрмодерна является сознательный отказ от развития вообще. Даже от функционального технического развития. Идеалом объявляется Новое Средневековье. Возвращение к Премодерну? Никоим образом.

В Премодерне существовало все то, что здесь должно быть отменено. Все то, что позволило создать Модерн. Прежде всего, своя (небуржуазная, но очень накаленная) воля к прогрессу и гуманизму. Эта воля взращивалась премодернистским Западом в лоне определенных и определенным образом эволюционирующих религиозных идей. Именно логика подобной эволюции и привела к светской метафизике Модерна. Метафизике прогресса и гуманизма.

Контрмодерн все это отрицает. Он изымает из Средневековья его потенциал развития и человеколюбия. Утвердить нечто подобное можно только одним способом – побудив определенные сообщества к регрессу.

Советская «перестройка», а также начавшаяся сейчас российская «перестройка-2» – это и есть такие побуждения к регрессу. Хотел ли «Трест ДК» строить в России капитализм или же он имел гораздо более далеко идущие мрачные планы?.. В любом случае то, что «Трест ДК» совершил, породило регресс и не могло не породить его.

Изменение миропроектной конфигурации предполагает осуществление подобной же побудительной регрессивности в гораздо большем объеме. Недаром президент США Барак Обама назвал «Арабскую весну» (то есть побуждение исламского мира к регрессу и архаизации) вторым падением Берлинской стены. Первое падение Берлинской стены знаменовало собой регресс на территории Северной Евразии.

Второе падение Берлинской стены знаменует собой регресс на территории огромного, сопряженного с нами региона, где протекают опаснейшие процессы.

Потом «берлинские стены» начнут падать одна за другой. Открывая тем или иным регионам дорогу в регресс.

Этот регресс не обязательно должен носить исламистский характер. Но именно исламизм обладает влиянием на огромные массы и носит достаточно накаленно-регрессивный характер. Поэтому ему отведена роль своеобразного локомотива регресса, локомотива архаизации со всеми вытекающими отсюда последствиями для России.

Продолжение процессов регресса и архаизации на нашей территории плюс стратегическое партнерство США и исламизма на ниве нового контрмодернистского Средневековья... Неужели непонятно, что одно это не оставляет для России вообще никаких шансов? Россия не может быть конкурентом исламизму во всем, что касается контрмодернистских действий. Она теряет себя как носителя спасительной парадигмы развития. Она уже оказалась нежизнеспособной в Модерне. Еще быстрее обнаружится ее нежизнеспособность в Контрмодерне. Нежизнеспособность – да и нелюбимая.

Образуются ли в этом случае на месте России исламистский халифат или мозаика архаизированных государств... Будет ли исламистский контрмодернистский халифат воевать с Китаем, или модернистский Китай начнет выхватывать нужные ему кусочки архаизированной мозаики... Так ли это важно, если в любом случае Россия перестанет существовать?

Но России нет места и в Постмодерне. Это чужой и чуждый проект. Разрешение на присоединение к которому находится в чужих и чуждых руках. Это проект, конкурирующий с Контрмодерном по степени мерзостности. Причем мерзостности, никак не совместимой с тем, что составляет суть России как исторической личности.

И наконец, это проект, совершенно несовместимый с территориальной целостностью России.

Модерн в России? Но Модерн, как мы убедились, близок к исчерпанию. Кроме того, у России нет возможности использо-

вать для модернизации ресурс под названием «традиционное общество». Нет у России, в отличие от Азии, этого ресурса. А на нет и суда нет.

И наконец, Россия гораздо сильнее, чем Азия, сопротивляется классическому Модерну как чему-то чуждому и опасному. Она сопротивляется ему каждой клеточкой своего историко-культурного тела.

Россия понимает если не умом, то сердцем, сколь важна для нее и для мира парадигма развития, резко отличающаяся от той, которую предлагает Модерн. Навязать ей Модерн можно только осуществив неслыханное насилие – духовное, культурное, политическое. Раньше, чем это насилие породит Модерн, оно убьет Россию. А вместе с ней и хранимую Россией парадигму развития, бесконечно важную именно сейчас, когда Модерн исчерпал себя.

Итак, Модерн уничтожает Россию.

Но и новая миропроектная конфигурация, предлагаемая капиталом, неспособным далее предъявлять Модерн в качестве источника своей легитимности, тоже уничтожает Россию.

В чем же выход?

В том, чтобы Россия в полной мере осознала себя в качестве единственного носителя парадигмы развития, которая качественно отличается от парадигмы, предлагаемой Модерном. Парадигмы, которой исчерпание Модерна придает особое всемирно-историческое значение. Что же это за парадигма?

Глава 4. Альтернативный Запад

Что препятствует четкому рельефному осознанию природы и содержания того трагического парадигмального дара, которым историческая судьба наделила Россию?

Дара, от которого она отреклась двадцать лет назад. Дара, который сейчас имеет неслыханное значение для человечества.

Осознанию природы и содержания этого дара мешает затянувшийся конфликт западников и почвенников. Конфликт историсофский и политический. Конфликт, тянущийся через

столетия. Конфликт, сформировавший стереотипы понимания нашей исторической судьбы.

Эти стереотипы всегда мешали нашему окончательному историософскому самопониманию и самоопределению. Но сейчас они опасны и вредны более чем когда бы то ни было.

Западники убеждены в том, что есть один-единственный Запад, являющийся абсолютным благом, которому Россия никак не может причаститься.

Почвенники убеждены, что Запад – это абсолютное зло, от которого Россия должна держаться как можно дальше.

При этом никогда не давалось позитивного ответа на вопрос о том, чем именно является Россия, коль скоро она не является Западом.

Почвенническая мысль в целом сводилась к тому, что Россия не Запад. Но что же она такое? У почвенников ответа на этот вопрос не было. И ясно, почему. Будучи людьми бесконечно тонкими и умными, почвенники не могли не понимать, что Россия никак не может быть Востоком, Азией. Разница между Россией и Китаем и Индией была слишком разительна.

В конце концов, речь шла об общей у России и Запада христианской самоидентификации. Непримируемая война двух ветвей христианства: католицизма и православия – не могла помешать осознанию того факта, что речь идет всего лишь о непримиримой войне двух ветвей одного и того же христианства.

Итак, для почвенников Россия не Запад, но и не Восток. Что же тогда?

Историософия не может удовлетвориться той эклектикой, которую предлагает ей столь уважаемая наука, как геополитика. Геополитику все ясно. Раз Россия не Запад (то есть не Европа) и не Восток (то есть не Азия), то она гибрид – то есть Евразия. С геополитической точки зрения, Россия, конечно, именно такова. Ну и что? Даже с политической точки зрения подобный разговор ущербен, поскольку есть и «либеральная Евразия» Андрея Сахарова, и несколько «консервативных Евразий». Что уж говорить об историософии?

Евразийцы остро переживали свою историософскую недостаточность. И не знали, чем и как ее компенсировать.

Может быть, назвать Россию мостом между Востоком и Западом? Но если подобные определения и имели определенное содержание в XVIII и XIX веках, то уже к концу XX-го это содержание полностью испарилось. Что уж говорить о втором десятилетии XXI века? Тут стало окончательно ясно, что Востоку (например, Китаю) не нужен никакой особенный мост для того, чтобы строить отношения с Западом. И каково тогда место России в мире?

Размышляя по этому поводу, Владимир Соловьев написал следующее:

*Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Как мы видим, необходимость определения историософской сущности своего Отечества порождает расщепление понятий, с помощью которых можно дать такое определение. Понятие «Восток» расщепляется. Появляются два очень разных Востока. Но жизнь понятий, как ее ни назови: диалектикой или как-то иначе, – имеет свои законы. Согласно этим законам, коль скоро понятие «Восток» расщепилось, породив два Востока, должно расщепиться и понятие «Запад», породив два Запада.

Существование двух Западов вытекает не только из подобной диалектики понятий, которая, в конце концов, абстрактна и умозрительна. О существовании двух Западов говорит нам и история. Два Запада существуют с древнейших пор.

Они воспеты еще Гомером в «Илиаде». Ибо война между Троей и ахейцами – это и есть война одного Запада с другим. Причем война непримиримая. В каком-то смысле метафизическая. Иначе и не воспел бы ее Гомер. А если бы даже и воспел, то не оставил бы столь глубокого следа на тысячелетия.

Другой, уже не греческий, а римский поэт, Вергилий, оставивший столь же глубокий исторический, философский и художественный след, возводит род Энея, то есть Рим, к

Криту. Соответственно, война между ахейцами и Троей предстает войной между крито-минойской и крито-микенской цивилизациями.

Мы говорим здесь даже не об исторических фактах, которые по-разному трактуются в разные эпохи, а о делящихся во времени идентификациях. О культурных нитях, тянущихся в лабиринте историософии.

Нить, сотканная Вергилием в его «Энеиде», тянется через эпохи, как и нить, сотканная Гомером. На этих поэмах формируются идентичности. Поэмы эти учат наизусть в лицах и гимназиях. И потому задаваемые ими социокультурные модели намного важнее археологических раскопок и исторических манускриптов.

Древний Рим очень много взял из Греции. Но он всегда ощущал ее в качестве своей враждебной альтернативы. Срывая непокорные греческие города, римские воины писали на табличках «месть за Троию».

Империя Цезаря и империя Александра Македонского – это два разных Запада.

Константин Великий, покидая Рим, стремился построить новую восточную столицу в Трое. И лишь потом выбрал Константинополь.

Византийцы называли себя ромеями и при этом прекрасно понимали, что они являются альтернативой Риму, а не его повторением.

Эту тянущуюся из глубины веков альтернативность Византия передала Москве.

Дело тут вовсе не в Третьем Риме. А в том, что, приняв дар этой альтернативности, Россия окончательно оформила себя в качестве второго Запада. Альтернативного тому классическому, который связал свою судьбу не с Грецией, а с Римом.

А теперь рассмотрим внимательно в контуры той альтернативной парадигмы развития, которая одна лишь и противостоит Модерну, оставаясь именно парадигмой развития.

Модерн, дробя традиционное общество, бросает его в топку и движется вперед, формируя общество индивидуумов. Общество атомизированное и лишь потому регулируемое

созданными Модерном институтами. Институтом права, который является для Модерна социальным суперрегулятором. Политическими институтами и так далее.

Россия после Петра уже не может использовать регуляторы Премодерна, эффективные лишь в случае, когда общество остается традиционным. Петр слишком сильно разорвал с традицией. Но Россия не признает право в виде суперрегулятора, а значит, не переходит на территорию Модерна. И при этом Россия развивается, причем стремительно.

Что же является суперрегулятором, позволяющим России сформировать быстро развивающееся немодернистское общество?

Анализ показывает, что таким регулятором является культура. Которая в России играет совсем иную роль, чем на Западе. На Западе никто не будет говорить, что театр – это кафедра. Никто не будет воспринимать даже самых гениальных писателей как пророков. И моральных (а в чем-то даже религиозных) учителей.

Между тем так Россия отнеслась и к Толстому, и к Достоевскому.

Итак, Россия сохраняет коллективизм, обеспечивая развитие. А Модерн, как западный вариант развития, опирается на разрушение коллективизма.

Россия создает в советский период уникальный индустриальный и даже постиндустриальный коллективизм.

Одного этого достаточно, чтобы подтвердить принципиальную несхожесть Модерна и российского варианта развития.

Но ведь есть и многое другое. Россия не принимает той концепции светской безутешительности, на которой основан Модерн. Она все время ищет именно светскую или квазисветскую утешительность (то есть внерелигиозный шанс обретения бессмертия). Об этом говорит и «Общее дело» Федорова, и философия космизма, и большевистское богостроительство. Тут важны не исторически преходящие частности, а воля России к нахождению светской утешительности.

И вновь альтернативная парадигма развития.

Жанр документа не позволяет нам подробно описать все уровни подобной альтернативности. Приведенных доказательств достаточно для того, чтобы признать факт ее наличия. А нам здесь достаточно только этого признания. Ибо пора переходить к анализу политических и именно политических последствий, вытекающих из данного фундаментального факта.

Россия приняла большевизм. С одной стороны, как западное марксистское учение. А с другой, – как нечто свое, глубоко народное. Но, приняв западное марксистское учение, Россия приняла не капитализм, не Модерн как способ легитимации капитализма, а нечто альтернативное. Мы вновь видим верность России фундаментальному принципу альтернативного Запада.

Может быть, поэтому Запад ненавидит Россию гораздо более яростно, чем он ненавидит Восток. Так ненавидят близкое и иное. Так ненавидят историософского конкурента. Ибо полноценная историософская конкуренция может иметь место только в случае, если у конкурентов есть альтернативные парадигмы развития.

А теперь задумаемся в полученный нами политический результат.

Если Модерн был способом легитимации капитализма и если Россия веками (и до большевиков, и при них) была носителем альтернативной Модерну идеи развития, то как Россия могла легитимировать свой капитализм? Ведь это потребовало бы для нее перехода на территорию Модерна, не правда ли?

Россия, оставаясь собой, храня свое великое предназначение, свой дар судьбы, не могла не отвергнуть капитализм. Маркс был западником и антикапиталистом. Ревнителем развития – и противником Модерна. Потому он и оказался яростно принят именно Россией. Яростно принят и глубочайше переосмыслен. Из того, что предлагала ей историческая судьба, Россия могла принять только марксизм. Она его и приняла, переиначив на собственный лад. Есть органическое для России двуединство большевизмов: западнического, марксистского –

и своего, народного. Без этого двуединства большевики не могли бы даже выиграть Гражданскую войну. А уж тем более построить новое великое государство.

Вот что мы потеряли в 1991 году. Не одну из возможных форм государственности мы потеряли тогда. А свою историческую судьбу.

Вот что мы утратили. И вот что должны обрести. Как мы можем это не обрести, если наш капитализм оказался ходячей патологией? Если мы не можем принять Модерн, не расплевавшись с исторической судьбой и собственной идентичностью? Если Модерн исчерпан и сдан в утиль капиталистическим Западом, который взрастил для себя подобную легитимность? Если у нас нет основополагающих азиатских условий продления агонии Модерна? Если мы не хотим продлевать агонию, а хотим обрести новую жизнь?

Капитализм полностью потерял легитимность. Он либо ускоренно превратится в фашизм, либо покорно сойдет с исторической сцены. Скорее всего, он с нее покорно не сойдет. Капитализм сооружает новые миропроектные комбинации уже за пределами собственной легитимности. И за пределами капитализма как такового. Но эти комбинации так же несовместимы с жизнью России, как и переход на территорию агонизирующего Модерна.

Так как же можно спасти Россию, а вместе с нею и идею развития, а значит – все на свете? Гуманизм... Человека как такого...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ОТРЕЧЕНИЯ

Приняв капитализм, а значит, и Модерн, Россия отреклась от себя. Теперь ей надо отречься от своего отречения. То есть от Модерна и капитализма. Соответственно, она должна обрести новую жизнь уже по ту сторону капитализма.

Это не вкусовщина, не волюнтаризм, не маниловщина, не утопические мечтания. Это единственный шанс России и человечества. Если, конечно, человечество не хочет погрузиться в пучину контр- и постмодернистских игр.

Первый проект – агонизирующий Модерн...

Второй и третий проекты – Постмодерн и Контрмодерн, зловещая суть которых усиливается созданием пост- и контрмодернистской миропроектной конфигурации.

Если Россия не может и не должна найти себя во всем этом, ей нужен Четвертый проект.

В основе этого проекта – альтернативная парадигма развития, которая пронесена Россией через века и которая в условиях агонии Модерна одна лишь только и может спасти идею развития. А значит, человека и человечество.

Прямые повторы малопродуктивны с исторической точки зрения. И все же не составляет труда увидеть, что коммунизм – осмеянный и оболганный – не случайная глупость, занесенная чужаками на попанную российскую почву. Он-то как раз глубоко созвучен русской судьбе. Он отвечает высшему принципу этой судьбы, каковым, конечно же, является именно альтернативная парадигма развития.

Россия отреклась от коммунизма очень не вовремя.

Россия присягнула капитализму очень не вовремя.

Что ж, даже в самых страшных ошибках есть какой-то нам иногда до конца не видимый исторический смысл. Зачем-то это произошло. Зачем же? Не затем ли, чтобы Россия, испив горькую чашу и оказавшись над бездной, осознала глубину всего того, от чего отреклась когда-то? И смогла найти в себе силы... нет, не для прямого возврата в прошлое. А для глубочайшего переосмысления этого прошлого.

Нам и миру нужен сейчас не римейк на красную тему. Нам нужен Четвертый проект, который вобрал бы в себя все лучшее из растоптанного советского прошлого. Который одновременно с этим учел бы некую, лишь сейчас проявленную произошедшей трагедией, великую и загадочную традицию. Не для того ли произошла трагедия, чтобы традиция была проявлена до конца?

Четвертый проект, вобрав в себя все лучшее от коммунизма, который Россия исторически пережила, воскресит все то, что исторический коммунизм не доделал, не доосмыслил, отбросил.

Исторический коммунизм отбросил метафизику, высший принцип светского утешения. Мы восстановим этот принцип в своих правах.

Исторический коммунизм отбросил необходимость бороться за нового человека и новый гуманизм. Мы вернем это в новый проект и новую жизнь.

Исторический коммунизм совершил онтологическую и одновременно психологическую ошибку. Он не сумел победно, радикально противопоставить принцип жизненной полноценности (того, что Эрих Фромм назвал словом «быть») – принципу отчужденности (названному Фроммом словом «иметь»). Мы исправим эту ошибку.

Исторический коммунизм вообще не сумел построить мост между частным принципом эксплуатации и общим принципом отчуждения. Мы построим этот мост.

Исторический коммунизм остановился, решив индустриальные задачи, у того барьера, за которым наука становится полноценной производительной силой. Со всеми вытекающими из этого политэкономическими и политическими последствиями. Мы возьмем этот барьер.

Мы признаем, что место интеллигенции как прослойки занимает когнитариат как класс, обладающий в XXI веке всеми правами, вытекающими из того, что наука стала полноценной производительной силой.

Мы понимаем, что этот класс разгромлен в последнее двадцатилетие. Что ж, тем самым именно он в России стал наиболее гонимым, наиболее эксплуатируемым. Мы соберем осколки разгромленного класса. Мы достроим этот класс и обопремся на него.

Четвертый проект не только историческая необходимость. Не только единственный способ спасения человечества от гибели. Он еще и способ легитимации власти.

Модерн легитимировал власть капитала. Четвертый проект легитимирует власть российского когнитариата. Разгромленного и униженного, но не уничтоженного.

Мы понимаем, сколь чудовищно сложна поставленная перед нами задача.

Мы понимаем, сколь труден путь, ведущий к ее решению.

Но мы понимаем и другое. Что никаких других вариантов спасти Россию нет. Что гибель России станет еще и гибелью человечества.

Внутри абсолютной безвыходности, порожденной чудовищным поражением нашей страны, мы нашли маленький просвет. Мы увидели, что из тупика выйти можно. А значит, и нужно.

Мы лишь нащупываем пути этого выхода. Но там, где раньше мы видели лишь абсолютную безысходность, – луч света, бьющий сквозь узкую щель. Свет этот – из нашего посткапиталистического будущего. Построив которое мы искупим случившееся двадцать лет назад. Мы вернем утраченное и обретем большее.

Мы еще не прозрели до конца. Но мы уже не слепы. И не беспомощны. Мы хотим прозреть сами – и помочь прозреть другим. Мы собираем всех, кто стремится к тому же самому. Мы преодолеваем дух поражения в себе и других.

У нас есть шанс на победу. И мы должны его использовать до конца. Это наш долг перед живыми и мертвыми.

Хвалы́нск

14 августа 2011 года

Содержание

Выпуск №21.....	5
Выпуск №22.....	37
Выпуск №23.....	67
Выпуск №24.....	97
Выпуск №25.....	125
Выпуск №26.....	165
Выпуск №27.....	219
Выпуск №28.....	241
Выпуск №29.....	263
Выпуск №30.....	287

КУРГИНЯН
Сергей Ервандович

СУТЬ ВРЕМЕНИ
в 4-х томах

Том 3

Научный редактор – Ю. Бялый
Художественное оформление – Д. Муллагалиев

Подписано в печать 11.05.2012 Формат 84x108 1/32

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Гарнитура «Миньон».

Объем 20 печ.л. Тираж 1500 экз. Заказ №

МОФ «ЭТЦ», 123001, г. Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева, 15